

Министерство культуры Республики Беларусь
Учреждение образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств»

О. М. СОКОЛОВА

МИНСКИЙ ТЕКСТ

ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ
СТОЛИЧНОГО ГОРОДА
В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОМЕЖЬЯ

Минск • БГУКИ • 2017

УДК 930.85(476-25):[008:003]
ББК 71.3(4Бей-2Мин)+71.05
С 594

Рецензенты:

А. А. Павильч, доктор культурологии, профессор;
А. Э. Саликов, кандидат культурологии, доцент

*Рекомендовано к изданию научно-техническим советом
Белорусского государственного университета культуры и искусств
(протокол № 13 от 26.06.2017 г.)*

Соколова, О. М.

С 594 Минский текст: проблематика культурной памяти
столичного города в условиях цивилизационного помежья /
О. М. Соколова ; М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос.
ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2017. – 417 с.
ISBN 978-985-522-183-9.

Минский текст исследуется как пространство символов и знаков, через прочтение которых происходит трансляция, интерпретация и циркуляция культурных смыслов – формирование фактора консолидации нации, национально-государственной идентичности. Пространственное расположение на цивилизационном помежье (Восток – Запад) – основополагающий для белорусской культуры концепт, который выявляется в произведениях материальной и нематериальной культуры. Минский текст представляется не как единственное и окончательное авторское видение, но предлагается читателям для индивидуального прочтения и открытия для себя нового, своего Минска, известного истории с 1067 г.

Издание дополнено цветными иллюстрациями, которые документируют монографию, придавая ей свойства визуальной энциклопедии главного города белорусского государства.

Для специалистов-культурологов, а также круга читателей, интересующихся историей, краеведением.

**УДК 930.85(476-25):[008:003]
ББК 71.3(4Бей-2Мин)+71.05**

ISBN 978-985-522-183-9

© Соколова О. М., 2017
© Оформление. Учреждение образования
«Белорусский государственный
университет культуры и искусств», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
1.1. Аналитический обзор литературы	15
1.2. Методология исследования	55
ГЛАВА 2. МИНСК (МЕНСК) – ТОПОС НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	
2.1. Имя города, или «Сущность есть имя...»	61
2.2. Герменевтика ключевых имен минского текста	73
ГЛАВА 3. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ	
3.1. Семиотика городского пространства	115
3.1.1. Образное поле Минска	115
3.1.2. Официальные символы города	121
3.1.3. Семиосфера современного столичного города	126
3.1.4. Семиотика архитектурного пространства	143
3.1.5. Минские символы в художественных практиках	166
3.2. Культуроним Минска в произведениях художественной культуры	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	206

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	261
--	------------

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Минский текст: опыт словарного описания («Беларуская хатка»)	289
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Урбанонимы Минска периода немецкой оккупации (1941–1944): опыт картографического исследования	304
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Изменение семантики некоторых минских храмов	319
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Корпус художественных произведений, составляющих минский текст	333
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Иллюстративный материал	378
-------------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к исследованию городских текстов обусловлен актуальностью концептуализации городского пространства как текста культуры. Портрет города (в нашем исследовании столичного Минска), его судьба, роль в бытии белорусского общества определяют знаковость минского текста для национальной культуры. Внимание к метафизике города и культурной семантике городских культурных объектов объясняется значением столицы в смысловом, духовном пространстве Беларуси. Изучение специфики семиотического пространства Минска, заполненного различными по природе символами и знаками, благодаря которым происходят трансляция, осовременивание и циркуляция культурных смыслов, коммуникация в пространстве и времени, является важным фактором формирования культурного основания консолидации общества, самоутверждения и развития нации, сохранения национально-государственной идентичности как первостепенной задачи в современных условиях глобализации. Ее значимость отражена в документах международных организаций – Декларации о принципах и рекомендациях по сохранению духа места путем охраны материального и нематериального наследия, принятой ИКОМОС (Международным советом по сохранению памятников и достопримечательных мест) в 2008 г., и разработанных членами CIVVIN (Комитет по историческим городам и сельским поселениям ИКОМОС) «Принципах Валлетты» (2011). Согласно «Принципам Валлетты», исторические города являются пространственными структурами, неотделимыми от природного контекста, выражающими эволюцию общества, его культурную идентичность.

Сохранение уникальности исторических мест Минска закреплено в белорусском законодательстве – Концепции реконструкции, развития и функционального использования объектов недвижимого имущества и территории исторического центра г. Минска, Стратегическом плане устойчивого развития Минска. Соответствующее внимание сохранению историко-культурного наследия уделено в генеральном плане города Минска.

Исследование специфики семиотического пространства Минска как текста культуры открывает перспективы комплексного осмысления культурного контекста социума, определения технологических подходов к воздействию на происходящие в нем культурные процессы.

Существует более 250 определений текста. Ученые-лингвисты пришли к выводу, что как «понятие “текст” принципиально неопределим» [593, р. 136] и может быть отнесен к «терминам движения», которые «никогда не могут претендовать на какую-либо окончательность» [345, с. 44]. В. П. Москвин полагает, что этому способствует «не только неотделенность данного понятия от... указанных категорий, но и неясность категориального статуса признаков текста, относимых к разряду критериев текстуальности» [349, с. 38–39]. Анализируя понятие текста и критерии текстуальности, ученый применяет апофатический метод, аргументированно доказывая, что общепринятые критерии, такие как: письменная форма, завершенность, протяженность, связность (когерентность и когезия), наличие заголовка, информативность, принадлежность к определенному стилю и согласованность содержания с формой (стилем), стереотипность, наличие интертекстуальных связей и речевого замысла (коммуникативной функции), генетической и актуальной конситуативности, – дискуссионны и применимы только к идеальному тексту. Для нашего исследования основополагающей является трактовка понятия текста как культурологической категории, данная Ю. М. Лотманом: «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [290, с. 132]. Такое определение дает возможность рассмотрения многообразия отношений текста и культуры.

Термин «текст культуры», широко применяемый в гуманитарных науках, также отличается разнообразием трактовок, обусловленных разнообразием научных подходов к его анализу. Обозначая дискурс текста культуры, выделяют семиотический подход М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, лингвистические теории Ф. де Соссюра, Ч. С. Пирса, феноменологию Э. Гуссерля, Э. Левинаса и М. Мерло-Понти, герменевтику Ф. Шлейермахера, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра, структурализм М. Фуко, Ж. Лакана, К. Леви-Стросса, У. Эко, Л. Гольдмана, постструктурализм Р. Барта и Ж. Дерриды. В рамках структурно-семиотического подхода текст культуры – это текст-конструкт, «картина мира данной культуры» [285, с. 392].

Осмысление города как текста, «потенциально расшифровываемой конstellляции знаков и символов», по мнению исследователя городской среды Д. Фрисби, началось в литературе с XIX в. [588, р. 15]. В научную практику в XX в. введены понятия «петербургский текст» (исследования Н. П. Анциферова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова и др.), «московский текст» (Е. Е. Левкиевская, Н. В. Корниенко), «пермский текст» (В. В. Абашев). Урбанистическая тема в основном разрабатывается на основе рассмотрения художественных текстов (например, исследование Л. С. Прохоровой посвящено «лондонскому тексту» русской литературы, «венецианский текст» и «крымский текст» исследуют соответственно Н. Е. Меднис, А. П. Люсый, «пражский текст» в чешской литературе анализирует А. Е. Бобраков-Тимошкин и т. д.). Несомненно, произведения литературы влияют на восприятие действительности, создавая миф о месте, однако для культурологического исследования городской текст – это культурное пространство города в целом, а не только совокупность литературных произведений. Согласно Ю. М. Лотману, город «представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням...»: «архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [283, с. 325].

Исследователи отмечают, что, несмотря на разнообразие изысканий, понятие «городской текст» до сих пор не разработано,

выбор определяется методологической моделью исследователя, авторским восприятием городского пространства: «Городской текст – это комплекс образов (концептов), мотивов, сюжетов, который воплощает авторскую модель городского бытия – как в общих, так и в частных его проявлениях» [544, с. 5].

Осмысление города как текста предполагает наличие в нем таких элементов, как язык и читатель. По словам В. Н. Топорова, город «имеет свой “язык”». Он говорит с нами своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте» [486, с. 42]. Читатели города Н. П. Анциферов, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Г. Зиммель (Рим. Флоренция. Венеция), В. Беньямин (Берлинские хроники) и др. каждый отдельный городской организм рассматривают как индивидуальность, обращая внимание прежде всего на символическую организацию городского пространства. Символ и миф – структурные элементы текста культуры. Городские символы играют роль смысловых центров, выполняя мифотворческую и хронотопическую функции. В городской мифологии представлена совокупность всех культурных представлений о городе и личностях, отраженных в фольклоре, легендах, преданиях, истории города.

Для философско-культурологического чтения текста города важным является также и то, что город – это отображение сознания человека. Можно говорить о разных способах мышления о городе. Интерпретация городского текста, как и любого другого текста культуры, происходит по законам построения лингвистического текста: отсюда применение терминологии. Так, социолог В. Вахштайн под грамматикой городского пространства понимает разные типы мышления о его структуре и устройстве [91]. Ученый выделяет урбанистический и социологический подходы, обозначая различия между взглядами на город. Для социолога важно, как организовано городское пространство с точки зрения комфорта и взаимодействия людей – взгляд изнутри («город внутри»). Для урбаниста характерен взгляд сверху («город сверху»), когда во главе находится символ, идея, что отчасти роднит урбанистический подход с культурологическим.

Однако разница в том, что культурология изучает ценностно-смысловое наполнение символов, потенциал объектов культуры и их изменение как важных элементов культурной памяти, как посланий будущим поколениям. В. Вахштайн иллюстрирует умозаключение ярким примером города Бразилиа, спроектированного в виде птицы (или самолета), символизирующей биение сердца новой свободной нации. Структуру города определяют две оси – монументальная и дорожная. Этот город – столица Бразилии с 1960 г. – был построен за пять лет и отличается высокой символическостью архитектурных сооружений: на площади Трех Властей расположены Национальный Конгресс, Дворец Планалту (рабочая резиденция президента страны) и Верховный Федеральный Суд – стеклянные здания символизируют прозрачность государственной власти и открыты для общественного посещения; кафедральный собор напоминает руки, сложенные в молитве, и т. д.

В. Вахштайн приходит к выводу, что современные города опираются на большие утопические проекты. Эту мысль поддерживает минский архитектор и художник А. Клинов, представляя концепцию Минска как Города Солнца, некогда придуманного Т. Кампанеллой.

В XX в. при проектировании городов используется классическая утопическая модель хорошо просматриваемого, представительного, значимого города. Так, широкие улицы Минска (проспекты Независимости, Победителей, Партизанский, Жукова, Дзержинского), монументальные дворцы (бывшее здание ЦК, дворцы Республики, офицеров, профсоюзов), парки (Победы, им. 50-летия Великого Октября, Челюскинцев, Пионерский, Севастопольский) увековечивают советскую эпоху, символизируют парадность белорусской столицы. Многочисленные памятники и архитектурные сооружения олицетворяют победу над фашизмом (монумент Победы на площади Победы, легендарный Т-34 возле Дома офицеров, обелиск «Минск – город-герой» – архитектурно-скульптурный комплекс с бронзовой фигурой женщины, символизирующей образ Родины-матери, и новым зданием Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, одиннадцать лучей из стали на фасаде которого символизируют салют Победы и 1100 дней оккупации Беларуси, символическость места закреплена традицией организации салюта возле стелы, и др.).

Символьная наполненность при создании городского текста и воображение его читателей способствовали распространению образов «город-сад» (г. Кузнецк В. Маяковского), «город-женщина» («Счастливая Москва» А. Платонова), «город-личность» (М. С. Уваров), «город-дева» и «город-блудница» – модификация Вавилона (В. Н. Топоров), полиморфии образа «город Вавилон» и т. д. Образ Минска как Вавилона – города, отличающегося многообразием культур, временных пластов, о чем свидетельствует и городская топонимика, например: Татарская Слобода, Ляховская Слобода, Немецкая и Еврейская улицы – создан в книге М. Володина «Наш старый добрый Вавилон. Прогулки по городу в Минских историях». С. Харевский отмечает: «Міхаіл Валодзін параўноўвае Мінск канца XIX – пачатку XX ст. са старажытным Вавилонам, у гуце якога пераплаўляліся мовы і плямёны ў нешта новае, дагэтуль нязнанае. <...> Аўтар цвёрда трымаецца маршрутаў самага ядра Мінска, вакол якога круціцца галактыка імёнаў – ад імператараў і генсекаў да паэтаў, матэматыкаў і літаратараў з сусветнымі імёнамі. Па мінскіх вуліцах пад руку з чытачамі будуць хадзіць Мальер з Вальтэрам, Манюшка з Дуніным-Марцінкевічам, Купала з Коласам. Тут вам Пушкін і Эйнштэйн, Дастаеўскі і Талстой, Освальд і Кастра. Вашымі спадарожнікамі будуць габрэі і італьянцы, палякі і расейцы, немцы і французы, нат манголы з кітайцамі. Насамрэч Вавілон!» [506].

Минскому тексту свойственно ярко выраженное переплетение культур: на помежье культур – основополагающий для Минска концепт. Пространственное расположение на помежье культур обуславливает бинарность культурных кодов: культурных форм (Низкий/Высокий город, имени Менск/Минск); всеобъемность – выраженность на нескольких языках, антиномичность (сложноустроенность) и гетерогенность (разнородность).

О вкладе культуры локального сообщества в мировую культуру свидетельствуют достижения художников, писателей, ученых, спортсменов. В Минской губернской классической гимназии учились живописец Фердинанд Руциц и первооткрыватель электрографии и беспроводного приема электрических сигналов Якуб Наркевич-Иодко. Всемирно известные художники парижской школы Хаим Сутин и Михаил Кикоин посещали в Минске художественную школу Якова Кругера. В Минске родились теоретик унизма,

художник Владислав Стржеминский и Луис Барт Майер, основатель голливудской киностудии Метро-Голдвин-Майер. Учился лауреат Нобелевской премии по физике Жорес Алферов. Таких примеров можно привести множество.

Определить, что такое минский текст – значит выявить его ценностно-смысловое наполнение, изменение культурного смысла, актуализацию прошлого в настоящем, сохранность культурной памяти, культурный потенциал места. Это значит выявить структуру текста, содержательные и смысловые особенности, контекст, уникальность и значимость. Для этого необходимо обозначить признаки текстуальности города. В. В. Абашев отмечает, что «в рамках концепции семиосферы понятие текстуальности уже не ограничивается областью литературы и даже культуры в ее узком понимании. Оно охватывает предельно широкую сферу результатов информационно-творческого взаимодействия человека и действительности, его повседневного поведения. В частности, признак таким образом понятой текстуальности вполне корректно определяет место жизни человека в его семиотической проекции, через которую место входит в семиосферу национальной культуры как один из ее топосов» [3, с. 9], а «наиболее очевидный критерий значимости того или иного элемента городской или региональной семиотики состоит, во-первых, в том, насколько он актуален в контексте национальной культуры, а, во-вторых, каким мифогенным потенциалом он обладает» [2].

В основе городского текста – замысел, идея города. Минск – официальный главный город страны воплощает государство и рассматривается как идеальная строго организованная модель, расположенная в центре. Город входит в семиосферу белорусской культуры, являясь ее топосом, административно-политическим, экономическим и культурным центром государства, что отражено в формировании архитектурного образа города. Столичный статус предъявляет особые требования к городу как символу страны. Символизируя государство, Минск обладает собственной символикой – герб, флаг и гимн.

Минск – конкретный культурно-исторический организм, символическое место Беларуси, характеризующееся центральным положением, открытостью пространства, некоторой темпоральной

замедленностью, концентрацией идеологической и культурной символики.

Городу свойствен переменный тип генезиса – центр Минского княжества, Минского воеводства, Минской губернии, столица БССР, Республики Беларусь, – Минск неоднократно менял статус.

Семиотический образ города – это система воспринимаемых взаимосвязанных знаков и символов, формирующих смысловую модель – каркас, который складывается из элементов архитектурно-пространственной городской среды. Объектами, выражающими статус города, выступают главная улица, система площадей, ее участки и их внутреннее наполнение: композиционная ось Минска – проспект Независимости начинается с площади Независимости с Домом правительства и Мингорисполкомом, следующий центр – Октябрьская площадь (первоначальное название – Центральная площадь) с Дворцом Республики и находящейся рядом резиденцией Президента Республики Беларусь, далее – площадь Победы; также в качестве нового государственного и идеологического центра выступает часть проспекта Победителей, включающая площадь Государственного флага, Дворец Независимости и Парк Победы. Таким образом, можно отметить, что структура центра Минска определяется государственным строем и идеологией, а переменность центрирования городского пространства, перекодирование осуществляются в соответствии с социокультурной ситуацией.

Город создает элитарную культуру, искусство, так называемые престижные тексты (официальные, ритуальные, сакральные, поэтические), становится площадкой для международной коммуникации.

Исследуя объектный уровень семиотического каркаса, выделим основополагающие символические объекты города, определяемые как сквозные архетипические образы, – река и дом (храм).

Река в городской символике занимает важное место, что обусловлено вписыванием символа в широкий культурный контекст. С реки начинается история многих городов, в том числе и Минска. Река Менка связана с основанием города, река-улица Немига – первое упоминание Минска в летописях при описании битвы на Немиге; по Свислочи,

согласно легенде, приплыла икона с изображением Вознесения Богородицы, которое присутствует на символе города – гербе.

Основополагающая идея города как организованного пространства обитания человека соотносится с понятием дома, по терминологии Пьера Нора – «места памяти», хранителя информации о важных для сообщества людей произошедших здесь событиях, которые выражают представления общества о предназначении человека.

Сакральность места обеспечивается сосредоточением духовных ценностей, способных приблизить человека к Богу. Главным сакральным символом и презентатором города является храм (от ст.-слав. «храмъ» – дом вообще). К сожалению, в Минске сохранены единицы из большого количества храмов. Например, Красный костел (костел Святых Симеона и Елены) 1910 г. и Свято-Петро-Павловский собор 1612 г. не раз были под угрозой уничтожения и неоднократно меняли свое назначение и даже имя в семиотике города (так, Свято-Петро-Павловский собор назывался ранее Екатерининским). Костел, названный в просторечии Красным из-за цвета кирпича, выполнен в неороманском стиле, так его фундатор минский дворянин Эдвард Войнилович хотел показать: в Минске мирно сосуществуют и католики, и православные.

Город – многозначный текст культуры, воплощенный в разных формах культурной памяти: книги, дискурсы, тексты, памятные знаки, памятники и др. Выявление его структуры, смысловых особенностей, контекста – процесс субъективного восприятия. При переходе в другую форму текст трансформируется, меняется его информационное поле. Утрата или приращение смыслов и значимости зависят от способов интерпретации, что обеспечивает открытость для прочтения культуры во времени и пространстве. Культура города – это критерий образованности, моральности, творческого потенциала общества, а текст, как и городской текст, – основа культуры, которая в свою очередь понимается как текст.

Столица презентует культуру, экономику и общественную мысль, создает национальную модель современного белорусского общества. Многомерность категории «минский текст», многоструктурность, семиотическая неоднородность, многослойность, перекодирование в соответствии с социокультурной ситуацией, наличие средств

выражения на всех уровнях системы белорусской культуры обуславливают многостороннее исследование. Осмысление Минска как текста позволяет актуализировать его репрезентацию в культурном и информационном пространстве. Анализ сущностных компонентов культурной памяти города дает возможность разработать механизмы моделирования современной социокультурной ситуации в белорусском обществе, обозначить приоритеты в решении важных проблем современности в контексте изучения культурного пространства города.

Таким образом, исследование культурной памяти столичного города представлено нами в процессе авторского считывания минского текста, его знаков, символов – трансляторов информации о национально-культурной картине в видении коллективного городского субъекта. Прилагаемый справочно-иллюстративный материал содержит обширную библиографическую и справочную базу, придает теоретическому изложению документальность, конкретность, опредмеченность.

Представляется, что на этапе современного развития необходимо проведение специального глубокого исследования, обусловленного постановкой и решением проблем сохранения и интерпретации минского текста, формирования культурной, в том числе символической, политики города.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Аналитический обзор литературы

Аналитический обзор литературы позволяет проследить динамику и направления развития урбанистической проблематики. Теоретико-методологические подходы автора к изучаемой теме сформировали научные труды в области исследования культурной памяти.

В современных гуманитарных науках культурная память – одно из актуальных направлений мемориальных исследований (*memory studies*). К ней обращаются культурологи, социологи, историки, писатели, политики. Это общемировая тенденция: «память стала одним из ключевых слов, лозунгом нашей эпохи, названной Пьером Нора “эрой коммеморации”» [90], трактуемой как мемориальная эпоха. Однако это явление до сих пор вызывает вопросы и осмысливается с разных сторон. Разделяют и отождествляют понятия «коллективная», «историческая», «социальная», «культурная память» М. Хальбвакс, М. В. Соколова, Л. П. Репина, А. Варбург, А. В. Соколов, Я. Ассман, Ю. М. Лотман, А. Г. Васильев.

Л. П. Репина отмечает, что «вся терминология памяти характеризуется многозначностью» [417, с. 42]. Нет согласия и по поводу концепций и методов исследования. Так, Энн Уайтхед называет концепцию памяти «странствующей», так как она «путешествует» по разным научным дисциплинам и разным эпохам и меняет значения в зависимости от эпохи или направления научной мысли [630, р. 3–4]. В то же время разнообразие прочтений памяти обеспечивает полноту ее понимания. Данное положение представляется значимым для

культурологического дискурса, интегрирующего дискурсы разных научных дисциплин.

В последнее десятилетие мемориальные исследования активно институционализируются, предлагаются программы интеграции этих исследований в одну дисциплину [87; 583; 589; 609], ученые (Я. Ассман, А. Г. Васильев, Л. П. Репина) обосновывают существование в науках о культуре «мемориальной парадигмы», под которой понимается выделение корпуса обобщающих работ по *memory studies* в разных научных областях (культурологии, истории, социологии, психологии, литературоведении), когда «различные явления и сферы культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – могут быть рассмотрены в новой связи» [572, с. 11].

Память, интересующая философов со времен Античности (Платон, «Теэтет»; Аристотель, «О памяти и припоминании»; Плотин, «Об ощущении памяти»; Августин, «Исповедь»), в социально-культурном измерении становится предметом изучения в науке в начале XX в. А. Г. Васильев отмечает, что отсчет времени можно вести с 1902 г., когда поэт и драматург Гуго фон Гофмансталь (1874–1929) впервые сказал о внеиндивидуальной памяти, о том, что нас окружают «нагроможденные слои аккумулированной коллективной памяти» [88, с. 6].

Для историка культуры А. Эткинда «культурная теория памяти начинается с положения британского политического деятеля, философа и эстетика Э. Бёрка (1729–1797), согласно которому общественный договор, как основание государства, заключается не только между живущими, но между всеми, “кто живет, кто жил и кто еще родится” на данной территории. Разные поколения, живущие и умершие, все являются партнерами в общественном договоре, “соединяющем низшую природу с высшей, видимый мир с невидимым”...» [566].

Исходя из постулатов Э. Бёрка, А. Эткинд делает вывод: «Цитата, со ссылкой или без таковой, выражает уговор между поколениями; то же делают памятники. Цитата является интертекстуальным памятником, памятник – трансисторической цитатой» [566].

Философ и теоретик культуры В. Беньямин также отмечал, что «между нашим поколением и поколением прошлого существует тайный уговор» [59, с. 81].

В 1920-е гг. появляются концепции коллективной/социальной памяти. Память рассматривается не только изнутри субъекта, а представляется внешне измеримой динамической системой. В 1923 г. понятие «социальная память» впервые использовал А. Варбург («Ат-

лас Мнемозины», 1929) [628], а понятие «коллективная память» легло в основу исследований М. Хальбвакса («Социальные рамки памяти», 1925).

Работы А. Варбурга и М. Хальбвакса стали основополагающими в определении и дальнейшем изучении данных понятий. Современные исследования коллективной/социальной/культурной памяти связаны с проблематикой, определенной ими. Учеными были сформулированы концепции, в которых содержание памяти обусловлено социальной группой и ее социально-культурными нормами.

А. Варбург рассматривал воплощение «социальной памяти» в искусстве. Ю. А. Арнаутова пишет: все изображения, которыми «располагают и Запад, и Восток, а также то, как они с этим культурным наследием управляют, и есть», по Варбургу, «социальная память, а сам культурный ареал распространения этих изображений он понимал как “сообщество вспоминающих”» [30, с. 47].

Работа М. Хальбвакса стала одной из важнейших в теории коллективной памяти XX в. М. Хальбакс доказал, что память индивидов и групп зависит от социума: «Чаше всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память. <...> В таком смысле получается, что существуют коллективная память и индивидуальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [503, с. 28–29]. В рамках памяти закрепляется значимое для идентификации социальной общности и вытесняются (предаются забвению) те воспоминания, которые бесполезны или условно вредны. «Прошлое не возникает вновь неизменным, а... реконструируется исходя из настоящего... коллективные рамки памяти... служат орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества», – отмечает М. Хальбакс [503, с. 30].

В работе «Коллективная память» [591] ученый продолжает развитие идей, обосновывая связь между социальной группой и коллективной памятью: коллективная память объединяет группу; каждая группа формирует память о своем прошлом (обусловленную современностью), обосновывающую и поддерживающую ее

уникальную идентичность. Коллективная память необходима для жизни и выживания общества и формирует его идентичность.

По М. Хальбваксу, коллективная память функционирует, создавая места памяти (мнемонические места), которые поддерживаются посредством коммеморации. Культура коммеморации, сознательного увековечения определенных лиц и их достижений, введения прошлого в современную культуру, является важной составляющей культурной памяти. Актуальность проблемы увековечения, напрямую связанной с проблемой культурной идентификации, обусловила формирование в культурологии таких направлений, как «историческая персонология» (С. Н. Иконникова [196, с. 6]) и «новый историзм» (направление в современной гуманитарной науке США), по А. Эткинду, – история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу [565].

П. Хаттон отмечает: «Коммеморация является целенаправленной попыткой остановить или, по меньшей мере, скрыть процесс медленного изменения традиции. Коммеморативные мнемонические места укрепляют стереотипы нашего сознания, пробуждая специфические воспоминания о прошлом. Поэтому коммеморация столь значима политически» [507, с. 203–204].

В дальнейшем разработкой проблематики мнемонических мест занялся создатель концепции «мест памяти» (*Les Lieux de Mémoire*) Пьер Нора (вслед за Хальбваксом П. Нора полагает, что история убивает память), руководивший подготовкой многотомного издания «Места памяти», которое представляет собой нечто вроде описи проявлений национальной памяти, способствующих сохранению коллективной памяти.

Белорусские ученые также обращаются к концепции «мест памяти», создавая многотомную историко-документальную хронику городов и регионов «Память» (Минск, 1985–2005. Т. 1–47).

Как отмечает Ю. Ю. Хмелевская, «местами памяти могут стать люди, события, предметы, здания, традиции, легенды, географические точки, которые окружены особой символической аурой. Их роль прежде всего символическая, т. е. напоминание о прошлом, наполняющее смыслом жизнь в настоящем. Важной характеристикой *lieux de mémoire* является то, что они могут нести разные значения, и эти значения могут меняться. Исследователи *lieux de mémoire*

изучают не столько материальное или историческое “ядро” места памяти, сколько его отражение в сознании и формы его восприятия. Большинство работ, включенных в изданную Нора антологию, посвящено выяснению, когда определенное место памяти получило свое символическое значение и каким образом оно изменялось с течением времени» [510, с. 13]. К. Помян для обозначения мест памяти, определения «объектов, в которых находит материальное воплощение то прошлое, с которым общество не желает полностью расставаться в настоящем» [31], вводит понятие «семиофоры» – «материальные следы прошлого», значимые места и объекты, демонстраторы значений [617; 618].

М. Хальбвакс противопоставляет историю и память. Он говорит о том, что история должна быть объективна и беспристрастна, память же, наоборот, субъективна, избирательна, связана с групповыми интересами. «История обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память», – отмечает ученый. По М. Хальбваксу, в коллективной памяти нет делений на периоды, что присуще истории. Память сохраняется группой, и с ее исчезновением забываются события и фигуры, память о которых хранила группа. Таким образом, память «конечна», она «умирает» с уходом групп ее носителей. История стремится к универсальности, есть только одна история, но одновременно существуют несколько вариантов коллективной памяти – «у каждой из групп своя история» [502, с. 22]. Эту мысль продолжает представитель франкфуртской критической школы Т. Адорно, отмечая, что каждое поколение занимается своей «проработкой прошлого» [9].

На концепцию коллективной памяти М. Хальбвакса большое влияние оказали идеи основателя французской социологической школы Э. Дюркгейма, который обосновал понятия «коллективного сознания» и «коллективных представлений» [160]. Проблематика коллективных представлений стала основополагающей для философов, историков, социологов.

В конце 20-х гг. XX в. основатель культурно-исторической теории в психологии Л. С. Выготский отмечал, что культура определяет память индивида. Рассматривая механизмы функционирования коллективной памяти, Л. С. Выготский и его единомышленник А. Р. Лурия в параграфе «Культурное развитие специальных функций:

память» книги «Этюды по истории поведения» говорят о культуре памяти: «Мы нарочно остановились подробнее на функции памяти, потому что она дает нам возможность на конкретном примере иллюстрировать взаимоотношение естественных, заложенных от природы, и культурных, приобретенных в процессе социального опыта, форм деятельности психики. Именно здесь мы видели, как развитие оказалось не простым созреванием, а культурными метаморфозами, культурным перевооружением. И если бы мы теперь хотели рассмотреть память взрослого культурного человека, то должны были брать ее не такой, какой создала ее природа, а такой, какой ее создала культура» [113, с. 176].

На протяжении 1940–70-х гг., отмечает А. Г. Васильев, «память как социальный (культурный, коллективный) феномен не рассматривалась в социально-гуманитарном знании» [89]. Однако отдельные исследования появляются и в этот период.

М. В. Соколова, проводя историографический обзор по теме исторической памяти, указывает на возросший интерес к данной проблематике после Второй мировой войны [461]. Бум памяти в послевоенной Европе произошел под влиянием «немецких» шестидесятников, способствовавших изменению отношения к войне, которая рассматривается уже не как форма славы, а как угроза для всех. Т. Адорно, обращаясь к вопросам исторической памяти в контексте ответственности за войну и преступления гитлеровского режима, говорит об «ослабленной памяти», о травматических событиях (массовых убийствах, депортациях), о стремлении к умолчанию, вытеснению памяти о нацизме в части немецкого общества 1950–60-х гг. [9].

Оживление интереса к проблематике культурной памяти, произошедшее в 1980-е гг., связано с темами Холокоста, Второй мировой войны, массовых репрессий и геноцида, которые были ключевыми для memory studies. В Германии закончился период «коллективного молчания», и эти темы стали активно публично обсуждаться. Кроме того, началось оцифровывание различной письменной информации. «С появлением новых электронных средств внешнего хранения информации (а значит, и искусственной памяти) мы вступили в эпоху культурной революции, по значению не уступающей появлению книгопечатания и – ранее – письма», –

отмечает Я. Ассман [35, с. 11]. Проблему культурной памяти актуализирует и сформировавшаяся, согласно Я. Ассману, «посткультура». Пересматривается вся предыдущая культурная традиция Нового времени, когда основополагающей была вера в прогресс и во всемогущество разума. Так, М. Фуко отвергал взгляд на науку как на движущую силу прогресса и критиковал концепцию научной революции. Для Фуко наука служит разделению людей на ранги и контролю над каждым членом общества. М. Фуко говорит о контрпамяти, подразумевая, что память (образы прошлого) конструируется в рамках современных представлений, а не является объективным знанием [587].

П. Нора полагает, что кризис национального государства, связанных с ним «мест памяти» и нарративов привел к появлению «симулякров памяти второго порядка» [613, с. 8]. Память стала создаваться и транслироваться средствами медиа, руководствующимися логикой производства и потребления своего продукта, а не связью с реальными историческими традициями и институтами.

«История у Нора, – отмечает А. В. Святославский, – противопоставлена “живой” памяти и вытесняет память. Память сопротивляется и старается “охранять” прошлое, создавая своего рода крепости, “места памяти”» [440, с. 7]. Для Нора память существует в настоящем и эволюционирует, а история – это неполная реконструкция того, что уже в прошлом, с ее помощью забывчивое современное общество организует прошлое.

Д. С. Лихачев говорит о памяти как о важнейшем творческом процессе, основе культуры [275]. Понятие культурной памяти вводят представители московско-тартуской семиотической школы – Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, которые трактуют его как текст [287].

По Лотману и Успенскому, культура – это генетически ненаследуемая память коллектива [287, с. 147] (в отличие от *социальной памяти*, которая включает как культурные (наработанные человечеством), так и внекультурные (генетически унаследованные смыслы)). По А. В. Соколову, социальная память состоит из социального бессознательного (этническая психология, архетипы, социальные инстинкты) и культурного наследия (духовного и материального) [459]. «С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надындивидуаль-

ный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых», – отмечает Ю. М. Лотман [288, с. 200]. Ранние тексты входят в современность, воздействуя тем самым на настоящее, которое в свою очередь меняется само и меняет образ прошлого. Культурная память отбирает тексты для запоминания и сохранения в зависимости от ценностей настоящего.

Поль Рикёр, образно иллюстрируя парадигму память – забвение, говорит о скульптуре, в аллегорической форме изображающей историографию (см. с. 35–36): «В библиотеке одного монастыря в специальном помещении находится великолепная скульптура, выполненная в стиле барокко. Это двойственный образ истории. На переднем плане – Кронос, крылатый бог [времени]. <...> Левой рукой он жадно вцепился в огромную книгу, а правой стремится вырвать из нее страницы. На заднем плане над ним нависает сама история. <...> Левая рука останавливает жест бога, в то время как правая демонстрирует орудия истории: книгу, чернильницу, стиль» [418, с. 13]. Так память противостоит времени.

Метафорически разграничивая историческую и культурную память, Ю. М. Лотман представляет первую как библиотеку – «гигантский спецхран, место, где в целостности хранятся тексты» [284, с. 661], а культурную память как «генератор, воспроизводящий прошлое заново», «инструмент мышления в настоящем, хотя ее содержанием является прошлое» [283, с. 384–385].

Отождествляя память с хранением текстов, Ю. М. Лотман вводит понятия информативной и творческой памяти. Информативная (на наш взгляд, ее можно отождествлять с исторической) память расположена в плоскости, одном временном измерении и существует по законам хронологии. Творческая (с нашей точки зрения, тождественна культурной) память – П. Рикёр называет такую память рефлексивной [418, с. 21] – способна не только воссоздавать прошлое заново, но и трансформировать, преобразовать его. Она панхронна, континуально-пространственна, противостоит времени и «сохраняет прошедшее как пребывающее» [288, с. 201]. Такова, по Лотману, память искусства. (В восходящей к идеям Ю. Лотмана концепции Алейды Ассман – «архивная» и «функциональная» память [34].) А. В. Святославский отмечает: «В отличие от историографии, традиционно сосредоточенной, образно говоря, на выяснении того, как на самом деле было,

культурология исследует, каким образом в конкретной культурной среде оказывается представлено то, что имело место в истории. Речь идет об анализе механизмов формирования исторических образов и изучении динамики этих образов в культуре» [440, с. 3–4]. «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению. ...Сменяются время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения», — подчеркивает Ю. М. Лотман [288, с. 201].

Основываясь на идеях Ю. М. Лотмана и М. Хальбвакса и развивая их, гейдельбергский египтолог Ян Ассман при участии Алейды Ассман на материале древних культур (египетской, греческой, еврейской) разработал теорию культурной памяти и обосновал это понятие в 1992 г., а также показал механизмы культурной памяти. Вслед за Ю. Лотманом Я. Ассман понимает культурную память как форму трансляции и актуализации культурных смыслов. По Я. Ассману, «культура есть объективизированная память общества, сохраняющего свою идентичность и передающего ее по цепочке поколений»; тема культурной памяти все больше превращается в «новую парадигму науки о культуре, благодаря которой разнообразнейшие феномены и области культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – предстают в новом контексте» [35, с. 12]. Ученый отмечает, что сегодня сформировалась (или формируется) новая парадигма социально-гуманитарных исследований, связанная с понятиями «память», «воспоминание», «забвение», понятиями во внеиндивидуальном, социально-культурном аспекте. По его мнению, культурная память играет центральную роль в культурной эволюции человечества. Именно она формирует и репродуцирует идентичность родовой группы, нации и т. д. Этот процесс осуществляется посредством постоянной циркуляции культурных смыслов, обмена ими, т. е. посредством коммуникации.

Культурная память, по Ассману, – специфическая для каждой культуры *форма передачи и осовременивания культурных смыслов*, обобщающее понятие для всякого знания, которое управляет поступками и переживаниями внутри определенного общества и подлежит повторяющемуся из поколения в поколение наставлению и заучиванию: «коллективный концепт для всего знания, которое

определяет поведение и опыт в интерактивной рамке общества и которое передается через поколения в повторяющихся социальных практиках и инициациях» [35, с. 44]. Культурная память включает «обосновывающие воспоминания», утверждающие существующий порядок вещей.

Как пишет Я. Ассман, память о судьбоносных событиях прошлого укрепляется с помощью культурных формаций (тексты, ритуалы, монументы) и институциональной коммуникации (повторение, практика, соблюдение). Он вводит понятие «помнящей культуры», которая отлична от искусства запоминания.

Ученый разделяет коммуникативную и культурную память, объясняя такое деление «различием между повседневностью и праздником, между профанным и сакральным, между эфемерным и прочно-обосновывающим, между частным и общим» [35, с. 61]. Первая приобретается вместе с языком в повседневном общении, это устная традиция, и ею обладают в разной степени все члены группы. Сохранение и передача культурной памяти требует существования профессиональных носителей – шаманы, жрецы, ученые, писатели, поэты, художники; она не распространяется сама собой, а специально организуется и контролируется. Усвоение содержания культурной памяти требует желания и усилий, поэтому овладение ею всегда социально дифференцировано.

По мнению Я. Ассмана, в культурной памяти, дистанцирующейся от повседневности, прошлое «сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание... Культурному воспоминанию присуще нечто сакральное. Фигуры воспоминания имеют религиозный смысл, и воскрешение их в памяти часто происходит в форме праздника. Праздник служит – кроме многих других функций – также воскрешению в памяти обосновывающего прошлого. Обосновывается через обращение к прошлому не что иное, как идентичность вспоминающей группы» [35, с. 54–55]. Протоформой всякого культурного воспоминания, по Я. Ассману, является память живых о мертвых, поминовение мертвых. Понятие прошлого возникает, когда осознается разница между вчера и сегодня, и смерть – «первичный опыт» для осознания разницы. Воспоминания, связанные с умершими, с одной стороны, относятся к коммуникативной памяти, так как представляют некий способ обще-

ния и конструирования взаимоотношений группы со своими умершими членами, а с другой – их можно считать частью культурной памяти, поскольку она обладает устойчивыми формами, требует специальных обрядов, институтов, носителей [30, с. 51]. В современном обществе важнейшими институтами трансляции культурной памяти выступают институт образования (чаще всего непосредственно контролируемый государством) и средства массовой информации.

В 1999 г. Я. Ассман обосновывает научное направление «история памяти», в русле которого изучается культурная память [573, s. 26]. «История памяти» изучает прошлое, процессы его моделирования и переоткрытия в настоящем в зависимости от актуальной ситуации. «История памяти» занимается не изучением прошлого как история, а прошлого, которое осталось в воспоминаниях, в традиции, в литературе о прошлом. Прошлое открывается настоящим заново, моделируется им, поэтому цель изучения истории памяти, по Я. Ассману, не историческая правда, а анализ традиции как культурного феномена памяти. Важно установить, почему живет то или иное воспоминание, «иными словами, “история памяти” анализирует значение, которое настоящее придает событиям прошлого». «Истинность воспоминания предопределена идентичностью, которая формируется культурной памятью, поскольку всякое сообщество представляет собой то, что оно само о себе помнит, и эта истинность обусловлена его историей, но не той, которая “была”, а той, которая хранится и развивается в культурной памяти» [30, с. 54].

Так, память государства обусловлена политикой и отражает политические приоритеты сегодняшнего дня. Память о прошлом играет важную роль в построении культурных идентичностей, в том числе политических. «Культурная память национальных государств, – подчеркивает А. Г. Васильев, – учреждалась профессиональной наукой, фиксировалась в специфических учебных текстах, распространялась через систему образования в специально разработанных для этого дидактических формах под контролем специально уполномоченных носителей памяти» [89]. Она специально учреждается, искусственно формируется. Для ее создания, хранения, трансляции в обществе создаются специальные институты. Воскрешение культурных воспоминаний осуществляется в организованно-ритуализированных

формах. Коммуникативная память недолговечна (80–100 лет), существует на протяжении трех поколений и не связана с глубоким прошлым. Культурная память формируется веками, ее «объективированные формы» – тексты, изображения, монументальные постройки (египетские пирамиды), ритуалы.

По А. Эткинду, культура является передаточным механизмом между личной и национальной памятью и состоит из романов, фильмов, музеев, школ, университетов. «Тексты меняются и очень живо реагируют», а отношение исследователя к этому процессу – «смотреть на явления культуры, в которых память выливается, отливается, застывает и доступна в своем замороженном виде» [566].

Тенденцией последних лет стало изучение памяти в глобальном сообществе [608]. В глобальную эпоху обсуждается возможность существования глобальной (космополитической) памяти (термин Даниэля Леви и Натана Шнайдера). Глобализированная память поднимает вопрос о наднациональных идентичностях и возможности формирования наднациональной памяти, объединяющей национальные государства в новые сообщества. Ведутся дискуссии о существовании общей идентичности, хотя опыт евроинтеграции не оказался успешным.

Научный интерес сегодня вызывает процесс медиатизации памяти, включение ее в межличностные коммуникации. Развивается концепция цифровой гипер-памяти. Так, разработкой данной проблематики занимаются Э. Рутген – научный руководитель проекта «Веб-войны: цифровые диаспоры и язык памяти в России и Украине», а также исследователь цифровой культуры (трансформаций, вызванных распространением цифровых технологий в культуре) и российской языковой культуры; Г. Белл и Дж. Геммелл – «Вспомнить все: Как цифровая революция памяти изменит мир»; В. Майер-Шенбергер – «Удалить: Преимущества забывания в цифровую эпоху».

Таким образом, исследователями культурной памяти затрагиваются вопросы о взаимосвязи памяти и идентичности, взаимозависимости институциональной памяти и забвения, о памяти как ресурсе власти, роли медиа в функционировании коллективной памяти и многие другие.

Изучению культурной памяти в странах Восточной Европы посвящены научные чтения Кембриджского университета начиная

с 2007 г., а также европейский исследовательский проект «Memory at War» («Войны памяти») (2010–2013). Руководитель проекта А. Эткинд работает в области cultural studies, в определении ученого, «культуральных исследований» памяти. Он называет Восточную Европу «горячей точкой» памяти, где идут войны вокруг памяти об историческом прошлом, чем и обусловлен интерес к изучению данного региона. П. Нора отмечает, что в 1980–1990-е гг. начался процесс «идеологической деколонизации» в обществах Восточной Европы, высвобождения памяти, которая была вытеснена общей советской памятью [361].

В основном участниками проекта, учеными из пяти европейских университетов, рассматриваются аналитические подходы к изучению культурной памяти в Польше, России и Украине. Однако отмечено внимание и к нашей стране. Так, С. Льюис исследует тему «Культурная память и постколониальная идентичность в современной Беларуси».

Изучением национализации памяти (консолидации национального языка и национальной культуры) на постсоветском пространстве на примере трех государств – Беларуси, Украины и Молдовы – занимается А. Портнов [400]. Он анализирует отражение проблемы в государственной практике и интеллектуальном дискурсе, рассматривает попытки, которые предпринимают эти страны, отграничиться от значимых Других – России и Румынии – и трудности в националистической проработке прошлого как основополагающего элемента постсоветской культуры.

Раса Чепайтене исследует память Восточной Европы в области музееведения [527]. Проблемы восприятия истории в контексте процессов евроинтеграции, социокультурной интеграции в ЕС, вопросы существования европейской идентичности, общей европейской памяти стали темой публичной лекции исследователя «Расколота память Европы: возможен ли консенсус?» (Минск, 2013).

В коллективной монографии ученых Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс) рассматривается влияние цивилизационного пограничья (между Востоком и Западом Европы) на формирование белорусской нации и культуры памяти, отдельная глава посвящена проблеме памяти в белорусской культуре о Второй мировой войне [241].

В России культурная память активно исследуется А. Г. Васильевым [85–90]. В Российском институте культурологии (1932–2014)

разработана концепция научно-исследовательской работы «Культурная память в контексте формирования национальной идеи России в XXI в.» [254], издана монография, в которой сквозь призму культурной памяти рассматриваются современные подходы к проблемам нации и национальной идентичности, основные стратегии nation-building, роль коммеморации и культурных традиций в модернизации общества, проблемы формирования национальной идентичности в контексте глобализации [255].

Проводятся конференции по данной тематике, а в 2012 г. увидел свет «Международный журнал исследований культуры», выделивший культурную память в качестве основополагающей темы.

Также внимание к теме памяти наблюдается в области художественного творчества. Например, проект «Культурная память. Актуальный вектор» (2013) объединения художников группы «7+» (в группу входят художники из США, Канады, России, Финляндии, Великобритании), проходивший под эгидой Российской академии художеств. Живописные полотна, графические листы, скульптурные композиции и другие произведения экспонировались в Вашингтоне, Париже, Лондоне, Москве [351].

Международная конференция «Культурная память» в Македонии (г. Скопье, 5–7 сентября 2013 г.), проводимая Центром культуры и культурологических исследований и Балканской сетью культуры и культурологических исследований, собрала более 500 участников из 48 стран. Предметом дискуссии были определены проблемы взаимосвязи и взаимодействия культурной памяти и идентичности, культурной памяти и политики, культурной памяти и повседневной жизни, дигитализации памяти и многие другие.

Сегодня основной вектор научных исследований обращен в сторону культурного наследия, традиционных основ культуры. Это положение подтверждается появлением все новых программных документов и деклараций ЮНЕСКО.

Работа в данном направлении ведется и в нашей стране. Усиливаются законодательные акценты на роли культурного наследия, что находит подтверждение в концептуальных и программных документах, регламентирующих основные направления социально-экономического и политического развития Беларуси на среднесрочную и долгосрочную перспективы (например, государственные

программы «Культура Беларуси» на 2011–2015 и на 2016–2020 годы, Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.).

Вместе с тем научная концепция культурной памяти практически не адаптирована белорусским социально-гуманитарным знанием. Развитие исследований в этой области в Беларуси началось относительно недавно. Появляются отдельные исследования, посвященные коммеморации [430], что является скорее исключением, чем правилом. Если принимать во внимание тесную связь данной проблемы с проблемами этнокультурной идентичности и выработки политики памяти как инструмента социального управления, то становится очевидной актуальность научных исследований культурной памяти, направленных на понимание ее динамики и трансформаций, выявление потенциала научного знания в области *memory studies* и моделирование условий его актуализации, поиск новых культурных оснований социальной консолидации в условиях цивилизационного помехья. Кроме того, в глобальном мире происходят процессы обобществления памяти, и важно идентифицировать себя.

Ученые отмечают, что изучение культурной памяти как относительно новой академической области требует нового языка, новых понятий.

А. Эткинд обогатил академическую область культурной памяти такими понятиями, как «твердая» (памятники, музеи) и «мягкая» память (книги, дискурсы, тексты), к «жуткой» памяти относятся поверья и повествования о привидениях, вампирах и др., использует понятия «горячая» и «холодная» память, введенные Я. и А. Ассманами. Так, память революции, по Эткинду, – «горячая»: «Она производит политически актуальную версию прошлого, которая является значимым инструментом самой революции. Перегретая память революции обычно сменялась холодным циклом, который перечислял те же даты и имена, лишая их значения для современности». По мнению Я. Ассмана, «холодная» память, хранящая факты, но отрицающая изменения, была характерна для египетского и для тоталитарных обществ (если сочетание кажется странным, стоит вспомнить о мавзолеях и мумиях). На деле может оказаться, что «температура» памяти – дело выбора, который принадлежит вспоминающему и зависит не столько от фактического материала,

сколько от политической позиции. Отрицание или преуменьшение исторических дистанций охлаждает память; их утверждение или преувеличение горячит ее» [566].

Таким образом, культурная память рождается из взаимодействия разных ее видов: коллективной и индивидуальной, информативной и творческой; как новый текст о культуре прошлого задействует актуализированную память; как вид «мягкой» памяти (книги, тексты) переходит в формы «твердой» в виде памятников, памятных досок, музеев; существует в пространстве общей памяти.

Культурная память вне времени, не прикреплена к хронологии, как, например, память историческая, а выступает ценностно-нравственным ориентиром, воссоздавая события прошлого, но оцениваемые в настоящем.

Концепция культурной памяти стала сегодня одной из самых востребованных, и «многозначность понятия *культурная память* является одним из факторов, определяющих ее востребованность» [461]. Можно говорить о культурной памяти как об общем родовом универсальном понятии, метакатегории, объединяющей множество видов и подвидов: индивидуальная и коллективная память, устная, письменная и электронная (цифровая) память или культурная память Интернета, городская (Уильям Блакер) и кинематографическая память, которая создается посредством цитирования старших предшественников и т. д.

Представленный анализ источников по исследованию культурной памяти, выявлению ее оснований, сущностных характеристик и специфики позволяет предложить следующее определение данного понятия.

Культурная память – форма передачи, актуализации и циркуляции культурных смыслов, механизм отбора, кодирования, сохранения и передачи культурно-исторического опыта.

Частным проявлением культурной памяти является культурная память города.

Изучение городов (*urban studies*) имеет давнюю традицию. Аристотель в сочинении «Политика» предлагает план идеального города-государства – полиса. Изображение города появляется в произведениях средневековых художников. Образ идеального города, навеянный учениями об образцовом государстве Платона

и Аристотеля, воплотил художник, представитель Раннего Возрождения Пьеро делла Франческа (см. с. 37). Идеальный Город Солнца создает в XVII в. в философском произведении Т. Кампанелла.

Реальная среда города, его схематичное архитектурное изображение играют важную композиционную роль в иконографических сюжетах начиная с XVII в. Мотив города отчетливо опознается в иконописи середины XVII – начала XVIII в. [372].

Во второй половине XIX в. заметна активизация внимания к городу в литературе, живописи, театральном искусстве, архитектуре. В литературе и театре город становится местом действия, в живописи служит фоном, с появлением кинематографа город начинает жить на киноэкране.

Изображение большого города стало центральной темой литературы модернизма (Дублин – Дж. Джойса; Лондон – В. Вулф; Нью-Йорк – Дж. Дос Пассоса).

В XX в. в художественных произведениях возникают образы города-клетки, города-тюрьмы (Г. Гросс, «Метрополис» (см. с. 37); Ф. Ланг, «Метрополис»), города-некрополя (Т. С. Элиот, «Бесплодная земля»; А. Камю, «Чума»), тоталитарного города (Е. И. Замятин, «Мы»; О. Хаксли, «О дивный новый мир»; Дж. Оруэлл, «1984»). Городской пейзаж в творчестве экспрессионистов (Э. Кирхнер, Э. Мунк, Ф. Кафка, Г. Майринк) наполнен негативной коннотацией: в произведениях звучит тема духовного рабства человека в авторитарном городе.

Во второй половине XX в. – начале XXI в. образы городов прослеживаются в искусстве постмодернизма (Буэнос-Айрес – Х. Л. Борхеса и Г. Саккоманно; Лондон – П. Акройда; Барселона – К. Р. Сафона).

Научное знание о городе разрабатывается в рамках философии (Г. Зиммель, М. Вебер, О. Шпенглер, П. Рикёр), урбанистической социологии (Л. Мамфорд, Э. Бёрджесс, Л. Вирт, Р. Парк), истории (К. Шорске), культурологии (А. Ахиезер).

Г. Зиммель пишет об особой атмосфере больших городов, влиянии, которое они оказывают на психологию человека («Большие города и духовная жизнь», 1905 [184]). Ученый обращается к репрезентации города в пространственном измерении, отмечая «преобладание интеллектуального характера душевной жизни в больших городах» [185, с. 24].

М. Вебер выделяет основополагающие признаки феномена города: определенная ограниченная территория с большим количеством

жителей, что способствует обособленности личности; центр ремесла и торговли (наличие рынка); присутствие войска, охраняющего поселение, которое имеет укрепления (крепость); правовой характер отношений между горожанами [93, с. 309].

В представлении О. Шпенглера город – центр культуры, политики, религии, в целом – цивилизации, конечная точка развития которой – мировая столица [545, с. 95]. Л. Мамфорд определяет город как «географическое сплетение, экономическую организацию, институциональный процесс, театр социальной деятельности и эстетический символ коллективного единства» [612, р. 92]. Согласно теории ученого, город воплощает эстетический дух эпохи и характеризуется историческими стадиями эволюции, обусловленными развитием культуры: средневековый город (XII–XVII вв.), барочный город (XVII–XVIII вв.), индустриальный город (XIX в.), мегалополис (XIX–XX вв.), биотехнический город (XX в. – ...). Рассматривая связь личности и городского пространства, Л. Мамфорд указывает на их взаимообусловленность: «Сознание принимает форму в городе, в свою очередь городские формы определяют сознание» [611, р. 5]. Представители чикагской школы, занимающиеся проблемами урбанистической социологии, Э. Бёрджесс, Л. Вирт, Р. Парк определяют урбанизм как особый образ жизни [61; 100; 384].

Ученые обращают внимание на существование города во времени. По мнению К. Шорске, «город представляет собой последовательность разнообразных скоротечных моментов, каждым из которых нужно насладиться на его пути из небытия в забвение» [622, р. 50]. П. Рикёр отмечает, что в условиях города «лучше видна работа, осуществляемая временем в пространстве» [418, с. 209]. Изменения городской культуры во времени и архетипы городского пространства анализирует А. Ахиезер [37–39].

Исследованию города в литературе посвящена работа Ричарда Лехена «Город в литературе: Интеллектуальная и культурная история».

Среди трудов по урбанистике важное место занимают работы И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, которые разработали экскурсионный метод изучения истории и культуры городов [20–28; 131–132].

Город в культурологическом контексте рассматривается как особая форма бытования культуры. Среди культурологических

работ выделяются исследования, выявляющие смыслы городского пространства (Н. С. Галушиной, М. С. Кагана, К. Линча, Ю. М. Лотмана), в которых город представляется как особый феномен, являющийся центром генерации культурных ценностей [116; 206; 270; 271; 292].

Тематика современных городских исследований разнообразна, как отмечает С. В. Пирогов, «в силу онтологической гетерогенности городской среды» [390, с. 31]. Методология изучения города также разнопланова. С. В. Пирогов в качестве методологии познания города рассматривает когнитивное моделирование [390, с. 33–36], под которым понимаются различные формы представления/знания о городе (репрезентация города в сознании, разное восприятие города) – когнитивные модели мышления. Основной постулат когнитивного подхода (М. Вебер, А. Шюц) заключается в существовании различных когнитивных моделей как разных способов репрезентации реальности. В рамках когнитивного подхода город предстает как результат социокультурно детерминированной перцепции, вводятся понятие «ментальная карта города» (С. Милграмм) – личностное представление о фрагментах городской среды, существующее в форме образов, и понятие «топофилия» (Г. Башляр) – пространство «прирученных» и облюбованных мест.

В книге «Поэтика пространства» («La poétique de l'espace», 1958) Башляр анализирует образы дома, чердака, ящика, сундука, гнезда, раковины как выразительных форм, описывающих тот или иной феноменологический опыт пространства. Башляр считал, что опыт, пережитый в первом доме человека, может влиять на всю оставшуюся жизнь. Именно в самом первом доме, по мнению Башляра, у человека формируются алгоритмы мышления и запоминания. Когнитивные модели наряду с объективно-истинными знаниями содержат интерпретативные и проективные когнитивные конструкции.

Для нашего исследования базовыми являются герменевтический и семиотический подходы к изучению города.

В рамках герменевтического подхода в трудах Х.-Г. Гадамера, В. Дильтея, П. Рикёра, Ф. Шлейермахера культура осмысливается через тексты и знаки. Этот подход позволяет рассмотреть внутренние аспекты текста города. По Ф. Шлейермахеру, процесс понимания движется

по кругу, в котором целое понимается из анализа частей, а единичное только в связи с целым [543, с. 16]. Важнейшее значение придается архитектуре. Согласно Х.-Г. Гадамеру, архитектура организует пространство, дает «место представлению поэтического творчества, музыки, мимики и танца» [115, с. 189]. Как отмечает Л. Мамфорд: «Город поощряет искусство и является искусством; город создает театр и является театром» [612, р. 92].

Знаково-символическая интерпретация города нашла проявление в герменевтике П. Рикёра. Сравнивая город с нарративом, исследователь характеризует его как текст. По мнению ученого, «рассказ и строение осуществляют один и тот же вид записи», а «каждое новое здание вписывается в городское пространство, как рассказ в среду интертекстуальности». Город вписан в широкий культурный контекст. В городе, как и в тексте, присутствуют отсылки, аллюзии, цитаты, так как он «сталкивается в одном и том же пространстве различные эпохи» [418, с. 209].

Согласно Ф. Шлейермахеру, каждый текст имеет две стороны – предметно-содержательную (грамматическую) и индивидуально-личностную (психологическую) [543]. Целью герменевтического анализа является приобщение к духу, внешней формой выражения которого выступает текст.

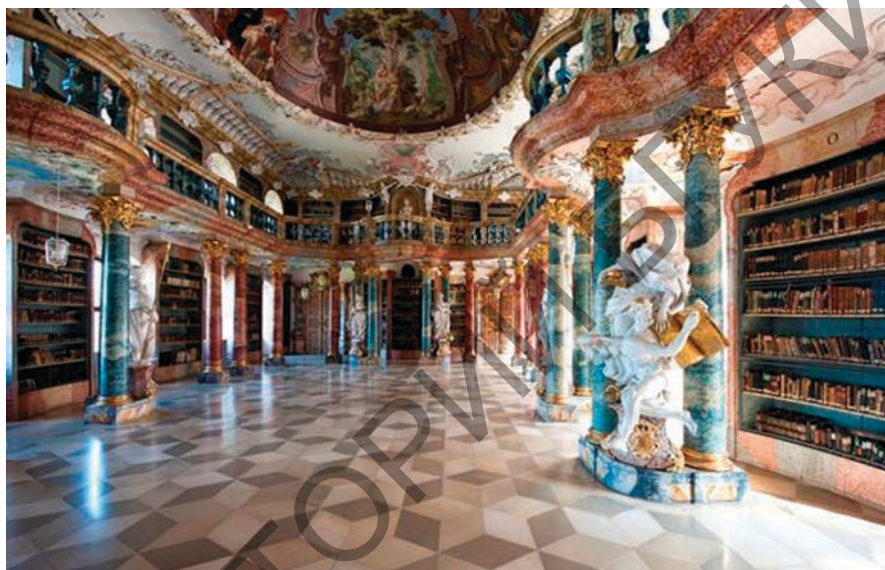
В историко-культурных исследованиях городское пространство трактуется как единство материального и духовного, вводятся такие категории, как «душа города», «гений места», «исключительность пространства».

Н. П. Анциферов, формулируя понятие «душа города», предлагает понимание города как индивидуального организма: «Душой города мы условимся называть исторически сложившееся единство всех элементов, составляющих городской организм как конкретную индивидуальность» [28, с. 23]. Г. Зиммель вводит понятие «исключительность пространства» [185].

П. Вайль анализирует духовную связь человека с местом его жизни, вводя понятие «гений места». По мысли Вайля, *genius loci* связывает «интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой» [82, с. 9]. По О. Шпенглеру, «“Дух” есть специфически городская форма понимающего бодрствования. Все искусство, вся религия и наука медленно делаются духовными» [545, с. 95].

Доминик Хербергер. Аллегория историографии

Библиотека монастыря Виблинген, г. Ульм, Германия

Идеальный город. Картина, приписываемая Пьеро делла Франческа или одному из его учеников

Георг Гросс. Метрополис. 1916–1917

Город – пространство визуальное и вербальное, его можно одновременно видеть и читать. Это полисемантический и многослойный (многоуровневый) текст, окончательное прочтение которого невозможно, так как он бесконечен.

Понимание городского текста не мыслится без использования семиотического подхода, восходящего к структурализму Р. Барта, К. Леви-Стросса, теории знаков Ч. Морриса, Ч. Пирса.

Слово «семиотический» впервые встречается на русском языке в докторской диссертации «История как предмет логики. Критические и методологические исследования. Ч. 1» (1916) Г. Шпета, последователя феноменологии Э. Гуссерля. Г. Шпет называет семиотическим познанием «познание, предполагающее уразумение или интерпретацию как средство уразумения» [405, с. 215].

Семиотический подход концентрирует внимание на внешних структурах знаковой системы текста (Вяч. Вс. Иванов, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, М. Уваров, У. Эко).

В понимании Ю. М. Лотмана, город – это «органическое целое, в котором разнообразные и самодостаточные единицы выступают в качестве элементов некоего единства более высокого порядка: оставаясь целым, делаются частями; оставаясь разными, делаются сходными» [289, с. 682].

Согласно Ю. М. Лотману, «в системе символов, выработанных историей культуры, город занимает особое место. При этом следует выделить две основные сферы городской семиотики: город как пространство и город как имя». Имя города мифологично, оно конструируется исторической преемственностью и знаковостью. Что касается пространства, то город может олицетворять государство, быть его центром (концентрический город) или быть его антитезой, находиться на краю культурного пространства (эксцентрический город) [289, с. 320]. Для Лотмана город обязательно имеет прошлое: «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [289, с. 325]. Элементы города составляют кодовые программы, постоянно и заново генерирующие тексты исторического прошлого, таким образом город противостоит времени.

В рамках структурно-семиотического подхода к урбанистической проблематике необходимо обратиться к такому осново-

полагающему понятию семиотической культурологии, как «семиосфера». Понятие «семиосфера» было предложено Ю. М. Лотманом, который при объяснении построения и функционирования этого феномена прибег к образному сравнению семиосферы с залом музея, семиотическим пространством, в котором все элементы находятся в подвижном состоянии и осуществляется коммуникация. По Ю. М. Лотману, семиосфера – это «семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением» [283, с. 4].

Согласно Ю. М. Лотману, «погруженный в культурное пространство человек неизбежно создает вокруг себя организованную пространственную сферу. Сфера эта, с одной стороны, включает в себя идейные представления, семиотические модели, а с другой, – воссоздающую деятельность человека, т. к. мир, искусственно создаваемый людьми, – агрокультурный, архитектурный и технический – коррелирует с их семиотическими моделями. Связь здесь взаимная: с одной стороны, архитектурные сооружения копируют пространственный образ универсума, а с другой, этот образ универсума строится по аналогии с созданным человеком миром культурных сооружений» [289, с. 334].

Город представляет собой культурно обогащенное пространство. «При моделировании культурного пространства, – как отмечает В. В. Позняков, – важно принимать во внимание “логос вещей”, т. е. реальные сущностные характеристики его предметно-вещественного наполнения, определяющего место вещей в качестве необходимых для конструирования и функционирования культурной среды» [395, с. 57].

«Важной особенностью пространственных моделей, создаваемых культурой, является то, что, в отличие от других основных форм семиотического моделирования, они строятся не на словесно-дискретной, а на иконически-континуальной основе. Фундамент их составляют зрительно представимые, иконические тексты, вербализация же имеет вторичный характер», – подчеркивает Ю. М. Лотман [289, с. 334].

Таким образом «семиосфера – пространство семиозиса, процесса порождения, функционирования, интерпретации, переработки культурных текстов» [374, с. 63]. Вяч. Вс. Иванов полагает, что

задача семиотики – «описывать семиосферу, без которой немислима ноосфера» [190, с. 791], мыслящая оболочка Земли, надстроенная над ее биосферой (Э. Леруа, 1927).

Взаимодействие культуры и пространства изучается в рамках феноменолого-культурологического подхода. Культура структурирует пространство своего обитания, и представления о среде превращаются в знаковую систему [259, с. 5]. Область соприкосновения культуры и городского пространства – слой семиосферы, знаками которой выступают урбанонимы и именуемые ими объекты.

Город находится в том срезе семиосферы, где знаковые системы культуры оказываются связанными с пространством и его отдельными объектами. Соответственно, необходимо рассматривать проблему изучения городского пространства как знаковой системы. Следует учитывать, что пространствообразующие отношения культурной среды связаны «особым семантическим центром – ценностными основаниями», или «ценностным инвариантом», на базе которого «единая культурно обогащенная среда принимает различные модификации», а «культурное пространство выступает, следовательно, как кодовая среда» [395, с. 58].

Осмысление городского пространства в контексте культуры, изучение его семиотики приводит к пониманию его организации, морфологии, дает новые возможности моделирования культурных взаимодействий. Постановка проблемы семантики позволяет выйти на уровень прочтения городского текста, восприятия семиотического пространства города, находящегося в постоянном движении, изменении, развитии, заполненного различными символами и знаками, благодаря которым транслируются, актуализируются и передаются из поколения в поколение культурные смыслы, осуществляется коммуникация в пространстве и времени.

Отмечая роль семиотики в изучении города как культурного пространства, Вяч. Вс. Иванов выделяет аспекты семиотического исследования культурной истории большого города: роль большого города, полнота морфологического состава (структуры), типы организации, культовые доминанты городского пространства, сакральная интерпретация ворот города, трагедия и миф о герое как градообразующие факторы, многоязычие, соотнесение большого города с жанром романа [188].

Для У. Эко город – место действия кодов, при помощи которых происходит коммуникация. Архитектурный знак – это означающее (формальная сторона), означаемым (смысловое содержание в знаке) которого является его функциональное назначение, изменяющееся в ходе истории. Городское пространство – необъятная совокупность означающих и означаемых, где у каждого объекта множество значений [562, с. 306].

В философии постструктурализма проблема города как текста получила новое осмысление (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Ж. Деррида). Так, Р. Барт рассматривал архитектуру как одну из форм языка, слова которого – части городской среды, а город – речь, цепь метафор [52]. Ж. Деррида отмечал, что господство современной столицы осуществляется через указы, записанные знаки, литературу [149, с. 495].

Согласно Ж. Бодрийяру, архитектура конца XX в. «воплощает новую систему не конкуренции, а исчисления, где конкуренция уступила место корреляциям» [66, с. 145]. По Ж. Бодрийяру, постмодерный город не место производства и реализации товаров, промышленной концентрации и эксплуатации, как раньше, а «место исполнения знаков» [66, с. 156], заключенных в СМИ, рекламе и т. д., планируемое, структурируемое пространство обезличенных гетто.

По мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, город можно представить как ризому, открытую структуру, которая характеризуется циркуляцией и цикличностью [145, с. 732].

Таким образом, в постмодернистской парадигме город представлен как вместилище символов и знаков, обладающих множеством значений и интерпретаций. Процессы урбанизации трактуются в герменевтических, семиотических, постструктуралистских теориях как процессы изменения знаковых систем. Город – метафорический текст и метафора, источник символизма и знаковости, генерирующая новые мифы мифологема и открытая коммуникативная система [466].

Методологически базовый в данной работе семиотический подход в культурологии считает невозможным рассмотрение культуры вне памяти.

Городской текст, конденсируя информацию, приобретает память. При этом он не только воспроизводит, передает сообщение, но

и трансформирует его, а также вырабатывает новое. Таким образом функционирует культурная память города.

Проблемы культурной памяти города актуализированы в культурно-философском дискурсе в XX – начале XXI в.

Д. С. Лихачев, говоря о памяти культуры, отмечает важную роль окружающей культурной среды на воспитание человека: «Без памяти нет совести. Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной» [275, с. 210]; «Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране» [277, с. 216].

Урбанист К. Линч отмечает, что в городе «все воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте... У всякого горожанина есть свои ассоциации, связанные с какой-либо частью города, и этот персональный образ пронизан воспоминаниями и значениями» [270, с. 15]. Совокупность образов города формирует образное поле [198]. Ключевой функцией города Л. Мамфорд считает передачу культурного наследия, называя мегалополис «лучшим органом памяти, созданным человеком» [610, р. 562].

Согласно Ю. М. Лотману, «город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопоставляться с настоящим как бы синхронно» [283, с. 282–283]. Город рассматривается ученым как символическое пространство, по образному определению Н. П. Анциферова, как «выразитель сменяющихся культур» [20].

Д. С. Лихачев отмечает значимость образа города в изучении и сохранении исторической преемственности развития культуры [276]. Л. В. Кошман рассматривает культурное пространство русского города в контексте креативности исторической памяти [240].

В исследовании городской повседневности применяются аксиологический и локальный подходы [163; 250].

Проблематике локальных текстов малых городов в рамках изучения антропологии города посвящены исследования российских ученых М. В. Ахметовой, М. Д. Алексеевского, А. М. Жердевой, М. Л. Лурье, А. А. Сенькиной [40; 41; 450]. Изучение современного

образа жизни и организации малых городов Беларуси предпринято белорусскими исследователями В. Мацкевичем, Т. Водолажской и др. [193]. Ученые осуществили полевые исследования локальных культурных традиций различных поселений и местностей. Предметом изучения, «за которым закрепилось обозначение “локального текста” или “образа места”», становится совокупность репрезентаций локальной специфичности [450, с. 419–420], которую можно представить в виде словаря. Опыт составления словаря минского текста с применением лексикографического метода предлагается нами в виде словарной статьи, посвященной одному из основополагающих символов белорусской культуры города – «Беларуская хатка» (приложение 1).

Методологическим основанием таких исследований, согласно М. Лурье, является «представление о том, что “образ места (города)”, или “локальный (городской) текст”, существует... и может быть описан в качестве меняющейся во времени системы ментальных, речевых, фольклорных, публицистических, иконографических и проч. стереотипов, воспроизводимых в контексте местной культурной традиции в устной, книжной и др. формах» [450, с. 420].

Антропологический подход к исследованию культуры города прослеживается в работах Л. Брейтборда, С. Лоу, О. Линча, Р. Санжека и др. [580; 594; 604; 605; 621]. Культурная память городов изучалась в рамках упоминаемого выше европейского исследовательского проекта «Memory at War: Cultural Dynamics in Poland, Russia and Ukraine».

Обращаясь к исследованию символической организации городского пространства, ученые применяют методы визуальной антропологии: методологию картирования городской среды. Изучая способы восприятия и освоения людьми городских контекстов, создают ментальные карты местности [98]. В качестве примера использования метода картирования городской среды, способствующего выявлению локальных мест памяти – комплексов внутригородских названий, нами приводится описание пространства Минска периода немецкой оккупации (1941–1944) (приложение 2).

Топографический метод нанесения на карту мест детства и юности, когда город предстает как ряд топосов (кафе, парки, улицы), где происходят события, встречи, возникают дружеские и иные отношения, описан В. Беньямином в «Берлинской хронике».

Среди современных исследований городской повседневности – проектирование ароматического и звукового ландшафта мегаполиса. Так, исследовательница и проектировщица запахов Сиссель Толаас (RE_SEARCH Lab, International Flavor & Fragrance INC.) работала над проектом City SmellScape (2014), цель которого заключалась в создании ароматической карты двадцати пяти разных городов. Закрепление мест памяти на карте города, формируя представление о них при помощи звуков (записи звукового ландшафта) и неподвижных изображений, документируя их изменения во времени, осуществили аудиохудожник А. Сорокин и фотограф А. Наумчик в проекте «Beat of Minsk» (2013).

Н. Г. Самарина при исследовании культурной памяти провинциального города применяет проективный подход, позволяющий «проследить событийность и эволюцию города в контексте прошлого, настоящего и будущего как целостный процесс...» [432, с. 298]. Средовой подход (изучение культурного потенциала городской среды) используется А. В. Святославским, Л. Е. Трушиной [440; 489].

Проблемы семантики культурного ландшафта рассматривают О. А. Лавренова, И. А. Разумова [259; 414]. Историко-культурным ландшафтам Беларуси посвящено исследование А. И. Локотко [280].

Сфера научных интересов исследователей охватывает проблемы формирования семиосферы отдельных городов [76; 479].

Проблематика историко-мифологического образа крупного административного центра рассматривается в работах В. В. Бондаря и А. П. Сорокина [69; 463]. Так, по мнению В. В. Бондаря, «город – наиболее действенная, активная форма “культурной памяти” человечества» [69, с. 15].

Г. Каганов исследует образ Санкт-Петербурга в контексте истории изобразительного искусства [207; 208]. Г. Е. Гун анализирует художественную культуру города [135]. Образу города в изобразительном искусстве Беларуси XX – начала XXI в. посвящено исследование Т. Г. Горанской [126].

Роль образа города в формировании идентичности изучают Д. В. Визгалов, А. Новоселов [96; 97; 360]. Город как концепт культуры и его символически-образную составляющую рассматривает В. Г. Ильин [197].

В культурном пространстве города важную роль играют урбанонимы. Изучению пространства русских исторических горо-

дов, проблемам музеефикации малых улиц посвящены работы П. З. Гольдина [122–124]. Лингвокультурологический анализ названий улиц Гамбурга, Берлина и Вены предпринимает К. А. Чупрак [535], классификации урбанонимов Лондона посвящено исследование Л. Н. Давлеткуловой [139], урбанонимы Екатеринбурга изучают Ю. А. Качалкова и Е. Н. Клименко [220; 227]. Урбанонимы Беларуси XIV – начала XX в. исследует А. Мезенко [316], топонимике Гродно посвящена монография Ю. Гордеева [117], сравнительный анализ топонимов Минска и Гродно проводит И. Сацкевич [436].

Тематика исследований включает и вопросы возрождения городских пространств посредством культурных проектов [99]. В основе изучения феномена городской культуры Шарон Зукин лежит концепция символической экономики, способствующей созданию в городах избранных ландшафтов потребления [187].

Таким образом, современные исследования феномена города отличает многоаспектность проблем, что обуславливает необходимость междисциплинарного подхода к его анализу [311; 347].

В отечественной науке знание о городе начинало разрабатываться в рамках этнографии, историографии, краеведения, археологии, архитектуры, топонимики.

Традиции изучения городской культуры в отечественной гуманитарной науке стали складываться в первой половине XIX в. Историко-культурное описание белорусских городов предприняли Ю. Немцевич (Бреста, Несвижа, Минска, Могилева, Гродно, Новогрудка), Ю. Крашевский (литературно-краеведческий очерк о Пинске, работы о Вильне, Брест-Литовске), А. Киркор (очерки городов Виленской губернии), В. Сырокомля (очерки о Несвиже, Минске и др). З. Доленга-Ходаковский осуществил научное описание городищ. Ряд статей про Лиду, Вильню, Крево, Новогрудок, Гродно опубликовал Т. Нарбут. Историю Вильни изучал М. Балинский, архитектуру Полоцка, Вильни и Гродно – Я. Лозицкий [119]; известна работа Н. К. о Борисове [352]. Полоцк, Витебск и Минск в 1820-х гг. в контексте истории зарождения белорусских библийских обществ представлены в описании путешествия британского миссионера Р. Пинкертон [388; 389; 616].

В XIX в. появляются труды по истории, этнографии, археологии Беларуси. Этнограф З. Доленга-Ходаковский изучал топонимику

и фольклор Минщины, Витебщины и Могилевщины. Описание Борисовского уезда дается в фундаментальном труде Е. П. Тышкевича (1847). Также Е. П. Тышкевич принимал участие в создании сборника документов «Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии...» (1848). Описание городов Беларуси середины XIX в. в «Путешествии по Полесью и белорусскому краю» (1853–1855) принадлежит П. М. Шпилевскому [549]. Очерки написаны на документальной основе, однако приводятся легенды и предания, что определяет этнографический аспект исследования. Истории Полоцка посвящены публикации К. А. Говоровского (вторая половина XIX в.).

В XIX – начале XX в. появились комплексные описания белорусских губерний, городов. Витебщине и Витебску посвящены труды А. М. Сементовского, А. П. Сапунова, Н. Никифоровского, Могилевщине – Е. Р. Романова, Брестчине – Ю. Крашевского, Л. С. Паевского, Гродненщине – Ю. Ярошевича, М. Балинского, Ф. В. Покровского, П. О. Бобровского, Минщине – К. П. Тышкевича, Г. Х. Татура, В. Сырокомли, городам Витебской и Могилевской губерний – М. О. Без-Корниловича (1855).

За 1865–1915 гг. Виленской археографической комиссией было издано 39 томов исторических источников, в которых в том числе содержались сведения о городах Беларуси. Белорусским городам посвящены энциклопедические статьи А. Ельского. А. А. Смолич исследовал население городов и местечек Беларуси [452].

В XX в. значительный вклад в развитие методики краеведения, научной организации экскурсионного дела в Беларуси внес Н. И. Касперович (1900–1937) [215]. Роль города в истории освещал М. В. Довнар-Запольский [155; 422]. В «Истории Белорусской ССР» кратко излагается история городов, приводятся данные о росте городского населения [201]. Определение факторов, повлиявших на формирование и экономическое развитие белорусских городов, становится темой диссертаций Ф. И. Адащика, Н. В. Вараксина, монографии В. В. Чепко [8; 84; 528]. Ряд исторических и историко-экономических очерков посвящен отдельным городам Беларуси [11; 17; 29; 83; 101; 217]. Условия социально-экономического развития городов Беларуси конца XVIII – **первой половины XIX в. рассматривает** А. М. Лютый [299]. Развитию городов Беларуси второй половины XIX – начала XX в. посвящена монография З. В. Шибеко [554], также

ученый освещает проблемы формирования городской цивилизации [553]. Теории и истории белорусского зодчества и градостроительства посвящены исследования А. П. Воинова [32; 106] и А. А. Воинова [105], В. А. Чантурии [36; 518–521] и Ю. В. Чантурии [521; 522], Ю. А. Егорова [161], Н. А. Зельтен [183], М. С. Кацера [219], Т. И. Чернявской [524; 525], К. Шидловского [557], О. А. Трусова [181; 480; 488] и др. Национальные черты белорусской архитектуры анализируют А. Локотко, С. А. Сергачев, В. В. Трацевский [260; 261; 442–445; 487]. Истории и культуре белорусских городов посвящены труды Г. В. Штыхова [550; 551], С. В. Тарасова [476], Ю. Татарина [477], Л. В. Алексеева [13; 14], В. Б. Короткевича [237]. В фундаментальных трудах «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі» [179] и «Архітэктара Беларусі. Нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце» [33] содержатся описания планировки белорусских городов, их истории, особенностей архитектуры. Энциклопедией краеведения явилась серия книг «Память» (историко-документальные хроники городов и районов Беларуси).

Приведенный обзор источников дает представление о сферах научных изысканий (публикации по социально-экономической истории городов Беларуси, архитектуре и градостроительству, роли культурных аспектов). Однако также свидетельствует об отсутствии специальных исследований семиотики белорусского города, способствующих выявлению историко-культурной индивидуальности, предназначения города в контексте местной культуры, пониманию и осознанию индивидом своего места в нем.

Для нашего исследования первоочередной интерес представляют работы, содержащие сведения об истории и культуре Минска (*Minsk studies*). Изучение культурных реалий и представлений о Минске задает широкий хронологический контекст и многообразие аспектов научного осмысления. Наше исследование охватывает исторический период существования города с момента его основания до сегодняшнего дня, что обуславливает обращение к большому пласту разнонаправленных работ.

В середине XIX в. – начале XX в. появляются ряд очерков справочно-энциклопедического и краеведческого характера, посвященных истории Минска: М. Балинского (Balinski, Lipinski, 1846) [575], В. Сырокомли (Syrokomla, «Teka Wileńska», т. I–II, 1857)

[469–471], П. М. Шпилевского (1858) [548], А. Киркора (1882) [223], А. Ельского, А. Хмары (Jelski, Chmara, 1885) [596], Г. Х. Татура (1892) [478]; исследования по истории города А. Смородского [453; 454], материалы по истории Минской епархии С. Г. Рункевича [424–426], этнографические материалы Д. Бохана [74], «Историческое описание губернского города Минска» М. Гаусмана (1905). Опубликованы воспоминания Т. Корзона (Korzon, 1908) о Минске первой половины XIX в. [234], дневник преподавателя минской гимназии Ф. Шабловского, обработанный фольклористкой З. Ковалевской (Kowalewska, 1912) [599], в котором воссозданы портреты минских шляхтичей второй половины XIX в. (Ваньковичей, Михала Гаусмана и др.).

Также источником для изучения послужила литература справочного характера: Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам (1848) [457], Справочная книга и спутник по Минской губернии (Минск, 1889), Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. [387], Справочный адресный указатель с планом Минска и календарем на 1904 год (Минск, 1904), Труды Минского церковного историко-археологического комитета [341], «Весь Минск» (Минск, 1911), Врачебный указатель г. Минска (Минск, 1913), Краткий очерк деятельности Минского городского общественного управления с 1909 г. по 1913 г. (Минск, 1913).

Историки 20–30-х гг. XX в. рассматривали проблемы социально-экономических отношений (В. Дружниц, 1926) [158], хронологию событий жизни средневекового Минска (Д. Довгялло, 1928) [141–143], занимались археологическим исследованием города (И. Сербов, 1927) [441].

В период 1920–1941 гг. были изданы путеводитель по Минску [465], сборник документов по истории восстания 1863 г. [619], сборник менских актов (XV–XVIII вв.) [317], воспоминания М. Поляка о деятельности Минского товарищества врачей [397], работа по истории Минска Б. Либермана [269].

В послевоенный период публикуются работы В. Шатилло (о революционных событиях 1905 г.) [538], В. Ивашина (о революции 1917 г.) [192], А. Нетылькина (социально-экономическое развитие Минска, источники формирования городского населения 1861–1900 гг.) [355]. Ю. Егоров ввел в научный оборот планы Минска

конца XVIII – начала XIX в. [162]. П. А. Абрасимов опубликовал историко-экономический очерк, посвященный столице [4]. В 1957 г. увидело свет первое академическое издание по истории города [202]. Особенности градостроительства послевоенного Минска освещаются в работах В. Короля, А. Воинова, М. Осмоловского [236; 373].

Значимым источником для понимания истории формирования и развития города явились исследования В. Р. Тарасенко [474; 475], Э. М. Загоруйского [175], выполненные по материалам археологических экспедиций, где даются описание планировки и застройки вскрытой части детинца, оборонительных сооружений, реконструкция материальной культуры и быта горожан. Также, в частности в изучении визуальной семиотики, существенны сведения справочников-путеводителей и фотоальбомов [321; 335; 339].

В 60-х гг. XX в. публиковались очерки истории города обобщающего характера, исследовались общественно-политическая мысль по материалам «Минского листка» [498] и развитие здравоохранения и медицины в Минске периода 1861–1917 гг. [238]. Увидели свет фундаментальная история города [120], важные для изучения культуронима Минска альбом «Минск в творчестве художников» (Минск, 1964), сборник очерков, эссе, рассказов, стихотворений, воспоминаний, статей «Горад і годы» [125], а также фотоальбом [333], посвященные 900-летию города.

В 1960–1980 гг. издаются исследования военной тематики [15; 210; 356], Минского подполья [80], о главной минской улице – тогда Ленинском проспекте [297] и главном минском здании – Доме правительства [102]. Исследуется промышленность города [385], массово издаются справочная литература и фотоальбомы [7; 320; 322–324; 326].

Появляются такие важные работы, как «Улицы помнят» В. Жучкевича по урбанонимии [168] и «Демографические проблемы развития Минска» С. Польского, в котором исследователь рассматривает демографические процессы в послевоенном Минске, вводя понятие «минский феномен» [396].

Мемориальная антология «Minsk. Jewish Mother-City» была выпущена в Израиле на иврите (1975. Т. 1; 1985. Т. 2).

В 1980-е гг. издаются энциклопедический справочник «Минск» (БелСЭ) [325]; энциклопедии с биографиями исторических личнос-

тей, чьи имена увековечены в названиях улиц; историко-археологическое исследование В. Соболя, посвященное городу XII–XVIII вв. [455; 456]; фундаментальная монография Э. М. Загорульского «Возникновение Минска» [174], в которой автор предложил и обосновал свою концепцию местонахождения древнего города; «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі» [180]; «Археалагічныя помнікі Міншчыны» Н. Н. Чернявского [526]; путеводители В. В. Шарпило [537], А. А. Вайкуля и В. П. Шамова [81] по музеям и мемориальным комплексам Минска.

Изучается архитектурное наследие города (С. Багласов, В. Денисов, З. Позняк, В. Чернатов, Т. Чернявская, Е. Петросова [43; 44; 148; 152; 376; 523; 532]). Об основных архитектурных памятниках города в разрезе исторических эпох излагается в исследовании З. Позняка «Рэха даўняга часу» [377]. **Ценность данной работы не только в искусствоведческом анализе и широком социокультурном контексте, но также и в материалах устной истории – значимого источника культурной памяти города.** Важность книги для нашего исследования представляет особый взгляд автора на город, передающий дух места, наполненный воспоминаниями, красками, запахами и звуками.

Понятие «силуэт Минска» вводит Л. С. Потапов [403]. В своем исследовании автор обобщил основные моменты и выявил проблемы формирования композиции города, предложил градостроительный прогноз развития визуально-пространственной организации Минска, рассмотрел идейно-художественный аспект моделирования архитектурного ансамбля города.

Основные тенденции развития монументальной живописи, в том числе и в Минске, рассматривает В. И. Прокопцов [409].

Значимым визуальным источником могут послужить альбом открыток Минска конца XIX – начала XX в. В. Телеша [337] и фотоальбом В. Каледы [111; 334], **в основу которого положена коллекция редких фотоснимков и открыток легендарного минского коллекционера.** Фотоальбом В. Каледы содержит не только старинные фотографии и открытки губернского города, но и снимки Минска советского периода.

Важными для осмысления культурного пространства губернского города явились исследования З. Шибeko о социально-экономическом развитии Минска в конце XIX – начале XX в. [540; 541; 555].

В 1990–2000-е гг. увеличивается количество изданий, что обусловлено интересом к истории и культуре столицы приобретшей суверенитет страны. Выходят в свет работы, посвященные архитектуре города (А. И. Локотко [262], В. Аникина [16], П. А. Русова [427], Ю. Зайца [178]), истории Минска 1863 г. Г. Киселева [226]. В 1995 г. для выставки во Франции древней белорусской иконописи и скульптуры издан каталог «Сокровища религиозного искусства из Минска» [625].

С 1997 г. проводятся научные конференции по проблемам охраны исторических памятников Минска [221].

Творчество архитекторов, создававших послевоенный Минск (Г. Заборского, А. Духана, М. Лившица), исследует историк белорусской архитектуры В. Чернатов [529–531]. Польской литературной жизни в Минске XIX – начала XX в. посвящена работа Т. Зенкевича [634]. Историю ремесленных цехов Минска XVI–XVIII вв. рассматривает А. К. Титов [517].

Научный интерес представляют справочник о памятниках Минска В. Шамова [378], справочник о Минске исследователя белорусской культуры англичанина Гая Пикарды [615], прах которого, согласно его завещанию, захоронен около Красного костела (Св. Симеона и Св. Елены) в 2008 г., о чем свидетельствует мемориальная доска на стене храма. Изучаются история церквей и приходов города (Г. Шейкин, [515]); архитектура, культурная и художественная жизнь Минска XVI–XX вв., например, в работах В. Н. Денисова, посвященных костелу Св. Симеона и Св. Елены [172], костелам Минска XVI – начала XX в. [150]. Становлению общественного транспорта столицы уделяет внимание Е. Етчик [164]. Отдельные исследования воссоздавали «биографии» знаковых городских объектов – Кальварийского кладбища [431; 620], минского ГУМа [244].

Период начала XXI в. характеризуется особым интересом исследователей – культурологов, историков, краеведов – к феномену культуры столицы.

Источниковедческий подход, изучение истории города по архивным документам характерен для исследований В. Н. Денисова, Р. В. Борового, А. И. Груши [70–73; 150; 151; 336].

В 2003 г. проводится международная научно-практическая конференция, посвященная современным стратегиям развития мегаполисов и крупных городов [458]. Исследуются антропо-

логические аспекты Минска, рисуется портрет современного минчанина [343]. Значимы материалы конференции «Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі» [336], опубликованные Институтом истории НАН Беларуси в рамках выполнения Государственной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии»; работы, посвященные развитию современного города [346; 359; 402; 423].

Важными источниками являются «Гісторыя Мінска» (БелЭн, 2006) [121], многотомная история Минска из серии «Памяць» [379–382], фотоальбомы И. Куркова (о межвоенном Минске) [338], В. Кириченко [224; 225], В. Лиходедова [274], В. Мороза [307; 330].

К осмыслению роли столицы в развитии страны обращается З. Шибeko [556]. Этапы становления и развития механизмов осуществления государственной власти в Минской губернии в конце XVIII – начале XX в. представлены в исследовании П. И. Бригадина и А. М. Лукашевича [77].

Ряд работ посвящается некоторым аспектам культурной жизни города. Характеризует город через призму художественной культуры Т. А. Карпович [214], книжную культуру Минска конца XVIII – начала XX в. исследует Л. И. Довнар [157], музыкальную – И. Н. Липай [272], социокультурное пространство современного города – А. Я. Сарна [433].

Образы Проспекта и его жителей воссоздаются в книгах Л. В. Морякова [306]. Поэтика счастья «как формообразующий принцип архитектурного решения главного проспекта» исследуется И. Н. Духаном [159, с. 126]. Отдельным минчанам посвящена мемуарная литература, например «Церні крэсаў: аповесць пра Эдварда Вайніловіча і яго сям’ю» Г. Хмелевской (пер. на бел. яз. в 2015 г.). Историк Стэнфордского университета Э. Бемпорад обращается к описанию истории жизни минских евреев в 1920–1930-х гг. [79; 578].

В поле научных интересов включено изучение стремительного роста столицы БССР после Второй мировой войны, так называемого минского феномена. Этот термин вошел в дисциплинарное поле urban studies благодаря докторской диссертации немецкого историка Т. Бона [67; 579].

В рамках проекта «Память о Второй мировой войне в городском ландшафте Восточной Европы» рассматривалась топонимика го-

рода [265]. Институтом политических исследований «Политическая сфера» под руководством А. Казакевича изучались места проведения уличных акций и неофициальных празднований с 1988 г. по 2010 г. с целью выявления значения «символики места», того, как элементы советскости влияют на выбор места акции и сценария события. Таким важным проявлением культурной памяти, как официальные празднования, посвящены работы А. Криволапа и О. Романовой [247; 421].

Тенденция представлять Минск навсегда застывшим в советской эпохе прослеживается в работах многих исследователей. Так, известный интерес представляет концепция А. Клинова о Минске как утопическом Городе Солнца, в котором главный проспект служит дорогой в Москву – главный советский город [228; 229; 597; 598]. Восприятие Минска в русле идей Ж. Деррида отражено в статье «Призраки Маркса: бродя по Минску по следу Деррида» (2002) представителя «критического урбанизма» Б. Коупа [239].

Изменения культурного ландшафта постсоветского города рассматриваются в статьях А. Ластовского [264], А. Широкановой и Л. Титоренко [542; 624], ключевые особенности архитектуры центра Минска – средневекового, города модернизированной неоклассики, современной застройки – в книге И. Турлая [490]; сведения из истории поэтической урбанистики – в статье В. Жибуля [169].

В изучении семиотического пространства культурной памяти значительна роль исследований минских краеведов (сайт В. Воложинского «Минск старый и новый», по материалам которого опубликованы книги; блог М. Володина «Минские истории», также воплотившийся в книгу, в которой автор создает особую мифологию города, фиксируя места памяти на карте Минска при помощи картирования городской среды; серия интернет-публикаций В. Зеленкова, И. Сацкевича, С. Харевского и др.); культуры повседневности, городских мифов, анекдотов (О. Бобкова, В. Воложинский В. Корбут); вопросов урбанонимии (Р. Боровой, И. Сацкевич).

Материалы устной истории в последнее время рассматриваются как один из важнейших источников исследования. В серии публикаций «Люди. История» интернет-журнала о Минске «CityDog.by», проекта портала tut.by «Я TUT родился» зафиксированы рассказы жителей города – участников или очевидцев событий, связанных с городом.

Свидетельства известных горожан, сведения о старых предместьях города (интервью с жителями Грушевки, Добрых Мыслей, Плещанки, Романовской слободы, Сторожевки, материалы об истории Козырева, Ляховки, Серебрянки, Татарской слободы, Тучинки, Уборок) можно найти на сайте «Беларускі архіў вуснай гісторыі» (nashapamiac.org). В качестве примера видеоматериалов можно привести повествования жителей Грушевки, старинного района города, которые содержатся на сайте www.grushevka.by.

Внимание исследователей привлекают проблемы, касающиеся «горячих адресов» на карте города, объектов, не имеющих статуса историко-культурного памятника. Так, предметом изучения становятся находящиеся под угрозой сноса уникальные первый послевоенный городской квартал Осмолвка [505] и поселок Тракторного завода, так называемый Тракторогород [170].

Таким образом, возрастание интереса научного сообщества к проблеме культурной памяти, теоретическому осмыслению данного феномена, пониманию и прогнозированию культурных трансформаций обусловлено актуализацией идентификационного потенциала феномена культуры, ее свойства аккумулировать и хранить ценности цивилизационной жизни.

Большинство исследований городского культурного феномена касается истории города, экономических аспектов развития. Городская культура, также и семиотическое пространство Минска, – мало исследована. В частности, это вопросы, важные для понимания города как текста культуры, сохранения и интерпретации культурной памяти (особенности семиотики Минска, само понятие «минский текст», его уникальные знаково-символические структуры в условиях процессов глобализации и др.). В поле научного осмысления не попали проблемы формирования символической политики столицы, разработка которой, как отмечает В. М. Капицын, помогает «сохранять семиотическую целостность (идентичность) города, а также подключать его символы к государственной символической в целом для сохранения национально-государственной идентичности и целостности государства» [212].

Город как текст культуры является наиболее полным ее воплощением, он отражает и формирует мировоззрение своих жителей, и чтобы понять «душу города», уникальную духовную сущность, необходимо глубокое и всестороннее изучение его зарождения, куль-

туры разных эпох, культурного, исторического и духовного наследия, коллективного городского субъекта и творца городской культуры.

1.2. Методология исследования

Основными методологическими принципами работы явились принципы целостности и системности. Базовыми подходами послужили герменевтический и семиотический.

Герменевтический подход (Ф. Шлейермахер, «Герменевтика»; В. Дильтей, «Введение в науки о духе», «Герменевтика и теория литературы»; Х.-Г. Гадамер, «Истина и метод. Основы философской герменевтики»; П. Рикёр, «Память, история, забвение»; Г. Г. Шпет, «Герменевтика и ее проблемы») предполагает осмысление и истолкование текста города как совокупности основополагающих текстов посредством их интерпретации.

Герменевтическое понимание осуществляется, согласно Ф. Шлейермахеру, посредством грамматической (предметно-содержательной) и психологической (индивидуально-личностной) интерпретации, а основным принципом становится герменевтический круг, который позволяет вывести множественность интерпретаций через осмысление отдельных элементов городского текста (слов, понятий) и целого (минского текста) – от частного к целому и в обратной последовательности. Тексты города, в том числе художественные произведения о Минске, рассматриваются нами в русле «интерпретации сохранившихся в тексте остатков человеческой жизни» (В. Дильтей), при этом понимание текста осуществляется, по Х.-Г. Гадамеру, не через толкование его прошлого значения, а в диалектике взаимодействия с читателем в настоящем, смысл реализуется в контексте.

Герменевтический подход позволил изучить и интерпретировать внутренние аспекты минского текста.

Знаково-символическая интерпретация семантики города происходит в рамках структурно-семиотического подхода, восходящего к структурализму К. Леви-Стросса («Структурная антропология»), Р. Барта («Основы семиологии»), теории знаков Ч. Пирса («Grammatica Speculativa»), Ч. Морриса («Основания общей теории знаков»).

Семиотический подход применим при исследовании внешних аспектов города как текста культуры, выделении понятия «минский текст». Концентрация внимания на внешних структурах минского текста в рамках семиотического подхода (Ю. М. Лотман, «Внутри мыслящих миров», «Семиосфера», «Статьи по семиотике культуры и искусства»; В. Н. Топоров, «Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы», «Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического», «Петербургский текст русской литературы»; М. Уваров, «Поэтика Петербурга»; Вяч. Вс. Иванов, «Очерки по предыстории и истории семиотики»; У. Эко, «Отсутствующая структура. Введение в семиологию», «Роль читателя: исследования по семиотике текста») позволяет представить пространство города как целостную уникальную знаковую систему, элементы которой генерируют тексты исторического прошлого.

Структурирование минского текста по выделенным Ю. М. Лотманом («Символика Петербурга и проблемы семиотики города») двум осям городской семиотики: город как имя и город как пространство – дало возможность выявить ключевые имена городской культуры Минска, а также изменения культурного ландшафта города.

В контексте семиотического исследования Вяч. Вс. Иванова («К семиотическому изучению культурной истории большого города») применительно к Минску нами рассмотрены аспекты экономической притягательности символических мест, полнота морфологического состава городского текста, тип организации города, культовые доминанты городского пространства, сакральная интерпретация городских ворот, связь трагедии с мифологией в истории основания города, символическая репрезентация ключевой фигуры героя, многоязычие, а также соотнесение города с литературным жанром романа.

Феноменологический подход к прочтению текстов культуры восходит к феноменологической редукции и восприятию пространства Э. Гуссерля («Вещь и пространство»), выводящего единое основание культуры – «жизненный мир» как ценностный ориентир познания, обусловленный полисемантическим характером текста. Феноменологический анализ посвященных Минску произведений художественной культуры, в основе которого субъективное переживание (Ж. Диди-Юберман, «То, что мы видим, то, что смотрит на нас»): установка на имплицитное начало, первичное

восприятие, перцептивный опыт соотнесения с собственным «Я» (М. Мерло-Понти, «Феноменология восприятия»), обнаружение «Другого», создателя произведения (художника, писателя и т. д.), конструирование нового текста на началах духовного, психологического и культурологического аспектов человеческого бытия, – позволяет проследить трансформацию образа города, воспринимаемого через личность.

Источниковедческий подход, базирующийся на принципах школы «Анналов» М. Блока и Л. Февра, способствовал введению в научный оборот комплекса письменных, изобразительных, картографических и других источников, в которых отражены данные об истории и культуре Минска. Источниковедческий анализ позволяет формировать представление о культурной памяти города посредством созданных людьми материальных объектов как части реальности эпохи. Предполагает изучение устных и письменных, визуальных и аудиовизуальных источников: законодательных материалов, летописей, актов, записок путешественников XVI–XVIII вв., мемуаров, картографических документов, материалов музеев и архивов, публикаций СМИ, видео- и аудиозаписей, произведений художественной культуры. Визуальные источники включают пространственные объекты – мемориальные сооружения, памятники, архитектурные и архитектурно-скульптурные монументы, мемориальные знаки и доски и др., празднования исторических событий, аудиовизуальные формы искусства. Наше исследование построено на материалах, охватывающих пространственные объекты, топонимику, памятные наименования. Репрезентативный корпус источников включает как опубликованные, так и неопубликованные виды документных источников, а также результаты натурных полевых исследований.

Системный подход позволяет систематизировать и классифицировать символы, создающие уникальность образа города, как совокупность взаимосвязанных элементов его семиосферы. В рамках системного подхода город рассмотрен как целостная и самоорганизующаяся система, состоящая из совокупности элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и внешней средой, связанных внутренней структурой и закономерностями функционирования.

Семиотическое пространство города в монографии представлено как единый механизм, в котором первичным выступает общее – семиосфера.

Применение *локального подхода* (использование *методологии картирования городской среды, визуального метода* – непосредственного наблюдения изучаемых явлений, *натурных полевых исследований*, а также *лексикографического метода*) позволяет выявить локальные комплексы внутригородских имен и места памяти, осуществить критериальный выбор и классифицировать словарные статьи для составления корпуса словаря текста города. Опыт составления словаря минского текста с применением лексикографического метода изложен нами в виде словарной статьи об одном из основополагающих символов белорусской культуры – «Беларуской хатцы» (приложение 1).

Междисциплинарный характер исследования предопределил применение *междисциплинарного подхода*, в рамках которого выполнен *лингвокультурологический анализ* ключевых имен города – внутригородских названий (урбанонимов), *методом культурологического портрета* изучен корпус художественных произведений, посвященных Минску. *Диахронический метод* позволил представить ключевые образы города в хронологической последовательности, применение *структурно-семиотического метода* способствовало конкретизации смысла минского текста как знаковой системы.

Выводы по главе 1

Таким образом, теоретической основой данной монографии послужили труды, выполненные по следующим научным направлениям: *исследование культурной памяти в целом* (Я. Ассман, А. Ассман, Ю. М. Лотман, А. Эткинд, А. Г. Васильев, А. В. Святославский, Ю. А. Арнаутова, Л. Н. Репина, др.) *и ее частного проявления – культурной памяти города* (Г. Зиммель, В. Беньямин, К. Линч, Л. Мамфорд, М. Л. Лурье, М. Д. Алексеевский, Н. Г. Самарина, Л. Е. Трушина, Г. З. Каганов, др.), *проблематика мнемонических мест* (П. Нора, П. Хаттон, Ю. Ю. Хмелевская, др.), *формирование урбанонимии* (В. А. Жучкевич, П. З. Гольдин, А. М. Мезенко, Ю. Ю. Гордеев, И. И. Сацукевич, др.), *изучение городского текста* (Н. П. Анциферов, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, В. В. Абашев, Л. М. Гаврилина, Л. С. Прохорова, А. П. Люсый, Е. Е. Левкиевская, А. Е. Бобраков-Тимошкин, др.), *осмысление города как целостного символического пространства* (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, П. Рикёр, др.).

Определяющим методологическим основанием работы являются *герменевтический* (Ф. Шлейермахер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр, Г. Г. Шпет, др.) и *семиотический* (Р. Барт, К. Леви-Стросс, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, У. Эко, М. С. Уваров, Вяч. Вс. Иванов, др.) *подходы* к исследованию города как текста культуры.

Обращение к обширному кругу источников культурологического, социологического, исторического, искусствоведческого характера обусловлено комплексностью исследования.

При изучении истории и культуры белорусских городов автор опирается на *работы ученых XIX в.* (Ю. Немцевич, Ю. Крашевский, А. Киркор, В. Сырокомля, П. Шпилевский, З. Доленга-Ходаковский, Е. Тышкевич, др.), *XX в. и современности* (Н. И. Касперович, М. В. Довнар-Запольский, З. В. Шибeko, В. А. Чантурия, А. П. Воинов, Г. В. Штыхов, др.).

Важными для исследования явились работы, посвященные истории и культуре Минска: *краеведческого и этнографического характера* (М. Балинский, В. Сырокомля, П. М. Шпилевский, А. П. Смородский, Д. Д. Бохан, М. Володин, О. Бобкова, В. Корбут, В. Воложинский, др.), *исторические* (В. Р. Тарасенко, Э. М. Загорульский, З. В. Шибeko, Р. В. Боровой, В. Н. Денисов, Л. В. Моряков, Т. Бон, др.) и *искусствоведческие* (В. И. Прокопцов, А. И. Локотко, Т. А. Карпович, З. Позняк, др.) исследования, *литература справочного характера* (путеводители, сборники древних грамот и актов), *фотоальбомы* (В. Телеш, В. Каледа, З. Позняк, И. Курков, В. Кириченко, В. Лиходедов, др.), *художественные произведения* (приложение 4).

Отдельные *аспекты памяти Минска*, ограниченные определенными историческими периодами, вопросы культуры коммеморации, формирования символики места, проблемы наименования и переименования внутригородских объектов, увековечения памяти о людях и исторических событиях рассматриваются в немногочисленных публикациях *белорусских* (А. Клинов, А. Казакевич, А. Ластовский, И. Сацукевич, В. Бондаренко, Р. Боровой, С. Харевский, И. Духан, А. Широканова, Л. Титоренко) и *зарубежных* исследователей (Т. Бон, Э. Бемпорад, Б. Коуп).

Анализ изученности проблем формирования и функционирования символов, их смыслового потенциала в культурном пространстве Минска позволяет сделать вывод о дефиците подобных исследований.

ГЛАВА 2. МИНСК (МЕНСК) – ТОПОС НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1. Имя города, или «Сущность есть имя...»

С объяснения ключевого слова, его истории, этимологии берет начало толкование пространства города. Человек познает материальные объекты объективного мира, раскрывая смысл и значение имен, которые их представляют. Формальное имя (терм) обозначает именуемый предмет и содержит определенную информацию о нем, имеет тот или иной смысл. Так, и «Менеск», и «Менск», и «Минск» обозначают один и тот же город, но имеют разный смысл: соответственно «подобный своему основателю богатырю, чародею, камни мелющему в муку», «названный так нашими предками; имя, воспринимаемое потомками как завещанная ценность», «имя, ассоциируемое с советским временем».

Согласно теории именования, если имя вещи дано верно, то действия с вещью будут правильными. А. Ф. Лосев в «Философии имени» отмечал, что «сущность есть имя, и в этом главная опора для всего, что случится потом с нею» [282, с. 734].

Имя города Минска на протяжении истории не однажды изменялось. Вплоть до XVI в. город назывался Менеск, Меньск, Менск. Названия, встречающиеся в «Повести временных лет»: Мѣньскъ, Мѣнескъ, Мѣнскъ, Менескъ («...и придоша къ Мѣньску . и Мѣнанѣ затворишася въ градѣ . си же братья взаша Мѣнескъ . исьсѣкоша мужи а жены и дѣти взаша на щиты и поидоша къ Немизѣ» [268, стб. 156]). У Александра Гваньини в «Описании Европейской Сарматии» (*Sarmatiae Europaeae description*, 1578) встречается форма «Menscum» [590]. В записях о путешествии русского купца Трифона

Коробейникова (1593) город называется Менском. (Можно предположить, что в записях Трифона Коробейникова: «Городок Минск деревяной худ, в ыном месте развалился» [511] – имеется в виду Минский замок (Замчище), к тому времени разрушившийся.)

В конце XVI в. появляется форма «Минск» («Миньск») (Minsk, Mińsk), распространяющаяся по мере полонизации во второй половине XVII в. В польский язык такая форма написания перешла из более ранних латиноязычных текстов, где название употреблялось как «Minscum» [243]. В конце XVIII в. «Менск» исчезает из официального употребления, в русскоязычных документах закрепляется форма «Минск» как транслитерация польской формы. С 1916 г. белорусская интеллигенция использовала название «Менск-Белорусский»; после установления советской власти в русских изданиях писалось «Минск», а в белорусских – «Менск» [555, с. 9]. Написание «Минск» стало нормативным в двуязычии после 1939 г., и только белорусская эмиграция и некоторые СМИ, авторы и интернет-проекты до сих пор называют город Менском. В. В. Акудович отмечает, что форму «Менск» употребляют многие белорусские интеллигенты, таким образом возвращаясь к корням [10].

Денотаты (от лат. *denotatum* – обозначаемое) – объекты, обозначением которых является данное им имя, совпадают: «Менск» и «Минск» имеют значение город, а концепты (смыслы) разнятся: смысл имени «Менск» заключается в значении «досоветский город», «Минск» – советский город. Таким образом, в имени города наблюдается синтез двух смыслов. Возможность жить сразу в двух временных пластах принадлежит универсальным функциям культурной памяти: «Мы живем адначасова ў дзвух гарадах... Менск і Мінск – дзье паловы сталічнай душы» (Л. А. Вольский, «Менск і Мінск»).

Подобная диадичность восходит к теориям Античности фюсей (соответствие имени вещи ее природе) и тесей (понимание природы имени как условного установления, принятого людьми), получившим отклик в трактате Платона «Кратил, или О правильности имен», в котором философ высказал идею о том, что мотивированность имени может проявляться в большей или меньшей степени, а принятие имени зависит не от адекватной мотивированности, но от договоренности между людьми [394]. Ч. С. Пирс отмечал, что «диада состоит из двух субъектов, приведенных к единству. Эти

субъекты содержат в себе свой вид бытия, а также имеют свой вид бытия, как первое и второе... в связи друг с другом... они некоторым образом соединены друг с другом», «чистая диадичность – это акт произвольной воли или слепой силы», а «существование в чистом виде диадично» [391, с. 327, 329].

Имя является мифообразующим элементом городской культуры. Б. А. Успенский и Ю. М. Лотман пишут, что «миф и имя непосредственно связаны по своей природе. В известном смысле они взаимоопределяемы, одно сводится к другому: миф – персонален (номинационен), имя – мифологично» [495, с. 62].

Важность мифа в культуре города отмечает В. В. Акудович: «Парыж ці Вільня, Лондан або Санкт-Пецярбург маюць пачатак (сярэдзіну, цэнтр), якім пазначаны прасторавы і паэтычны міф горада (Эйфелева вежа, гара Гедыміна, Біг-Бэн, Ісакіеўскі сабор). Мінск пазбаўлены ўцэнтраванага ў структуру прасторы сімвалічнага міфу, паэтычнай дамінанты, сярэдзіны самога сябе...» [10]. Поэтому закономерно обращение исследователей к городской мифологии, конструированию мифа о его происхождении, закреплении тем самым идеи об избранности города, его сакральном предназначении.

Существуют разные версии о происхождении имени города.

«С семиотической точки зрения, – отмечает Вяч. Вс. Иванов, – особый интерес вызывает функционирование города как личности» [188, с. 172]. Происхождение Минска восходит к мифу о культурном герое – основателе города Менеске. Персонифицированное представление о Минске происходит на лингвистическом уровне (по грамматическому роду: богатырь и чародей Менеск).

Возникновение мифа обусловлено свойственной человеку сакрализацией пространства, заложенной в основу его культуры. Символическая репрезентация ключевой фигуры героя в культуре сообщества способствует определению сообществом себя, формирует национальную идентичность. Мифологический персонаж в данном случае является своеобразным градообразующим фактором.

Варианты предания о герое-основателе Менеске, построившем на Свислочи каменную мельницу о семи колесах, в которой мука мололась из камней, впервые были предложены П. М. Шпилевским в этнографическом исследовании «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (1854) [548, с. 2–4] и А. Н. Сергеевым

в «Преданиях о некоторых русских городах и местностях» (1892) [267, с. 278; 446]. Очевидно, что символика нумерологии «семь» восходит к древней традиции. В Ветхом Завете Бог создает Землю за шесть дней, а на седьмой отдыхает, увидев, что Его работа завершена. Также можно провести параллель со строительством древнего города на семи холмах, «семихолмностью» как державностью. Предположительно, мука из камней может быть объяснена как мука, измеряемая в камнях, так как в 1499–1569 гг. в Минске использовалась такая мера веса – «камень», он составлял 25 фунтов, более 10 кг [55, с. 82]. Менский камень упоминается в грамоте Витовта г. Борисову (1395) [449, с. 103].

По-разному окрашен персонаж: у Шпилевского Менеск – собирающий дружину из сильных людей («из которых впоследствии составилась целый народ и стал селиться рядом с мельницей знахаря») герой, а у Сергеева – грабящий села и деревни злодей, который пришел из Польши, впоследствии изгнанный из города другим чародеем.

П. М. Шпилевский также приводит старую пословицу, сохранившуюся в Минском уезде и зафиксировавшую имя легендарного персонажа: «Не пайду я да Менска адъ шляху Виленска; а (если же) пайду па шляху Виленскомъ, спаткаюся (встрѣчусь) зъ Менескомъ» [548, с. 3], актуализированную в строках стихотворения Р. Бородулина (1967): «Мянеск імчыцца на млыне, / Дружыну набірае». (В стихотворении по правилам белорусской орфографии *e* переходит в *я*, хотя ударение в имени героя приведенной П. М. Шпилевским легенды падает на первый слог – Мёнескъ или Мёнской.)

О. В. Бобкова поясняет: «На выгбе каля пачатку ці канца вуліцы імя князя Крапоткіна амаль да дзевятнацатага стагоддзя была застава, на якой у падарожных бралі такія важкі падатак – камяні, каб брукаваць нашы менскія вуліцы» (выдержка из речи на получении премии Белорусского ПЕН-центра 3 марта 2011 г.). Исследователь упомянула, что эта информация получена от В. Н. Денисова, который в свою очередь ссылается на фонд Минской городской комиссии 1805–1831 гг. [340]. На описанном месте начинался Виленский шлях, и слова пословицы о нежелании встречи с Менеском можно объяснить нежеланием платить налог. Камень в этом случае приобретает новое символическое значение. Известно также, что в 1830-е гг. улицы начали мостить брусчаткой, в основном на деньги от каменного сбора – сбора денег с проезжавших через минские заставы [121, с. 93].

В статьях современных исследователей Менеск ведет свою генеалогию от богов, которым не менее 5 тысяч лет [5, с. 14], и для разгадки предания о нем следует обратиться к древнеегипетским древностям. Магическая способность делать хлеб (муку) из камня свидетельствует о принадлежности Менеска к потустороннему миру не только в синхронном (пространственном), но и диахронном (временном) измерении, так как камень служит хлебом для первых мифологических людей, современников библейского Адама [279, с. 55–56]. Легенда вольно интерпретируется, обрастая подробностями: Менеск одолевает дракона, раз в год в Купальскую ночь его конь скачет в Верхний город, чтобы отыскать потерянную подкову, живет герой на Переспе, там же находится его мельница [514].

У П. М. Шпилевского Менеск поселился между Переспенским мостиком и Татарским концом – предместьем Минска, расположенным на правом берегу Свислочи к югу от Переспы [548, с. 2]. Также П. М. Шпилевский указывает иное возможное местоположение мельницы Менеска: «Вероятно, до появления, на месте нынешнего Минска, города, по обыкновению славян, сначала был построен только замок или острог, и именно на берегах Свислочи, может быть близ мельницы знахаря, потому что сохранившиеся до настоящего времени замковые валы или окопы Замчища находятся действительно близ того места, где предание назначает оселище знахаря Менеска» [548, с. 4]. До середины XVIII в. на этом месте действительно существовала мельница [47; 129; 130; 195]. 13 апреля 1697 г. находившийся в городе московский стольник П. А. Толстой писал: «Скрозь Минск течет река Висловица невелика, на ней есть мельница о четырех камнях, и через ту реку мост изрядной, деревянной» [413, с. 18].

Полагаем, что трансформации культурной памяти о мифологическом месте расположения мельницы способствовала и установка в 2010 г. в парке Победы на берегу Комсомольского озера скульптуры К. В. Селиханова «Мельница Переспы», представляющей собой жернов, символизирующий мельницу Менеска.

О месте захоронения легендарного богатыря, развивая идею П. М. Шпилевского, высказал предположение М. М. Малиновский. По его версии – это возвышенность, где сейчас стоит Свято-Марие-Магдалининская церковь. Возле нее раньше было Переспенское кладбище – некрополь, существовавший в городе в XVIII–XX вв.

Возможно, возвышенность прежде являлась рукотворным курганом, насыпанным над могилой легендарного Менеска [303]. В конце XIX в. Переспа слилась со Сторожевкой и вошла в черту города. В 1941 г. в районе Переспы создано Комсомольское озеро, после Великой Отечественной войны разбит Парк культуры и отдыха им. Победы.

В статье энциклопедического словаря белорусской мифологии указывается на вероятность существования прототипа Менеска в праиндоевропейской мифологии, который позже трансформировался в локальных мифологиях: «В мифологиях разных народов встречаются имена персонажей, которые напоминают по звучанию имя Менеск. Так, близкими ему могут быть слова, обозначающие месяц: ср. праиндоевроп. **mes*, **mens* и производные от них в индоевропейских языках... в германской мифологии Манн являлся первым человеком, а у индейцев он назывался Ману. Римляне верили в богов замогильного мира Манов. В ведийской мифологии Манью – бог гнева... предводитель войска. Однако, возможно, что основу имени Менеск нужно связывать с этимологией индоевропейского языка **men* “мять, растирать” (откуда, в частности, слово “мука”, а также... “мянціць” – затачивать оружие с помощью “мянташкі” (наждачной лопатки для точки косы), что соответствует основным функциям Менеска в легенде (С. Санько)» [176, с. 316]. Персонаж представлен в разных ипостасях: богатырь и чародей, мельник, который устраивает на мельнице ночные гулянья, предводитель дружины. Прослеживается связь с культом камней (мука мололась из камней). Наши предки верили, что мельники занимаются волшебством и связаны с потусторонним миром. Также в статье словаря отмечается соответствие мотивов легенды средневековому фольклору, что в свою очередь определяет хронологические рамки возникновения легенды и соответствует факту строительства мельниц в Беларуси в период позднего Средневековья. На основании этого делается вывод, что легенда возникла по принципу «народной этимологии», когда от названия города была создана легенда о герое.

Таким образом, ранние фиксации мифа относятся к XIX в., но в связи с существованием пословицы можно предположить, что есть и первоисточник. Сегодня это единственное аутентичное предание об основании города. Время возникновения мифа определяется исследователями либо до 1067 г. (П. Шпилевский, Л. Агеева и др.),

либо периодом позднего Средневековья (В. Жучкевич, А. Прохоров, Э. Зайковский, С. Санько), либо XIX в.

Приведем и иную точку зрения. Так, автор «Историко-географического словаря» З. Доленга-Ходаковский, применявший в исторических исследованиях данные исторической географии, хотя и подчеркивал значение языческой обрядности в образовании географических названий, критически относился к попыткам возводить топонимику к мифологическим князьям и героям. «Нескладные сии выдумки летописцев, – писал Ходаковский, – а может быть только их переписчиков, не заслуживают повторения» [407, с. 121]. Ф. Я. Прийма приводит следующий факт: «На полях “Истории государства Российского”, в том месте, где Карамзин уверенно производит название города Турова Минской губернии от имени варяга Тура, “повелевавшего некогда сей областью”, Ходаковский иронически добавляет от себя: “который был с рогами”» [407, с. 121]. По мнению Ходаковского, состав и характер топонимики обуславливали устойчивые и долговременные особенности жизни и быта древних обитателей края. Топонимы являлись отражением характерных черт бытия и поэзии древних славян.

Версия о происхождении названия от христианского имени Менигн (с греч. – крепкий, подколенок, держащий твердо копье, бесстрашный), якобы данного городу князем Всеславом Брячиславичем (Чародеем), вложившим в имя значение оберега, защитника Полоцкого княжества (С. Иванова), восходит к традиции называния городов по мужским именам и соотносится с версией возникновения Минска как поселения военного типа, которое выполняло функцию порубежного города, крепости, оборонительного центра на южной границе Полоцкого княжества.

Образ города, соотносимый с образом героя, указывает на антропологический аспект топоса имени. Представление о городе как о человеческом организме с собственными закономерностями жизни и роста достаточно распространено: например, встречается в исследованиях М. Уварова «Поэтика Петербурга», П. Акройда «Лондон: биография» (предисловие к книге носит название «Город как тело»). В. Гюго видит Париж гаменом – уличным мальчишкой («Гамен – олицетворение Парижа, а Париж – олицетворение мира»; «Париж – добрый малый», «с царственно веселым характером» [137, с. 600–603]).

Образ Минска, со свойственной семиосфере бинарностью, проявляется в образе мифологического основателя города Менеска (архетип – древний город) и образе города-героя Великой Отечественной войны (архетип – город-победитель)¹, о чем свидетельствует статус государственных наград (звание «Город-герой» присвоено Минску 26 июня 1974 г.; две высшие награды СССР – орден Ленина и медаль «Золотая Звезда»), появление на протяжении 70 послевоенных лет большого количества памятников, городских топонимов, обозначающих места памяти, посвященные Победе. (В слоях культурной памяти современного Минска по-прежнему артикулируется память о победе над фашизмом, героях войны и жертвах. Множество улиц названы в честь Героев Советского Союза, организованы места памяти, такие как музейно-парковый комплекс «Победа» (2013), включающий Парк Победы (1945), Музей истории Великой Отечественной войны (новое здание открыто 2 июля 2014 г. к 70-летию освобождения города) и мемориальный комплекс «Минск – город-герой» (1985), к которому ведет вторая основная магистраль города – проспект Победителей, а главный проспект города ведет к площади Победы.)

Образ мифического богатыря-мельника Менеска, держащего на плечах древний город, воплощен на картине В. П. Кульвановского «Старый Минск» (см. с. 378). Он является аллюзией на классический образ Атланта, могучего титана из древнегреческой мифологии, поддерживающего небесный свод. Образ Менеска – образ силы, выносливости, терпения может интерпретироваться, переноситься на жителей города, ассоциироваться с истоками ментальности живущих здесь потомков людей, создавших миф.

Важный мифологический символ, тесно связанный с именем города, река – символ движения, направления, определяющего судьбу, потока времени, также амбивалентный символ созидательной (плодородие, движение и очищение) и разрушительной (препятствие, опасность, связанная с наводнением) силы природы.

Одна из версий происхождения имени города от впадавшей в Свислочь реки Меня (Менка) (от индоевроп. *men* – малый; ср.: древ-

¹ Образ города-победителя ярко выражен в культурном ландшафте Минска. Этот образ ассоциируется с Минском не только в восприятии жителей и гостей города, но и воссоздается в городах соседних стран. Например, в марте 2017 г. в Москве открыли новую станцию метрополитена, названную «Минской», что обусловлено ее расположением на улице Минской, возле Парка Победы и недалеко от Центрального музея Великой Отечественной войны.

нерус. *мьнии*, праслав. *тънjes* – меньший, лит. *tenka* – мелкая, малая или финно-угор. *манья* – маленькая речка [419, с. 156–157]), на которой возник город (Э. М. Загорульский). К числу ранних и до сих пор продуктивных относятся названия с суффиксом -ьскъ, образованные от топографических, географических, этнических названий: Бужьскъ/Бужск – город на реке Буг, Полоцк – город на реке Полота, Менск – на реке Меня. «...За суффиксом -ск- закрепились “городаобразующая” функция» [516, с. 336].

По версии Г. В. Штыхова, Менка (балт. маленькая), которая дала имя городу, впадает в Птичь за 12 километров на север от современного города Дзержинска [555, с. 9]. В. А. Жучкевич указывает на то, что первоначальное ядро города могло быть связано с речкой Меня (Менка), а место впадения реки Немиги в реку Свислочь могло быть центром не г. Минска, а г. Немизы, о чем, по мнению исследователя, свидетельствуют традиция, сложившаяся у жителей города, считать Немигой отдельный район города, а также двойные наименования улиц (Раковская и Немиго-Раковская, Школьная и Немиго-Школьная) и само название улицы Немига, тогда как другие улицы, образованные от имен городов, оканчивались на -ая (Раковская, Койдановская)² [167, с. 233].

Древнее поселение в XI в. было перенесено с берегов Менки на другую реку – Немигу (балт. бессонница), а название «Менск» сохранилось. Автор «Географии Минской губернии» А. Смородский пишет, что «...самая возвышенная часть города находится при устье речки Мениги, от которой получил свое название Менигскъ» [453]. И. Вуглик отмечает, что в историографии встречаются данные об иной локализации: «У кнізе “Падарожжа яе Імператарскай Вялікасці ў паўднёвы край Расіі”, выдадзенай у Расіі ў 1786 г., згадвалася мястэчка Мена пры рацэ Мене (по гипотезе историка находящихся на Черниговщине. – О. С.), якое, як пазначана, калісьці было “моцным горадам”, вядомым яшчэ з X ст. Далей паведамляецца, што ў 1066 г. горад быў узяты Ізяславам, Святаславам і Усеваладам Яраславічамі, жыхары пабіты, а князь іх Усяслаў злоўлены і адвезены ў палон у Кіеў» [112, с. 99]. Также И. Вуглик указывает на упоминание в «Списке русских городов» (рукописи конца XVI в.) среди городов, принадлежащих Великому Княжеству Литовскому, Немизы и Менеска и делает вывод о противо-

² В документах XVI–XIX вв. улица приведена как Немигская. С 1967 г. именуется Немигой.

речии летописного Минска и современного, обосновывая предположение, что два разных населенных пункта находились на реке Мене и реке Менке, «з якога рэшткі насельніцтва канчаткова перайшлі ў невялічкае паселішча каля ракі Свіслач, узяўшы і былую назву» [112, с. 103].

В. А. Жучкевич в «Кратком топонимическом словаре Белоруссии» приводит гипотезу о происхождении имени города от названия рыбы мень, менек (в белорусско-литовском пограничье – ментус) – налим: «Достоверно известно, что Минск-Мазовецкий в Польше также получил свое название по имени р. Мени, которое следует связывать с названием рыбы...» [167, с. 232–233].

В. Р. Тарасенко указывает на расположение многих городов у устьев малых рек, при их впадении в более крупные, и совпадение названий городов с корнями названий этих небольших речек [474, с. 188]. Так, Бобруйск основан при впадении реки Бобруйка в Березину, Орша – реки Оршица в Днепр.

Например, во многом схожа история городов Орши и Минска. Орша также впервые упоминается в «Повести временных лет» под 1067 г. Позже Орша оказывается в пределах Минского княжества князя Глеба Всеславича, который построил в городе крепость (между 1104–1116 гг.). Исторически обусловлено дальнейшее совпадение судеб городов: Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, получение грамоты великого князя литовского на магдебургское право и лишение этого права российским императором, нашествие Наполеона в 1812 г. и немецкая оккупация в 1918 г., Советский Союз... Совпадают и некоторые знаковые элементы семиотического пространства городов. Явление Небесной заступницы города – Оршанской иконы Божией Матери так же, как и Минской, связано с рекой. Икона найдена на берегу реки Кутеинки при основании Кутеинского Свято-Богоявленского монастыря. Также можно провести параллель с символикой мельницы. В исторической части Орши находится этнографический музей «Млын» в здании бывшей водяной мельницы. Напротив мельницы городище – памятник археологии XI в. – место, где Оршица впадает в Днепр.

Этот пример позволяет говорить об общей модели формирования семиотического пространства (общей модели мира) на основе предшествующего семиотического культурного опыта.

Название города Минска по имени малой реки В. Р. Тарасенко объясняет его расположением в устье, при впадении в более крупную реку, тогда как если «назвать город по имени крупной реки... в этом случае на ней неизбежно оказалось бы несколько городов с одинаковыми наименованиями» [474, с. 189].

Ученый ссылается на утраченную рукопись А. Н. Ясинского, в которой упоминается, «что возле городища у д. Городище Строчицкого сельсовета протекает река Менка», а также «высказывается предположение, что “могла существовать и другая Менка, впадавшая в Свислочь”. Относительно Немиги А. Н. Ясинский, ссылаясь на Воскресенскую летопись, указал, что между Оршею и Друцком по старинному географическому отрывку поставлен город Немига (в отрывке “Немиза”) (об этом же писал З. Доленга-Ходаковский. – *О.С.*). Относительно же первоначального названия Немиги А. Н. Ясинский также высказывает догадку, что этим ранним наименованием была Менига, а может быть, Минега» [474, с. 189], что показывает на связь названий города Минска и реки Немига. То есть название город мог получить от реки Немига, при впадении которой в Свислочь он расположен.

Название реки Немига в древности могло произноситься «Менига», от которого и произошло слово «Менск». Предположение образно обыгрывается в рассказе П. Антипова «Немига» (2011), в котором киевские князья Ярославичи зовут реку «Менига» и город «Менизск», а Всеслав Брючиславич – «Немига» и «Немизск». (И повздорили князья из-за названия города, и произошла знаменитая битва на Немиге.) В основу сюжета рассказа положена народная этимология топонима, заключающаяся в объяснении названия на основе смысловых ассоциаций, которые возникают из-за звукового сходства между словами и сопровождаются изменением слова. Утрату исконного имени автор объясняет поражением Всеслава, а трудностью произношения «Менизск» – последующую трансформацию сначала в «Менезск», позже в «Менеск», «Менск» и, наконец, в «Минск». Так в современном литературном произведении происходит своеобразная актуализация культурной памяти об имени города.

Символика реки также обусловлена ее функцией быть торговым путем, что соотносится с экономическими предпосылками проис-

хождения имени «Менск» от слова «мена». Считают, что когда-то на месте возникновения города находился торговый рынок.

По мнению В. Р. Тарасенко, ссылающегося на исследования В. Е. Данилевского и Н. П. Барсова, в заливах полноводных в IX–XIII вв. рек, образованных при впадении мелких рек в крупные, располагались пристани для стоянок лодок с товарами, «в ближайшем соседстве с которыми возникали и пункты обмена, т. е. создавался рынок, селились ремесленники и князь... создавал свой укрепленный двор», что подчеркивает торговое значение города и обосновывает версию происхождения имени от слов «мена», «менять» [474, с. 188–189]. «Свислочь, входящая в систему рек Днепровского бассейна и приближающаяся своими верховьями к бассейну Немана, могла быть использована в качестве одного из таких торговых путей. Н. П. Барсов прямо указывает на Минск как на один из порубежных городов Полоцкого княжества. ...В XI–XIII вв. Минск был городом, связанным как водными, так и сухопутными путями с такими важными центрами Древней Руси, как Киев, Полоцк, Смоленск (через Оршу), а также Туров, Пинск, Городно (Гродно)» [474, с. 190]. В. А. Жучкевич пишет о несостоятельности предположения о связи названия с глаголом «менять», так как «других оснований для такого сближения, кроме внешнего сходства основ, никто не смог привести... Отглагольных существительных с глаголом менять в топонимии вообще неизвестно» [167, с. 232].

Как известно, одно и то же место можно представить и интерпретировать по-разному. Для нашего исследования полярные версии о происхождении имени города представляют интерес, поскольку выявляют культурное своеобразие города, служат более полному представлению о его культурной памяти, его образе, помогают создать общую целостную картину восприятия его имени. Множественность устойчивых смыслов (в контексте данного исследования представлений об имени города), благодаря которым часть пространства становится местом, И. И. Митин предлагает называть «пространственными мифами» [344, с. 23]. Превращение исходного высказывания в миф происходит, согласно Р. Барту [49], за счет наделения его новым смыслом, приращения новых значений. Формирование посредством семиозиса (порождения, функционирования, интерпретации знаков и культурных текстов)

множественности культурных контекстов способствует смысловой наполненности места, обогащению культурного пространства города, помогает избежать размывания уникальности места.

2.2. Герменевтика ключевых имен минского текста

Правомерность поставленной исследовательской задачи истолкования города как имени и пространства имен подтверждается диалектикой рассуждений А. Ф. Лосева, рассматривающего мир как имя и совокупность вещей, представленных как имена: «Если сущность – имя и слово, то значит, и весь мир, вселенная есть имя и слово, или имена и слова» [282, с. 734]. Г. Г. Шпет отмечает важность слова: «Слово есть... принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура – культ разума, слово – воплощение разума» [547, с. 380]. Говоря о роли имени во всех сферах жизни человека, В. Н. Топоров указывает на его сокровенную, многоплановую природу: «И то, что поддается учету и пересказу, образует лишь поверхностный слой той тайны, которая связана с именем. Но даже прикосновение к этому слою намекает и на глубину этой тайны, и на ту силу, которая от нее неотделима» [482, с. 380].

Предлагая герменевтический анализ ключевых имен и некоторых значимых топонимов минского текста, мы обращаемся к базовым структурным элементам культурного ландшафта города: река, гора (природный ландшафт); дорога /тракт / улица; предместье / слобода / конец / урочище / район; площадь, мост (рукотворный ландшафт), – взаимодействие которых создает уникальность Минска.

В качестве методологической основы для выделения ключевых имен городской культуры использованы некоторые критерии классификации Ю. А. Гурской, на наш взгляд, наиболее полно отражающие сущность исследуемого явления: «1) высокий аксиологический статус (ключевые имена являются ценностными доминантами, коррелируют с базовыми ценностями культуры); 2) актуальность (способность отражать наиболее насущные для социума концепты); 3) длительность существования имени в социуме вплоть до настоящего времени; 4) национально-культурный потенциал, то есть способность функционировать в качестве свернутого диахронического национально-культурного текста» [136, с. 9].

С символикой реки соотносится главный текст города – история его основания. Первое упоминание о трагических событиях – битве на Немиге, в результате которой днем рождения города стал день, когда город был захвачен, встречается в «Повести временных лет». Трагедию, травматическое событие, травматическое воспоминание также относят к мифообразующему аспекту городской культуры, градообразующему фактору: «Вялікая кроў заўсёды значыла пра невыпадковасць, абранасць таго месца, дзе яна пралілася» [10].

Имя Немига (от балт. Nemiga – бессонница, бодрствование, возможно, в прошлом – сторожевой пост, охраняемая линия [167, с. 256]) носит сегодня историческая улица, возникшая в XII в. рядом с Замчищем и расположенная вдоль реки. Название закреплено в «Повести временных лет» и в «Слове о полку Игореве». Первым выдвинул гипотезу, подтвержденную впоследствии другими учеными, о тождестве Немиги в летописях и «Слове» с Немигой в Минске один из первых исследователей «Слова» З. Доленга-Ходаковский [407, с. 125].

«Немига» – многозначное слово. Имя Немига носит и район города (официально не закрепленное на карте название традиционно сохраняется в представлении жителей города), и станция метро. Разрушительная сила Немиги проявлялась в сильнейших наводнениях. Весной и после проливных дождей река выходила из берегов и затопляла дома и в XIX в., когда протекала среди городских кварталов, и в XX в., когда ее спрятали в закрытый коллектор. Река по-прежнему напоминает о себе, даже будучи заключенной под землю: в современных городских летописях зафиксировано немало затоплений. К трагедии привело в 1999 г. из-за проливного дождя (вода, несущая гибель), массовое скопление молодых людей и давка, в которой было много раненых и погибших. На месте гибели установлен мемориал «Река памяти» (2012, скульптор К. Селиханов) в виде 40 роз и 13 тюльпанов, символизирующих упавших на ступени и погибших девушек и парней: «53 рубцы на сэрцы Беларусі». С истории минской «Ходынки» начинается роман А. Филипенко о белорусах, покинувших родину, – «Бывший сын» (2014). В Михайловском сквере установлен еще один символ трагедии – скульптура В. Жбанова «Девочка с зонтом» (2000). Уникальная улица-река занимает важное место в символической структуре Минска исторического и как правый приток реки Свислочи, с которой связана

история обретения главной городской святыни – Минской иконы Пресвятой Богородицы.

Об этимологии имени реки Свислочь существует несколько версий. По одной из них, слово произошло от основы -висл- индоевропейского происхождения, что значит *течение*, -очь (балт.) – *источник*, с образовано от предлога для обозначения слияния [512, с. 372]. В. Жучкевич сравнивал название с именем польской реки Вислы, в котором вис- означает *вода, влага, болото, разлив* [167, с. 337]. Стольник Петра I П. А. Толстой в XVII в. называет реку Висловица [413, с. 18]. Также существовал вариант Вислочь. Русский купец, паломник и путешественник Трифон Коробейников в «Описании пути от Москвы до Царьграда» (конец XVI в.) называет реку Сыслан [511]. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев отмечали балтское происхождение названия. Иная гипотеза этимологии имени, состоящего из элементов св- (как в Свитязь) и -сл- (Ислочь), соотносит их с финно-угорским *sav* и *san*, что значит «исток из озера» («исток из болота»). Элемент -сл- сравнивают с древнепрусским *salus* – ручей, смоленским *салик* – луговой ручей и чувашским *сал* – родник. Также указывается, что окончание на мягкий знак характерно для крупных водных объектов (Нарочь, Птичь, Припять), а окончание -ка и др. получили мелкие объекты, как, например, Менка. Таким образом, значение имени Свислочь – большая река, имеющая в истоках ручей, начинающийся из озера или болота [370].

«Свислочь» также определяется не только как созидательный символ, но и как разрушительный. Первым крупным наводнением историки считают событие 1888 г., когда вода дошла до современного района Комсомольского озера. Весной 1931 г. Свислочь вышла из берегов, заливая прилегающие кварталы в районах улиц Ляховки, Садовой, Пролетарской, Татарской, Первомайской и др. Выбыла из строя городская электростанция Эльвод, лишив город света и воды. Жители Нижнего рынка, Ляховки, Садово-Набережной просыпались среди ночи от стука дежурных пожарных в полузатопленных жилищах. К утру люди, взобравшись на крыши домов, кричали, вывешивали флаги, призывая на помощь (Из донесений ОГПУ по Минску [312]).

Статус реки, на которой построен город, предопределяет ее мифологизацию и сакрализацию. Согласно современной легенде, дочь Водяного по имени Свислочь соглашалась выйти замуж только за того,

кто разгрызет каменный свадебный пирог, и сделать это смог только Менеск, построивший водяную мельницу, на которой смолот камень. На месте капища, где происходило сватовство, был основан город, названный в честь Менеска [309; 310]. На небольшой реке Переспе, левом притоке Свислочи, согласно легенде, стояла мельница Менеска.

Значимыми элементами минского пространства, характеризующими культуру древнего города, являются хрематонимы – собственные имена предметов материальной культуры, природных историко-культурных объектов (культовых камней, святых источников, холмов, урочищ), так или иначе связанных с рекой. На берегу Свислочи, на месте языческого капища, которое исчезло в конце XIX в. [218; 300], до начала 80-х гг. XX в. находился священный камень – валун по имени Дед, или Старец, олицетворяющий обожествляемых предков, впоследствии перевезенный в музей валунов. Камень занимал центральное место в сакральной жизни города, ему жертвовали мед, молоко, вино, надевали на него фартуки, обвязывали рушниками, пеленали полотном. Возле него до 1888 г. рос дуб по имени Волат, а в жертвеннике, называвшемся жыжа, горел огонь. Культурная память о минском капище, материалы устной истории сохранены в дневниковых записях 1940 г. исследователя белорусской старины М. С. Кацера [375; 552]. (Также известен минский следовик (классифицированный как антропоморфный, так как на нем был воспроизведен отпечаток ноги), который лежал на Троицкой горе, известный под именем Нога Петра (имя Петр значит «камень») [253].)

Реки, являясь базовым структурным элементом концепта «город», играют важную роль в городской топонимии. Так, по имени главной городской реки названа Свислочская улица. Реки-притоки, ручьи, впадающие или некогда впадавшие в Свислочь: Переспа, Слепянка (Слепня), Лошица (Лоша, Мухля), Цна, Мышка, Тростянка, Сеница³, Ельница, Дививелка, Серебряный ручей (Серебрянка), Дражня (Слость, Словьсть)⁴, Домбровка, – дали имена предместьям/деревням,

³ Река дала имя граничащему с Минском ныне агрогородку Сеница (согласно генеральному плану развития и застройки Минска войдет в состав города до 2030 г.), а также минской улице – Сеницкая. Есть и другая версия происхождения имени – от постройки, в которой хранится сено. Деревня известна с XVI в., некоторое время находилась в собственности предка Ф. М. Достоевского, также владельцами были потомки князя Всеслава Чародея князя Друцкие-Горские.

⁴ Название получила из-за сильной заболоченности, по-белорусски — слоты. Еще один вариант объяснения происхождения — лисиная речка, речка у лисиной норы. Позже называлась Дражней по имени деревни.

которые, войдя в городскую черту, именовали минские микрорайоны и улицы.

Имя предместья Переспа произошло от названия левого притока Свислочи – реки (протекавшей возле церкви Марии Магдалины, построенной на территории Переспенского кладбища (также названного по имени реки) в 1847 г.), заключенной сегодня, как и Немига, в подземный коллектор. По одной из версий, слово «Переспа» произошло от глагола «пересыпать». Речка Переспа «идет с Коморова болота у Свислочь-реку» – упоминается в привилее Жигимонта III 10 сентября 1592 г., которым король и великий князь позволяет строить на ней мельницу [412]. Известно, что благодаря льготам польских королей Переспа была застроена водяными мельницами. Крестьяне, перемолов зерно, пересыпали муку в мешки, все вокруг было белым от мучной пыли, летавшей в воздухе. По другой версии, название произошло от слова «насыпь», так как в этом месте велись работы по строительству насыпей и недалеко был насыпан оборонительный вал, на котором возвышался Минский замок. Река протекала вдоль дорожной насыпи, проложенной при прокладке Виленского тракта. Сегодня историческое название сохранилось и актуализировано в наименовании остановки городского транспорта и названии сквера (Переспенский).

Современный микрорайон Серебрянка, хоть и не располагается на историческом месте (свободная миграция исторических названий является одной из тенденций топонимии современного Минска), получил имя от предместья Серебряный Лог (район бывшего Червенского рынка, ул. Маяковского и водохранилища ТЭЦ-2), которое в свою очередь именовалось от реки Серебрянки (с чистой, отливающей серебром водой), впадающей в Свислочь. В XIX в. район назывался Серебряные Мельницы, в начале XX в. здесь находились Серебрянская, Мало-Серебрянская улицы и Серебрянский переулок.

Имение под названием Серебряный Лог известно с середины XVI в. В «Акте... ревизорского разграничения кgrundов мящан меньших з кgrundами шляхетскими» (1557), устанавливавшим границы земель города Менска, указывалось, что городская межа пересекала «дорогу великую, которая идет з Менска через Лошицу до Переджиря» и ведет «до логу Серебренного» [71]. Впоследствии название перешло на там же расположенную деревню. В губернском

Минске, согласно карте 1858 г., на правом берегу Свислочи существовал хутор Серебрянка.

Название современного района Слепянка также произошло от протекавшей здесь когда-то речки Слепня (образующей много изгибов, плутающей, как слепая), а также деревень Малая и Большая Слепянка, давших имена местным улицам и переулкам. По В. Жучкевичу, в основе названий слово «слепень» (насекомое), также прилагательное «слепой» [167, с. 348]. Первое упоминание об этих местах встречается в документах XVI в. В XIX в. земли Слепянки принадлежали роду Ваньковичей, загородная усадьба которых сохранилась. В этой усадьбе родился фундатор и инициатор строительства Красного костела Э. Войнилович (в Большой Слепянке жили родители его матери Анны Ванькович). Улицы современного микрорайона носят имена знаменитых белорусов – художников В. Ваньковича, А. Шемеша и Ф. Рушица, актера, режиссера и основателя первого профессионального национального театра И. Буйницкого.

Таким образом, при помощи урбанонимов формируются места, наделенные смыслом, создается единство образа территории, существующего в семантической, топонимической форме.

Западные границы Слепянки проходили возле предместья Долгий Брод (пересечение современных улиц Козлова и Ботанической), получившего название от брода на существующей сегодня и давшей название одноименной улице реке Большая Слепня, по которому перегоняли скот. Топоним «Долгий Брод» сохранился в названии улицы Долгобродская, которая вела к предместью. А начиналась Слепня с небольшого ручья, на котором возникла деревня Уручье. Сегодня это имя современного жилого района и станции метро «Уручье».

Имя обмелевшей речки Дививелка (так называлась речка Качинка) в районе Сухарево-4 увековечено в названии парка «Дививелка». Улица Ельницкая (до 1989 г. улица Тишки Гартного) названа по имени реки Ельница. В XVI в. река называлась Ельницей из-за того, что протекала по еловому лесу. Переименована в Тростянку по имени деревни Тростенец, где она протекала. Современный микрорайон на месте деревни называется Малый Тростенец. Многозначность имени связана с памятью о массовом уничтожении людей в нацистском лагере смерти «Тростенец» (1941–1944).

Микрорайон Лошица, строительство которого началось в 2000 г., назван по имени притока Свислочи реки Лошица / Лоша и имения Лошица, известного с XVI в.⁵ О происхождении названия существует легенда: возвращавшийся из военного похода князь решил отдохнуть на берегу реки. Его дружина выкопала небольшую яму и устлала ее шкурами, подготовив князю ложе; позднее слово трансформировалось в «лошу». Есть версия, что название произошло от слова «лошак» – белая лошадь, которая вынесла князя с поля битвы⁶. Предположительно, история связана с битвой на Немиге.

По мнению ученых, водившаяся в реке рыба называлась лош, лошак, современный лосось. Река Лошица в районе Парка Павлова в просторечии именуется Мухлей, от слова «мухлеж» – обман, так как река то появлялась на поверхности, то исчезала под землей. Река Мышка – приток Лошицы, начинается у деревни Михалово, на Юго-Западе, сегодня практически обмелевшая речка, о которой жителям напоминает с 2012 г. название остановки общественного транспорта «Ручей Мышка».

Микрорайон Цна назван по имени располагавшейся здесь одноименной деревни, включенной в город в 2004 г., которая получила имя от реки Цна. Происхождение имени объясняют словами «дсна», «десная» – правая, река, впадающая по правую руку, или «тсна» – тесная. Одна из улиц этого микрорайона, а также переулок (ранее Минские) переименованы в Кривичские в память о кривичах. Рядом находятся жилые районы Цнянка и Зацень (деревня за рекой Цной известна с XVI в.). Принадлежность Зацени к городу закреплена в названии расположенных здесь улиц Столичная и Минская.

⁵ Лошицкий усадебно-парковый комплекс XVIII–XIX вв., возникший на месте дворов князей Друцких-Горских (XVI в.), принадлежал графу Прушинскому. Последний владелец с 1884 г. Ефстахий Любанский, член Минского сельскохозяйственного общества, превратил имение в образцовое хозяйство Минской губернии. Е. Любанский интересовался лесоводством, выписывал и высаживал саженцы редких видов деревьев из многих стран, проводил эксперименты по скрещиванию растений. Не случайно в советское время (1925) в усадьбе создан белорусский филиал Всесоюзного института растениеводства. После войны Лошицкий парк был отдан под сельхозугодья совхоза «Лошица». В деревне Лошица располагалось опытное хозяйство НИИ картофелеводства и плодоовощеводства. Лошицкий усадебно-парковый комплекс – памятник усадебно-паркового искусства XVIII–XIX вв. – единственная пригородная усадьба, почти целиком сохранившая историческую структуру. Комплекс, обладающий высокой историко-культурной, природно-экологической и рекреационной ценностью, восстановлен и открыт после реконструкции в 2011 г.; в усадьбе находится музей. Также Лошица (урочище Лошицкий (Черный) яр) хранит память о массовых расстрелах в 1937–1941 гг.; установлен памятный крест: «Ахвярам бальшавіцкага тэруру».

⁶ Изучением минских рек занимается краевед, руководитель народного краеведческого музея СШ № 90 С. Б. Холев.

Комаровка, до 1812 г. принадлежавшая Радзивиллам, получила название от большого болота (Коморовское болото упоминается в документах 1552 г.) и одноименной деревни, которая вошла в городскую черту к концу XIX в. Гипотезы о происхождении слова связывают его с большим количеством комаров, строением «комора» (П. Русов), а также именем местного юродивого Федьки Комара, получившего такое прозвище из-за назойливого нрава. Предание, повествующее о юродивом, который прельстился награбленным золотом и пытался его унести в лес, однако не смог, так как под ним разверзлась земля и поглотила его, образовав обширное болото, датируется 1423 г. [539]. Название сохранялось до 1956 г. в именовании площади (современная площадь Якуба Коласа). Сегодня имя «Комаровка» носит рынок, район возле которого также принято называть Комаровкой.

В. А. Жучкевич писал: «Утверждение о том, что гидронимы более древни по сравнению с названиями поселений, верно только для некоторых регионов при обобщении, в большинстве же своем взаимосвязи между названиями поселений и рек весьма сложны» [167, с. 4].

Имена деревень (Чижовка, Ржавец, Новины/Новинки⁷, Михалово, Шабаны, Сухарево⁸, Уручье, Веснянка⁹, Домбровка/Домброво¹⁰ и др.) актуализированы в названиях жилых микрорайонов и улиц. Деревня Домашево дала название улице и переулку. Память о деревне Добромысль (ранее предместье Добрые Мысли; возможно, произошло от польск. *Myśliwy* – охотник) сохранилась в названии Добромысленского переулка. Фольварк Брилевичи (упоминается в документах XVI в.) дал название одноименному микрорайону (2007). Романовская слобода, позже село Романово, сохранилась

⁷ Так называлась земля, которую впервые запахали после вырубki леса. Сегодня имя микрорайона (поселок включен в городскую черту в 2003 г.) стало нарицательным и устойчиво ассоциируется у жителей города с лечебницей психического здоровья, история которой началась в октябре 1918 г., когда в заброшенных постройках хутора Новинки начала функционировать психиатрическая колония, в 1920 г. именовавшаяся «1-й Советской трудовой колонией душевнобольных Новинки». Современное учреждение называется Республиканский научно-практический центр психического здоровья.

⁸ Село Сухорово известно с XVI в.; деревня Сухарево в составе города с 1992 г.

⁹ На территории жилого района Веснянка находился одноименный фольварк. Предположительно, название произошло от белорусского «вяснянка» – род растений из семейства капустных.

¹⁰ Домброво (пол. *Dąbrowa*) – один из польских родовых гербов. Предположительно, фольварк принадлежал польскому дворянскому роду, носившему этот герб.

только в названии улицы (бывшая Республиканская), расположенной рядом с Раковским предместьем.

Деревни Грушевка, Михалово, Петровщина, Малиновка, Уручье и Кунцевщина, обозначив районы города, дали названия станциям Минского метрополитена.

Тучинский переулок и Тучинский сквер (основан в 1960 г., архитекторы Л. Гельфанд и Ю. Кустов) располагаются на территории предместья Тучинка, известного в XIX в. кирпичными заводами¹¹, рядом с которыми копали ямы в земле для добычи глины – глиняные карьеры, со временем наполнявшиеся водой и превращавшиеся в пруды (тучки).

Некоторые предместья назывались по имени владельцев, как, например, урочище Курасовщина, получившее название от имени Яна Кураша. Двор Яна Кураша, владельца имения Лошица, упоминается в актах Минского городского суда 1580–1590 гг. Предположительно называлась Курашевщиной, а в XVIII в. трансформировалось в Курасовщину. В современном Минске есть парк «Курасовщина» и одноименный жилой район.

Топоним «Масюковщина», предположительно образованный от украинской фамилии Масюк (Масюкович, Масюков) [435], сохранен в названии микрорайона, улицы и переулка.

Поселок Кунцевщина, давший название микрорайону и улице, находился на территории современного микрорайона Красный Бор. В Беларуси есть несколько деревень, носящих такое имя. Так, деревня в Гродненской области предположительно названа по имени землевладельца Яна Кунца.

В 2010 г. между микрорайонами Зацень и Новинки планировалось строительство нового жилого микрорайона, названного Хмаринские пасеки. Во второй половине XIX в. это были леса, принадлежащие шляхтичам Хмарам. Леса были вырублены, «пасечаны», отсюда и название «пасеки». В 2011 г. строительство было приостановлено в связи с тем, что земли в этом месте пахотные. В микрорайоне Цна улицы переименованы в Иодковскую и Хмаринскую в память

¹¹ В конце XIX в. здесь находился кирпичный завод Рубенчика. В 1899 г. – кирпичные предприятия Файна и Шекта. Здесь же был кафельный завод И. Я. Авербуха. Изготавливались изразцовые, майоликовые и терракотовые печи, каминь, вазы, гончарные изделия. Продукция отличалась настолько высоким качеством, что в 1909 г. на Всемирной выставке в Риме Авербуха наградили золотой медалью.

о шляхетных родах Иодков и Хмар. И. Сацукевич отмечает, что исторические деревни Цна-Иодковская и Цна-Хмаринская находились рядом [435, с. 10].

Интересно происхождение сохранившегося в названии современного сквера (на углу улиц Воронянского и Левкова) имени предместья / деревни Сеножаны. Помещик Неморшанский назвал свое имение «Сен Жан» в честь известного французского курорта, а местные крестьяне переделали название в понятное для них «Сеножаны».

Деревня Дружба, давшая имя современному жилому району города, переименованному позже в Брилевичи, имеет интересную историю происхождения своего имени. Ранее деревня называлась Рыловщина (Рыловщина) и, вероятно, произошла от фамилии Рыленко (Рылович, Рылов) [167, с. 331]. Существует городская легенда, что неблагозвучное название поменяли в 1974 г., когда в Минск приезжал президент США Ричард Никсон. Готовясь к его приезду и согласовывая маршрут, городские власти обратили внимание на указатель: деревня «Рыловщина» и переименовали на благозвучное – поселок Дружба.

Город поглотил большое количество предместий и деревень, разнообразив состав минских топонимов. В современной топонимии Минска сохранилось немногим более 40 % названий прежних деревень, названий малых поселений – фольварков, дворов, застенков и хуторов – около 20 %.

Еще один базовый структурный элемент городского культурного ландшафта – гора. Особое отношение к горе, холму как сакральному месту отмечается в культуре многих народов (например, место паломничества в Литве – Гора Крестов). Причем эта традиция характеризуется устойчивостью, хотя и трансформацией ритуальных форм. Так, ритуал посещения Кургана Славы входил в свадебные ритуалы советских времен.

В сакральной минской символике архетип горы материализуется в самом древнем городском формировании – Троицкая (Траецкая) гора. Восприятие горы как чего-то священного, близкого к небу и богам свойственно для архаичных культур. Согласно легенде, сложившейся в XIX в., топоним произошел от названия первого минского деревянного костела, построенного на горе, фундатором которого стал великий князь литовский, король польский Ягайло в XIV в.

В. Н. Денисов отмечает, что в исторической записке неизвестного автора (1840-е гг.), хранящейся в архивном фонде Минской римско-католической консистории в НИАБ, указывается 1390 г., однако легенда не подтверждается письменными источниками. «На самой справе, як высветліў вядомы польскі даследчык Ежы Ахманьскі... першая каталіцкая святыня ў Мінску была фундавана вялікім князем ВКЛ Жыгімонтам Старым у 1508 г....», – уточняет исследователь [150].

По другим версиям, топоним возник от названия редута Святой Троицы [379, с. 553], церкви Святой Троицы [121, с. 223] или Свято-Троицкого монастыря [251, с. 269]. Р. В. Боровой, опираясь на письменные источники, указывает, что Троицкая гора в XVI–XVII в. называлась «Старым местом» («Старым рынком»; к концу XVI в. относятся первые упоминания о Троицком рынке). Совпадение названия горы с именем одной из находившихся на ней церкви (известной по документам конца XV в.) позволяет Р. В. Боровому предположить, что «оба эти названия восходят к древнейшему топонимическому пласту города (XI–XII вв.)» [73, с. 130]. Как доказательство древности Троицкой горы исследователь приводит сведения о том, что выстроенный на горе Свято-Вознесенский монастырь в документах XV в. назван «древним». Кроме того, он определяет на горе местонахождение церкви Святых Бориса и Глеба и улицы Глебо-Борисовской (храмы в их честь как первых на восточнославянских землях канонизированных мучеников-страстотерпцев (1072) строились в XII–XIII вв.) и отмечает, что первым минским князем был Глеб Всеславич. Таким образом, Р. В. Боровой приходит к заключению, что «поселение на Троицкой горе могло возникнуть одновременно с замком», но более вероятно «предшествовало замку (возникло не позднее IX–X вв.)» [73, с. 130–131], и в этом случае можно говорить о «Троицкой горе» как наиболее древнем топониме наравне с топонимом «Замчище» как местонахождении Минского замка.

Десакрализация Троицкой горы завершилась в советское время и сопровождалась внедрением новых символов. Троицкая гора становится площадью Парижской Коммуны.

Со временем именование горы как культовой доминанты перенесено на исторический район на левом берегу Свислочи. Культурная память актуализирована в названиях сквера «Троицкая

Гора» (2013), Старотроицкая площадь и Троицкая набережная (переименована в 2010 г.), Троицкое предместье, именуемое реконструированную историческую застройку конца XVII–XIX вв. – место памяти о древнем городе. Троицкое предместье может рассматриваться как локус бытия белорусской культуры. Некоторое время здесь жили семья Янки Купалы и Алоиза Пашкевич (Цётка), родился Максим Богданович (улицы рядом названы их именами), в духовной семинарии учился основатель белорусского языкознания Е. Ф. Карский, в высшей женской школе преподавал рисование художник Язеп Дроздович.

Золотой горкой в конце XVIII в. называли холм, на котором располагалось католическое кладбище с деревянной каплицей (Залатагорскія могілкі). В. Г. Воложинский приводит следующие сведения о названии костела: «В 1890 г. в газете “Минский листок” была помещена публикация ксендза Харевича о Золотогорском костеле и его названии. По преданию, во время одной из многочисленных эпидемий XIX в. кому-то из минчан приснился вещий сон: спасение зависит от святого Роха, статуя этого святого погребена в костеле бонифратров (милосердных, или гостеприимных, братьев), ее надо найти и извлечь. После продолжительных поисков в руинах была найдена деревянная статуя св. Роха. Ее очистили, в торжественной процессии пронесли по городу и установили в деревянной каплице на Золотой горке. В некоторых публикациях указывалось, что св. Рох является патроном (покровителем) города» [331].

О названии холма существует несколько версий, самая романтическая из которых повествует о том, что по окончании эпидемии холеры какой-то человек, выйдя из каплицы, расстелил на земле плащ, бросив туда несколько золотых монет, тем самым призвав горожан пожертвовать на строительство каменного костела. Так собралась горка золотых монет, на которые был построен храм, а это место называли Золотой горкой.

Современная улица Золотая Горка, до 1987 г. называвшаяся улицей Радистов, ознаменовала начало возвращения городу исторических имен.

Важный структурный элемент и определяющий символ культурной памяти города – дорога. Некоторые улицы города и сегодня имеют название «тракт» (нем. *Trakt* – большая дорога) – Игуменский,

Долгиновский, Сморговский, Логойский тракты указывают, что они ведут в направлении обозначенных городов. Название «Борисовский тракт» получила открытая в 2007 г. станция метро – до 1937 г. так называлась улица, которая вошла в современный проспект Независимости.

Имена трактов Койдановский, Виленский (сохранилось название Старовиленский тракт), Раковский не сохранились.

Топоним Раковское предместье возник по расположению вдоль Раковской дороги (Раковского тракта). Память об историческом районе Минска, возникшем в XI в.¹², сохранилась не только в названиях улицы Раковская и ресторана «Раковский бровар», но и в сознании современных жителей города, четко идентифицирующих место памяти, хотя название на картах города не закреплено. В районе древнего предместья располагается старейшая сохранившаяся церковь – Собор святых апостолов Петра и Павла (1612). Также в памяти жителей предместье ассоциируется с гетто, созданным нацистами на его территории.

Еще один структурный элемент города – мост – в топонимии современного Минска практически не представлен, хотя в истории города названия мостов сохранены. Известно, что в средневековом городе Троицкое предместье соединялось с центром сначала одним, а позднее – двумя мостами. Один из мостов через Свислочь к Троицкому предместью назывался Хлусов (конец XII в. – 1967 г.) Версии происхождения названия различны: от имени жителя города Лукаша Хлуса, на свои средства построившего мост, или белорусского глагола хлусіць – обманывать, так как на мосту часто собирались гадалки-цыганки. В губернском Минске мост назывался Александровским, как и продолжающая его улица.

Лавский мост (XVI в.) связывал Троицкое предместье с Верхним городом, соединял улицу Плебанскую (позже – Широкою, отсюда второе название моста – Широкий) с улицей Зыбицкой (Торговой). Помимо непосредственного назначения пешеходного моста, являлся также одним из торговых путей. Торговое предместье между ул. Зы-

¹² Раковское предместье вошло в городскую черту в начале XVII в., когда Петропавловский монастырь основал одноименную церковь и приобрел земельные угодья с постройками на пожертвования богатых прихожан. В начале XX в. здесь обосновались небольшие фабрики: по производству обуви, обойные (Шимановича, Лифшица, Эпштейна) и пекарни. Одна из улиц предместья в память об этом носит название Обойная (Шпалерная).

бицкой и Свислочью, где концентрировалась торговля молочными продуктами, называлось Лавы. Лавский мост был разобран в середине 1960-х гг. в связи со строительством павильона Выставки достижений народного хозяйства БССР (Национальный выставочный центр «БелЭкспо»; в апреле 2017 г. здание демонтировано) и благоустройством набережной. По мнению Д. И. Сацукевича и И. И. Сацукевича, название могло произойти от «...многозначного старобелорусского слова “лава“. Например, так называли узкий временный или плавучий мост, настил на столбах, предназначенный для пешеходов» [165].

Мы предлагаем иную гипотезу происхождения имени моста. Можно предположить, что название моста связано с магдебургским правом, когда город получил право общинного управления и суда. Городское общество избирало органы самоуправления, такими органами были рада и лава. Рада, совет, состояла из бурмистров и радцев, заведовала хозяйством города, его благоустройством и разбирала гражданские дела горожан. Лава, судебная коллегия, состояла из войта и присяжных лавников, ей подлежал суд по уголовным делам [155]. Возможно, что жители дали название мосту, ведущему к Верхнему городу, ратуше, где заседала лава.

В XVII–XVIII вв. соединял Троицкое предместье с улицей Бернардинской деревянный мост, в советское время (1928–1950-е гг.) на этом месте построили мост, предназначенный для движения трамвая, который получил название Трамвайного моста [257].

В губернском Минске были Полицейский мост, соединяющий улицы Полицейскую (сегодня Янки Купалы) и Троицкую (позже Александровская, сегодня улица Максима Богдановича), и Захарьевский – через Свислочь по Захарьевской улице (сегодня мост на проспекте Независимости рядом с площадью Победы).

На пересечении современных улиц Первомайская – Пулихова располагался Веселый мост, ведущий к улице Веселой (ныне Первомайская), на которой были пивные, увеселительные заведения и офицерские казармы. Татарский мост соединял Татарское предместье с районом Сторожевки (1909–1970-е гг.). Мост от Троицкого предместья к Острову Мужества и Скорби (Острову слез), построенный в 1964 г., из-за его формы стали называть Горбатым.

Первый железнодорожный мост над улицей Московской, связанный со строительством Либаво-Роменской железной дороги, именовался в просторечии Западным, так как находился на западной окраине города.

Существование имен в городском пространстве прежде всего определялось историческим периодом. Наименования и переименования происходили в зависимости от исторических событий, смен эпох. Каждая новая власть стремилась означить городское пространство, закрепить себя в символике имен. Иллюстрацией этой тенденции служит именование городских улиц и площадей. Так, первоначальное название площадей по местоположению (Круглая, Центральная) сменяется коммеморацией знаковых людей и событий (Октябрьская, Ленина – в постсоветский период Независимости, Победы, Калинина, Свободы, Якуба Коласа, Богущевича, Парижской Коммуны, 8 Марта, Юбилейная, Государственного флага и др.).

Семиосфера Минска – многопланова, многоязычна и многонациональна. Культурная полисемия, характерная для семиосферы большого города, нашла отражение в топонимах (внутригородских линейных наименованиях). Имена древнейших улиц Замковая, Троицкая, Завальная и др. определялись их местоположением; отражали особенности ландшафта, как, например, Зыбицкая (от зыби – топкого места; улица, расположенная на зыбкой пойме, часто страдала от половодий), Подгорная (современная Карла Маркса).

Замковая являлась главной улицей Минского замчища. В XVII–XVIII вв. нынешнюю площадь 8 Марта пересекала ул. Великая. В северном конце она переходила в ул. Замковую, которая поворачивала на запад и недалеко от Свислочи как бы замыкалась образующей полукольцо ул. Подзамковой. Продолжением ул. Подзамковой была ул. Завальная. Так как Замчище было окружено валами, название улицы указывало на ее расположение за валом. Культурная память о существовании в городе вала сохранена в названии современной улицы Городской Вал. Улица Старостинская Слобода, полагают, получила такое название, так как это место (находилась за Троицкой горой, между Свислочью и современной ул. Коммунистической) было ранее государственным поместьем, составляющим кормление минского старосты. Здесь в XVI–XVIII вв. проживали люди, арендовавшие у старосты земли.

Таким образом, названия улиц обуславливал локативный признак.

Многие топонимы содержат национальный или религиозный признаки их жителей. Так называемая народная этимология – один из источников культурной памяти, для которой важно восприятие, отражение в сознании, интерпретация города людьми.

Татарский конец (слобода) – место поселения татар, которое образовалось в городе в XVII в. (Массовое поселение татар в городе в разных источниках датируется как конец XIV в. – начало XV, начало или конец XVI в.). С начала XX в. территорию болотистой низины между Слободой и Свислочью татары начали использовать под огороды, поэтому местность в излучине Свислочи стала называться Татарские огороды. П. М. Шпилевский упоминает, что старожилы именуют это место Пятницким Концом по существовавшему некогда Пятницкой церкви и Пятницкой улице. В современной городской топонимии известны улицы Татарская и Амураторская – место памяти о татарском поселении. Кроме выращивания овощей, татары занимались коневодством, поэтому одна из версий названия улицы – Амураторская от тюркского слова «амуратор» – человек, занимавшийся изготовлением упряжи для лошади, или от названия породы арабских скакунов *amurath sahib*. Имя «Амурат» носили турецкие султаны. Также известно, что по этой улице шли похоронные процессии, и значение названия улицы – путь к истине, дорога к храму (улица вела к мечети).

Имена улицы Койдановская (современная Революционная, переименована в 1919 г.) и Койдановского тракта (современная улица Чкалова) предположительно этимологически восходят к имени татарского хана Койдана¹³. В начале XX в. в городе были улицы Большая Татарская, Малая Татарская, Татарская Людамонтская, Татарская Глухая и Замечетный переулоч (который находился за мечетью).

Современное название микрорайона Веселовка, по предположению И. Сацукевича, происходит от фольварка Басиаловка (Бейсаловка, Басаловка), производного от татарского патронима [434]. Название сохранилось в имени переулоча – Басиаловский. Однако краевед И. Корзун полагает, что это ошибочная версия, а микрорайон

¹³ По легенде, происхождение названия Койданово (современный г. Дзержинск, названный в честь Ф. Э. Дзержинского) связывают с именем хана Койдана, который здесь в битве с войском князя Миндовга потерпел поражение (А. Киркор, 1882). Койдановский тракт вел в направлении Койданово.

Веселовка получил название от фольварка Людамонт (с лит. – много шутов) – край веселья. У больших трактов всегда стояла корчма (или корчмы), а в этом месте проходил Виленский тракт.

В районе улиц Лютеранской (современная Волоха) и Малой Лютеранской (позже Немецкой, с 1922 г. Либкнехта) жили немцы и находилась лютеранская кирха. Здесь же располагалось лютеранское кладбище. Топоним сохранился в названии современного сквера.

Польское влияние и распространение католической веры заметны в топонимике городского пространства XVI–XVII вв. В середине XVII в. Минск был важным экономическим, культурным и религиозным центром Речи Посполитой. Под влиянием господствовавшего польского языка меняется имя города: он официально называется *Mińsk Litewski*.

Главная площадь города именуется Верхним, или Высоким, рынком (пол. *Wysoku Rynek*). Также на плане города 1773 г. отмечен Нижний рынок (*Rynek Stary*). (План Минска 1773 г. из собрания бывшего Виленского белорусского историко-этнографического музея им. И. Луцкевича представлен в Национальном музее истории и культуры Республики Беларусь.) Комплекс монастыря бернардинок (1642–1648) дал имя Бернардинской улице. Также получили названия улицы Францисканская (находился комплекс монастыря францисканцев конец XVII в. – 1832 г.) и Доминиканская (находился комплекс монастыря доминиканцев начало XVII в. – 1832 г.). Плебанская улица вела к плебанским мельницам (одна из них принадлежала плебании (парафии) Свято-Троицкого костела).

Вокруг Минска располагались многочисленные фольварки, предместья города: Менделеева, Кармелитский, Кальвария, Липки, Воловича, Дроздовского, Шейбы, Таранкевича, Людамонт, Переспа, Бейсаловка, на основных дорогах за пределами города – корчмы: Добромысль, Серебряная [71]; постепенно предместья входили в городскую черту.

До 1830 г. минская Кальвария (лат. *Calvaria* – Голгофа) – место упокоения аристократии – являлась только католическим кладбищем.

С 1793 г. в результате второго раздела Речи Посполитой белорусские земли были включены в состав Российской империи. В 1795 г. Минск стал центром новой российской губернии. Его семиосфера, как и в целом всех белорусских губерний, образовавших

так называемый Северо-Западный край, была вовлечена в процессы русификации, которые стали особенно активными после подавления антиросийских восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.

Главная площадь города – Высокий рынок получила название Соборной. Здесь располагался Петропавловский кафедральный собор. Улица Старостинская Слобода в 1866 г. переименована в Старую Слободу, а затем в Старослободскую. Имя Старослободская сохранялось до 80-х гг. XX в., сейчас – ул. Сторожевская. Культурная память об историческом именовании актуализирована сегодня в названии сквера Старостинская Слобода. Улица Зыбицкая стала Болотной, позже переименована в Торговую по функциональному признаку: улицы Торговая и Торгово-Набережная соединяли площадь Низкого рынка с районом Молочного рынка. (Историческое имя «Зыбицкая» улице вернули в 2010 г.) Бернардинскую переименовали в Монастырскую, Францисканская с середины XIX в. стала Губернаторской. (На примере этой улицы хорошо прослеживаются временные слои культурной памяти: Францисканская (XVII–XIX вв.) – Губернаторская (XIX в. – 1919) – Карла Маркса (1919–1922) – Ленинская (1922–1945) – Ленина (с 1945 г.)).

Губернаторская улица была типична для всех городов Российской империи, что обыгрывается И. Ильфом и Е. Петровым в «Двенадцати стульях» как улица имени товарища Губернского. Интересно, что в Минске существовали две губернаторские – Губернаторская и Захарьевская, названная в честь первого минского губернатора Захария Корнеева (1796–1806), нареченного в честь святого Захария. На примере главной городской магистрали также можно проследить изменение культурных слоев: Захарьевская (1801–1919) во время французской оккупации 1812 г. переименована в Новый город¹⁴ (а главная городская площадь Высокий рынок переименована в площадь Наполеона). Во время немецкой оккупации 1918 г. называлась Гауптштрассе, а в 1919–1920 гг. во время польской оккупации улицей Адама Мицкевича. С 1919 по 1941 г. и с 1944 по 1952 г. носит имя Советская. 1941–1944 – Гауптштрассе, 1952–1961 – проспект им. Сталина, 1961–1991 – Ленинский проспект, 1991–2005 – проспект Франциска Скорины, 2005 по настоящее время – проспект Независимости.

¹⁴ С 1 июля по 22 ноября 1812 г.

Улица Троицкая в XIX в. переименована в Александровскую в честь Александра II (современная ул. Богдановича). Из дореволюционных «именных» (названных в честь конкретного человека) улиц можно назвать Скобелевскую (в честь русского генерала, нынешняя Красноармейская, что также символично: улица имени белого генерала становится улицей Красной армии) и Пушкинскую (в 1899 г. отмечали столетие со дня рождения поэта). (В середине 30-х гг. XX в. улица Пушкинская переименована в Физкультурную. Идеология советского времени предполагала всеобщую физкультуризацию. Колонны физкультурников стали неотъемлемой частью парадов. В современном городе имя Пушкина носят проспект и станция метро.)

Козьмодемьянская, Сборовая, Воскресенская, а позже Преображенская получили свои названия по именам располагавшихся на них храмов.

Память о православном Космо-Дамиановском мужском монастыре сохранялась в имени улицы до 1930-х гг. Эта улица была примером типичной средневековой улицы – узкой и искривленной. В просторечии она называлась темными краями, так как на первых этажах домов в XVIII в. размещались мелкие магазины и мастерские. В 1933 г. переименована в честь Демьяна Бедного, советского поэта и писателя. (Созвучие имен – одна из характерных черт при переименовании линейных и топографических городских объектов: улицы Танковая и М. Танка, Ольшевская и Ольшевского). Окончательно улица исчезла с карты города в 1989 г. в связи со строительством метро. В честь кальвинистского сбора названа улица Сборовая, Преображенского монастыря – Преображенская, церкви Воскресения Христова – Воскресенская.

Революционные события принесли новые названия улицам: Советская, Пролетарско-набережная, Красноармейская, Революционная, Интернациональная, Красная, Карла Маркса, Энгельса, Ворошилова, Володарского, Пушиховская, Леккерта, Казарменный переулок (бывшие Кошары, что значит казармы), а также были увековечены в советское время в названиях городских площадей (площадь Ленина, Октябрьская) и парков (40 лет Октября, 50-летия Великого Октября, 60-летия Великого Октября), станций метрополитена («Пролетарская»). Революционные праздники 1 Мая и 8 Марта также были зафиксированы в топонимии города: так, первому

в БССР детскому кинотеатру, который открылся в 1933 г. в помещении бывшей кирхи по улице Советской присвоили имя 8 Марта («Рабочий». 1933. 24 февраля. С. 4); в современном городе одна из станций метро называется «Первомайская», а на месте исторического центра города (Замчища) находится площадь 8 Марта (названа в 1931 г.).

Пример символического противопоставления дореволюционного и революционного имен – переименование Добромысленского переуллка в Красномысленский, Архиерейской роши в Красную рощу¹⁵ («Звезда». 1923. 3 июля. С. 3), «Белацаркоўная» в «Чырвонаштандаартная» и «Залатагорская» в «Чырвоназвёздная» (названия приводятся по справочнику «Спадарожнік па Менску», 1930).

Большинство имен, увековечивающих революцию и советский период, закреплены в топонимии современного Минска, особенно в центральной части города. Память о советской эпохе сохраняется и в названиях административных районов города – Заводской, Ленинский, Советский, Московский, Октябрьский, Партизанский, Первомайский, Фрунзенский, Центральный.

Соборная площадь после Февральской революции 1917 г. стала площадью Свободы (с 1917 г. по 1933 г. пляц Волі). Улица Полицейская переименована в Набережную, Жандармская – в Путейскую. Захарьевская в 1919 г. названа Советской, Губернаторская переименована в честь Карла Маркса, с 1922 г. называется Ленинской, а с 1945 г. – улицей Ленина.

Троицкая площадь в 1919 г. переименована в площадь Парижской Коммуны – важный символ советской идеологии (название сохранено в современном городе) – в память о первом революционном правительстве, первом историческом примере диктатуры пролетариата. Площадь в центре города сегодня окружают улицы, названные в честь белорусских поэтов Богдановича, Янки Купалы, Пашкевич. Белорусские топонимы сочетаются с советской символикой – улицей Куйбышева (революционер и член Политбюро ЦК ВКП(б)) и Пионерским парком (сквер Марата Казея, названный в честь пионера-героя), расположенным на пересечении улиц Янки Купалы и Коммунистической.

Новое время вызвало переосмысление названий. Так, старинная улица Красная, толковавшаяся как «красивая», актуализировалась в советской символике как цвет революции.

¹⁵ На месте старинной рощи в 1967 г. открыт парк им. 50-летия Великого Октября.

В 1924 г. улица Воскресенская переименована в ул. Освобождения в значении освобождения трудящихся от социального и национального гнета, которое принесла революция (сегодня название ассоциируется с освобождением города от фашистской оккупации в 1944 г.).

В 1926 г. появились улицы Ф. Скорины и К. Калиновского как пример введения в городскую топонимию национального компонента.

Аббревиатуры в топонимах 20–30-х гг. – одно из веяний советского времени: Рабкоровская (бывшая Сергиевская; от словосочетания рабочий корреспондент), Автодоровская (автомобильные дороги), Осоавиахимовская (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству), Кэчевский переулок (появление названия связано с КЭЧ – квартирно-эксплуатационной частью военного городка, который разместился здесь в послевоенные годы), Мопровская (МОПР – Международная организация помощи борцам революции, созданная в 1922 г., дала название улицам многих советских городов) (в 1954 г. переименована в Калинина, в 1961 г. – в Коммунистическую), сквер имени КИМ – Коммунистический Интернационал Молодежи (бывший Коломенский сквер, переименованный в 1926 г.; после установления в сквере памятника К. Либкнехту в 1930 г. назывался садом имени К. Либкнехта). В 1920-е гг. минский городской сад (Губернаторский сад, названный так в честь основателя парка первого губернатора Минска З. Корнеева) переименован в сад «Профинтерн» (Красный интернационал профсоюзов – международная организация профсоюзов), позже в Сад пионеров, и только в 1936 г. он традиционно, как и многие другие парки культуры и отдыха в крупных городах Советского Союза, стал называться Парком имени М. Горького.

В 1934 г. с карты стираются старинные названия, связанные с национальными меньшинствами, проживавшими в городе: Еврейская улица становится Коллекторной, Большая Татарская – Димитрова, Малая Татарская – Колхозной, Китайская – Беломорской, Турецкая – Восточной, а улица Белорусская Слободка (до 1919 г. – Ляховская Слободка) стала Лодочной.

Немецко-фашистская оккупация сопровождалась новыми переименованиями (приложение 2): главная улица города Советская (проспект Независимости) стала называться «Гауптштрассе» (с 1 августа 1941 г. по 24 марта 1944 г.) и «25 марта» (с 25 марта

1944 г. до 3 июля 1944 г.). Название улицы «25 марта» было принято оккупационной администрацией по предложению Белорусской центральной рады в память о Дне провозглашения независимости Беларуси 25 марта 1918 г. Улица Октябрьская (современная Янки Купалы¹⁶) была переименована в улицу Луцкевича (И. Луцкевич – известный белорусский деятель, один из организаторов Белорусского музея в Вильно (1921–1944), ученый и журналист, издатель газеты «Наша Ніва» («Nasza Niwa»). На этой улице в 1927–1941 гг. жил Янка Купала, настоящие имя и фамилия – Иван Луцевич. Созвучие фамилий Луцкевич – Луцевич оказалось трагическим, по мнению В. Некляева, стоило поэту жизни. В НКВД решили, что оккупанты назвали улицу в честь Купалы. Улица стала носить имя поэта, погибшего при невыясненных обстоятельствах в 1942 г., только после многолетнего специального расследования с 1948 г. [68].

Во время Второй мировой войны город был сильно разрушен, появилась возможность создать новый идеальный советский город, поэтому приняли решение о его коренной реконструкции. К 1952 г. был спроектирован главный проспект – Сталина, в 1961 г. переименован в Ленинский проспект (сегодня проспект Независимости).

Послевоенные переименования были направлены на сохранение памяти о победе в войне, увековечение памяти о героях, но и на замену имен, которые какими-либо признаками могли бы ассоциироваться с врагом. Эта тенденция со временем возобладала над всеми другими и определила топонимическую политику на долгие годы.

В 1946 г. улица Германовская (происхождение названия не установлено, предположительно по мужскому имени – в Минске до революции улицам разраставшегося города давали мужские имена: Андреевская, Ивановская, Георгиевская, Сергиевская, Михайловская, Денисовская; некоторые, как Захарьевская, были названы в честь конкретных лиц) была переименована в улицу Заслонова (партизан, Герой Советского Союза), а с 1964 г. носит имя одного из организаторов и руководителей Минского подполья Семенова. Как известно, такие переименования касались не только улиц, но и городов. Так, патриотические настроения должна была вызвать в начале Первой мировой войны замена немецкого «Санкт-Петер-

¹⁶ В честь Янки Купалы в Минске также названы Национальный академический театр, библиотека, станция метрополитена и парк.

бург» на «Петроград». Сегодня историческое название улицы Германовской сохранено (такая улица существует на карте с 2012 г.).

В честь партизан Великой Отечественной войны была названа улица в поселке автозавода – проспект Красных партизан. Но так как в 1968 г. Могилевское шоссе переименовали в Партизанский проспект, то близкое по смыслу название заменили на улицу Центральную. Память о партизанах зафиксирована в названии одного из административных районов города – Партизанский район.

Некоторые минские урбанонимы рассмотрены в статье В. Бондаренко «Минская топонимика за двести лет: тенденции, загадки, парадоксы» (2008) [68]. Автор прослеживает историю городских улиц начиная с 1800-х гг., отмечая «польскость» топонимов, затем после 1840-х гг. – «русскость», схожесть со многими другими русскими губернскими городами, после 1917 г. «революционность», советскость, «русскую волну» наименований и переименований в честь выдающихся русских деятелей, а также героев Великой Отечественной войны, и приходит к выводу, что эти имена преобладают над белорусскими. Также автор отмечает тенденцию послевоенного времени называть улицы именами только что скончавшихся деятелей ВКП(б), генералов, ученых и деятелей революции и малочисленность улиц, названных в честь белорусских выдающихся деятелей.

Историю наименований советского периода В. Бондаренко разделяет на несколько ветвей:

улицы, названные в честь государственных деятелей БССР (Козлова, Притыцкого, Сурганова, проспекты Машерова, Любимова и др.);

улицы, названные в честь государственных деятелей СССР (пр-ты Рокоссовского, Жукова, Дзержинского, улицы Тухачевского, Уборевича, Крупской и др.);

улицы, названные в честь героев Великой Отечественной войны (Карбышева, Коржа, Карастояновой, Горовца, Серова). Также отмечается интересная тенденция: в 1976 г., чтобы подчеркнуть советский интернационализм (к 60-летию революции), улицы названы в честь героев разных национальностей – армянина Авакяна, таджика Азизова, туркмена Аннаева, киргиза Асаналиева, казаха Искалиева, эстонки Кульман, литовки Мельникайте, украинца Мирошниченко, русского Михайлова, азербайджанца Рафиева, молдаванина Солтыса,

латыша Судмалиса, грузина Чигладзе и узбека Якубова (14 человек, по числу союзных республик, не считая Беларуси);

немногочисленные улицы, названные в честь деятелей белорусской истории и культуры (Кастуся Калиновского, Петра Глебки, Янки Мавра, Евгения Тикоцкого, Алоизы Пашкевич, Винцента Дунина-Марцинкевича, Ивана Мележа, Миколы Гусовского, Аркадия Кулешова, Петруся Бровки. Появились и улицы, названные в честь знаковых фигур белорусской культуры – Максима Богдановича, Франциска Скорины).

В развитии минской топонимии второй половины XX в. исследователь отмечает усиление «местного колорита» (например, переименование бульвара Луначарского в бульвар Мулявина) в наименованиях улиц и постепенное превращение карты Минска в своеобразный гигантский мемориал Великой Отечественной войны.

В перестроечный период В. Бондаренко указывает на ряд переименований улиц по историческим городским названиям (Золотая Горка, Козыревская, Долгобродская, Кальварийская, Раковская, Романовская Слобода), указывая на несоответствие их исторического местоположения.

Тенденция не воссоздания подлинных исторических топонимов, а создания памятников подлинным историческим названиям, отмеченная В. Бондаренко, характерна и для современного периода.

В. Бондаренко приходит к выводу, что «топонимическая система столицы Беларуси полностью закаменела в рамках, заданных во второй половине 1960-х гг. Столица в целом по-прежнему напоминает огромный пантеон героев войны, подпольщиков и партизан, а ее центр – заповедник вождей марксизма-ленинизма... на карте Минска продолжают числиться десятки имен, зачастую не имеющих даже отдаленного отношения к столице Беларуси» [68].

По данным исследования А. Ластовского, Р. Балочкайте, А. Казакевича «Память о Второй мировой войне в городском ландшафте Восточной Европы» (2009; последняя точка фиксации в исследовании 2008 г.), в котором анализировался городской ландшафт, а именно названия улиц Минска, Киева и Вильнюса, белорусская столица была признана самым советским городом [265]. В топонимии Минска, как считают исследователи, проявляется прежде всего наследство советской эпохи. Наиболее подробно в работе проанализирован топонимический состав Минска.

наименований, связанных со Второй мировой войной, выявлено его содержательное наполнение, динамика присваивания номинаций.

Анализ топонимии Минска касался 780 названий, которые рассматривались по следующим категориям: Вторая мировая война, международный коммунизм, коммунизм (Советский Союз), белорусский довоенный коммунизм, белорусский послевоенный коммунизм, белорусская советская история и культура, белорусская досоветская история и культура, русская история и культура, советская история и культура, населенные пункты (Беларусь), населенные пункты (Россия), другие населенные пункты, профессиональные группы, физические характеристики, отсылки к местным объектам, досоветские названия, другие. Исследователи пришли к выводу, что для Минска характерно распространение трех основных категорий: Вторая мировая война – включение абстрактных названий, имен деятелей городского подполья, советских военных вождей, героев разных республик СССР (15,1 %); русская история и культура (8,8 %); ссылки на местные локальные объекты (15,2 %); Советский коммунизм составил 6,5 % от всех названий. Память о конкретных людях фиксирует преобладание имен героев Второй мировой войны (113), затем деятелей русской истории и культуры (64) и советских коммунистов (44). Четвертое место занимают деятели белорусской советской культуры, пятое – представители белорусской культуры досоветского периода. Отмечается высокая репрезентация советского и русского слоев памяти в топонимии Минска.

Анализируя практику переименований, исследователи отмечают, что в 1990-е гг. зафиксировано 121 переименование. В качестве стремления к национальному в названиях улиц приводятся примеры переименований проспекта в честь Ленина в проспект Франциска Скорины, улицы Максима Горького в улицу Максима Богдановича и улицы Танковой в улицу Максима Танка¹⁷.

Всплеск переименований в 1990–1993 гг., отмечают исследователи, происходил за счет возвращения исторических имен, следующий всплеск пришелся на 1997–1998 гг. Повышенная активность

¹⁷ Улица названа Танковой в 1928 г. ввиду создания в стране советских танков серийного производства. Переименована в честь Максима Танка в 1996 г. Название улицы Танковая «переехало» в 2013 г. в агрогородок Колодищи в связи с обращением ветеранов об увековечении мощного оружия времен Великой Отечественной войны, особенно отличившегося во время освобождения Минска.

переименований, связанная с ростом города (переименовывались улицы в деревнях, которые были включены в состав Минска), отмечается в 2004–2005 гг. Также упоминается характерная для 2005 г. политически и идеологически важная миграция названий: переименование главных минских проспектов – Франциска Скорины и Петра Машерова в проспекты Независимости и Победителей, что ознаменовало, на наш взгляд, начало создания нового образа города, нового идеологического конструкта: столицы суверенного государства и страны-победителя, традиционным неизменным маркером, важнейшим элементом семиосферы которой является память о Второй мировой войне. Ведущее место военной тематики свидетельствует о важности этого слоя в культуре памяти; второе место занимает белорусская история и культура.

В последнее десятилетие «советская эпоха становится историей, теряя свою негативную и позитивную значимость», происходит «постепенное забывание советского, его специфики и символического содержания... Это приводит к устойчивому снижению политического и символического значения “места” в городском ландшафте... последовательной фрагментации советского, выделению из него национального, нейтрального, колониального, своего» [209, с. 33]. Прослеживается бинарная оппозиция «советское – национальное». Городское пространство наполняется новой символикой: яркие примеры такой символики – Дворец Независимости и площадь Государственного флага.

Некоторый интерес представляет исследование отантропонимных минских урбанонимов Ю. Л. Никитиной и В. А. Стадник (2010), которые пришли к выводу, что «в реестре названий внутригородских объектов, образованных от антропонимов, преобладает белорусский текст культуры, который составляет 45, 7 %». Русский компонент, по данным исследования, составляет 38 %, советский – 12%, европейский – 3,3% [357, с. 132, 133].

Все выявленные названия, посвященные памяти личности, исследователи делят на три группы:

различным политическим деятелям (улицы Артёма, Калинина, Сурганова, Мясникова, Веры Слуцкой, Карла Маркса, проспект Машерова);

участникам восстаний, войн и крестьянских движений (улицы Кутузова, Разинская, Буденного, Щорса, проспект Жукова, улицы Лейтенанта Кижеватова, Бумажкова, Варвашени, Ваупшасова), выделяя три компонента мемориального отантропонимного урбанонимикона – белорусский (51,5 %), русский (35,7 %) и советский (13 %);

деятелям культуры, ученым и космонавтам: белорусским (улицы Янки Купалы, Гошкевича, Дроздовича, Академика Купревича, Архитектора Заборского, Азгура, бульвар Мулявина и др.; доля белорусского текста культуры составляет 39,8 %); русским (проспект Пушкина, улицы Ломоносова, Менделеева, Васнецова, Чайковского и мн. др. – 48, 3 %); названия, образованные от антропонимов «Адам Мицкевич», «Станислав Монюшко», «Ежи Гедройц», «Владислав Сырокомля» и др., исследователи относят к европейскому компоненту текста культуры, а также выделяют советский компонент.

Авторы, говоря о большом количестве наименований – символов советской эпохи, отмечают возросший интерес к национальной истории и культуре, тенденцию «при номинации новых внутригородских объектов... к некоторому преобладанию названий в честь белорусских деятелей культуры» [357, с. 133].

Важно обращать внимание на достоверность идентификации отантропонимных наименований. Так, в приведенном выше исследовании присутствуют как статистические неточности (когда доли не составляют 100 %), так и ошибки в соотнесении некоторых фамилий (например, улица Янковского получила название не в честь актера, как пишут исследователи [357, с. 132], а по имени белорусского языковеда, основателя белорусской фразеологии Михаила Федоровича Янковского), в классификации (например, революционер и первый в Беларуси Герой Труда (1933) Иосиф Петрович Голубев выделен авторами в подгруппу советских летчиков, участников Великой Отечественной войны [357, с. 131]; также народный комиссар просвещения Литовско-Белорусской советской республики (1919), генеральный секретарь Компартии Польши (1929–1937) Юлиан Марьянович Лещинский не являлся участником Великой Отечественной войны [357, с. 131] – репрессирован в 1937 г. и приговорен к расстрелу).

Коммеморация, способствующая возрождению национальной культуры, не всегда верно идентифицируется в сознании жителей города. В качестве примера можно привести высказывание одного из участников обсуждения о именовании и переименовании улиц города на форуме tut.by (11 октября 2012): «Моя пожилая свекровь заявила, что она поехала в магазин на Бонапарта. Это она так собралась в ОМА, что на Наполеона Орды» [491]; или следующий случай, описанный в «Народной газете» (№ 18(6314) от 8 мая 2015 г.): «Оформлявший в ЖЭСе какую-то заявку пенсионер возмущался названием улицы, на которой семья его дочери построила квартиру: “Наполеон и его орды были захватчиками, несли нам кровь, а мы в их честь улицы называем?!” Больших трудов стоило разъяснить деду, что новая магистраль носит имя нашего художника, скульптора и композитора Наполеона Орды, которому во время войны 1812 года с Бонапартом было всего пять лет».

Часто названия улиц ошибочно соотносятся с фамилиями: Уманского, Прилуцкого, Суражского, в то время как улица Уманская – от «Умань»¹⁸, Прилуцкая – от «Прилуки»¹⁹, Суражская – от русского топонима «Сураж» (станция «Сураж» – первая станция Московской железной дороги в направлении Брест – Москва). То же происходит и с именем улицы Аранской (воспринимаемой нередко как Оранского); на месте улицы было предместье Араны (предположительно от «араць» – пахать; орь – пашня, ораны – пахари [167, с. 271]). На восприятие жителей города могут влиять зафиксированные в отдельных справочниках 1950-х – 1970 гг. название улицы «Оранского» («Аранского») и тот факт, что на карте 1967 г., например, улица обозначена как «Оранского». Также фиксируется ошибочное отождествление фамилий. Например, в сети Интернет можно встретить пояснение именовании улицы Дорошевича в честь русского фе-

¹⁸ г. Умань на Украине расположен на месте слияния рек Каменка и Уманка.

¹⁹ По В. Далю, одно из значений слова «прилу́ка» – место при речной луке, т. е. берег при изгибе реки (Толковый словарь Даля. 2-е изд.-е. Т. 3. 1882. С. 438).

В Минском районе Минской области есть агрогородок Прилуки, бывшее имение Чапских. Здесь в 1926 г. снимался первый белорусский кинофильм «Лесная быль» по повести Михася Чарота. Фильм был показан в Минске 26 декабря 1926 г. в кинотеатре «Культура» (здание бывшей Хоральной синагоги, сегодня – Национальный академический драматический театр им. М. Горького). В другом родовом имении Чапских – Станьково в 1936 г. проходили съемки некоторых сцен художественного фильма «Дубровский» по повести А. С. Пушкина.

льетониста конца XIX – начала XX в. Власа Дорошевича, что логически объяснимо, так как рядом располагаются улицы Хмельницкого и Чернышевского. Однако улица названа в честь белорусского ученого-геодезиста, ректора Белорусского государственного политехнического института в 1947–1959 гг. Михаила Васильевича Дорошевича (один из корпусов БНТУ находится рядом с этой улицей). Улица Владимира Ермака названа в честь уроженца Минска, Героя Советского Союза, участника Великой Отечественной войны, а не по имени казачьего атамана, национального героя России.

Закрепление имен культуры, отнесение их к ключевым именам – процесс сложный, требующий времени и определенных практических действий, применения эффективных городских практик, опирающихся на достаточную научно-исследовательскую базу. В связи с этим заметим: сегодня научные труды по топонимике малочисленны, эта сфера требует дальнейшего изучения, а также практического участия ученых-специалистов.

В настоящее время наименования и переименования столичных улиц осуществляются в соответствии с решением Минского городского Совета депутатов «Аб найменаванні і перайменаванні праспектаў, вуліц, плошчаў і іншых састаўных частак г. Мінска» от 12 марта 2008 г. [1]. Основой в переименовании становятся исторические названия – отмечается всеми исследователями топонимов Минска. Вместе с тем выявляются некоторые тенденции современной городской топонимии, требующие культурологического осмысления.

Закрепление памяти об известных белорусах в основном происходит в микрорайонах, на окраинах города. Например, к улицам Наполеона Орды, Ежи Гедройца и Яна Чечота в Брилевичах добавилась улица Степана Некрашевича, белорусского ученого-языковеда, академика Национальной академии наук Беларуси; в Михалово появились улицы Льва Сапег и Ельских, в районе Большой Слепянки – улицы Ваньковича и Буйницкого. В 2014 г. в районе Михалово-2 улицы названы в честь государственных деятелей Великого Княжества Литовского князей Острожских и графского рода Тышкевичей, самые известные представители которого Е. и К. Тышкевичи, археологи, историки, этнографы, фольклористы, основатели первого публичного музея древностей в

Беларуси. В связи с 200-летним юбилеем белорусского художника Ивана Хруцкого, который отмечался в 2010 г., в следующем 2011 году его именем названа улица. В 2011 г. в названиях улиц были увековечены имена хорового дирижера, музыкального этнографа Геннадия Цитовича, поэта, переводчика Владимира Дубовки, белорусского и литовского художника Петра Сергеевича, белорусского и польского писателя Яна Борщевского, писателя, литературоведа Ивана Науменко. В 2015 г. новым улицам в микрорайоне Лошица присвоены имена кинорежиссеров, внесших значительный вклад в становление и развитие белорусского киноискусства, Виктора Турова и Михаила Пташука.

Традиция называть парки и скверы в честь известных личностей закрепляется в городском культурном ландшафте.

В 2002 г. парк «Серебрянка» переименован в честь Надежды Грековой, которая с 1938 г. по 1947 г. являлась председателем Верховного Совета БССР. Рядом с парком проходит улица, носящая имя начальника штаба 1-го Белорусского фронта генерала М. Малинина, мужа Н. Грековой.

В 2003 г. открыт сквер Адама Мицкевича (на Городском Валу, недалеко от пересечения улиц Немига и Романовская Слобода), в котором установлен памятник поэту.

В 2012 г. парк на проспекте Газеты «Правда» назван в честь М. Павлова – председателя Минского городского исполнительного комитета в 2000–2009 гг.

В рамках этой традиции выделяется тенденция давать имена детских писателей аллеям центральных детских парков. Например, в Центральном детском парке им. Максима Горького в 2012 г. появилась аллея Василя Витки.

В городском пространстве ключевых имен наименование образовательных учреждений города зарождалось путем присвоения имен их владельцев: например, дореволюционная частная женская гимназия Е. Д. Рейман; или назывались Мариинскими, как Мариинская гимназия на улице Подгорной (современная Карла Маркса, 29), так как находились под юрисдикцией Ведомства учреждений императрицы Марии, названного по имени его основательницы императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I.

В советский период присвоению имени учреждению образования обычно предшествовало открытие школьного музея, посвященного деятельности знаковой личности. Так, в 1966 г. в СШ № 21 открылся музей, а в 1967 г. школе было присвоено имя Героя Советского Союза Н. Ф. Гастелло. В СШ № 137 в 1988 г. был открыт музей имени первого секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова, а в 1997 г. школе присвоено его имя.

С 2009 г. гимназия № 41 носит имя В. Х. Серебряного, талантливого педагога, трудившегося в школе в 1997–2006 гг. и подготовившего многих победителей международных математических олимпиад. Средней школе № 114 с углубленным изучением испанского языка в 2010 г. присвоено имя Симона Боливара, СШ № 143 в 2009 г. – присвоено имя казахского писателя М. О. Ауэзова. Архитектурно-художественная гимназия № 75 с 2013 г. носит имя заслуженного деятеля искусств БССР, народного художника Беларуси П. В. Масленикова. Гимназии № 1 с изучением отдельных предметов на повышенном уровне присвоено имя Ф. Скорины. Школы, носящие имена народных поэтов Янки Купалы и Якуба Коласа: Сеницкая средняя школа имени Янки Купалы, в которую в 1889 г. поступил семилетний Янка Луцевич; минская средняя школа № 44 имени Якуба Коласа (к сожалению, язык обучения в школах имени выдающихся людей, всю жизнь посвятивших возрождению национального в Беларуси, Скорины, Купалы, Коласа, не родной – русский).

Заметной традицией введения ключевых имен в пространство современного города становится празднование дня рождения знаковых личностей. Так, 15 августа 2014 г. на здании минского пивоваренного завода «Аліварыя» открыли памятный барельеф (скульптор П. Войницкий) в честь Кароля Чапского, городского головы в 1890–1901 гг., самого известного и уважаемого жителями Минска²⁰. 15 августа 2015 г. в Минске широко отмечался День Чапского (ChapskyDay). Графа – преобразователя города называли минчанином столетия. По Минску ездил трамвай Чапского, в котором мож-

²⁰ Кароль Гуттен-Чапский в 1894 г. построил на месте деревянного здания пивзавода Рохли Фрумкиной пивоваренный завод «Богемия», в котором пиво производилось по немецкой технологии, а в 1896 г. продал его Ф. Лекерту, завод стал называться «Минский паровой пивоваренный завод № 3 Франца Лекерта» (первый и второй были в Могилеве и Гомеле). В 1917 г. завод был национализирован и стал называться «Пивзавод имени героя революции Гирша Лекерта». Название «Оливария» (видоизмененное древнегреческое слово «надежда») завод получил в 1994 г., когда предприятие находилось на грани банкротства и надеялось на лучшее будущее.

но было посмотреть фотографии и услышать аудиофакты из эпохи графа, а вечером во многих кафе города можно было продегустировать самое титулованное пиво – «Аливария Золотое».

В 1910–1911 гг. городская дума рассматривала вопрос о переименовании Михайловской улицы, расположенной в 4-й части г. Минска, в улицу Графа Чапского [146]. Однако эти планы так и не были осуществлены. В 1920-е гг. Михайловскую переименовали в улицу 11 Июля (в честь освобождения Минска Красной армией в 1920 г. от польских войск), а в 1934 г. – в улицу Кирова, в честь советского государственного и партийного деятеля (ныне часть улицы от железнодорожного вокзала до улицы Свердлова).

Среди современных тенденций можно отметить появление на зданиях табличек об охране и статусе историко-культурной ценности, на которых представлена информация не только о времени создания архитектурного сооружения, но и о его архитекторах. Например, на доме с башней на пересечении улиц Ленинградской и Бобруйской (Привокзальная площадь) указано имя архитектора Б. Р. Рубаненко, а на здании гостиницы по улице Кирова, 13 табличка свидетельствует: «Будынак былой гасцініцы “Свіслач”, 1938 г., архітэктар А. П. Воінаў» (к сожалению, информация не совсем верная, гостиница в это время называлась «Белорусь», переименована в «Свислочь» в 1987 г. в связи со строительством гостиницы на берегу Свислочи, названной «Беларусь»).

Отмечены в городском пространстве не только памятники архитектуры, но и обычные жилые дома, в истории которых есть те или иные знаковые факты. Так, на доме по улице Московской, 8 на памятной табличке указан год постройки – 1932 и увековечены имена архитекторов А. П. Воинова, Н. Гилярова и А. Крылова (имена выпускников Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС) связаны со становлением белорусской архитектуры). Это 112-квартирный жилой дом для рабочих и служащих железной дороги на перекрестке улицы Московская и Добромысленского переулка был построен по заказу правления жилищно-кооперативного товарищества «Чырвоны чыгуначнік» [103; 225; 313]. Характерными приметами 30-х гг. XX в. было отсутствие в доме помещений для ванной комнаты и кухни. Предполагалось, что железнодорожники будут посещать ведомственную железнодорожную баню, которая была бесплатной для этой категории граждан, а питаться на фабрике-

кухне – предприятия общественного питания. В 1920–1930-е гг. в СССР происходило «высвобождение» женщин из пут домашнего хозяйства и вовлечение их в производство. Домашним обедам, как и многим другим «мещанским» семейным ценностям, была объявлена война. Кухням противопоставлялись просторные залы общественных столовых. Коллективным массовым мероприятиям, совместному потреблению пищи отводилась особая социокультурная роль в советской идеологии. В 1936 г. в Минске была открыта фабрика-кухня, уникальное архитектурное сооружение которой является памятником конструктивизма (ул. Свердлова, 2 – между Красным костелом и гостиницей «Минск»).

Однако на некоторых зданиях и даже на знаковых памятниках архитектуры нет не только указания имен архитекторов, как, например, на историческом здании по улице Советская, 14 (до революции улица Захарьевская, 20; согласно инвентарному описанию кварталов Минска за 1910 г. один из самых привилегированных в городе домов), в котором сегодня располагается Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ, но и отсутствуют таблички об охране и статусе историко-культурной ценности. Давая названия улицам, аллеям, паркам, скверам, необходимо означивать их поясняющими табличками, памятными досками, чтобы городское пространство не оставалось неосвоенным.

Одна из современных практик актуализации культурной памяти об исторических названиях улиц – указание на табличках наряду с современным названием улицы ее прежних имен в хронологическом порядке. Такая практика осуществлена в Могилеве и Барановичах, а в конце сентября 2016 г. начала применяться в Минске по инициативе общественного объединения «Альтернатива», поддержанной Министерством культуры. Активистами объединения в 2015 г. были собраны подписи за установление таких табличек на 16 улицах, проспектах Независимости и Победителей и двух площадях (Парижской Коммуны и площади Свободы).

Среди улиц Верхнего города, на которых уже установлены таблички (на 01.11.2016): *Герцена* (с 1922 г.), исторические названия: Малая Бернардинская (с XVII в.), Малая Монастырская (с 1866 г.), Бернардинский переулок (с 1920 г.); *Зыбицкая* (с 2010 г.), историче-

ские названия: Зыбицкая (с XVI в.), Болотная (с 1866 г.), Торговая (с 1882 г.); *Интернациональная* (с 1947 г.), исторические названия: Волоцкая (с XVII в.), Крещенская (с 1866 г.), Урицкого (с 1919 г.), Октябрьская (с 1922 г.); *Кирилла и Мефодия* (с 1990 г.), исторические названия: Большая Бернардинская (с XVII в.), Монастырская (с 1866 г.), Бернардинская (с 1920 г.), Бакунинская (с 1922 г.); *Музыкальный переулок* (с середины XX в.), исторические названия: Монастырский (с XVIII в.), Музыкантский (с середины XIX в.); *Энгельса* (с 1922 г.), исторические названия: Доминиканская (с XVII в.), Петропавловская (с 1866 г.), Володарского (с 1919 г.). Планируется установка подобных табличек по улицам Карла Маркса, Ульяновской, Советской и др.

Действенной коммеморативной практикой являются переименование остановок общественного транспорта, а также аудиоэкскурсии (система «Электронный гид»). Например, по маршруту автобуса №100 «Минск экскурсионный» рассказывается об истории мест, их названий, зданий – памятников архитектуры, мимо которых проезжает автобус. Также на экраны выведена информация о культурных и архитектурных объектах.

В 2007–2013 гг. прослеживается тенденция давать исторические названия безымянным городским площадям (например, *Старотроицкая площадь*), станциям метро (действующим: *Борисовский тракт*, планирующимся: *Слуцкий гостинец*, *Неморшанский сад*, *Ковальская Слобода*), скверам: *Троицкая Гора*, *Старостинская Слобода*, *Сеножаны*, *Татарский*, *Комаровский*, *Михайловский*, *Ляховский*, *Сторожевский*, *Переспенский*, *Лютеранский* – на месте снесенного в 1970-е гг. Лютеранского кладбища, *Кальварийский* – между улицей Кальварийской и кладбищем «Кальвария», *Госпитальный (Шпитальны)* – на территории Главного военного госпиталя Министерства обороны, *Маломедвежинский* – на месте деревни Малое Медвежино, также известной как Нядзвежына или Нядзведзін (в XVIII в. были деревня, урочище, хутор, корчма, фольварки Медвежино. Сегодня так называется коттеджный поселок); на месте снесенной в 1960-е гг. деревни Ольшева – *Ольшевский сквер*. *Бондаревский сквер* получил название от улицы Бондаревской (с 1967 г. улица Гало, в честь участника Великой Отечественной войны Захара Захаровича Гало), на которой до революции жили ремесленники-бондари. Сквер *Степановский сад* таким названием обязан мещанину Степанову,

жившему в Минске в конце XIX в. На своей земле он посадил сад, который позже был выкуплен городом.

Парки Антоновский и «Тивали» сохраняют память о старинных парках, заложенных в середине XIX в. Антоновский парк, находившийся на правом берегу Слепни, был назван по имени его основателя архиепископа Антония Зубко, который создал фольварк образцового хозяйства. Эта местность называлась Антоновка, а в 1928 г. был открыт Антоновский парк. Сегодня располагается немного южнее старого парка. По примеру первого в Европе парка массового отдыха «Тиволи», открывшегося в Копенгагене в 1844 г., создавались свои «Тивали» во многих европейских городах. Так появилось название «Тивали» и у фольварка под Минском, владелец которого, как пишет И. Сацкевич, решил превратить его в культурный уголок губернского Минска. Сегодня парк «Тивали» (ул. Матусевича), которому более 100 лет, реконструирован как многофункциональный досуговый комплекс.

В 2015 г. принято решение присвоить историческое название безымянному проезду от улицы Раковской до улицы Романовская Слобода – улица Юрово-Завальная.

В городе можно выделить историко- и культурнозначимые места, в формировании которых важную роль играет семантика имени. Эти места можно представить как комплексы внутригородских названий, которые объединены локально, связаны общей коннотацией и свидетельствуют о существовании пространства, наполненного определенным смыслом.

Прокладка Московско-Брестской и Либаво-Роменской железных дорог и строительство двух вокзалов (1871 и 1873 гг.) обусловило образование вокруг них семантического пространства²¹ и послужило

²¹ Первоначально застройка кварталов вдоль улицы Московской была деревянной. В начале 1930-х гг. началось строительство домов из кирпича. Тут селились семьи железнодорожников и рабочих, обслуживающих железную дорогу. Улица Московская вела к Брестскому вокзалу (в 1920 г. сожжен польскими оккупантами, после восстановления работал до 1928 г. Здание сгорело во время войны и больше не восстанавливалось), также носившему имя Александровский. В 1912–1922 гг. Московско-Брестская железная дорога называлась Александровской в связи со 100-летием Отечественной войны 1812 г. в честь императора Александра I. Этот район именовался до 1938 г. Александровским, потом Кагановичским (в честь соратника Сталина), в 1957 г. в связи с развенчанием культа Сталина и по настоящее время Октябрьским.

Либаво-Роменский (Либавой называли город Лиепая), или Виленский, вокзал был разрушен во время войны, отстроен заново в 1946 г., а в 1991 г. демонтирован и взорван, что ознаменовало новое для города время. Сегодня от старого вокзала осталось здание пригородных касс. Новое здание вокзала открыто в 2001 г.

появлению многих «железнодорожных» топонимов: Пакгаузная, Паровозная, сохранившиеся Железнодорожная, Вокзальная, Либаво-Роменская²², Роменская, Привокзальная площадь. У железнодорожников была своя церковь – Собор Казанской Божьей Матери, называвшаяся также Железнодорожной.

Место возле аэропорта «Минск-1» (1933) знаменовало начало авиации. К аэропорту ведет улица Чкалова, носящая имя легендарного летчика-испытателя с 1938 г. – года его гибели. «Чкаловским» называется и жилой район. Улица рядом с аэропортом носит название Аэродромная, рядом находится стадион «Взлет», жилая застройка также называется «Аэродромная». В сквере установлен памятник Герою Советского Союза Т. Т. Ромашкину. Здание аэровокзала 1957 г. и памятник в сквере – работы архитектора Г. Заборского, организуют единое семантическое пространство. К памятнику ведет улица Короткевича (до 1964 г. называлась Аэропорт), названная в честь одного из организаторов и руководителей Минского подполья Дмитрия Андреевича Короткевича, известного под псевдонимом Дима. Сегодня у многих жителей города имя улицы ассоциируется с классиком белорусской литературы Владимиром Короткевичем.

Традиционно большое внимание в городском пространстве уделяется увековечению памяти о событиях и участниках Второй мировой войны.

Железная дорога способствовала включению в черту города многочисленных предместий. Одно из предместий рядом называлось Уборки. В него входили современные улицы Фабрициуса (бывшая Григорьевская; Я. Ф. Фабрициус – командир Красной армии во время гражданской войны. В Минске в 1922–1923 гг. возглавлял Школу красных командиров – начальник Объединенной белорусской военной школы имени ЦИК БССР, располагавшейся в здании Суворовского училища. Интересно, что преподавание в школе велось на белорусском языке), Добромысленский переулок, поселок Грушево, Суражская. В 1890-е гг. здесь была группа хуторов Грушево, или Грушевка, луг и предместье Добрые Мысли. Предместье Грушевку в конце XIX в. с городом соединяла улица Грушевская, сохранившая название в современном городе. По одной из версий название Уборки произошло от местоположения у соснового бора, который при строительстве железной дороги был вырублен. Скорее всего, название предместья произошло от понятия «убирать урожай». За железнодорожным полотном селился трудовой люд, содержащий свои сады и огороды, чей уклад жизни почти ничем не отличался от сельского.

В 1905 г. с вокзалов налажено движение дачных поездов в Курасовщину и Серебрянку.

²² В 70-х гг. XIX в. этот район был поселком Козырево, называвшемся так от фамилии его основателя инженера Козырева, служившего на Либаво-Роменской железной дороге. Сегодня память о нем хранит улица Козыревская.

Именами белорусских летчиков – героев Великой Отечественной войны традиционно называются улицы в жилом микрорайоне Сокол, городском поселке, включенном в состав Минска в 2000 г. (Сокол находится по дороге к Национальному аэропорту «Минск».) Так в 2014 г. появились улицы в честь морского летчика Алексея Касьяновича Антоненко, штурмана ночного бомбардировщика Галины Ивановны Докутович, командира звена штурмового авиаполка Михаила Федосеевича Шатило.

Кроме площади Победы, в последние годы сформировано новое идейно-структурированное место памяти о Второй мировой войне. Парк Победы, расположенный вдоль проспекта Победителей, к 2013 г. преобразован в музейно-парковый комплекс «Победа», семантическое поле которого создают многочисленные символы с «говорящими» названиями: фонтаны «Победа» и «Вечность», скульптура «Дорога в будущее» (скульптор П. Войницкий), остров Комсомольцев и Комсомольское озеро. В мемориальном зале Победы нового здания Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (2014) увековечены имена Героев Советского Союза – белорусов, уроженцев Беларуси и тех, кто получил это звание за мужество и героизм, проявленные на белорусской земле.

Образ Минска как советского города также поддерживается в образовании имен новых объектов. Так, улица Октябрьская закономерно ведет к торговому центру, именуемому «ЛенінГрад» (год строительства – 2015). Город Ленина продолжает жить в новых местах памяти о советском периоде. Торговый центр располагается на улице Ленина, недалеко от станции метро «Пролетарская». Таким образом, смысловое наполнение имени происходит в окружающем контексте.

В городском пространстве Минска представлены наука и культура. В микрорайоне Восток рядом с Национальной библиотекой Беларуси, Домом Милосердия и комплексом Храма всех Святых (название храма дало имя прилегающей улице Всесвятской, таким образом, сохраняется традиция наименований, сложившаяся в древнем Минске) находится улица Кирилла Туровского, названная в честь одного из наиболее почитаемых белорусских святых. Семантика пространства, символизирующего просвещение, служение отчизне включает имена Франциска Скорины и Кастуся Калиновского,

революционера-демократа, мыслителя, руководителя восстания 1863–1864 гг., а также Сымона Будного, издателя первых напечатанных в Несвижской типографии книг «Катэхізіса» і «Пра апраўданне грэшнага чалавека перад Богам» на белорусском языке, и белорусского печатника Петра Мстиславца соратника Ивана Федорова в Москве, обустроителя типографии братьев Мамоничей в Вильно. Улицы Будного и Мстиславца, связывающие улицы Калиновского и Скорины, именованы в 2011 г.

Пространство находящегося неподалеку, расположенного вдоль улицы Франциска Скорины, жилого комплекса «Магистр» – квартала арендного жилья для молодых ученых – организуют улицы Ильи Копиевича (книгопечатник), Академика Высоцкого (академик НАН Беларуси, основоположник белорусского грузового автомобилестроения), Навуковая, Огинского (композитор и политический деятель Речи Посполитой) и Университетский проезд.

Жилой район Академгородок включает улицу Академика Купревича. Рядом с Парком высоких технологий располагается улица Программистов. Рядом с Национальной академией наук находятся улицы Академическая и станция метро «Академия наук».

Игуменский тракт, соседствующий с улицами, названными в честь белорусских исторических личностей, – Павла Шпилевского, Владислава Сырокомли, Иосифа Гошкевича, Каруся Каганца, Язепа Дроздовича, образует жилой район Лошицу. Также тракт пересекают улицы Прушинских (владельцев усадьбы на территории Лошицкого парка) и поэта Янки Лучины.

О международных связях Минска как столицы Беларуси можно «прочитать» по некоторым урбанонимам: площадь Бангалор (индийский город-побратим Минска с 1986 г.), Сендайский сквер (основан в 2002 г.; Сендай – японский город-побратим Минска), сквер китайского города-побратима Чанчунь. Киев представлен в Минске одноименным кинотеатром, получившим это имя в 1976 г. в связи с проведением дней культуры Украины (до этого времени назывался «Маяк»), Киевской улицей и Киевским сквером. Открытие сквера Симона Боливара (венесуэльский национальный герой) в 2008 г. приурочили ко Дню независимости Боливарианской Республики Венесуэлы. В границах улиц Каменногорской, Лидской, Колесникова,

Казимировской в 2014 г. в честь президента Венесуэлы, умершего годом ранее, назван парк – Парк Уго Чавеса.

Парк Дружбы народов и Площадь Объединенных Наций символизируют терпимость, открытость и гостеприимство белорусов ко всем народам мира. Также в Минске есть сквер «Содружество», улицы Дружбы и Дружная.

Белорусский компонент историко-культурного нарратива Минска – иллюстрация того как представляют себя и свою культуру белорусы, какие элементы считают узнаваемыми, прослеживается в названиях кафе, ресторанов, бизнес-центров (топонимы и антропонимы: «Верхні горад», «Менск», «Палессе», «Агінскі», «Шынок у Лявона»; быт шляхты: «Панскі маёнтак», «Салодкі фальварак», «Палац», «Пан Хмелю», «Беларуская карчма», «Госці»²³; названия из произведений белорусской классики: «На ростанях», «Родны кут», «Папараць-кветка», «Спадчына», «Паўлінка», «Купалінка», «Несцерка»; названия, отражающие лексическую специфику белорусского языка: «Бровар», «Сузор'е», «Цмокі», «Чабарок», «Сябры», «Камяніца», «Журавінка», «Красавік», «Лаўка», «Грай»).

Специального исследования заслуживают неофициальные топонимы Минска. Например, зафиксированное в материалах устной истории и исследованиях минских краеведов, название в 1960–1970-е гг. отдельных районов города, например: Абиссиния (местность длиной в километр вдоль улицы Пулихова, место проживания цыган), Шанхай (район улицы Даумана, перед современным Молодежным театром, состоявший из большого скопления деревянных домов, располагающихся очень близко друг к другу). В губернском Минске район между улицами Петропавловской и Губернаторской (от ТюЗа по улице Энгельса до корпуса 3-й больницы по улице Ленина) назывался Африкой. Предполагают, что в этом районе мог находиться передвижной зверинец. По другой версии, название появилось из-за перемазанных сажей и копотью, черных лиц рабочих ляховских заводов, живших в этом районе. Название сохранялось до 50–60-х гг. XX в.

Обращение к неформальной топонимии позволяет изучить пласты индивидуальной культурной памяти, локусы личностного бытия, проследить изменение историко-культурных слоев и многообразность культурного городского пространства.

²³ «Гости» – богатые верхи городского купечества в Великом Княжестве Литовском.

Выводы по главе 2

Таким образом, в топонимии города выявляются следующие слои культурной памяти, определяемые ключевыми именами городской культуры:

– *досоветский* (улицы Немига (Немигская), Замковая, Завальная, Зыбицкая, Раковская, Бобруйская, Антоновская, Слесарная, Извозная, Грушевская, Московская, Красная, Либаво-Роменская, Добромысленский переулок, Михайловский переулок, Троицкая Гора, Золотая Горка и др.);

– *советский*, в котором выделяются имена, связанные с революционными событиями (улицы Ленина, Ульяновская, Революционная); идеей построения коммунизма (улица Коммунистическая); событиями Второй мировой войны (площадь Победы); советскими и национальными деятелями, писателями, учеными (проспект Машерова, площадь Якуба Коласа);

– *постсоветский* – имена, символизирующие обретение независимости страны (проспект Независимости, Дворец Независимости, Дворец Республики); коммеморацию Победы в Великой Отечественной войне (проспект Победителей); коммеморацию белорусских ойконимов (Брилевичи, Цна); обретение белорусской истории и культуры (площадь Богушевича, улицы Шпилевского, Гошкевича, Тышкевичей, Бронислава Тарашкевича, Ваньковичей, Буйницкого, Владислава Сырокомли, Гусовского, Евфросинии Полоцкой); имена деятелей белорусской культуры и науки (бульвар Мулявина, улицы Ширмы, Жиновича, Павлины Медёлки, Ежи Гедройца, Аладовых, Игнатовского, Академика Федорова, Академика Жебрака, Академика Купревича, Алесея Гаруна, Ивана Наumenко).

Ключевые имена входят в пространство культурной памяти Минска, помогая осваивать его, читать историю города и понимать его культуру. В топонимии современного Минска можно выделить следующие тенденции:

1. Создание в разные временные периоды мемориальных комплексов внутригородских названий, объединенных локально, обладающих семантической связностью и общей коннотацией. В современном городском пространстве это, например, улицы микрорайонов Слепянка (улицы *Ваньковича, Шемеша, Рущица, Буйницкого*), Лошица (*Шпилевского, Сырокомли, Гошкевича, Каганца, Дроздовича, Прушинских, Янки Лучины*) и др.

2. Ярче всего в топонимии города представлена история советской Белоруссии и советского Минска, сохраняющаяся в названиях центральных улиц и продолжающаяся в именовании современных объектов (например, торговый центр, построенный в 2015 г., был назван «ЛенінГрад»).

3. Новые имена на карте города появляются в связи с расширением границ Минска, включением в городское пространство близлежащих деревень (Брилевичи, Великий Лес, Ржавец, Домбровка). Исторические названия даются проектируемым улицам в новых жилых районах (например, улица *Люцинская* в Каменной Горке получила имя по названию имения В. Дунина-Марцинкевича), соответственно переименовываются улицы во включаемых в город деревнях (улица и переулок *Липковские* названы в честь урочища Липки, улица *Ольшанская* названа в честь хутора Ольшаны, существовавших в XIX – начале XX в.).

4. Имена известных белорусов в последнее время достаточно часто присваиваются без какой-либо культурно-исторической привязки улицам микрорайонов на окраинах города (*Некрашевича, Сапегу и Ельских, Ваньковича, Буйницкого, Острожских, Тышкевичей, Хруцкого, Цитовича, Дубовки, Сергиевича, Борщевского, Науменко, Турова, Пташюка*), то же касается названий, характеризующих особенности белорусской культуры (*Курганная, Колядная*).

5. Историческая топонимия закрепляется в названиях площадей, скверов и парков Минска (*Старотроицкая площадь, скверы Троицкая Гора, Старостинская Слобода, Сеножаны, Переспенский сквер, Татарский, Ляховский, Лютеранский скверы, парки Антоновский и Тивали*), однако не в полной мере осваивается социумом в связи с недостаточной информированностью.

6. Прослеживается тенденция давать исторические названия новым станциям метро (например, «*Грушевка*», «*Борисовский тракт*»).

Станции третьей линии метрополитена планируется назвать «Ковальская Слобода», «Неморшанский Сад», «Слуцкий гостинец».

7. По-прежнему большое значение придается памяти о Второй мировой войне (например, среди недавних наименований улицы *Маршала Лосика*, белорусской подпольщицы *М. Макалович*, Героя Советского Союза *Р. Мачульского* и многие др.).

8. В культурном городском ландшафте представлены географические названия, имеющие непосредственное отношение к Беларуси (например, улицы *Налибокская*, *Лидская*, *Княгининская*, *Ильянская*, *Ратомская*, *Неманская*, *Полоцкий парк* и др. В микрорайоне Ржавец улицы названы по именам озер – *Браславская*, *Жамайская*, *Мястровская*).

9. Введение в городское пространство ключевых имен осуществляется путем наименования в честь известных личностей, кроме улиц, также парков и скверов (*парки Грековой*, *Павлова*, *Чавеса*, *скверы Мицкевича*, *Боливара*), образовательных и иных учреждений города (гимназия № 1 им. *Ф. Скорины*, гимназия № 41 им. *В. Х. Серебряного*, гимназия № 75 им. *П. В. Масленикова*, СШ № 114 им. *Симона Боливара*, СШ № 143 им. *М. О. Ауэзова*).

10. Традицией введения ключевых имен в пространство современного города становится празднование дня рождения знаковой для города личности (например, городского головы *Кароля Чапского*, внесшего неocenимый вклад в развитие города в конце XIX – начале XX в.).

Исследование урбанонимов – ключевых имен городской культуры, иллюстрирующих развитие Минска, его социокультурную гетерогенность (зашифрованность несколькими кодами), помогает в создании единства образа территории, уникальности, существующей в топонимической форме. Урбанонимия как семантическое конструирование национальной ментальности, универсально-значимая система коммуникации, способ производства, хранения и передачи культурной информации играет ведущую роль в архитектонике города.

В формировании культурного пространства Минска отмечаются возрастание символической динамики артефактов культуры, семантической динамики локусов городской среды, возникновение новых смыслов, норм, ценностей, символов, наделенных смыслом мест. Город становится субъектом диалога, в котором коммуникативно-познавательной единицей является текст, заключенный в имени города и внутригородского объекта.

ГЛАВА 3. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

3.1. Семиотика городского пространства

3.1.1. Образное поле Минска

По мнению исследователей, придерживающихся антропоного принципа в синергетике (Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов), существуют оптимальные по численности населения размеры городов. В идеальном городе порядка 100–300 тыс. жителей, что составляет некий «квант урбанизации» [230]. Исходя из этого можно предположить, что Минск – конгломерат городов и текстов, состоит примерно из семи «квантов урбанизации», и один из них – Город Солнца, Город СОНца (в белорусском написании и русской фонетической транскрипции проявляется еще один смысловой нюанс: город сон, город грез), город в городе и одновременно одна из структурных частей – локус, мифологизированное пространство, образно обозначенное минским архитектором и художником А. Клиновым [228; 229; 597; 598].

Изложим некоторые аспекты его концепции. Город-утопия, идеальный город Т. Кампанеллы, ставший примером для моделирования идеальных обществ и государств, воплотившийся в минском пространстве «цельным урбанистическим телом», занимает площадь протяженностью от западной до восточной границы 8 км, а его ширина колеблется от двух до четырех километров. Город располагается вдоль проспекта Независимости, центральная ось которого нанизывает пять площадей.

В мифологии Города Солнца эта ось называется Проспект Солнца. У Кампанеллы в «Городе Солнца» городом правил верховный правитель по имени Метафизик. Он был главным жрецом, которому помогали три соправителя – Мудрость, Могущество и Любовь. Именами этих персонажей, по А. Клинову, и названы площади города. Каскад площадей лежит на длинной, гигантской имперской оси Берлин–Москва: на запад – Берлин, на восток – Москва. На площади Мудрости (Независимости) расположены Дом правительства, два университета – БГУ и БГПУ, а также мэрия города – Мингорисполком. Через несколько километров располагается Октябрьская площадь, на которой находится Дворец Республики – один из символов власти. Далее площадь Могущества, или Виктории, т. е. Победы, после – площадь Коласа (Площадь Колосса) и завершает композицию Площадь Любви, или Калинина [228, с. 74].

Архитектурные конструкции проспекта в стиле сталинского ампира создают целостный ансамбль, не имеющий аналогов в мировой архитектурной практике. В числе 1000 лучших произведений мировой архитектуры он включен в 7 том 10-томной энциклопедии «Всемирная архитектура 1900–2000». Рассматривался вопрос о включении проспекта в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, однако нарушение целостности его ансамбля, строительство новых зданий не позволило этим планам осуществиться. В 2016 г. главную улицу столицы вновь представили на соискание статуса объекта Списка всемирного наследия ЮНЕСКО как часть транснациональной серийной номинации по теме «Социалистическая послевоенная архитектура в Центральной и Восточной Европе».

«Что такое Город Солнца? Это можно сравнить с потемкинскими деревнями, но это гораздо пышнее и великолепнее... Это действительно грандиозная сценография и декорация, за которой, стоит путнику уйти с этой улицы, начинается совсем другая реальность. Этот город строился не для людей, которые должны были в нем жить, а он строился для зрителя. Эти дворцы строились для того, чтобы на них смотреть. Но от этого его уникальность и эстетическая ценность не становится меньше» [597]. В монументальности проспекта заключены душа и характер Минска. Вдоль главной улицы протянулась стена дворцовых фасадов: Дворец Мудрецов (Дом правительства), Дворец Почты, Дворец КГБ, Дворец Республики,

Дворец культуры профсоюзов, Дворец Академии наук, за которыми прячутся кирпичные коробки обычных многоквартирных домов. Город-врата, город-декорация создавался для путника-зрителя, который не должен был видеть того, что находилось по ту сторону дворцовых стен. Реализовать в Минске задуманную модель идеального города коммунистического счастья позволяло то, что разрушенный во время Второй мировой войны город был выстроен фактически заново. Например, в Москве эта идея воплотилась лишь фрагментарно, так как сохранилось тело старого города и объекты старой Москвы граничат с объектами Города Солнца – получилась эклектика, смешение стилей [598].

Осмысление А. Клиновым города как театральной сцены имеет основой теоретические концепции Г. Зиммеля, Ю. Лотмана, В. Бенямина. Так, в феноменологии Г. Зиммеля венецианские дворцы – это просто оторванные от жизни фасады [185; 623, S. 69.]. Театральности Петербурга отводится центральное место в семиотической модели Ю. Лотмана, который указывает, что архитектура города отличается «уникальной выдержанностью огромных ансамблей», создающих «ощущение декорации». «Театральность петербургского пространства, – пишет Ю. Лотман, – сказывалась в отчетливом разделении его на “сценическую” и “закулисную” части» и постоянном присутствии зрителя [292, с. 39]. Парижу и Берлину В. Бенямина также присуща театральность как главное свойство современного города [629]. Семиотическое разделение городского пространства на передний и задний планы характеризует и Венецию Г. Зиммеля [186], и Петербург Ю. Лотмана, и Минск А. Клинова. В восприятии белорусского художника А. Федорова, «топографический центр города-героя Минска представляет собой мумифицированную, “заповедную” территорию... Пространства, прилегающие к нему, – это гетто, в которых обитают “иные” жители, как правило, не коренные горожане» [127]. Главная улица столицы, по А. Клинову, – это проект советской городской утопии.

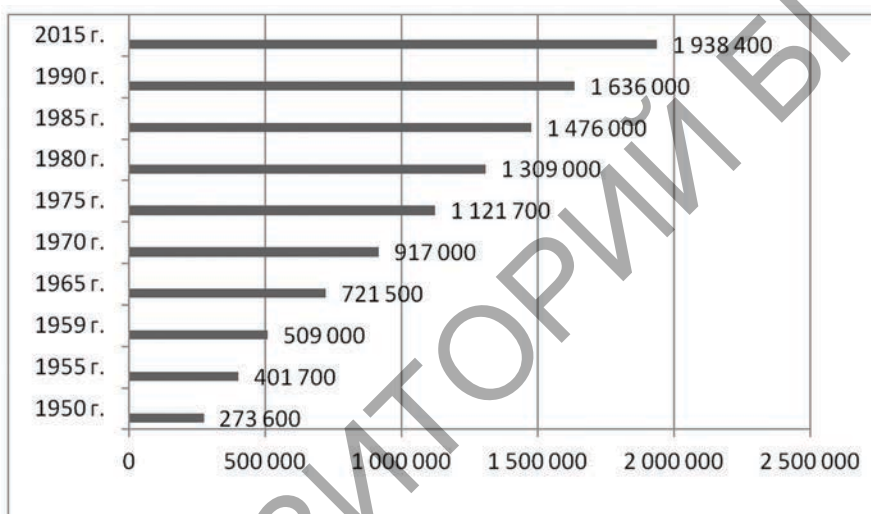
Своеобразную антиутопию создает В. Мартинович в романе «Мова», в котором Минск становится полноправным героем. Окончательно утрачены прежние символические значения, топонимика приобретает новое звучание в связи с утратой культурных кодов. Круглая площадь превратилась в специальное сакральное

место – площадь Мертвых, где совершаются ритуалы на стихийных алтарях предков. Площадь Независимости носит название «площадь ЕврАзЭС» (так как в этом городе главное – экономическое процветание, шоппинг-духовность), на которой (вместо памятника Ленину) установлен памятник Мао Цзэду. Улица Коласа (в романе – Колоса) названа в честь хлеборобов, собирающих колосья. Дома-«хрущевки» получили свое название, оттого что на балконы таких домов из-за небольшой их высоты в 4-5 этажей в мае–июне слетается много хрущей. Улицы этого города существуют под новыми названиями, но исторические имена, как правило, сохраняются в книгах и на картах. В городе В. Мартиновича все книги уничтожены. Утрата культурных смыслов приводит к утрате культурной памяти, утрате символа нации – «мовы», и Беларусь поглощают Северо-Западные земли (союзное государство России и Китая). И в то же время это Минск со своими объектами-маркерами: призраки башен «ворот города», улицы Маркса и Ангарская, Сурганова и Макаенка. Знакомые очертания проступают сквозь новые сооружения. Так проявляется гетерогенность городского текста, т. е. обязательная зашифрованность несколькими кодами.

Пространственная мифологизация подтверждает мысль о том, что для культурной памяти важна индивидуальная актуализация прошлого, его кодировка в символе, образе, месте памяти.

Отсутствие преемственности с историческим, менским, прошлым в культурном пространстве Минска объясняется исследователями (Т. Бон, А. Казакевич, З. Шибeko [67; 209; 556]) не только разрушениями военного времени, но и очень быстрым, не имеющим аналогов ростом города в 1950–1970-е гг. за счет миграции. Диаграмма (см. с. 119) отражает динамику развития города в этот период и дальнейшие демографические изменения до 2015 г. (данные с 1950 г. по 1990 г. представлены по книге З. Шибeko [556, с. 186]).

Как отмечает А. Клинов: «Маленькі правінцыйны горад, амаль незаўважны на мапе Еўропы, раптам за кароткі тэрмін, меней чым за стагоддзе, не толькі апрануў на сябе дзіўнае шыкоўнае ўбранне, але стаўся гіганцкім па еўрапейскіх маштабах двухмільённым мегаполісам. Гэткае цудоўнае пераўтварэнне было вынікам пэўнага містычнага наканавання гэтага месца, лагічным заканчэннем міфалагемы, пачатак якой сягае ў тысячагадовую даўніну» [598].

Темпы роста Минска. 1950–2015 гг.

Явление получило название «минский феномен» и нашло отражение в исследовании Томаса Бона о развитии столицы БССР после Второй мировой войны [67; 579].

Также исследователи отмечают практически полное отсутствие демографической преемственности населения в тот период и высказывают гипотезу о роли приезжих из сельской местности в вытеснении из обихода городского населения белорусского языка как «деревенского». По воспоминаниям З. А. Линник, приехавшей в Минск на стройку в 1958 г. из Среднего Села (Воложинский район): «...когда в Минск приехали, то начали как-то пытаться следить за речью. “Гэны”, “гэты” – вот такие слова сразу выдавали деревенских» [429].

Представление о Минске как заповеднике советской эпохи постепенно изменяется, хотя включение советской символики в пространство современного города наблюдается и сегодня (например, открытие памятника Ленину 7 ноября 2016 г. в сквере возле главного входа МТЗ, приуроченное к презентации новой модели трактора «BELARUS»). Проблема десоветизации образа города, иной интерпретации артефактов советского времени – как свидетельств, воссоздающих, толкующих прошлое в истории человека и социума – существует. Но вместе с тем выстраивается национальная структура городской политики. По мнению А. Ластовского, в постсоветском Минске происходит семантический сдвиг, в культурный ландшафт вводятся новые маркеры [264]. Осуществляется деперсонализация войны, изменяется советский канон Победы – апелляция к героическим фигурам, приоритет отдается коллективному субъекту. Наиболее яркое воплощение этой тенденции – переименование проспекта Машерова в проспект Победителей (2005 г.).

Меняется центральная ось Минска. Проспекту Победителей отводится главная роль в практиках празднования важнейшего государственного праздника 3 июля – Дня Независимости, тогда как празднование Дня Победы – шествие 9 мая – проходит на проспекте Независимости. Можно согласиться с гипотезой А. Ластовского, что строительство нового музея истории Великой Отечественной войны на проспекте Победителей обусловлено сменой символической географии столицы. Один из символов советского канона – старое здание музея находилось вдоль старой центральной оси. Местоположение не соответствовало новой

символической географии, поэтому происходит переформатирование оси столичного пространства: для репрезентации государственного проекта национальной идентичности выбирается новая центральная магистраль. Об этом свидетельствует и строительство на проспекте Победителей Дворца Независимости и формирование площади Государственного флага.

Столица воплощает канон национальной идентичности и культурной памяти. «Калі мова ідзе пра культурны ландшафт сталіцы, то адна з галоўных функцый для яго – служыць пляцоўкай для найбольш урачыстых дзяржаўных святкаванняў, дзе разнастайныя сімвалы гісторыі і сучаснасці мусяць злучыцца ў арганічны ансамбль нацыянальнага праекта», – отмечает исследователь [264, с. 20].

Таким образом, на современном этапе, с одной стороны, национальная символика органично включается в культурный ландшафт города (изображения элементов слущких поясов, зубра, национального орнамента в вышиванках), с другой – при образовании новых городских объектов задействуются символы советского времени.

3.1.2. Официальные символы города

В семиозисе минского текста символ – это важный механизм культурной памяти. Во-первых, «символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой» [291, с. 213]. Во-вторых, обеспечивают единство культурной памяти: «пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты» [291, с. 213–214]. В-третьих, «единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [291, с. 214], что позволяет говорить об отграниченности как одном из основных признаков минского текста. В теории Ю. М. Лотмана, символ – «посредник между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. В равной мере он посредник между синхронией текста и памятью культуры. Роль его – роль семиотического конденсатора» [291, с. 225]. Исходя из этих

основополагающих позиций рассмотрим символьную наполненность культурной памяти Минска.

В символике города важное место занимает городская геральдика – герб и флаг.

Основой для *герба* послужил сюжет Вознесения Богородицы, защитницы и покровительницы города. Миниатюра неизвестного мастера XVI в. – первое его изображение, встречающееся в архивных документах [200]. Вероятнее всего, герб был пожалован городу вместе с правом на самоуправление в 1499 г. великим князем литовским Александром Ягеллончиком. Изображение герба наносилось на печать магистрата (первое упоминание об этом датируется 1552 г. [56, с. 16–18]), знамена, изделия ремесленников. Описание изображения впервые встречается в 1591 г. В подтвердительном привидее Жигимонта III указывалось, что на герб для городской печати жалован образ Вознесения Девы Марии [56, с. 47], поэтому эту дату принято считать датой возникновения герба города.

Известно более десятка различных изображений Девы Марии на гербе, а на печати Минска 1770–1791 г. встречается и иной иконографический сюжет – Коронование Девы Марии. О нахождении белорусских земель в составе Российской империи свидетельствовало изображение герба на груди двуглавого орла.

В постсоветский период решение о том, что главный город суверенной страны должен иметь герб, флаг и гимн было закреплено Законом Республики Беларусь «О статусе столицы Республики Беларусь – города Минска» [365].

Согласно положению о гербе и флаге города Минска, «герб представляет собой барочный щит, в голубом поле которого изображены Божья Мать на серебряном облаке в красно-синих одеждах, два ангела и два херувима», а *флаг* города «представляет собой прямоугольное полотнище голубого цвета», в центре которого «располагается изображение гербовой эмблемы города Минска» [366]. Указом Президента Республики Беларусь «Об учреждении официальных геральдических символов города Минска» утверждено расширенное описание герба города Минска: «Герб города Минска представляет собой барочный щит, в голубом поле которого находится изображение Пречистой Девы Марии, стоящей

на серебряном облаке, с поднятыми руками в благословляющем жесте в одеждах красно-синего цвета, которую справа и слева поддерживают два ангела, стоящих на коленях, в серебряных одеждах с серебряными крыльями. С двух сторон над головой Богородицы парят два херувима с серебряными крыльями. Над головами Богородицы, ангелов и херувимов – золотые нимбы» [367].

Образ Богородицы восходит к явлению чудотворной иконы на берегах Свислочи рядом с Замчищем в 1500 г. Символический щит является эмблемой, означающей защиту. В христианстве со щитом сравнивали веру, защищающую от Сатаны. Ангелы – вестники и служители Бога, в христианстве считаются, как и херувимы, существами мужского пола, хотя они и бестелесные духи. Крылья символизируют духовность и божественное начало, их символика связана с символикой высшего мира – воздуха и неба, воплощенных в голубом цвете щита. Серебро олицетворяет девственность и женское начало. В народной традиции оно ценилось как металл, оберегающий от демонов. Золото символизирует божественную силу, мудрость и благородство, также олицетворяет солнце и небо. В христианстве – символ чистого света, духовности, неподверженности тлению [45, с. 120–123, 159, 179, 228].

Также к официальным символам относится *гимн* города. Гимном города в 2001 г. в результате народного голосования была выбрана «Песня пра Мінск» (1965, сл. И. Панкевича, муз. В. Оловникова) [363]. Основополагающими символами в ней становятся образы реки, парка, бульвара, влюбленных пар, песни, славы и труда для общего блага.

Герб, флаг и гимн являются историко-культурными памятниками города.

Среди памятников материальной культуры особое место занимают *денежные знаки*. По ним прослеживается изменение политико-мировоззренческого аспекта памяти страны. На банкнотах образца 1992–1999 гг. активно использовалась символика столицы суверенного государства: изображения башен Привокзальной площади, Национальной академии наук Беларуси, площади Победы с обелиском, Троицкого предместья, Национального банка Республики Беларусь, Национального академического Большого театра оперы и балета Республики Беларусь, Республиканского дворца

культуры профсоюзов, Национального художественного музея Республики Беларусь, Дворца спорта, Библиотеки им. В. И. Ленина. В этот период единственной банкнотой, не отображающей знаковые места Минска (не считая «зайцев/белок» образца 1992 г.), является купюра с изображением Холмских ворот Брестской крепости. На оборотной стороне некоторых купюр 1992–1994 гг. сохранялось изображение исторического герба «Погоня».

Эта традиция продолжается в разработке дизайна новых банкнот. Так, Минск символизирует Национальная библиотека, изображенная на самой крупной 500-рублевой банкноте, что подчеркивает культурный статус столичного города. Запечатленные на национальной валюте памятники архитектуры закрепляют в памяти историю и культуру города и представление о стране в целом.

Важной составляющей культурной памяти является *празднование памятных дат*. С. Харевский полагает, что в Минске, начиная с 6 февраля 1722 г., праздновался День святого Фелициана, покровителя города [57]. В 1700 г. минский воевода Кшиштоф Завиша привез из Рима мощи святого Фелициана, которые с 1713 г. хранились в каплице иезуитского костела Пречистой Девы Марии. В этот день организовывались ярмарки, пышные религиозные процессии, звонили колокола, вечером был фейерверк.

В Минске XVIII–XIX вв. отмечали традиционные календарные праздники. В воспоминаниях издателя и публициста А. Власова о минских праздниках во второй половине 1880-х гг. описана традиция празднования главного зимнего белорусского праздника Коляд [494, с. 149].

День города в советском Минске отмечать было не принято. Масштабные празднования приурочивались к годовщинам Октябрьской революции, Дню международной солидарности трудящихся, Дню Победы как главному празднику в календаре памяти и т. п. 28 мая 1967 г. впервые широко отпраздновали 900-летие города. В дни празднования был снят документальный фильм «Праздничный альбом» (реж. Н. Хубов), позволяющий почувствовать дух Минска конца 1960-х гг., увидеть праздничное оформление улиц и сравнить с сегодняшним днем. Увидеть, как проходили концерты на открытых площадках, услышать жителей и гостей города. В этом же году был снят документальный

фильм о праздновании в Минске 50-летия Октября «На нашей улице праздник» (реж. Н. Хубов), запечатлевший возложение венков к памятнику Ленина, растянувшееся от площади Победы до площади Ленина, демонстрацию трудящихся, военный парад. Все это сопровождалось традиционным цитированием В. И. Ленина и кадрами исторической хроники.

Следующее празднование Дня города было осуществлено почти через 20 лет. Смена идеологических установок требовала нового выражения. 24 мая 1986 г. был организован спортивно-художественный праздник «Минск-86». С этого времени празднования осуществлялись ежегодно: в скверах и парках выступали фолк-коллективы, проводились поэтические мероприятия, художественные выставки. Традиционными стали водные феерии на Свислочи и Комсомольском озере, проведение спортивных соревнований на площадках возле Дворца спорта, а также ярмарок с белорусскими товарами. В Парке Горького была установлена и долгое время находилась там символическая мельница Менеска.

Площадкой для праздника города в 1980-е гг. также служил стадион «Динамо». Над проспектом зажигалась иллюминация, использовались букеты из флагов. На фасаде Педагогического университета крепилось огромное панно, изготовленное из множества лоскутов, составляющих изображение символа Октябрьской революции – крейсера «Аврора». Традиция украшения фасада педуниверситета продолжается в современном Минске. В 1989 г. был издан фотоальбом «Минск праздничный», хранящий память о праздниках советского города.

В 1990-е гг. День Минска отмечался одновременно с Днем Независимости – главным праздником белорусской государственности. Сначала 27 июля – в день, когда была принята Декларация о государственном суверенитете, после 1996 г. – 3 июля, день освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г.

С 2002 г. День города отмечается во вторую субботу сентября: возлагаются цветы к стеле «Минск – город-герой», проводятся фестивали исторической реконструкции и другие культурно-массовые мероприятия. Выбор даты праздника так поясняли в своем обращении руководители властных городских органов: сентябрь – время уборки урожая, а ранняя осень – время праздников, посвященных Богородице, небесной покровительнице города. В этот день

воздается дань уважения женскому, материнскому, божественному началу символов города [369, с. 1].

Летописный День рождения города 3 марта впервые был отпразднован в ратуше в 2016 г. по инициативе минских краеведов.

Таким образом, культура коммеморации в Минске, с одной стороны, уходит корнями в древнюю историю города, с другой – сохраняется преемственность политико-мировоззренческого нарратива, созданного в советский период.

3.1.3. Семиосфера современного столичного города

Минск – официальный главный город страны, ее столица, олицетворяющая государство и представляющая собой идеальную строго организованную модель, расположенную в центре. Согласно классификации Ю. М. Лотмана, это концентрический тип города, положение которого «в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах)» [292, с. 30].

Столичность Минска – главная пространственная характеристика, обуславливающая сакрализацию пространства, введение города в ряд мировых столиц, обладающих определенными параметрами, важнейший из которых – расположение на семи холмах по примеру Рима, который, по образной стихотворной строчке князя П. А. Вяземского, «семь холмов подошвой давит» («Семь пятниц на неделе», 1825), а также Константинополя, Москвы, Киева и др.

Семь минских холмов открыл в 1909 г. А. Смородский, учитель истории Минской мужской гимназии, секретарь Минского губернского статистического комитета, автор книг «Пространство и города Минской губернии», «Летопись города Минска», «Век Минской губернии».

Центр минской системы холмов – Замчище.

Минск возник как порубежная крепость Полоцкого княжества. Расположение его на возвышенности, окруженной мощным деревоземляным валом, давало военные преимущества. Как отмечают исследователи, «город-ось (и его ядро – крепость) всегда стоит на горе» [559, с. 43]. С востока городище защищала река Свислочь с севера – болото, а река Немига, распадаясь на два рукава, огибала его с юга и запада. Выбор местоположения любого древнего города объясняется также и сакральной защитой, возможностью вписать

его жителей в универсальную мифологическую концепцию мира, в которой прослеживается связь неба и земли [462, с.181]. Город (и его крепость) на горе символизирует мировую ось (мировое дерево) и центр мира [483, с. 266].

Самый большой минский холм занимали две площади – ныне Свободы и Октябрьская, следующий холм – Троицкое предместье, затем – Юбилейная площадь, Золотая горка (костел Святого Роха), Сторожевка (церковь Святой Равноапостольной Марии Магдалины) и Кальвария (Кальварийский костел) [555, с. 10].

Мифологическая семихолмность не имеет отношения к действительной топографии, это возвышенные участки рельефа, на которых расположился город. Легенда о семи минских холмах становится способом сакрализации пространства Минска, способом подчеркнуть сходство города с Вечным Небесным градом, таким образом обосновать его столичность.

Священное число «семь» восходит к древней традиции. В древне-еврейском языке название числа произошло от корня слова, обозначающего полноту или завершенность. Также это сумма чисел «три» (символ неба и души) и «четыре» (олицетворение земли и тела). Нумерологема характеризуется многообразным воплощением: семь уровней вавилонской башни; запряженная семью быками солнечная колесница и др. [45, с. 277–280].

В основе городского текста лежит идея города. Как отмечает В. В. Акудович: «Ідэя Мінска – гэта спрадвечная мара топасу нашага краю аб выяўленым значэнні самога сябе, калі ў быццёвых праявах сфармуляецца і ўвасобіцца ідэальнае адлюстраванне таго сакральнага сэнсу, з якога ўзнікла накіраванне гэтай прасторы. Але сама па сабе прастора можа адно ўтрымліваць і гадаваць ідэал, а каб ён бачна паўстаў над быццёвай роўнааддзю дыскурсу, патрэбны цэнтар (у звычайнай тэрміналогіі – сталіца), які б паклаўся на пачатак узросту парадгмы значэння. Блуканне ідэі Мінска – гэта намацаванне этнацыянальнай прасторай свайго цэнтра, росшукі сэнсатворнай сярэдзіны самой сябе, таго месца, дзе як адбітак сакральнага віхру несупынна будзе шумець вір гістарычнага быцця» [10].

Ключевой особенностью семиотики города Вяч. Вс. Иванов называет связь трагедии с мифологией раннего города, с его основанием [188, с. 172].

Главный текст города Минска – история его основания (первое упоминание в «Повести временных лет») – строится на трагических событиях битвы на Немиге, которая является географическим и биографическим центром города. Ландшафтным стержнем Минска выступает водно-зеленый диаметр, центральным «проспектом» которого становится река Свислочь. Сохранившиеся исторические элементы культурного ландшафта города – Губернаторский сад (современный Парк Горького) и Лошицкий усадебно-парковый комплекс (единственная сохранившаяся пригородная усадьба).

Для Минска характерна смена центра, определяемая сменой исторических периодов: Старый город – Низкий город – Высокий город – Новый город.

В структуре Минска выделяются два исторических центра: Старый город (XI–XV вв.), воплощающий влияние южновизантийской культуры, и Высокий город – культуры западноевропейской, что, как подчеркивает З. Шибeko, весьма символично, типично для старого Минска [555, с. 14].

Как отмечалось выше, базовый структурный элемент городского культурного ландшафта – гора. На горе строятся храмы. Так, на Троицкой горе – церковь Святых Бориса и Глеба (XII–XIII вв.) и Свято-Вознесенский монастырь (XV в.?), а на Золотой горке – костел Святого Роха.

Из приведенных примеров очевидно, что самой важной точкой горы становится храм – особый городской ориентир. К храмам вели улицы, в честь которых они были названы. Как указывалось во второй главе, комплекс монастыря бернардинок (1642–1648) дал имя Бернардинской улице, францисканцев (конец XVII в. – 1832 г.) – улице Францисканской, доминиканцев (начало XVII в. – 1832 г.) – Доминиканской. Белоцерковная, Воскресенская (располагалась церковь Вознесения Христова, упоминаемая как древняя в минских актах XVII в.; в 1856 г. была разобрана из-за ветхости), Сборовая (в XVI в. на ней находился кальвинистский сбор) (позже Преображенская) были названы по имени стоявших на них храмов. На Юрьевской улице располагалась Юрьевская (Георгиевская) церковь, Школьная улица, вероятно, получила название от школы иезуитов, существовавшей здесь в XVIII в.

Улица Козьмодемьяновская соединяла Верхний город и район Замчища на Немиге. Название получила от православного монастыря Свв. Козьмы и Демьяна, на месте которого в дальнейшем

был возведен храм бернардинок (здание нынешнего Свято-Духова кафедрального собора), который в XVI–XVII вв. находился на холме, недалеко от современной площади Свободы, называвшейся с 1860-х гг. по 1917 г. Соборной.

«Основные отличия города, – по мнению Вяч. Вс. Иванова, – определяются полнотой морфологического состава, где с каждой функцией соотнесен выделенный элемент города» [188, с. 166]. Структура города «включает и *храм – религиозный центр*, и *дворец – средоточие административной власти*, и *крепость – военный опорный пункт*, и *рынок (или функционально его заменяющий торговый центр)*, и *библиотеку-архив* (чаще всего во дворцах и храмах). Центры всех этих видов деятельности, находившиеся в большом городе, определяют тяготение к нему окрестных территорий» [188, с. 166].

Структуру минского ландшафта организуют *храмы* – костел Св. Симеона и Св. Елены, Кафедральный собор Сошествия Святого Духа, Архикафедральный собор Пресвятой Девы Марии, Свято-Петро-Павловский собор, церковь равноапостольной Марии Магдалины, *дворцы* – Дворец Республики, Дворец Независимости, Дом правительства, *военный опорный пункт* – Министерство обороны Республики Беларусь, Комаровский *рынок* и Национальная *библиотека* Беларуси. Разнообразие этих элементов свидетельствует о полноте морфологического состава города, выделяющего его среди ряда других городов и обеспечивающего узнаваемость.

Город моделируется как вселенная, поэтому «его организация отражает структуру мира в целом» [188, с. 167]. Вяч. Вс. Иванов говорит о двух универсальных геометрических типах организации города – четырехугольной и круговой, восходящих к архетипическим символам, которые «используются в качестве моделей мира» [188, с. 167]. При этом город может быть иной сложной геометрической формы, но «описываться на символическом уровне... как круг или как квадрат, вписанный в круг (мандалу)». Также исследователь указывает на геометрически выраженное «различие сакральной и несакральной (мирской) частей города», которое «символизируется противопоставлением верх – низ» [188, с. 168].

Минску присуща ветвисто-веерная (радиально-кольцевая) планировка, обусловленная ростом древнего города от центра –

Замчища за Городской вал, за которым вдоль дорог строились слободы. Как отмечает Л. С. Потапов в исследовании «Силуэт Минска», «постепенно разрастаясь вдоль загородных дорог и образуя радиальную систему плана, Минск все больше членился на “аристократическую гору” и “демократический подол”» [403].

Культовые доминанты, минские возвышенности, делят пространство на сакральную (Высокий город) и профанную (Низкий город) зоны, образуя оппозицию (бинарность), составляющую сущность городского пространства.

Минский замок – центр Минска XI–XV вв. Здесь находились крепость, княжеский замок – резиденция минских князей, позже, в эпоху Великого Княжества Литовского, жили великокняжеские наместники, и церковь. В конце XVIII в. это место называлось Старый город, Старый замок, Замоквая гора, или Замчище, но постепенно происходит стирание памяти, и в конце XIX – начале XX в. место становится точкой торговли, выполняет экономическую функцию и именуется Низкий город, или Низкий рынок. (С начала 1960-х гг. со строительством Парковой магистрали (сегодня пр. Победителей) остатки земляного вала скопали.) Низкий город исчез, часть его преобразовалась в Высокий город (сегодня площадь Свободы). Это место называли Верхним городом в противовес Низкому в долине Немиги.

Верхний город с середины XVI в. (после пожара 1547 г.) строился по европейскому образцу и стал во время Речи Посполитой новым историческим центром Минска. В отличие от многих других белорусских городов, новый центр Минска был заложен на основе плана. Монументальный архитектурный барочный ансамбль включал ратушу и гостиный двор, торговую площадь, которую по периметру окружали храмы (монастырские комплексы базилианского, доминиканского и бернардинского орденов), торговые ряды, дворцы магнатов, дома купцов и богатых ремесленников. «Главный элемент композиции городского плана – Верхняя торговая площадь – по пропорциям приближалась к квадрату» [403]. Завершил ансамбль комплекс костела и коллегиума иезуитов, возведенный в начале XVIII в. Таким образом, Верхний город выполнял функции административного, торгового и культурного центра. На протяжении его формирования и расширения (вторая половина XVI в. – конец XVIII в.) менялись архитектурные

стили, что можно проследить на примере ратуши: здание эпохи Ренессанса в 1600 г. приобретает черты барокко, а в конце XVIII в. перестроено в стиле господствовавшего в России классицизма (по проекту русского архитектора, переведенного на должность минского губернского архитектора Федора (Теодора) Крамера).

После присоединения Минска к Российской империи городской план изменяется. Новые улицы планируются прямыми согласно эстетике классицизма. Ратуша, согласно резолюции Николая I, сносится. Образуется новый центр города, называемый Новый город, ключевым сооружением которого становится Архиерейский (Юбилейный) дом с Покровской (Крестовой) церковью. Однако Верхний город (Соборная площадь/площадь Свободы) сохраняет за собой роль исторического центра. В советский период за площадью Свободы также закреплено центральное значение: здесь размещаются правительственные органы советской республики, проводятся парады и демонстрации.

В начале 1930-х гг. центр города смещается – начинает застраиваться новая центральная площадь. Идет строительство Дома правительства и функции главной площади Минска переходят к площади Ленина (архитектор И. Г. Лангбард), на которой возвышается монументальная фигура вождя пролетариата (скульптор М. Г. Манизер). С этого времени на площади проводятся парады Красной армии.

Созданный И. Г. Лангбардом ансамбль Дома правительства как конструктивистский памятник 1930-х гг. отмечен во многих энциклопедиях архитектуры. В проекте была предусмотрена площадь для проведения демонстраций и военных парадов в дни общенародных праздников. Предполагалось, что создание общественного центра положит начало новому архитектурному облику города. И. Г. Лангбард считал, что здания общественно-политического значения должны увековечивать эпоху, создавать лицо города: «Силуэт города – это первый привет для приезжающего и прощальный для отправляющегося. Эти два сильно действующие на человека момента фиксируются в его памяти доминантами города» [104, с. 233]. Символами конструктивизма в Минске также являются Дом офицеров (1934–1939), географический факультет БГУ (1931), Академия наук (1929).

В 1940-е гг., особенно после победного окончания войны, конструктивизм заменяется стилем неоклассицизма,

способствующим, согласно мировоззренческим установкам советской власти, укреплению в обществе ощущения ее монументальности и надежности. Одним из таких богато декорированных, щедро украшенных лепниной дворцов, напоминающих древнегреческий Парфенон, стал Дворец культуры профсоюзов (архитектор В. Ершов), возведенный на Центральной площади (с 1984 г. – Октябрьская).

В послевоенные годы формируется новый центр города: площадь Ленина застраивается по новому генеральному плану, и главной площадью становится Центральная, на которой с 1950-х гг. проходят парады и демонстрации, сохранившиеся трибуны (архитектор Е. Л. Заславский) являются историко-культурной ценностью республиканского значения. Площадь формируется на пересечении основной (улица Советская, с 1961 г. Ленинский проспект) и поперечной (улица Ленина) артерий стремительно строящегося Минска. В 1952 г. символообразующим центром площади становится 10-метровый монумент Сталину (демонтирован в 1961 г.). Центральность места подчеркивается также в названиях главных городских объектов: универсам «Центральный», кинотеатр «Центральный», одноименный книжный магазин, Центральный сквер и Центральный телеграф.

На главной площади страны, замыкающей все главные панорамы города, должно было стоять главное здание страны. В 1984 г. площадь переименовывается в Октябрьскую, в связи с открытием станции метро «Октябрьская», на ней строится Дворец Республики [410]. На время строительства статус главной площади вновь приобретает площадь Ленина. В 1991 г. она переименована в площадь Независимости и сохраняет за собой центральное место. Площадь Свободы играет значительную роль в общественной и культурной жизни города, сохраняя значение исторического центра. Облик Октябрьской, бывшей Центральной, площади так и остался незавершенным [78].

Примечательные факты зафиксированы в так называемой устной истории. Например, как один из руководителей БССР в беседе с главным архитектором города дает установку о планировании проспекта:

«Пока город в развалинах, можем сделать любую ширину. Какая ширина у Невского?»

– 64 (60 м. – *О.С.*).

– Вот и мы сделаем 64. Если больше сделаем, кто-нибудь наверняка в Москве скажет: “Они шире Невского проспект сделали!” Не будем

их злить. А вот 64 – сделаем» [46]. (Ширина проспекта в 1957–58 гг. в центральной части составляла 48 м. Сегодня в районе станции метро «Восток» – 71 метр. – *О.С.*).

По поводу судьбы Красного костела, который стоял возле Дома правительства и был выше него, потому мог быть снесен, в устной истории фиксируется следующее – первый секретарь Компартии снос отменил и пояснил:

«Что касается художественной ценности, то я не знаток, но, мне кажется, что он красив. А что касается исторической ценности, то да, ему нет 50-ти лет. Но через 50 лет ему будет 100 лет, и он станет исторической ценностью. А что он выше Дома правительства, так не он сам, а только колокольня... А чтобы он не был тут самым главным, мы напротив построим университет и сделаем его еще выше!

Представитель КГБ (который всегда присутствовал на коллегии) возразил:

– Вы хотите, чтобы выше всего была наука, потом церковь, а потом уже правительство?

– Университет – это в первую очередь культура, потом наука. Да, главными в стране должны быть культура и наука. Будем здесь строить университет!

Костел оставили. Университет построили. Университет там уже был, но несколько трехэтажных корпусов. В 1961 построили новый корпус Государственного университета по высоте точно как Дом правительства. Потом рядом построили Педагогический университет, еще выше» [46].

Таким образом, структура центра Минска, переменность центрирования пространства определены государственным строем и идеологией.

Исследование семиотического пространства Минска касается прежде всего присутствия в городской семиотике духовно-культурных кодов. Семиотическое кодирование закрепляется в символах, в трансляции и актуализации культурных смыслов, исторической и культурной памяти. Символы, порождаемые мифами, верованиями, историей, уровнем духовной жизни, создают особое семиотическое пространство – семиосферу.

Обязательными законами построения семиосферы являются бинарная оппозиция, асимметрия [289, с. 251] и постоянная

изменчивость. По Ю. Лотману, «все элементы семиосферы находятся не в статическом, а в подвижном, динамическом соотношении» [289, с. 253]. Смена архитектурных стилей, перестройка сооружений, замещение объектов при сохранении старых названий (например, в Минске топоним Добрые Мысли – название предместья и современной улицы Московская, где прежде находилась деревня с таким именем, сохранился в названии переулочка) – свидетельства непрерывного движения, развития, перемен. Б. Г. Соколов ситуацию трансформаций в общекультурном пространстве означает понятием «дрейф»: «Дрейфует все: ситуация и любой феномен подвержены постоянным трансформациям и изменениям. Но прежде всего дрейфует смысловое поле, определяющее, что и как мы видим, т. е. каким образом мы констатируем любой феномен культурной реальности» [460, с. 117]. Одни символы наполняются новым содержанием, другие исчезают [570]. Происходит смена семантико-семиотического кода.

Значимой семиотической особенностью города Вяч. Вс. Иванов считает сакральную интерпретацию ворот города. В древности ворота города были не только входом. Это было место торговли, суда, здесь устраивали собрания. Также ворота символизировали главную часть православного храма – царские врата. Если неприятель захватывал ворота, город мог не устоять. Когда принималось решение сдать город, захватчикам вручались ключи, открывающие ворота.

Раскопки Минского замка после войны вдохновили архитектора Б. Рубаненко на создание одного из знаковых символов минского пространства, определяющих уникальность, особость города, – башен на Привокзальной площади (1947–1953), символизирующих въезд в город. Архитектор воссоздал две башни по реконструкции археолога Э. М. Загоруйского. Интересно, что Язеп Дроздович изобразил Минский замок с двухбашенными воротами на рисунке «Городец» еще в 1920 г. В 1984 г. при строительстве станции метро «Немига» археологами были найдены древние ворота Минского замка, и появилась новая версия о форме ворот – однобашенная.

Ворота Минска – исторически закрепленный в культурном пространстве код – символизируют связь с традицией, становятся концептозначимым символом-репрезентантом.

Для Минска не был характерен эволюционный путь развития, когда новое «прирастает» к старому, из-за исторических катаклизмов

происходило изменение внешнего облика, национального состава населения, религии, эстетики, быта. Метафорически в городском пространстве родилось и исчезло несколько городов.

«Одной из самых существенных семиотических особенностей большого города, – подчеркивает Вяч. Вс. Иванов, – по-видимому, с самого начала его истории является многоязычие и разноэтничный состав» [188, с. 173].

Минск отличался и этническим, и языковым многообразием (здесь переплелись белорусская, польская, русская, татарская, еврейская культуры) и в последующие века оставался разноязычным городом, пестрым по этническому составу, что позволило автору «минских историек» М. Я. Володину сравнить образ города с Вавилоном [108].

В 1920–1930-е гг. в Минске использовались четыре государственных языка – белорусский, идиш, польский и русский. Отметим, что, согласно сведениям справочника «Спадарожнік па Менску» (1930), среди 35 школ города с белорусским языком преподавания было 20 (61 %), ивритом (идишем) – 8 (24 %), русским – 3 (9 %), польским – 2 (6 %) [465].

Э. Бемпорад приводит отрывок из путевых записок идишского писателя из Варшавы И. Зингера, впечатленного языковой полифонией Минска 1920-х гг.: «Гэтыя чатыры мовы – беларуская, расійская, польская і ідыш – сустрэлі мяне на вакзале. Яны глядзелі на мяне зверху, з шэрай сцяны... Я сутыкаўся з імі на кожным кроку, у кожным наркамаце, кожнай канторы – паўсюль...» [79, с. 65].

Среди особенностей большого города Вяч. Вс. Иванов указывает на различие «той части города, где сосредоточена элита (часто и соответствующие учреждения, например, царский дворец), и части, заселенной плебсом» [188, с. 177]. Современный Минск, как и любой другой город, делится на центральную часть, где находятся главные культурные, культовые и административные учреждения, и так называемые спальные районы.

Жизнь любого города представляет собой непрерывный процесс символической репрезентации места, закрепляющийся в истории, топонимике, фольклоре и художественной литературе, здесь формируются доминирующие категории описания – семантические константы. Эти константы образуют текст культуры, определяющий восприятие места. Константой города является его код – алфавит (словарь) символов.

Ключевые понятия кода города, формирующие минскую семиотику: Глеб Менский, София Менская, Минское замчище, Высокий рынок (Верхний город), Нижний город, Ратуша, Собор, Немига, Комаровка, Соборная площадь, Красный костел, Гостиный двор и мн. др.

Среди ключевых символов, организующих смысловое пространство города, – уникальная улица-река Немига. С рекой Свислочью связана история обретения иконы Божией Матери Минской. Определяющий символ города – его герб носит изображение Вознесения Богородицы. В 2015 г. на улице Зыбицкой установлена скульптурная композиция из мрамора, стекла, бронзы и гранита, олицетворяющая белого голубя в виде плывущей по реке лодки, несущего икону (скульпторы Д. Оганов, И. Зосимович, архитектор С. Багласов).

Символично пребывание иконы в городе (сначала в Нижнем замке, затем – в Верхнем городе – как подтверждение теории бинарности семиотического пространства).

Символично и место пересечения проспекта со Свислочью. Г. Заборский, внук минского архитектора Г. В. Заборского, отмечает, что это место – «нулевая отметка идеального города. Идеального – каким его видели древние греки, как о нем писали мыслители эпохи Возрождения. Пересечение природной оси – реки, и городской оси – главной улицы. Две оси координат пересекаются практически под прямым углом в самом центре Минска» [564].

Ландшафт европейского города имеет определенные сакральные зоны, связанные с символами веры, традиции, которые при разрушении восстанавливаются. Особенностью Минска является то, что эти места не восстановлены, а сконструированы вновь. Памятников архитектуры досоветского времени немного, однако отсутствующие объекты, сохраненные в воспоминаниях, книгах, на гравюрах, фотоизображениях, картинах, помогают формировать целостный облик города.

Вхождение в европейское пространство потребовало включения в ландшафт города определенных сакральных мест памяти, таких как Верхний город с ратушей и Троицкое предместье.

Сакральные места довоенной и досоветской жизни не составляют в Минске целостного массива, это небольшие разрозненные участки, как, например, исторический центр – площадь Свободы.

Несколько лет назад белорусские теоретики и практики городского пространства обсуждали проблемы сложности минского нарратива,

отсутствия легенды города и его туристического образа, «советский» характер, сетовали на отсутствие форм и практик культурного потребления, которые бы способствовали вовлеченности в городское пространство, его присвоению. Отмечали институализацию вовлеченности в пространство, когда горожан допускают к городскому пространству на крупных праздниках, спортивных мероприятиях [128], слабое задействование художников и деятелей культуры в культурном пространстве города, отсутствие инсталляций, перформансов, театральных представлений в городском пространстве, за пределами стен учреждений, некреативность, закрытость.

Сегодня можно говорить об оживлении культурной среды города, активном обживании городского пространства. Появились новые образы-символы, стало больше мест культурного потребления. Отмечаются влияние государственной политики культурного возрождения, тенденция роста значимости городского управления, общественного мнения в пространственном планировании, активизация индивидуальных начинаний.

Culture-led regeneration (возрождение посредством культуры) – одна из значимых концепций культурной политики современных городов, зародившаяся в Великобритании [99]. Под возрождением посредством культуры понимается внимание государства к духовно-культурному развитию города, оживление городских пространств посредством реализации различных культурных проектов: празднование дней славянской письменности в разных городах, праздники урожая «Дажынкi», «Славянский базар в Витебске», строительство культурно значимых объектов. Возрождение посредством культуры стимулировало развитие многих белорусских городов.

Визуальными знаками culture-led regeneration в Минске явились восстановление Верхнего города, наполнение этой исторической части знаковыми скульптурами, среди которых памятник создателям первой белорусской оперы В. Дунину-Марцинкевичу и С. Монюшко (скульпторы С. и Л. Гумилевские, архитектор Е. Медзько, 2016); создание таких культурных сооружений, как Национальная библиотека Беларуси, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, культурно-спортивные комплексы «Минск-Арена» и «Чижовка-Арена».

Исследование семантики города и его частей, как отмечает Вяч. Вс. Иванов, важно при решении проблем экономики: «Достаточно давно уже был сделан вывод, что и для собственно экономических задач основной оказывается социальная оценка – суждение жителей о степени символической притягательности той или иной части города» [188, с. 165]. Закономерна экономическая притягательность символических мест для организации бизнеса: кафе, ресторанов и т. п.

В последние годы все больший интерес жителей и туристов привлекает историческая часть Минска: даже в качестве места отдыха или проведения праздничного мероприятия выбирается место с историей. Например, гостиничный комплекс «Монастырский» на ул. Кирилла и Мефодия в Верхнем городе – историческом центре Минска – расположился в восстановленном здании монастыря бернардинцев. Монастырь в середине XVII в. был одним из центральных мест города. После подавления восстания 1863–1864 гг. его использовали как тюрьму, где находились под следствием участники восстания. Во второй половине XIX в. здание передали военному ведомству [150]. Гостям отеля для проживания предоставляются бывшие монастырские кельи с сохранившейся кладкой XVII в. Трапезничать предлагается также в старинном здании со сводчатыми потолками. В названии расположенного в отеле ресторана «Лавский» сохраняется культурная память о Лавском мосте (XVI в.), который соединял Троицкое предместье с Верхним городом.

Еще одним примером может служить усадьба Ваньковичей в Большой Слепянке. Реконструированный усадебно-парковый ансамбль XIX в. преобразован в 2009 г. в досуговый комплекс с ресторанами, бальным залом и винным погребом.

Для культурного пространства Минска характерна ярко выраженная подчиненность государственной культурной политике, что обусловлено столичным статусом города, однако отмечается активизация интеллектуальных практик, влияние на образование мест памяти общественных инициатив.

В Декларации о принципах и рекомендациях по сохранению духа места путем охраны материального и нематериального наследия, принятой ИКОМОС (Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест) в Квебеке в 2008 г., обращается внимание на то, что «лучший инструмент

для поддержания духа города животворящим» – это общение, «местные общины, как правило, находятся в наилучшем положении в отношении понимания духа места, особенно в случае традиционных культурных групп, являются наилучшим средством его защиты и должны быть объединены в стремлении сохранить и передать дух места. Неформальные (рассказы, ритуалы, спектакли, традиционный опыт, практики и т. д.) и формальные (образовательные программы, цифровые базы данных, веб-сайты, педагогические средства, мультимедийные презентации и т. д.) пути передачи обеспечивают не только сохранение духа места, но, что более важно, устойчивое и социальное развитие сообщества» [144].

Активизация в Минске общественных инициатив (минский экспертный клуб «Город дОрог», проекты «Поставь свой памятник», «Блуждающий скетчбук», Минская урбанистическая платформа) позволяет говорить о новом уровне поиска перспектив развития Минска.

В качестве примера можно привести проект «#древология», осуществленный компанией «Экохоум». В парках имени М. Горького и Янки Купалы в апреле 2016 г. на тринадцати деревьях появились таблички с историями о том, что было рядом с местом, где растет дерево. От имени деревьев («Я – дерево. Меня зовут Василий Алексеевич. В нашей семье принято передавать из уст в уста историю удивительного исторического места...») рассказывались истории «Дома под шпилем», дома-Музея Янки Купалы, о месте первого запуска воздушного шара в конце XIX в., о Вознесенском монастыре на месте современного здания Министерства обороны и многие другие (см. с. 410).

Также одной из осуществляемых общественных инициатив явился проект «Поставь свой памятник». В Интернете были опрошены жители города на предмет того, каких памятников не хватает в Минске. Некоторые из идей удалось воплотить. Так, городскими властями утвержден эскиз мемориальной доски (скульптор П. Войницкий), которая появится на гостинице «Crowne Plaza» (в 1940-х гг. – «Беларусь»), для увековечения памяти о написанной здесь знаковой песне Великой Отечественной войны «Синий платочек», ее композиторе Ежи Петербургском и белорусском джаз-оркестре [467].

Для визуализации базовых, продвигаемых в массы идеологических образов, призванных улучшить имидж Минска, побудить граждан к личному участию в жизни города, характерна практика «присвоения»

городской жизни. Об этом свидетельствует и социальная реклама на размещенных в городе билбордах «Я Минск» с фотографиями минчан, которые делают город лучше. Слоган «Я Минск» использовался в художественном оформлении улиц к Дню города в 2015 и 2016 гг.

С одной стороны, отмечается преобладание государственного влияния на организацию городского пространства, с другой – активное обживание города интеллектуалами, обеспокоенными проблемой потери идентичности белорусского города (лекции в «Европейском кафе», организация значимых праздников – Дня белоруской вышиванкі, фестивалей и форумов). Так, Минский фестиваль урбанистики впервые состоялся в 2014 г., Минский архитектурный форум, организуемый Белорусской ассоциацией студентов-архитекторов, проводится начиная с 2011 г. В рамках мультидисциплинарных воркшопов, целью которых является внимание к проблемам исторической застройки Минска, предлагаются компромиссные решения реконструкции районов, находящихся под угрозой сноса, как, например, Осмоловки. Проводятся фестивали отдельных районов города – Грушевки, Малиновки, Уручья, Осмоловки, организованных жителями.

Искусство выходит на улицы города и интегрируется в городскую среду: художественные проекты «Художник и город» на площади Якуба Коласа, арт-проект Zabor (ограда Парка культуры и отдыха им. Челюскинцев), арт-забор (ограда Центрального детского парка им. М. Горького), проект «Свободный музей» (выставка портретов легендарных минчан из коллекции Национального художественного музея Республики Беларусь на площади Свободы), Минский форум уличных театров, выставки в галереях современного искусства «Ў» и «ЦЭХ», световые перформансы, живые статуи, уличные спектакли, танцы, выставки фотографий.

Особенно активно происходит обживание пространства Верхнего города: возле ратуши участники клубов исторической реконструкции возрождают сцены из прошлого, проходят «Джазовые вечера у Ратуши», так называемые променадные концерты – онлайн-трансляции классической музыки из зала Белгосфилармонии, фестиваль «Пешеходка».

Институализация вовлеченности горожан в пространство уступает место активизации индивидуальных начинаний. Впервые

по инициативе минских краеведов 3 марта 2016 г. в ратуше праздновался летописный День рождения города.

Возрождение посредством культуры подразумевает также преобразование уже существующих пространств и создание новых. Музеи (например, Национальный художественный музей, Национальный исторический музей) становятся креативными платформами. Так, Мемориальный музей-мастерская З. И. Азгура – это не только пространство коммеморации, но и центр актуальных инициатив, творческая лаборатория. Например, в 2015–2016 гг. в музее в рамках научно-исследовательского и образовательного проектов «Лаборатория культурных практик» организована серия кинопоказов «UrbanMovieLectorium», проходят концерты экспериментальной белорусской музыки.

В городе открываются новые музеи, такие как Музей kota, музеи занимательных наук «Элемент» и «Квантум», в основе которых – игровые и занимательные практики, когда целью становится прежде всего общение, а не только образование.

Одна из современных положительных тенденций преобразования культурного ландшафта Минска – превращение улицы Октябрьской за последние пять-шесть лет в арт-пространство. Промышленная часть Минска, улица, на которой, располагались заводы (станкостроительный завод МЗОР – Минский завод Октябрьской революции, кожзавод «Большевик», дрожжевой комбинат и завод «Кристалл»), стала местом воплощения творческих идей художников, одним из центров культурной жизни города. Развитию улицы способствовал стрит-арт-фестиваль «Vulica Brasil» (впервые состоялся в 2014 г.), благодаря которому в городе появилось множество граффити. Уличное искусство явилось эффективным двигателем культурной политики города.

Индустриальное наследие, преобразованное в арт-пространство, «оживило» заброшенные части города. В бывших заводских цехах МЗОР были созданы креативные пространства – «ЦЭХ», кафе и бары «Лаўка», «Хулиган», «ДЭПО», «ENZO», где проходят лекции, мастер-классы, выставки, опен-эйры, фестивали. Улица включена в программу экскурсий, создана туристическая карта Октябрьской, на которой отмечены все ее знаковые объекты. Таким образом, благодаря общественным инициативам в Минске появилось

уникальное культурное пространство. Можно провести параллели с другими европейскими столицами, в которых созданы творческие кварталы: в Вильнюсе – Ужупис, в Риге – Спикери (бывший складской квартал).

В современном Минске отмечается увеличение количества мест для реализации общественных инициатив, так называемых свободных (открытых) пространств – антикафе, коворкинг-центров («Имагуру», «Балки», «Кто такой Джон Голт?», «Дом Фишера», «Верх» и др.), краудфандинговые площадки, подразумевающие коллективное финансирование интересных проектов («Улей», «Талакошт»). Краудфандинг может стать решением проблемы установки памятника К. Э. Чапскому. Например, в Риге в 2006 г. памятник Джорджу Армистеду (мэр Риги в 1901–1912 гг., деятельность которого определила расцвет города) был создан и установлен на средства мецената.

Переосмысление темы памяти города, наполнение ее новой мифологией наблюдается в разработке маршрутов индивидуальных аудиогидов. Маршруты «Вековые мемориальные деревья города» от Городского Лесничего Игоря Корзуна и «Архитектура будущего: воображаемый Минск», собранный из конкурсных, дипломных и исследовательских проектов молодых архитекторов Г. Заборским, разработаны по инициативе общественного товарищества экологических организаций «Зеленая сеть».

Город – семиотическое пространство с высокой концентрацией символов, в ментальном пространстве которого представлены вчера-сегодня-завтра, места памяти, где встречаются прошлое и будущее, актуализируется культурная память, воплощенная в символах. Символы обеспечивают маркирование города, выделение его из множества текстов культуры. Семиотика пространства отражена в мифах, обрядах и ритуалах, закреплена в языке, материализована в планировке города. Это – его основной капитал, отличительный бренд.

Для символики Минска характерны: бинарность, проявляющаяся начиная с топоса имени, пространственная мифологизация, многозначность пространства символа. Создание городской мифологии дает городу лицо, идентичность, помогает сохранить его душу. Как отмечает В. В. Акудович, «Мінск – падстава як гарманізацыі, так і легалізацыі этнічнай прасторы. У гэтай якасці ён

застанеца і будзе – да таго часу, пакуль нацыя і дзяржава будуць хоць нешта значыць для чалавека» [10].

Городское пространство как объект изучения и анализа в Беларуси еще только начинает привлекать внимание ученых, как белорусских, так и зарубежных. Дальнейшего изучения требуют проблемы видоизменения, трансформации культурных акцентов исторического пространства. Город нуждается в символической политике, которая поможет сохранить семиотическую целостность (идентичность) города, что в свою очередь будет способствовать формированию государственной символики и сохранению идентичности нации. Минск воплощает государство и входит в семиосферу национальной культуры как один из ее топосов: «Беларусь як цэльнае культурнае, эканамічнае, палітычнае і трансцэндэнтнае ўтварэнне немагчыма без фармулюючага гэтае ўтварэнне Мінска» [10].

Современные исследователи Минска считают, что архитектура города не может потонуть в эклектике и потерять уникальность урбанистического проекта, город должен остаться в ансамбле цельным. Решения современной модернизации необходимо рассматривать в тесной связи с проблемой, как предотвратить разрушение и сохранить уникальную душу города.

3.1.4. Семиотика архитектурного пространства

Город – это целостный культурный организм, который имеет свое лицо, где сохраняется выраженный в архитектуре дух, т. е. система архитектурного символизма [289, с. 680]. В то же время из определения города как формы пространственной организации социума, воплощенной в первую очередь посредством архитектуры, следует: ее паттерны (образцы, культурные темы) отражают устройство общества (например, идеального, демократического, тоталитарного²⁴ или средневекового, индустриального и т. д.). С учетом этого нами выполнен семиотический анализ базовых архитектурных объектов минского текста: замок/храм/ратуша/дворец/усадьба, позволяющий проиллюстрировать закономерности создания и развития семиосферы города.

²⁴ Примеры ярко выраженной символики тоталитаризма в архитектуре: Национальный музей природы и науки в Парке Уэно (1932, Токио), который представляет собой в виде сверху самолет – символ имперской Японии, и Центральный театр Красной армии (1940, Москва), выполненный в форме пятиконечной звезды.

Семиотичность архитектуры основывается на пространственно-средовых архетипах. Сущность города как организованного пространства, места обитания человека прежде всего соотносится с понятием дома как места памяти. Дом в культурологии – основной образ, значимый для человека архетип; пространство, внутри которого осуществляется процесс семиотического смыслообразования, складывается семиотическая система, генерирующая смысл.

Основополагающим символом средневекового города является *ратуша* (от нем. Rathaus – дом совета), орган городского самоуправления, действовавший в Минске на основе магдебургского права, полученного городом в 1499 г.

Наличие в городе замка, Замковой улицы и ратуши свидетельствует о его древности, символизирует историческую преемственность.

Вторая половина XVI – первая половина XVII в. для Минска была золотым веком. После пожара 1547 г. строительство Минска осуществлялось по принципу идеального европейского города эпохи Ренессанса. Если до середины XVI в. Минск состоял целиком из деревянных строений, то во второй половине XVI в. начинается строительство первых каменных зданий, а в конце XVI в. на Высоком рынке была возведена ратуша, на башне которой установили первые механические часы, что было показателем высокого технологического развития города [147]. Вторые часы были установлены на башне иезуитского коллегиума в 1732 г. В ратуше хранились единицы меры веса и объема – показатель развитой системы торговли.

В первой половине XIX в. ратуша выполняла не только административные, но и просветительные функции: здесь находились музыкальная школа, театр, по праздничным дням на галерее второго этажа играл городской оркестр.

В XIX в. ратуша по распоряжению Николая I была снесена, чтобы не напоминала минчанам о «вольностях» и самоуправлении. Открытие нового здания ратуши в 2004 г. стало не только символом воссоздания исторической части города, но и демократизации жизни общества.

Дворец как семиотический компонент семиосферы города. Значительную роль в формировании конкретной местности играет дворец – одно из наиболее важных светских строений. С позиций культурно-семиотического подхода дворец – важнейший топоним куль-

турного пространства, место локализации, пересечения истории государства и истории повседневности.

Культурные объекты рассматриваются в культурной семантике как средства трансляции культурно значимой информации, и дворец как такой объект транслирует информацию о культурных ценностях, нормах, правилах, традициях определенной эпохи.

Многие дворцы в Беларуси были разрушены, и о былом величии напоминают только руины, остатки парков, акварели Наполеона Орды и единичные изображения на почтовых открытках начала XX в. Однако то, что сохранилось, требует восстановления, не только физического, а в культурной, исторической памяти, и досконального изучения. Важность поставленной задачи обусловлена также неточностью и противоречивостью сведений в научной и околонулевой литературе об истории дворцов и судьбе их владельцев.

Дворцы занимают важное место в культуре городов. Сначала это были деревянные замки, которые выполняли оборонные функции, как Минский замок. В XVII–XVIII вв. возводятся каменные постройки европейского типа.

Дворец являлся символом власти, принадлежности к высшему сословию, но в контексте белорусской магнатской культуры XIX – первой половины XX в. он еще в значительной степени – центр культуры и искусства, центр общественной жизни. Владельцы дворцов создавали музеи, театры, библиотеки, архивы.

Так, дворец Радзивиллов в Минске, возведенный в XVII в., был перестроен в 1825 г. минским бурмистром Яном Бойковым, купившим дом, под театр [148] (см. с. 381). На Соборной площади, в городском театре в 1852 г. была поставлена первая белорусская комедийная опера «Сялянка» («Сельская идиллия») на музыку С. Монюшки и К. Кжижановского, либретто В. Дунина-Марцинкевича. Памятник культуры был снесен в 1984 г.

Знаковое здание города – дом Сапег (городская усадьба магнатов), расположенный на одной из самых престижных улиц Верхнего города – улице Юрьевской (район современной Октябрьской площади), назывался также домом Петра I, так как во время войны России со шведами (Северная война) с 15 февраля по 13 марта 1706 г. в нем останавливался российский царь. Кирпичный двухэтажный дом был окружен большим садом, в котором, по легенде, росли

привезенные из Франции дочерьми владельца дома, минского кастеляна Казимира Яна Сапеги, ценные сорта яблонь и груш. Груши, распространившись по Беларуси, стали называться сапежанками. А лучшая разновидность сапежанки, отличающаяся большими вкусными плодами, в Минске называлась головянкою. На землях Великого Княжества Литовского еще в начале XX в. сохранялись грушевые деревья, посаженные в XVIII в. [428]. Согласно версии П. Шпилевского, груши привез из Венгрии сам Казимир Ян Сапега. Историки ставят под сомнение городские легенды, указывая на тот факт, что Казимир Ян не был минским кастеляном и известна только одна его дочь, однако следует понимать, что у легенд свои закономерности развития, часто они сохраняют ключевую информацию, а детали могут меняться.

Среди минских краеведов живет история о том, что в последней четверти XVII в. в доме служил садовником Самуил Скаврончук (Скавронский), по одной из версий – отец будущей российской императрицы Екатерины I [108, с. 66–68; 211]. В 1926–1927 гг. дом Сапег среди десяти других культурных объектов был включен в список памятников древности, объявленных государственной собственностью. Разрушен во время Второй мировой войны.

Дворец формирует, интенсивно осваивает пространство, создавая своеобразный историко-архитектурный ансамбль, богатый памятными событиями и фактами. Это место, вокруг которого складывается культурная среда города.

Так, напротив дворца графа К. Э. Чапского, минского городского головы в 1890–1901 гг., на углу Александровского сквера строится театр (1890, архитекторы К. Козловский, К. Введенский; сегодня – Национальный академический театр им. Янки Купалы). Во дворце располагалось общественное собрание, поэтому на карте 1898 г. он отмечен как Дом дворянского собрания. «Дом в два высоких этажа, с башнями по углам, вроде древнего феодального замка, имеет еще и другие причудливые украшения и представляет вид повелительный», – писали «Минские губернские ведомости». Здесь проводились благотворительные балы, в том числе бал лучших выпускников минских гимназий, и выставки. Начинало работу Товарищество любителей изящных искусств, собравшее большую часть денег на постройку театра. Точных данных, когда был снесен

дворец, нет. Известно, что в 1938–1939 гг. начали строить здание ЦК КПБ (по проекту архитекторов А. П. Воинова и В. Н. Вараксина).

Принадлежавший К. Э. Чапскому дворец на улице Захарьевской (1894, архитектор В. Шрётер) был отдан им Минскому обществу сельского хозяйства, членом которого граф являлся (в настоящее время на этом месте располагается кинотеатр «Центральный» и ювелирный магазин «Чараўніца»). Общество сельского хозяйства играло важную роль в жизни города и губернии. В него входили крупные землевладельцы, такие как К. Э. Чапский, Э. А. Войнилович, М. Г. Волович, С. К. Свенцицкий, которые в своих имениях проводили опыты по исследованию условий местного полеводства, луговодства и др. Так, в Национальном историческом архиве Беларуси хранятся дела Минской юбилейной выставки об организации экскурсии для крестьян в Швецию и Данию, устройстве курсов для лесных объездчиков, разведении породистого скота и т. п. [342]. В доме К. Э. Чапского размещался городской родильный приют, существовавший на благотворительные средства. Здание было разрушено во время войны и снесено в 1948–1949 гг.

Архивы, художественные, этнографические, нумизматические коллекции стали обязательной принадлежностью дворцов. Ценности материальной и духовной культуры локализовались во дворце и преобразовывали его в общественно значимую сокровищницу. В находящихся в окрестностях Минска родовых имениях Чапских в Станьково и Прилуках хранились многочисленные и разнообразные коллекции.

С позиций культурологии архитектура – система ценностных ориентаций, смысловых представлений, семиотически воплощенных в формах искусства. Смысл дворца не исчерпывается рамками художественной сферы. С ним связано коллекционирование предметов искусства, музейных редкостей, книг, растений, что свидетельствует о зарождении музейного дела. Это примечательное явление для владельцев дворцов.

В семиосфере архитектурного пространства должное место занимает пейзаж. Дворцово-парковые ансамбли XIX в. включали парк, зверинец (обязательный элемент больших дворцово-парковых комплексов), оранжереи с экзотическими растениями и даже ботанический сад. Так, в имении в Станьково выращивались редкие

теплолюбивые виды деревьев. Была собрана коллекция кленов, особо почитаемых графом (станьковские клены достигают высоты 25 м). В усадьбе располагались один из крупнейших фруктовых питомников (ежегодно продавалось около четырех тысяч саженцев плодовых деревьев), оранжереи по выращиванию ананасов, абрикосов, персиков, действовал зверинец [499, с. 263–271].

Парки подчеркивали красоту природы, характерный естественный пейзаж. Завершенность ансамблю придавали река или озеро, водоем. Пейзажный парк на берегу озера неотъемлемый элемент целостного архитектурного ансамбля дворца в Станьково.

Архитектурное пространство дворца живет двойной жизнью. Оно моделирует универсум: структура выстроенного и обжитого мира переносится на мир в целом. И моделируется универсумом: мир, который создает человек, репродуцирует его представления про глобальную структуру мира [358]. С этим связан высокий символизм всего, что касается создаваемого человеком пространства его жилища.

Для магнатских родов домом был дворец. Дворцовое пространство, одушевленное населяющими его людьми, живет в памяти многих поколений, формирует характер, интеллектуальное и моральное становление и развитие личности. Погруженный в культурное пространство человек неизбежно создает вокруг себя организованную пространственную среду, включающую идейные представления, семиотические модели, культурную деятельность. Дворец приобретает символическую функцию, символизирует общность семьи (пространство повседневности), общность веры (сакральное пространство), гражданскую общность (политическое пространство) [358].

Владелец Станьково Эмерик Чапский провел большую работу по описанию музейных собраний, составлению и изданию каталогов монет. В этом ему помогал известный минский коллекционер Генрих Татур, создавший в Минске частный музей и уникальную библиотеку. Научные труды Э. Чапского отметило большой серебряной медалью Русское археологическое общество [304, с. 96]. Коллекции Эмерика фон Гуттен-Чапского составляют сегодня основу музея его имени в Кракове [305].

Православные реликвии Эмерик Чапский оставил своему сыну, минскому голове Каролу Чапскому (жившему в Станьково), который приумножил коллекцию, но сегодняшняя ее судьба неизвестна.

Атмосфера дворца, оказавшая большое влияние на духовный свет родителей, поддерживалась в домах их детей.

Второму сыну Ежи Чапскому, возглавлявшему Общества сельского хозяйства Минской губернии и Красного Креста, досталось имение в Прилуках, о жизни в котором его дочь, Мария Чапская вспоминает в книге «Европа в семье» (Czapska M. Europa w rodzinie. Paryż, 1970). Романтический дворец неоготического стиля, парк и оранжерея были заложены предпоследними владельцами имения Оттоном и Людвигой Горваттами в 1851 г. А. Т. Федорук называет Прилуки одной из лучших романтических усадеб на Минщине [499, с. 237]. Здесь бывали многие известные люди, в их числе – М. К. Огинский, дядя которого некогда был владельцем Прилук, Ч. и С. Монюшко, Н. Орда [499, с. 271–280].

Светское здание дворца знаковое в семиотике архитектурного пространства. Дворцы влияли на развитие и расцвет территории, на которой они располагались. Формируя и развивая социально-экономическую жизнь Станьково, Чапские строят фамильную каплицу в стиле ампир, церковь, костел, крупнейшие в губернии кирпичный, винокуренный, племенной заводы (разводились коровы швицкой, тирольской и голландской пород, овцы, собаки), сельские школы, народное училище, деревенский госпиталь. В Прилуках были построены многочисленные хозяйственные помещения, конюшни, мельница, спиртовой и пивной заводы.

На протяжении столетий дворец обрастает мифами, становится мифологическим местом, с которым связаны определенные легенды, воспоминания как неотъемлемая часть культурной памяти. Так, миф о призраке Белой Дамы, утопившейся от несчастной любви Ядвиге Любанской, живет в барочной усадьбе второй половины XVIII в., реконструированной в первой четверти XXI в. в Лошице. Последний владелец ее, Евстафий Любанский (1884), член Минского сельскохозяйственного товарищества, председатель комитета Минской лесной биржи перестроил усадьбу в стиле модерн. Он построил в Лошице две мельницы (одна из которых была 12-колесной), крахмально-паточный цех, винокуренный бровар, кирпичный завод.

В прекрасном парке, раскинувшемся в месте слияния двух рек, было много редких деревьев, среди которых маньчжурский абрикос (единственное сохранившееся среди старых деревьев в парках Беларуси), посаженный недалеко от места гибели Ядвиги. Со-

хранились могучие липы, возраст которых составляет около 250 лет, и еще более старые дубы. Как полагает А. Т. Федорук, таких деревьев в усадьбах Беларуси осталось немного [499, с. 333–336]. Е. Любанский был человеком передовых взглядов, возглавлял Товарищество минских велосипедистов. Лошица была преобразована в одно из лучших губернских хозяйств и стала известным местом светской жизни. У Любанских собиралась прогрессивная интеллигенция Минщины, бывал В. Дунин-Марцинкевич, друживший с Е. Любанским.

Пространство дворца раскрывает ценностно-нормативную систему магнатской и шляхетской культуры. Дворец приобретает целостный и специфический облик благодаря преобразованию духовных качеств его жителей в предметное бытие дворцовой среды, которая, в свою очередь, перенимается новыми поколениями.

Памятник дворцово-усадебной архитектуры, старинная городская шляхетская усадьба Ваньковичей в стиле классицизма (конец XVIII в.), расположенная в Верхнем городе, открылась после реставрации в 2000 г. к 200-летию со дня рождения выдающегося живописца Валентия Ваньковича.

Городской усадебный дом располагался на холме, склон которого занимал плодовый сад, террасами спускавшийся к Свислочи. В XIX в. это был культурный салон, где собирались художники, музыканты. Гостил С. Монюшко, заходил В. Дунин-Марцинкевич. Здесь были собраны многочисленные коллекции произведений декоративно-прикладного искусства, живописи, а также большая библиотека. Валентий Ванькович увлекался историей, в совершенстве владел латинским языком, читал в оригинале античных поэтов. В доме имелось большое собрание книг на польском, английском, французском и немецком языках [499, с. 213].

Обязательным атрибутом была портретная галерея. Сегодня в интерьерах дома-музея можно увидеть портреты, сохраняющие черты традиционного сарматского (изображения фамильных гербов, объяснительных надписей, особенное внимание костюму), белорусских магнатов и мелкопоместной шляхты, минчан, живших в конце XVIII – первой половине XIX в.

Как и прежде, сегодня дом является центром музыкальной и культурной жизни: в его залах проводятся вечера камерной музыки,

литературно-художественные выставки. Также здесь можно увидеть рисунки с видами Минска, выполненные Ч. Монюшко. Художник дружил с В. Ваньковичем, они часто работали вместе в этом доме [214, с.18]. На одном из рисунков Ч. Монюшко запечатлена усадьба Ваньковичей в Большой Слепянке.

Усадебно-парковый ансамбль, принадлежащий в XVII – начале XIX в. Радзивиллам, располагался на речке Слепня. В первой половине XIX в. усадьба стала собственностью Ваньковичей. Земли были секвестированы у Радзивиллов за участие Доминика Радзивилла в войне 1812 г. на стороне Наполеона.

Усадебный дом служил художественным салоном. Частыми гостями в нем были Я. Дамель, С. Монюшко, В. Дунин-Марцинкевич и др. Здесь родился Э. Войнилович. В доме были библиотека с архивом, коллекция художественных полотен, в их числе картины Валентия Ваньковича (источником вдохновения которого послужили живописные пейзажи Слепянки), работы художников Ш. Чеховича, Я. Рустема, Ф. Смуглевича, Г. Вейсенгофа. Почетное место занимали портреты предков Ваньковичей и Монюшко.

Площадь парка в Слепянке составляла около 14 га, на реке был сооружен каскад водопадов. Вдоль старинной липовой аллеи стояли каменные скульптуры, привезенные из Италии. К усадьбе прилегали сосновые леса, составляющие сегодня массив парка Челюскинцев и Ботанического сада [499, с. 211–214]. Здание дворца в современном Минске реконструировано под ресторанный комплекс.

Владельцем усадьбы в Малой Слепянке (принадлежащей Радзивиллам в XVII – сер. XVIII в.) был Валентий Ванькович, живший здесь в 1829–1839 гг., позже – его сын Ян Эдвард Ванькович, один из руководителей восстания 1863–1864 гг. За участие в восстании имение у Ваньковичей было секвестировано. От усадьбы сохранились только фрагменты аллеи, руины крахмального завода и хозяйственных построек.

В Минске на площади Свободы сохранился дворец в стиле барокко, возведенный в 1775 г., – бывшая усадьба Пшездецких. Во дворце находились коллекция картин, старинных книжных изданий, оригинал Статута ВКЛ, коллекции минералов и монет и др. В наши дни в здании воссоздан интерьер дворца XIX в.

Заброшенной сегодня остается так называемая Белая дача²⁵, усадьба в Курасовщине. Здание в стиле неоклассицизма было построено в начале XX в., вокруг был разбит пейзажный парк, с одной стороны которого располагалась система водоемов, а с другой – плодовый сад. В 1940-х гг. здесь жил художник В. Бялыницкий-Бируля.

Дворец в советский период приобретает иную семантику, это не место памяти семьи, рода, а символ обобществленной собственности, что проявляется и в названиях. Если в губернском Минске дома носили имена их владельцев (Обромпальского, Ржецкой, Луцкевич, Видгорчиков, Гуревича, Бохана), то советские наименования отражают коллективную принадлежность (дворцы культуры, дома Советов).

После революции под дома Советов экспроприировались гостиницы, доходные дома и пр. Так, в Минске 1920-х гг. первым Домом Советов стал бывший Дом губернатора на площади Свободы (также известный как дом Белорусской Рады – место, где заседала в 1918 г. Рада БНР и была принята первая уставная грамота), Вторым – гостиница «Европа». В 1930-е гг. первым Домом Советов назывался бывший дом Обромпальского (1912, архитектор С. Гайдукевич, современная улица Советская, 17). Вторым Домом Советов стал бывший доходный дом в стиле модерн начала XX в. (архитектор Г. Гай), расположенный на перекрестке современных улиц Карла Маркса и Ленина (30/13). Третий Дом Советов был построен в стиле конструктивизма в 1936 г. (архитекторы Л. Денисов, В. Вараксин, на углу современных улиц Сторожевской и Богдановича, 23/2). В просторных комфортабельных квартирах с большими ванными комнатами жили семьи красных командиров и номенклатурные работники. В крайнем подъезде дома были запроектированы квар-

²⁵ Белая дача – памятник архитектуры неоклассицизма сохранился до нашего времени. По одной из неподтвержденных версий во второй половине XIX в. начальник Либаво-Роменской железной дороги Н. Е. Адударов построил на берегу реки Мышки загородный дом. Имение якобы называлось застенки Адударова. В. Н. Денисов и Р. В. Боровой нашли в архиве документы, указывающие, что владельцем участка с деревянными постройками в 1898 г. была В. Молодецкая, а Белую дачу по проекту архитектора И. Явниша построили в 1912–1913 гг. для кандидата естественных наук М. Рогова (его прошение о строительстве в Минскую городскую управу от 28 июня 1911 г. хранится в НИАБ). Известно, что в 1920 г. дача была национализирована и передана сельскохозяйственной школе, на основе которой в 1931 г. была создана экспериментальная база Института почвоведения и агрохимической службы. После войны преобразована в БелНИИ почвоведения и агрохимии. Интересно, что на сохранившемся здании висит охранный знак, на котором здание определяется как памятник архитектуры XIX в., тогда как единственное упоминание о нем относится к началу XX в.

тиры с маленькой кухней и без ванны, которые предназначались для прислуги: прачек, горничных, водителей.

Главным Домом Советов являлся Дом правительства. Для проведения торжественных мероприятий и досуга служили Дворец профсоюзов, Дом труда, Дом крестьянина (колхозника) и Дом Красной армии (офицеров) (перестроенный И. Лангбардом в 1934–1939 гг. из Покровской церкви и архиерейского дома), а для проживания советской элиты (академиков, артистов, писателей, военных и пр.) строились дома специалистов. Для детей пролетариата возводились дворцы пионеров и дома детского творчества. Главным Домом-музеем был музей в память о I съезде РСДРП (дом построен в XIX в., восстановлен в 1953 г., архитектор Н. В. Дроздов), который служил символом революционного движения и являлся обязательным местом посещения для правительственных делегаций.

В послевоенный период Минск восстанавливался в неоклассическом стиле, называемом сталинский ампир, восходящем к палаццо Андреа Палладио (на основе неоренессансных идей школы академика И. Жолтовского). Монументальное здание КГБ Беларуси, напоминающее античный храм, было запроектировано как композиционный центр участка проспекта между площадью Ленина (Независимости) и Центральной (Октябрьской) площадью и определило стилистический характер всей застройки этой части проспекта. Это было одно из первых зданий в таком стиле, возведенное в разрушенном во время войны городе (1947, архитекторы М. Парусников, Г. Баданов).

Высотной композицией ансамбля стала башня – жители называли ее башней Цанавы. С именем Министра госбезопасности БССР связаны городские мифы о том, что башню возвели, чтобы он мог наблюдать из окон своего кабинета за футболистами на стадионе «Динамо», а для того, чтобы он мог сверять часы, через улицу в жилом доме напротив соорудили еще одну башню – с часами. Старинный часовой механизм, доставленный из Кёнигсберга, установлен в 1950 г.

Среди архитектурных сооружений периода 1950-х гг. особо выделяются богато декорированные, щедро украшенные лепниной здания Дворца культуры профсоюзов (1954, архитектор В. Ершов) и Главпочтамта (1953, архитекторы В. Король, А. Духан). Внутренний интерьер Главпочтамта украшают витражи,

установленные к Олимпиаде 1980 г. На пятнадцати витражах изображены памятники старинной архитектуры, такие как Спасо-Евфросиньевская церковь в Полоцке, Мирский и Несвижский замки. За центральным фасадом здания находится ротонда, круглая, увенчанная куполом постройка, напоминающая римский Пантеон. В стиле античного храма-ротонды выполнено здание цирка (1958, архитектор В. Жуков).

В постсоветский период дворец как здание для народа сохраняет административные и культурно-просветительские функции. Это место заседаний Национального собрания, встреч иностранных делегаций, проведения спектаклей и праздничных торжественных мероприятий. Дворцы Республики и Независимости – главные символы государственности современной Беларуси, места проведения самых важных общественно-политических и международных мероприятий [294]. В феврале 2015 г. здесь прошли 15-часовые переговоры президентов Украины, Франции, России и канцлера Германии по урегулированию ситуации на востоке Украины, а в словарь новейшей истории вошли понятия «минские встречи», «минские соглашения» как синонимы мирного решения международных конфликтов.

Дворец – хранитель культуры, пространство просвещения, вместе с тем в пространственной среде города или местечка – это место, смысл которого не ограничивается рамками искусства. Полифункциональность дворца, носителя и транслятора культурной информации, расширяет границы исследования. В нем воплощается трехаспектная система культуры: человеческая, действенная, предметная, – каждый из аспектов нуждается в особом изучении. Исследование специфики семиотического пространства дворца выявляет перспективы комплексного осознания культурного контекста истории определенного периода.

Храм как главный сакральный символ и презентатор культуры города. Структуру городского культурного ландшафта определяют сакральные места. Сакральность места, в котором сосредоточены духовные ценности, приближающие человека к Богу, воплощается в храме – особом городском ориентире. К храмам вели улицы, названные в их честь. Храмы выполняли оборонные функции, как, например, Доминиканский костел и Петропавловский собор.

До конца XVI в. большинство храмов в Минске являлись православными церквями. Как отмечает Г. Н. Шейкин, «сохранились сведения о существовании в городе с конца XI и до начала XVII в. 16 монастырских и приходских церквей: соборная Рождества Пресвятой Богородицы, Свято-Николаевского монастыря, Спасо-Вознесенская (монастырская), Свято-Духова (монастырская), Свято-Космо-Дамиановская (монастырская), Свято-Воскресенская, Свято-Георгиевская, Спасо-Преображенская (женского монастыря), Свято-Петро-Павловская (монастырская), во имя Параскевы Пятницы, Свято-Борисо-Глебская, Свято-Троицкая, Свято-Михайловская, во имя преподобной Евфросинии и во имя св. Предтечи и Крестителя Иоанна» [539].

На духовную жизнь города оказывали влияние высшие должностные лица: жертвовали на храмы, основывали монастыри. Первый минский храм начал строиться на Замчище по велению князя, предположительно Ярополка Изяславича, в XI в. (Э. Загорульский) или Глеба Всеславича в XII в. (В. Тарасенко). Из письма великого князя литовского Жигимонта I от 28 марта 1541 г. следует, что в начале XVI в. один из старших сыновей Тышки Калениковича, родоначальника рода Тышкевичей, Леон укреплял Минское замчище [141, с. 9].

В 1612 г. в основании в Минске православного монастыря Святых апостолов Петра и Павла участвовал князь Александр Огинский, воевода минский в 1645–1649 гг.

Александр Слушка, воевода минский (1633–1638), основал в городе в 1633 г. костел и монастырь бернардинок, каменные строения которого начали возводиться по его инициативе в 1642 г. [150].

С именем Петра Тышкевича, каштеляна минского (1611–1618) и воеводы минского (1618–1631) [134], связано возведение в Минске каменных зданий монастыря и костела доминиканцев. Величественный костел Святого Фомы (Томаша) Аквинского, построенный в стиле барокко, являлся украшением нового центра города – Верхнего города. В костеле был установлен самый большой в городе орган, который в 1830-х гг. приходил слушать будущий композитор Станислав Монюшко.

В первой половине XVII в. на новой главной площади города – Высоком рынке располагались монастыри доминиканцев, бернардинцев и бернардинок, а на улице Сборовой – монастырь бенедиктинок.

В первой половине XVIII в. в Минске построен величественный ансамбль коллегиума иезуитов в стиле виленского барокко, завершивший формирование архитектурного комплекса центральной площади Верхнего города. Сегодня это главный католический храм в Минске на площади Свободы – Архикафедральный собор Пресвятой Девы Марии, определяющий архитектурный облик города.

Коллегиум иезуитов играл важную роль в жизни города, выполняя образовательную и просветительную функции: в 1737 г. тут преподавали риторику, поэзию, синтаксис, грамматику, теологию, древнееврейский язык, этику, математику, физику, логику, метафизику. При коллегииуме действовали школьный театр и лучшая городская библиотека [216].

В боковых нефах костела, находились две часовни: Святой Троицы и Святого Фелициана. В каплице Святого Фелициана, расположенной в левой части костела, хранились мощи этого святого, опекуна Минска, которые привез из Италии и подарил городу в 1713 г. воевода минский Кшиштоф Станислав Завиша, он же являлся фундатором часовни, в которой и был похоронен [150]. Сохранились мемуары К. С. Завишы [173; 614], изданные его потомком Яном Завишей, служившим в канцелярии Минского дворянского собрания. Дочь Яна Завишы, Магдалена Радзивилл, продолжила традиции меценатства. В начале XX в. в ее минской квартире по улице Захарьевской, 33 (Советская, 17) собиралась белорусская интеллигенция, члены «Беларускай хаткі» [555, с. 255]. Княгиня являлась почетным членом Комитета помощи жертвам Первой мировой войны, на ее средства публиковались книги белорусских писателей и поэтов, в частности издан сборник стихотворений Максима Богдановича «Вянок».

Магдалена Радзивилл неоднократно предлагала выкупить строения комплекса доминиканцев, закрытого еще в XIX в., в костеле возобновить службы, а монастырь переоборудовать под детский госпиталь и приют. В этом ее поддерживала минская городская дума, однако в Петербурге прошение было отклонено [150]. Доминиканский костел и монастырь были повреждены во время Второй мировой войны. В 1945 г. предпринималась первичная консервация строений за счет выплаченных правительством Германии репараций. В 1950 г. здание костела взорвано в связи с установкой на Центральной площади города памятника Сталину (1952).

Сегодня на Октябрьской площади расположен Дворец Республики, а фундамент костела законсервирован.

В конце XVIII в. в городе действовали 11 католических монастырей, 4 униатские церкви, фарный костел на Троицкой горе, 3 униатских монастыря и один православный [151].

Храм, чей образ стал визуальным символом города, – Минский кафедральный собор в честь Сошествия Святого Духа (1633–1642). Самая ценная реликвия кафедрального собора – чудотворная икона Божией Матери, обретенная минчанами в 1500 г. и именуемая Минской. Другой святыней храма являются нетленные мощи святой благоверной Софии Слуцкой, защитницы и покровительницы православной веры на белорусской земле.

К сожалению, в Минске сохранились единицы из большого количества храмов.

Так, костел Святого Войцеха в стиле виленского барокко (XVII в.), перестроенный в начале 1870-х гг. в псевдорусском стиле, разрушен в 1960-е гг. На месте монастыря мариавиток (XVIII–XIX вв.) – Минское суворовское училище, а фундаментом для левого крыла Дома офицеров послужила церковь Покрова Пресвятой Богородицы (XIX в.).

Красный костел (костел Святого Симеона и Святой Елены), построенный в 1910 г. в неороманском стиле (архитекторы Т. Пояздерский, В. Маркони, Г. Гай), и Свято-Петро-Павловский собор, выполненный в стиле ренессанса, не раз были под угрозой уничтожения и неоднократно меняли свое назначение и даже имя в семиотике города. Так, в отношении Красного костела, в послевоенные советские годы были планы полного сноса. Свято-Петро-Павловский собор, одно из самых древних строений в городе (открыт в 1612 г.), переименовывался в Екатерининский в честь Екатерины II, пожертвовавшей на переустройство храма, а Петропавловским кафедральным собором называлась перестроенная в псевдорусском стиле бывшая униатская церковь Святого Духа.

Храмы часто становились ядром таких мест памяти, как кладбища. На месте Переспенского (Сторожевского) (сносено в начале 1970-х гг.) кладбища располагается церковь Святой равноапостольной Марии Магдалины, на Кальвариийском – костел Воздвижения Святого Креста, на Золотогорских могилах – костел Святого Роха. На Воен-

ном кладбище (ранее – кладбище Минского военного госпиталя), где хоронили солдат, умерших от ран, полученных в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в 1896–1898 гг. в честь победы русских войск была построена церковь Святого Благоверного князя Александра Невского в стиле русского церковного барокко XVII–XVIII вв. (архитектор В. Струев). Рядом с бывшим мусульманским кладбищем (снесено в 1974 г.), на месте которого в советское время разбили городской сквер (сегодня – Татарский сквер, ул. Грибоедова), в 2016 г. завершилось строительство Соборной мечети.

План губернского города Минска 1911 г. фиксирует следующие сакральные места города: Петропавловский собор, церковь Святой Екатерины, церковь и монастырь Святого Духа, церковь и Архиерейский дом, церковь и монастырь монахинь²⁶, Кафедральный Римско-католический костел, Золотогорский Римско-католический костел, Лютеранская кирха, Магометанская мечеть, Еврейская синагога, Новый Римско-католический костел, Железнодорожная церковь.

В период с 1914 г. по 1994 г. храмы в Минске не строили. С 1917 г. ликвидировали существующие. В начале 1918 г. все церковные, приходские, монастырские дома, имения и имущество переходят в собственность местных Советов рабочих и солдатских депутатов. Культовые сооружения передавались «по требованию трудящихся» под культурно-бытовые учреждения. К 1938 г. в Минске не было ни одного действующего православного храма.

Здания храмов часто перестраивались и изменяли свои функции, как, например, Хоральная синагога (1906) – современное здание Русского драматического театра им. М. Горького. Изменение семантики некоторых минских храмов отражено в таблице, приведенной в приложении 3.

Отдельные уничтоженные сакральные здания в Минске были воссозданы, как костел Святого Иосифа и церковь Святого Духа в Верхнем городе, но изменили назначение. В бывшем костеле располагается архив, а в бывшей церкви, воссозданной в архитектурных формах XVII–XVIII вв. (в стиле Северного Возрождения), – концертный зал детской филармонии «Верхний город».

Воссоздание утерянных памятников архитектуры затрагивает проблему наследия, разработкой которой занимается новое направ-

²⁶ Преображенский женский монастырь с церковью.

ление гуманитаристики – Heritage studies, описывающее не строгие рамки охраны и реставрации памятников, а отношения сообществ с актуализированным наследием. Тенденция XXI в. – определять ценность памятника не с точки зрения древности и аутентичности, а общественной значимости. Поэтому такое распространение сегодня получили новые здания, зачастую имеющие мало общего с историческими прообразами, воссозданные по рисункам, а иногда и придуманные, построенные не на аутентичном месте. Например, рядом с настоящим фундаментом первого минского храма на Немиге, который подвергнут консервации, находится воссозданный фундамент, демонстрируемый туристам. Или гостиница «Европа», располагавшаяся в XIX в. не на нынешнем месте, а рядом, где сегодня проходит улица Ленина. Здание гостиницы, разрушенное в годы Великой Отечественной войны, восстановлено в измененном виде в 2006 г. на новом месте (ул. Интернациональная, 28), тоже историческом, где в XIX в. размещался городской театр. Таким образом, наследием становится не материальный объект, а память о нем. Сообщества используют культурную память места и представления о нем для формирования своего настоящего и будущего. Происходит присваивание прошлого, с помощью которого сообщества идентифицируют себя.

В постсоветской Беларуси повсеместно реконструируются и строятся храмы – храмовые комплексы и небольшие церкви. В 1990-е гг. в Минске возродились общины всех христианских течений и других, традиционных для Беларуси конфессий (иудейской и исламской). В городе ведутся богослужения в 30 православных храмах (11 храмов находятся в процессе реставрации и строительства) [353], 4 костелах и 6 католических часовнях на территории строящихся костелов²⁷, 9 протестантских храмах, 3 синагогах, 1 мечети.

В храмостроении Белорусской православной церкви наблюдается приоритетная ориентация на ретроперспективно-русский стиль. Традиции стилей готики и барокко, присущие белорусскому зодчеству, не используются. Это было характерно и для губернского Минска.

²⁷ Заканчивается строительство костела Святого Иоанна Крестителя в Серебрянке. Семь крестов, установленных на куполах костела, выполненного в стиле готический хайтек, как подчеркнул Митрополит Минско-Могилевский архиепископ Тадеуш Кондрусевич, «уяўляюць сабой сем сакрамэнтаў, сем крыніц Божай ласкі, з якіх мы чэрпаем сілы» [Рыма-каталіцкая парафія касцёла Св. Яна Хрысціцеля ў г. Мінску. Режим доступа: <http://serebranka.sdb.by/2/actual/news/34-news/1029--c.html>].

Архитектура являлась важным инструментом экспансии Российской империи, когда храмы перестраивались в русском стиле.

В культовом православном зодчестве Беларуси XX–XXI вв. воплотились разные направления и стили, преимущественно московское шатровое зодчество XVI в., владимирская школа XII в., русско-византийский стиль.

В псевдовизантийском стиле выполнены храмовый комплекс в память о жертвах Чернобыльской катастрофы – собор в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»²⁸ (архитекторы Н. Дятко, В. Даниленко, И. Коростелев), храм в честь иконы Божией Матери «Державная» Свято-Елисаветинского монастыря (2009, архитекторы Н. М. Дятко, А. М. Артюхин). В неорусском – Свято-Георгиевская церковь (архитектор А. С. Трухин), церковь-звонница Богородицы Минского образа (архитектор Г. А. Лаврецкий), церковь в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших» в память подвига ликвидаторов и жертв аварии на Чернобыльской АЭС (1998, архитектор Н. М. Дятко). Также в неорусском стиле с использованием мотивов старинных русских шатровых церквей построен Храм-памятник в честь Всех Святых и в память о жертвах, спасению Отечества нашего послуживших, в микрорайоне Восток (архитектор Л. Н. Погорелов).

Деревянное зодчество представлено храмами святителя Николая Японского в Каменной Горке (2012), Николая Чудотворца в Шабанах (2004, архитектор А. Судиловская), Преподобных Оптинских старцев в Малиновке (2003, архитектор А. Судиловская), сложенной без единого гвоздя Троицкой церковью (2006), которая находится рядом с храмом Всех Святых. Строятся храм в честь святителя Иоанна Шанхайского на территории Республиканского центра психического здоровья в Новинках (архитектор Н. М. Дятко), Спасо-Преображенский храм в районе Юго-Запад (архитектор Л. С. Васильев).

Храмы находятся практически в каждом районе города и возводятся новые.

В Чижовке в 2000 г. на берегу Чижовского водохранилища построен храм иконы Божией Матери «Минская». Храм в честь Святой Софии Слуцкой (2009), который находится в Курасовщине, стал центром

²⁸ На территории этого храмового комплекса была возведена в 1995 г. крестильная церковь в честь преподобной Евфросинии Полоцкой. Эта церковь стала первым храмом, возведенным в Минске, начиная с 1914 г.

духовной музыки. Рядом с церковью установлен памятник Софии Слуцкой (2012, скульптор М. Иньков). В Сухарево возведены храм в честь Ксении Петербургской (2009). В Веснянке в 2007 г. на месте часовни был возрожден храм Покрова Пресвятой Богородицы, история которого восходит к 1612 г., когда на месте родника близ местечка Крупцы (имя сохранилось в названии остановки общественного транспорта) в день Покрова была найдена икона, названная иконой Крупецкой Божьей Матери. В Храме Воскресения Христова в Зеленем Луге (2008) на колоннах можно увидеть изображения белорусских святых – праведной Софии Слуцкой, преподобной Евфросинии Полоцкой, блаженной Валентины Минской, праведного Иоанна Кормянского, святителя Афанасия Брестского, выполненные минскими художниками Виктором и Алексеем Довнарами. В Уручье в 2008 г. был освящен храм в честь Афанасия Брестского.

Уникальный проект социального служения воплощен в архитектурном ансамбле «Дом милосердия» (архитектор Л. Н. Погорелов, 2002) – первый многофункциональный социальный объект православной церкви на территории Беларуси (см. с 409). Архитектурная особенность ярко выражена в том, что он выполнен в форме шестиконечного креста Евфросинии Полоцкой – исторического символа Беларуси. Главой креста (головным зданием ансамбля Дома милосердия) является церковь в честь Иова Многострадального. В оформлении храма используются традиционные белорусские символы – образы Минской и Жировицкой Божией Матери. Внутренняя роспись церкви сохраняет память об утраченных православных храмах Минска – от замковой соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы (сгорела в пожаре 1626 г.), в которой некоторое время находилась икона Минской Божией Матери, до Свято-Казанской церкви (величественный собор в неовизантийском стиле), взорванной в 1936 г.

Сегодняшние участники проекта «Поставь свой памятник» предлагают на месте утраченных храмов установить их уменьшенные копии, создав места памяти, как это делается в европейских городах.

Памятники белорусской государственности, духовной и материальной культуры. Мемориальные места становления белорусской государственности в Минске – это, преимущественно, здания, на которых размещены памятные доски в честь событий

и государственных деятелей. Например, в память о I Всебелорусском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, на котором 3 февраля 1919 г. была принята первая Конституция Советской Социалистической Республики Белоруссии, законодательно закрепившая новое государственное образование, установлена мемориальная доска на здании Национального академического театра им. Янки Купалы, где состоялся съезд.

К сожалению, в Минске не решена проблема коммеморации в отношении мест памяти Белорусской Народной Республики: не установлены доски на доме Рады БНР (бывшем доме губернатора, современная площадь Свободы, 7), где был учрежден Народный Секретариат БНР в феврале 1918 г. и принята Первая уставная грамота, содержащая призыв к белорусскому народу осуществить свое неотъемлемое право на самоопределение; а также на доме по адресу: ул. Володарского, 9 (в то время ул. Серпуховская, 9), где была подписана Третья уставная грамота, в которой провозглашалась независимость БНР.

Огромное значение для формирования белорусской государственности и национальной идеи имеет вклад отечественных мыслителей, писателей и поэтов. В Минске память о Максиме Богдановиче, Янке Купале, Якубе Коласе, Кондрате Крапиве, Максиме Танке, Кузьме Чорном, Владимире Короткевиче и др. хранят дома, в которых они жили и работали (на зданиях установлены доски памяти).

Главный праздник белорусской государственности – День Независимости сегодня определен датой 3 июля 1944 г. – днем освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков. Память о победе во Второй мировой войне сохранена в архитектуре многих послевоенных сооружений. Архитектурный стиль «Победа» [530, с. 108] наиболее полно воплощают здания вдоль проспекта Независимости (от площади Победы до площади Калинина), а также вдоль улицы Свердлова, несущие выразительный патриотический посыл.

Памятниками становятся и промышленные объекты Минска. Одно из старейших и знаковых для города предприятий – основанный во второй половине XIX в. в деревянном строении мещанкой Рохлей Фрумкиной пивоваренный завод (сегодня здесь находится пивзавод «Оливария»), первые кирпичные корпуса которого, возведенные выкупившим завод графом Каролом Чапским, сохранились до наших

дней. Образец промышленной архитектуры начала XX в. – бывший дрожжево-винокурный завод (ул. Маяковского, 79), выполненный из красного кирпича, принадлежавший владельцу имения в Лошице, недвижимости в Минске Евстафию Любанскому. Историко-культурную ценность представляют здания бывших заводов на улице Октябрьской, а также одно из старейших сохранившихся в Минске инженерных сооружений – водонапорная башня конца XIX(?) – начала XX в. (ул. Автодорожская, 3). На фотографиях и в памяти некоторых минчан сохранилось здание первой электростанции конца XIX в., снесенное в 2011 г. при строительстве гостиницы возле Парка Горького. Выполненное в неоготическом стиле, после войны оно было восстановлено в классическом стиле, утратив первоначальный облик, однако здание входило в перечень историко-культурных ценностей.

Среди знаковых довоенных архитектурных сооружений, сформировавших силуэт центра города, особое место занимает монументальная архитектура И. Г. Лангбарда, сочетающая конструктивизм и неоклассику в русле общемировых стилистических тенденций ар-деко (Дом правительства, Национальный академический Большой театр оперы и балета, Дом офицеров, здание Президиума Национальной академии наук Беларуси). В этой связи исследователи отмечают важность влияния на становление европейского конструктивизма, в том числе в сфере архитектуры, достижений Витебской художественной школы, в частности идей супрематизма К. Малевича и Эль Лисицкого [281, с. 167–169].

Памятниками культурного строительства в БССР являются здания БГУ, бывшее здание Библиотеки им. В. И. Ленина, БГПУ, БНТУ, НАН Беларуси, Национального академического Большого театра оперы и балета, Национального художественного музея и др.; общественные сооружения – выполненные в стиле советского монументального неоклассицизма (сталинского ампира) здания ГУМа, Главпочтамта, Дворца культуры профсоюзов, вокзала Детской железной дороги, аэровокзала аэропорта «Минск-1», пригородного железнодорожного вокзала. Мотивы неоклассицизма и неоренессанса прочитываются в архитектурном решении здания Национального банка. В неоклассицистическом стиле выполнено здание Минского цирка, представляющее собой ротонду, завершающуюся куполом. Главный фасад украшен многоколонным портиком коринфского ордера.

Античную тематику продолжают стадион «Динамо» (1954): имеет вид амфитеатра; а также пропилеи – образованные портиками и колоннадами торжественные входы на стадион «Динамо», в Парк им. М. Горького, Ботанический сад.

Памятником архитектуры является мост через Свислочь по проспекту Независимости. Монументальность сооружению придает кованый гранит облицовки в сочетании с вкраплениями элементов парковой архитектуры.

Среди архитектурных сооружений периода 1980-х гг. интерес вызывает инженерный корпус Минского метрополитена на площади Независимости, составляющий ансамбль с Домом правительства. Здание, на первом этаже которого расположен вход на станцию метро «Площадь Независимости», представляет собой ступенчатое сооружение с центральной 50-метровой башней с часами, которую украшает флюгер в виде зубра (см. с. 413).

Изображение зубра как традиционного национального символа часто интерпретируется в пространстве Минска. Эмблема с зубром украшает мощные и выносливые машины Минского автомобильного завода (МАЗ) (см. с. 412). Зубр стал символом чемпионата мира по хоккею в 2014 г. (см. с. 411). Сочетание в современном мурале на улице Октябрьской, созданном в рамках проекта фестиваля «Vulica Brasil» (2016), изображения зубра и подписи «Minsk not dead» (см. с. 410) раскрывает механизм взаимодействия человека с материальными знаками. Город, как и древний зубр, возродился, и, хотя в его архитектурном теле много пустот и мало аутентичных мест памяти, но он сохраняет и воспроизводит свою историю и культуру.

Среди дореволюционных символов культурного пространства Минска (таких как Александровский сквер (1872), Лошицкий усадебно-парковый комплекс, городская усадьба Ваньковичей, Белая дача, дома № 17 (1912, архитектор С. Гайдукевич) и 19 (начало XX в., архитектор Г. Гай) в стиле модерн по улице Советской, дом Яницкого на этой же улице (конец XIX в., сегодня в здании располагается Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции), Дом масонов в стиле классицизма (1817, архитектор предположительно М. Чаховский), Городской театр – современный Театр им. Янки Купалы (1890, архитекторы К. Введенский, К. Козловский), здание

бывшего Церковно-археологического музея (1913, архитекторы В. Струев, И. Фомин), выполненное в псевдорусском стиле; здание бывшей женской гимназии Рейман, депо Минского пожарного общества (1885) и др.) особое место занимает Северный переулок.

Северный переулок – единственное аутентичное сохранившееся предместье Минска конца XIX – начала XX в., памятник деревянного зодчества [245]. Ансамбль традиционной исторической застройки образовался на месте бывшего Лютеранского предместья. Рядом располагалась Либаво-Роменская железная дорога, поэтому здесь жили преимущественно железнодорожные служащие и рабочие. По одной из версий название «Северный» переулок получил из-за близкого расположения к станции «Минск-Северный».

Уникальность архитектурно-исторического комплекса в том, что переулок – носитель памяти о минских предместьях города конца XIX – начала XX в. и их жителях – находится в своем ландшафтном контексте и создает ансамбль исторической территории.

Среди современных архитектурных символов, которые ассоциируются с Минском, – Национальная библиотека Беларуси (2002–2006, архитекторы В. Крамаренко, М. Виноградов), культурно-спортивные комплексы «Минск–Арена» (2006–2009, архитекторы В. Б. Куцко, В. А. Будаев, А. А. Шабалин) и «Чижовка–Арена» (2010–2013, главный архитектор М. Гродников), жилой комплекс «У Троицкого» (2012, архитектор О. Ладкин). Новое здание железнодорожного вокзала (архитектор В. Крамаренко), завершающее архитектурный ансамбль улицы Кирова, признано лучшим сооружением мира 2000 г. на Международном съезде архитекторов в Софии.

В современной архитектуре Минска просматривается влияние постмодернизма, для которого свойственно использование готовых форм, ирония, синтетичность или синкретизм, игра, ассоциации, стилизаторство с использованием приемов декорации, театрализации, трактовка сооружения как текста с включением культурно-исторических кодов и аллюзий, цитат и стилизаций, хотя таких зданий и немного.

Постмодернистский прием исторической стилизации с элементами игры использован в концепции жилого четырехэтажного дома с мансардой (улица Димитрова, 5), образ которого определила близость к исторической застройке – высокая скатная кровля, ярусы фасадов, эркеры в виде трапеций; многофункционального комплекса

с паркингом по улице Немиге – стилизация под утраченную застройку улицы конца XIX – начала XX в.; ЗАГСа Октябрьского района по улице Воронянского – закругленная колоннада, театральный выразительный элемент входа, создающий атмосферу торжественности, интерпретация классицистических элементов; домов 8 и 10 по улице Бурдейного в Кунцевщине – аллюзия на оборонительные башни, использование стилизации под Дворец Республики; интерьеров пристройки к Национальному художественному музею – колонны, портики, фронтоны, арочные окна с балюстрадами и др.

Подытоживая изложенные сведения, отметим, что изучение и понимание кодов в семиотике архитектурного пространства сегодня не имеет однозначных результатов и происходит в полемике разнообразных подходов.

3.1.5. Минские символы в художественных практиках

В исследовании культурной памяти города как пространственного феномена, обживаемого и оформляемого людьми, искусство занимает важное место. В поиске способа видения текста города архитекторы, скульпторы, художники используют культурный потенциал места, наделяя его образностью, благодаря чему город становится узнаваемым.

Художественные практики маркируют городское пространство, наполняют символикой, означивая историческое прошлое или настоящее, и, обращаясь к будущему, образуют места памяти.

Ф. Йейтс в книге «Искусство памяти» (1966), исследуя способы передачи и поддержания традиций в культуре, обращается к классической традиции мнемоники, восходящей к древнегреческому поэту Симониду Кеосскому, предлагающему для развития запоминания организовать внешнее пространство, создавая мысленные образы вещей на определенных, отобранных местах, в котором порядок мест будет хранить порядок вещей, таким образом отмечая важность для запоминания упорядоченности расположения [633, р. 2], значимость «архитектуры места» [507, с. 97].

«Художественное творчество особенно выразительно связывает город с определенной эпохой или историческим течением, и памятники искусства воплощают в себе многое из самых высоких и характерных проявлений культуры (в частности, местной)», – отмечает И. М. Гревс [132, с. 22].

Произведения монументального искусства, обладающие «устойчивостью культурного знака» [560] и силой живописных образов, организующие и наполняющие смыслом городское пространство, представлены монументальной скульптурой (мемориальные доски, памятники, ансамбли), монументально-декоративной скульптурой (статуи, скульптурные формы, орнаменты), монументальной живописью (мозаика, витраж, роспись), художественно-декоративными работами из камня, металла, дерева, стекла. Это предметная форма культурного существования, которая составляет материальное богатство города и формирует культурную память, являющуюся, по Ю. Лотману и А. и Я. Ассман, формой передачи и осовременивания культурных смыслов [288; 571; 572].

Мы рассмотрим некоторые примеры монументальной и монументально-декоративной скульптуры, а также примеры сакральной современной архитектуры в городском ансамбле Минска как предметного воплощения культурной памяти.

В пространстве столицы сосуществуют две модели мемориальных художественных практик: традиционная, доминирующая в советском и на постсоветском пространстве, и актуальная, переосмысляющая культурную память и трансформирующая привычные формы ее трансляции в социум.

П. Войницкий отмечает, что традиционалистическое искусство является официальным и доминантным в Беларуси, что объясняется рядом причин: «академическое образование, востребованность социумом, воспитанность “находящегося у власти” поколения в традициях реализма» [107].

Традиционная модель обращения к культурной памяти представлена прежде всего монументами и мемориалами, посвященными подвигу белорусского народа в череде войн, сакрализующими память о трагических событиях и погибших. Поминование мертвых, по Я. Ассману, является протоформой культурной памяти [35]. «Формирование ключевых фигур (а также и символов. – О.С.) происходит благодаря событиям, которые воспринимаются как триумфальные или травматические» [509, с. 114].

Ключевой символ послевоенного Минска – площадь Победы, площадь-памятник с 38-метровым обелиском, увенчанным трехметровым орденом Победы (1954, архитекторы Г. Заборский, В. Король).

На четырех гранях гранитного постамента размещены бронзовые горельефы: «9 мая 1945 г.» (скульптор А. Бембель), «Слава павшим героям» (скульптор З. Азгур), «Советская армия в годы Великой Отечественной войны» (скульптор С. Селиханов), «Партизаны Белоруссии» (скульптор А. Глебов). На постаменте у основания обелиска – меч Победы, обвитый лавровой бронзовой веткой (символ триумфа). Вокруг обелиска расположены четыре бронзовых венка, символизирующие четыре фронта, бойцы которых освобождали Беларусь. Восходящий к народной семантике (православному ритуальному предмету, символика которого связана с магическим осмыслением круга как элемента, символизирующего смерть и надежду на воскресение, вечную жизнь) венок – знак памяти молодого поколения о заслугах предшественников, традиционно вручавшийся за высокий подвиг, иллюстрация смыслов «слава», «заслуга», «честь», «доблесть»; также приобрел почетное значение как государственная эмблема. У подножия памятника горит Вечный огонь.

В подземном переходе площади построена кольцевая галерея, открыт Мемориальный зал, в центре которого – венок из стекла, подсвеченный изнутри, на стене – бронзовая звезда Героя Советского Союза и пластины с именами 566 героев.

Центром архитектурно-скульптурного комплекса, расположенного на рукотворном кургане на пересечении проспекта Победителей и проспекта Машерова, стал обелиск «Минск – город-герой» (1985, архитекторы В. Евсеев, В. Крамаренко, В. Романенко, скульптор В. Занкович), представляющий собой 45-метровую стелу в виде знамени Победы, на вершине стелы – золотая звезда города-героя, обрамленная лавровой ветвью. Рядом со стелой – бронзовая скульптура женщины, олицетворяющая «Родину-мать», символ Победы и Славы. За обелиском расположено новое здание Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Пространство возле музея организует, семиотически дополняет скульптурная композиция: жена благословляет мужа, который уходит на войну («Развітанне», 2014, скульптор А. Шатерник).

На территории Братского военного кладбища (район улиц Старовиленский тракт, Червякова и В. Хоружей), основанного в 1914 г., в 1915–1916 гг. была построена деревянная часовня (по про-

екту Л. Бенуа), на которой императрица Александра Федоровна повелела сделать надпись «Героям Великой Европейской войны».

Десакрализация места произошла в 1930-е гг. Кладбище оказалось заброшенным. В 2011 г. в память о погибших во время Первой мировой войны был открыт мемориал (архитектор Н. М. Дятко), центром которого стала каменная часовня-памятник, освященная в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение», выполненной на стене часовни в мозаике, – символа покровительства воинству и защиты мирных людей от вражеских нашествий. Эта икона была изображена на воинских хоругвях.

Еще один памятник в виде храма (прототипом которого послужила Спасо-Преображенская церковь Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке), в центре которого – фигуры скорбящих матерей, расположен на небольшом искусственном острове реки Свислочи, названном островом Мужества и Скорби (жители зовут Островом слез). Мемориальный комплекс «Сынам Отечества, которые погибли за его пределами» (авторский коллектив под руководством скульптора Ю. Павлова) был открыт в 1996 г. У воды стоит бронзовая скульптура «Плачущий ангел», у ее подножия в выемке валуна собирается дождевая вода, символизирующая слезы ангела, оплакивающего безвременную гибель воинов, молодых парней, которых он не смог хранить от войны.

В постсоветском контексте проблема монументального искусства в пространстве города связана с переосмыслением репрезентации коллективной памяти. Контрпамятники, нефигуративные памятники не представлены в городе, тенденция отказа от традиционных форм репрезентации, характерная для общеевропейского контекста, еще только намечается в пространстве современного Минска. К таким художественным объектам, на наш взгляд, можно отнести памятный монумент, посвященный жертвам нацизма в гетто, «Разбитый очаг» (2008, архитектор Л. Левин, скульптор М. Петруль). Венский стул и расколотый круглый стол с подломленными ножками из бронзы на постаменте из красного гранита, символизирующем фундамент, создают образ разрушенного дома, в котором когда-то счастливо жила семья. Символично расположение монумента – на месте бывшего еврейского кладбища на улице Сухой.

Памятник жертвам Холокоста – мемориальный комплекс «Яма» расположен на пересечении улиц Заславская и Мельникайте. Безмер-

ность горя и ужаса передают фигуры бронзовой скульптурной композиции «Последний путь» (2000, архитектор Л. Левин, скульпторы А. Финский, Э. Полок), спускающиеся по лестнице, уходящей в глубь земли; особенно трагично они выглядят зимой, засыпанные снегом.

Напоминанием о жертвах ядерных катастроф служит колокол Нагасаки (2000), подаренный городу по инициативе католической церкви Японии, установленный неподалеку от Красного костела. В основание памятника – копии колокола «Ангел», который уцелел после атомной бомбардировки Нагасаки 9 августа 1945 г., – заложены капсулы с землей из Иерусалима, японских городов Хиросимы и Нагасаки и районов, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС. Колокол символизирует общую боль жителей Японии и Беларуси, но также и всего человечества, он звонит по каждому, живущему на земле. Ибо «смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я один со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе» (Джон Донн).

Храм-памятник в честь Всех святых и в память о жертвах, спасению Отечества нашего послуживших (2006–2008, архитектор Л. Погорелов; первый камень в основание храма был заложен в 1991 г.), расположенный на пересечении улиц Калиновского и Всесвятской, является символом, объединяющим все вышеперечисленные памятники-символы. Это памятник всем жертвам трагедий и войн в истории Беларуси. 74-метровый храм, выполнен в форме шатра, увенчанного крестом, – символ Божией Матери и Христа. В основе шатра – число девять (трижды Троица, а также в христианстве – символ печали), образуемое гранями с вершиной. В крипту храма ведут тяжелые двери, символизирующие тяжесть человеческого горя, – «Слезы Беларуси». Такое название обусловлено композициями-барельефами на дверях: в центре каждой объемной слезы, которая одновременно символизирует и пламя свечи (образное воплощение печали и вечной жизни), – фрагмент событий и мест из истории страны, отмеченных героизмом и страданиями (как, например, Грюнвальдская битва, 810-дневное противостояние у Сморгони в Первую мировую войну, фашистская оккупация, Тростенец, Хатынь и Чернобыль). Над слезами парит ангел.

Доминантой центрального мозаичного панно крипты является изображение древнего герба Минска, под ним расположены изобра-

жения гербов областных городов Беларуси – Бреста, Витебска, Гомеля, Гродно, Могилева, в центре которых – крест Евфросинии Полоцкой. В усыпальнице крипты захоронены останки воинов, павших в сражениях двух мировых войн и Отечественной войны 1812 г., а в центральном помещении встроены мемориальные ниши для хранения в хрустальных сосудах земли с мест исторических сражений и захоронений, мест гибели белорусов.

Формирование архитектурного семиотического пространства города, в силу исторических причин, произошло в советский период, поэтому советская символика широко представлена в городском ландшафте. Сакральные символы государства рабочих и крестьян – серп и молот служат декоративными элементами многих зданий города, например, на самом верху их парадных фасадов между нарисованными в стиле ар-деко растениями вплетены серпы и молоты.

Герб советской Беларуси с серпом и молотом расположен на одной из монументальных сталинских башен – парадных ворот города, возведенных в 1947–1953 гг., а также используется в оформлении карниза символа эстетики соцреализма ГУМа (1951, архитекторы Р. Гегарт, Л. Мелега). Также в декоративном оформлении лестниц ГУМа встречаются красные звезды (одна из первых советских эмблем (1918) – символ стремления к высоким идеалам, с 1923 г. использовался в гербе СССР как дополнение к девизу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», пять лучей олицетворяли солидарность трудящихся пяти континентов), а верхушка световой в бронзовом обрамлении колонны украшена бронзовыми скульптурными группами (серп и молот – в одной руке и голубь – в другой). Звезда венчает и «дом под шпилем» на углу улиц Коммунистической и Красной, 1953–1956, архитекторы М. Лившиц, Э. Гольдштейн).

Неотъемлемой частью образа Минска стали произведения советского монументально-декоративного искусства. Украшение зданий и улиц скульптурными группами было характерной чертой архитектуры послевоенного Минска. Много скульптурной нарративной разговорной декорации, задача которой – разговаривать с горожанами в первом поколении. В скульптурах советской эпохи – рабочих, колхозников, пионеров, партизан – распространялась мифология того времени. Это и скульптуры на башнях Привокзальной площади: по четыре фигуры (3,5 м каждая), изображающие

рабочего, колхозницу, солдата (причем одна из фигур – партизанка) и инженера; и скульптуры по углам фронтона Суворовского училища (1954, скульпторы В. Попов, А. Заспицкий): рабочий с колхозницей и пехотинец с летчиком, их руки возложены на щит с изображением серпа и молота. Знаки советскости на башнях, воротах города, использованы и в межоконных медальонах с изображением паровоза «И. Сталин», мчащегося по молоту сквозь серп, в оформлении дверей.

Скульптурные группы украшают фронтоны главного и тыльного фасадов Республиканского Дворца культуры профсоюзов. Скульптурная композиция «Слава труду», символизирующая единство труда, науки и творчества, украшает арочный проем фронтона Дворца культуры профсоюзов (1954, скульпторы А. Глебов, В. Попов, С. Селиханов), стилизованного под афинский Парфенон. Монументальная группа олицетворяет различные страты советского общества: девушка со скрипкой, школьник с глобусом, над ними голубь в шестеренке, далее – рабочий, колхозница со снопом, спортсменка, держащая в руках кубок, ученый, возле которого реторта и микроскоп. Голубь – один из древнейших христианских символов. В начале XX в. после череды войн возродилась античная традиция рассматривать голубя как эмблему мира (П. Пикассо, «Голубь мира»). Шестеренка – символ науки и прогресса, эмблема промышленности, в коммунистической символике олицетворяет небывалую индустриализацию. Сноп – символ плодородия. Считается, что в образе ученого запечатлен архитектор здания В. Ершов, на коленях которого – чертежи Дворца.

Над описанной выше центральной композицией – советская Мадонна, молодая женщина с ребенком на руках, а на углах – две парные группы (мужчина и женщина) – геодезисты, измеряющие пространство, и трудящиеся. На тыльной стороне здания – копии женщины с книгой и рабочего, но уже без своих пар.

Фигуры богов-героев нового времени символичны, апеллируют к мифам, в которых прочитываются культивируемые ценности советского времени. Интернациональные образы отличает белорусский орнамент.

Скульптуры на неоклассическом портике над центральным входом дома № 7 по улице З. Бедули «Советский инженер», «Девушка-ученый», «Агроном с книгой», «Сельская девушка с книгой» символизируют ярких представителей советского обще-

ства. Спортивные достижения также представлены в городской среде, например скульптурная группа «Бег» над лестницей стадиона «Динамо» (1980, скульптор В. Занкович).

Начиная с 1960-х гг. монументально-декоративное искусство развивается в направлении синтеза искусств. Здания снаружи и внутри украшаются барельефами, мозаиками из разноцветной смальты, витражами, панно в технике сграффито. Серия лепных панно на стенах универсама «Центральный» (1953, архитекторы М. Парусников, Г. Заборский) создает образ изобилия пищи в БССР. Сграффито на зданиях школ, дошкольных учреждений – образ успехов страны Советов в покорении космоса, в спорте и труде. Символика революции отражена на монументальном панно из мозаики «Октябрь» на здании института «Белгипроагропищепром» (художник А. Кищенко), расположенном на Юбилейной площади. Тематике Великой Отечественной войны посвящено панно «Белоруссия партизанская» (1973, художник А. Кищенко) гостиницы «Турист» на Партизанском проспекте. Монументальный металлический барельеф «Солидарность» (1979, художник А. Артимович) на Доме моделей на Немиге символизирует сплоченность советских народов, отстаивавших права и свободы. Мозаика на торцах высоток микрорайона «Восток» (1977–1978, художник А. Кищенко) воплощает градобразующие семиотические идеи: «город культуры», «город-строитель», «город науки», «город-воин». Выступающие объемы первого этажа Минского института культуры (сегодня – Белорусский государственный университет культуры и искусств) некогда украшала серия барельефов на культурно-социалистическую тематику.

Говоря о роли монументального искусства в эстетическом и идеологическом воспитании, В. И. Прокопцов обращает внимание на вписывающийся в концепцию социалистического Города Солнца подход: «...выдвигая план монументальной пропаганды в 1918 г., В. И. Ленин привел наркому просвещения А. В. Луначарскому то место в книге итальянского писателя и мыслителя XVII века Томмазо Кампанеллы об идеальном городе будущего, где рассказывается, что стены этого города покрыты фресками, которые являются действенным средством для образования и воспитания граждан, особенно молодежи, в интересах общества» [409].

Неотъемлемой частью образа советского города являются многочисленные памятники В. И. Ленину. В Минске таких памятников и бюстов насчитывается более 15 (многие из них на территории фабрик и заводов), не считая многочисленных Ильичей в Мемориальном музее-мастерской З. Азгура. Есть и необычные скульптуры. Так, во дворе гимназии № 75 на улице Свердлова установлен памятник юному Володе Ульянову.

Важнейшим локативным идентифицирующим признаком, мотивирующим имя или название места, является расположение там памятника. Место получает наименование (официальное или народное) по названию памятника. Так, примеры из истории старого Минска. Первый фонтан в городе в память о запуске водопровода с артезианской водой был установлен в Александровском сквере в 1874 г., – «Мальчик, играющий с лебедем» (скульптор Т. Э. Калиде). Жители назвали его «Паниковский с гусем», а сквер получил название «Паниковка». Интересно, что фонтаны с такой же скульптурной группой украшают бывшие загородные резиденции (сегодня музеи): прусских королей Сан-Суси в Потсдаме и английской королевы Виктории Осборн-хаус на острове Уайт, а также городскую площадь в Гливице (Польша), где похоронен скульптор [108, с. 76–78]. Творение тогда начинающего скульптора принесло ему известность: было куплено прусским королем Фридрихом Вильгельмом III для сада Шарлоттенбург. Позднее стали появляться новые и новые копии, сегодня по всему миру существует более 200 таких скульптур.

Юбилейная площадь получила свое название в честь 1500-летия Никейского (Первого Вселенского) собора, состоявшегося в 325 г., на котором определились и установились основные доктрины христианства. Папа римский Лев XII объявил 1825 год юбилейным. В связи с этим событием в 1826 г. в Минске воздвигли памятник – квадратную тумбу с круглой колонной, увенчанной католическим крестом. Площадь, где установили памятник, стала называться Юбилейной и сохранила название до наших дней, хотя памятник не уцелел.

Сохраняется эта тенденция и в новые времена. Например, Круглая площадь (1948, архитектор М. Барщ) после возведения монумента Победы получила название площадь Победы, памятник Ленину («Ленин на трибуне», скульптор М. Манизер, архитектор И. Лангбард)

возле Дома правительства обусловил название «Площадь Ленина» (1933–1991) и формирование ансамбля площади. Семиметровая бронзовая фигура вождя, установленная на постаменте, по сторонам которого выполнены горельефы «Октябрьская революция», «Защита Родины», «Индустриализация страны», «Коллективизация сельского хозяйства», была самой высокой в СССР.

Название «Площадь Ленина» сохранила станция метро, в подземном переходе которой установлен памятник – рельефное, значительных размеров изображение головы вождя, символизирующее величину исключительной важности идей советского общества; пример советской монументальной скульптуры 1980-х гг. (1984, скульптор А. Аникейчик).

В особую группу можно выделить памятники, сохранившиеся на картинах, гравюрах и фотографиях, в архивных источниках, книгах и фильмах, мемуарах и устной истории (например, монумент в честь битвы на реке Немиге в 1067 г. фиксируется на плане Минска 1910 г.). Причем не только разрушенные, снесенные, но и по тем или иным причинам не установленные, как, например, памятник картофелю (2005). Они, на наш взгляд, также занимают свое место в культурной памяти города самым фактом своего существования в культурном пространстве в виде воображаемых художником символов значимой для общества идеи.

Сегодня в центре семиосферы – семиотического пространства города – находится национальная семантика. Скульптуры с национальной символикой в Минске – композиции «Батлейка» (1981, скульптор Л. Зильбер), «Каляды», «Гуканне вясны», «Купалле», «Дажынкі», символизирующие традиционные белорусские народные праздники и обряды (1982, скульпторы В. Занкович, А. Шатерник, Л. Давиденко, Ю. Поляков), фонтан «Вянок» (1972, скульпторы А. Аникейчик, Л. Гумилевский, А. Заспицкий) и др. Мотивы слущких поясов встречаются в декоративно-художественном оформлении фасада жилого дома на пересечении улиц Коммунистической и Красной (1953–1956, архитекторы М. Лившиц, Э. Гольдштейн), на опорах фонарей вдоль проспекта Независимости (эскизы Н. П. Михолапа, 1950-е гг.), на привокзальных башнях (см. с. 414).

В городском пространстве, насыщенном скульптурами и памятными досками в честь политических деятелей и героев Великой

Отечественной войны, возрастают внимание и интерес сообщества к национальной составляющей, в советский период включающей несколько памятников в честь классиков белорусской литературы: Янке Купале (1972, скульпторы Л. Гумилевский, А. Аникейчик, А. Заспицкий), Якубу Коласу (рядом с памятником расположены скульптурные композиции героев его произведений «Сымон-музыка» и «Дрыгва») (1972, скульптор З. Азгур,) и Максиму Богдановичу (1981, скульптор С. Вакар, архитекторы Ю. Казаков, Л. Москалевич). В постсоветском Минске в камне увековечены Язеп Дроздович (скульптурная композиция «Вечный странник», 1993, скульптор И. Голубев, архитектор В. Марухин), Адам Мицкевич (2003, скульптор А. Финский, архитекторы Г. Федоров, А. Заспицкий), Евфросиния Полоцкая (2002, скульптор А. Артимович), Франциск Скорина (2005, скульптор А. Дранец). Во внутреннем двореке Белорусского государственного университета создан мемориальный ансамбль – в память о выдающихся белорусских просветителях установлены скульптуры Франциска Скорины (1998, скульптор С. Адашкевич), Евфросинии Полоцкой (1999, скульптор И. Голубев), Миколы Гусовского (1998, скульптор В. Пантелеев), Сымона Будного и Василя Тяпинского (2000, скульптор И. Голубев), Кирилла Туровского (2001, скульптор А. Прохоров).

Обогащается семиосфера города: создаются памятники и мемориальные доски в честь легендарных минчан XIX в., внесших значительный вклад в жизнь столицы. Например, памятники художнику В. Ваньковичу (скульптурная композиция «Утро художника», 2010, скульптор В. Слободчиков, архитектор Б. Казаков), драматургу Винценту Дунину-Марцинкевичу и композитору Станиславу Монюшко (2016, скульпторы Л. и С. Гумилевские), минскому губернатору З. Корнееву в Парке им. М. Горького, барельефы, сохраняющие память о К. Э. Чапском (2014, скульптор П. Войницкий) на здании пивоваренного завода «Аліварыя», о враче Минской губернской земской больницы И. И. Здановиче²⁹, основавшем в Минске в 1897 г. первое в Беларуси училище для слепых и др.

²⁹ В 1909 г., занимаясь обустройством загородного дома на берегу Свислочи, И. И. Зданович обнаружил источник минеральной воды и открыл небольшое лечебное учреждение для больных с желудочно-кишечными заболеваниями. Для того, чтобы облегчить людям доступ к целебному источнику, построил железнодорожную платформу и добился у властей 2-минутной остановки пассажирского поезда Минск–Вильно–Санкт–Петербург. Долгое время платформа носила имя своего основателя и называлась «Здановичи», а в дальнейшем построен санаторий «Криница».

Среди необычных знаковых памятников современного Минска отметим скульптурную композицию в Парке им. М. Горького, посвященную минеральной воде «Минская-4» (2014), известной с 1929 г., когда у набережной Свислочи под руководством академика Г. Богомолова пробурили скважину и вскрыли водоносный слой минеральной воды.

Постсоветская символика в скульптуре иллюстрирует ценности новой Беларуси. Купол подземного общественно-торгового центра «Столица» на площади Независимости венчают три бронзовых аиста, вылетающие из гнезда (2009, скульпторы О. Куприянов и Е. Хараберюш), – знаковый символ мирной счастливой жизни: «Няма радзімы без бацькоўскай хаты; Бусліны клёкат – гэта родны дом; Ты будзеш жыць шчасліва і багата, калі над хатай – буслава гняздо» («Буслы, буслы...», П. Панченко), символ берега Беларуси (эту мысль передает читателям Владимир Короткевич, назвав свою книгу о Беларуси «Зямля пад белымі крыламі»); пожелание мира и добра странам-соседям; вокруг купола – скульптурные картуши с гербами областных центров Беларуси.

Покровитель города и страны, пронзающий змея (дракона) архангел Михаил (1996, скульптор И. Голубев) – памятник установлен возле Красного костела – рассматривается в символике как предводитель небесного воинства в битве против зла.

Скульптура «Зодчий» (2007, скульптор В. Жбанов) на площади у здания Комитета архитектуры и градостроительства посвящена зодчим Минска, создающим архитектурный облик города.

Бронзовые скульптуры в Верхнем городе на площади Свободы «рассказывают» о старом Минске. Рядом с ратушей – «Экипаж» (2007, скульпторы В. Жбанов, В. Завадский, Ю. Поляков, А. Тухто), запряженный парой лошадей, на котором мог ездить минский губернатор Захарий Корнеев. Скульптурные композиции «Войт» (2014, скульптор С. Оганов, архитектор С. Багласов), в руках которого ключ от города и королевская грамота, а у ног – план Минска XVI в., и «Городские весы» (2014, скульптор А. Прохоров) посвящены получению Минском магдебургского права. Весы – символ правосудия и справедливости. В католической эмблематике являются атрибутом архангела Михаила (изображены, например, на гербе города Новогрудка). Оригинальным местом памяти, организующим пространство исторического города,

стала «музыкальная» скамейка, стилизованная под герб рода Огинских, на котором святой Георгий на белом коне поражает копьем черного дракона (змея), установленная в честь 250-летия композитора М. К. Огинского (2015, скульптор В. Мацкевич).

Новый облик Минска формирует жанровая уличная скульптура. Снятая с пьедестала и установленная прямо на мостовой сценками из жизни она «приближает» культурное пространство города к простым его обитателям. Скульптуры В. Жбанова «Маленький генерал» (2008) возле Суворовского училища, «Незнакомка» («Минчанка», «Дама на скамейке», 1998), «Прикуривающий» (1999), «Девочка с зонтиком» (2000) в Михайловском сквере; работы 2001 г. «Лошадь и воробей» (в соавторстве с А. Тухто), «Гуси в фонтане» (в соавторстве с Е. Колчевым), «Барышня с собачкой» и «Фотограф»; «Почтальон» (2005, в соавторстве с архитектором Ю. Градовым и скульптором Е. Колчевым) у кинотеатра «Октябрь»; довольный паром пузатенький банщик с воблой в портфеле и веником под мышкой (2007) встречает посетителей бани № 7 на улице Московской; «Гусар» (2004) и памятник барону Мюнхгаузену (2010) во двореке Музея истории города Минска; а также «Торговка семечками» («Торговка и воробьи», 2001, скульптор О. Куприянов) – символ Комаровского рынка; скульптурная композиция во внутреннем двореке центра «Мать и дитя», посвященная беременной женщине, – они придают городу домашний уют, наполняют духом родного дома.

Скульптуры, олицетворяющие те или иные профессии, свидетельствуют о важном месте в жизни людей профессиональной деятельности. Так, у входа в главный корпус Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка в преддверии 100-летнего юбилея учебного заведения установили скульптуру, символизирующую признательность белорусским педагогам, – «Настаўніца» (2014, художник А. Шомов, архитектор Д. Бубновский). Возле служебного входа в Национальный академический Большой театр оперы и балета расположена скульптурная композиция «Антракт»: на бронзовую скамейку присели отдохнуть две балерины (2008, скульптор В. Слободчиков), а для Белорусского государственного технологического университета, которому в 2015 г. исполнилось 85 лет, была выполнена в бронзе скульптура лесничего (2015, скульптор В. Занкович).

Примеры нетрадиционного монумента, знаки альтернативного искусства в пространстве Минска редки и имеют временный характер. Городские перформансы М. Гулина «Персональный монумент» (2012), осуществленные в рамках международного проекта «Going Public. О трудностях публичного высказывания», инсталляция А. Кудряшова «Коридор вечности» (Сингулярность, 2012) в рамках проекта «АРТгород», некоторое время украшавшая сквер Симона Боливара, стрит-арт-объект на Каштановой аллее бывшего ВДНХ (улица Янки Купалы), где в годы БССР высаживали деревья делегации из советских республик (см. с. 407), – примеры так называемого контрмонумента (или антимонумента), отказывающегося от иллюстративности и декоративности, деконструирующего идею памятника и несущего идею взаимодействия с социумом. Концепция контрмонумента была разработана Джеймсом Янгом в начале 1990-х гг.

В последнее время можно отметить активное внимание художников к проекту реконструкции города. Концепция «публичного искусства» вызывает у исследователей города большой интерес.

Так, в 2013 г. состоялась выставка «Минск: (Re)конструкция», а в ноябре 2014 г. прошел Первый фестиваль урбанистики, а также Четвертый Минский архитектурный форум, посвященный поиску концепции современной белорусской архитектуры и проблеме идентичности белорусского города. В 2015–2016 гг. на острове Комсомольцев Комсомольского озера прошла выставка многометровых инсталляций, авангардных пространственных объектов, представляющих направления развития отечественного contemporary art. Проект «Арт-острова», который уже становится традицией, призван содействовать формированию в Минске креативной городской среды. Белорусские скульпторы и дизайнеры стремятся разработать механизмы внедрения и гармоничного существования арт-объектов в контексте привычной городской среды.

Памятники и мемориалы – это материальное воплощение памяти, выраженной в пространстве системы значений, которая утверждает определенную модель исторического прошлого, принятые в обществе ценности и, следовательно, может меняться. Публичное монументальное искусство – важнейший и действенный инструмент государственной идеологии, так как места памяти обладают сильным эмоциональным воздействием и символическим значением. У. Эко

отмечает тесную связь идеологии и символики: «Знаки отсылают к идеологии и идеология к знакам, и семиотика как наука об отношениях между кодами и сообщениями занимается непрерывным выявлением идеологий, скрывающихся за риторическими приемами» [562, с. 138].

Современные художественные практики являются частью развития Минска, что особо подчеркивается в последнее время на государственном уровне. Городское возрождение – глобальное явление современного мира, воспринимаемое в Минске как городская политика. Монументальное искусство запечатлевает в материальной форме память о людях, в том числе об их создателях, событиях, символизирует эпоху.

Включение в пространство монументально-декоративной скульптуры придает месту смысловую наполненность, целостность и завершенность. Кроме того, формирует и организует культурное пространство. Художественные объекты рассматриваются в культурной семантике как средство трансляции культурно значимой информации. Памятники и скульптуры как такие объекты транслируют информацию о культурных ценностях, нормах, правилах, традициях определенной эпохи.

Монументальная и декоративная скульптура в городском ансамбле – это система ценностных ориентаций, смысловых представлений, воплощенных в форме искусства. Город принимает свой целостный и уникальный облик благодаря претворению духовных качеств его жителей в предметно-символическое воплощение.

3.2. Культуроним Минска в произведениях художественной культуры

Объектом семиотики городской среды является сфера знакового общения, в которой символ представляется важным компонентом коммуникационного поля, чьим связующим звеном становится память. *Культурно-маркированное слово, или культуроним* (термин, введенный В. В. Кабакчи [204]), – *номинация, закрепленная за специфическим элементом какой-либо культуры, будучи лексической единицей национально-культурного кода*, может, на наш взгляд, рассматриваться не только как единица вербальной, но и визуальной коммуникации, которая репрезентируется в художественном тексте

(литературном, живописном, кинематографическом, анимационном, фотографическом, музыкальном, нумизматическом, тексте стрит-арта) – части семиосферы (по Ю. М. Лотману), субстрате духовно-культурной сферы (по В. Н. Топорову) – важном источнике познания истории и культуры города.

Исследованию города как особого художественного текста, включающего и сам объект и его отражения в литературе, посвящены труды В. Н. Топорова [485], Ю. М. Лотмана [292]. Литературная география Москвы на примере творчества М. А. Булгакова рассматривается Л. М. Сорокиной [464]. Образу города в изобразительном искусстве посвящена монография Г. З. Каганова [208]. Практика подобных исследований помогает определить и выявить аспекты изучения минского городского текста в рамках культурологического подхода.

Интерпретация культуронима Минска в произведениях художественной культуры приобретает особое значение для осмысления культурной памяти города и современной городской культурной среды.

В основе нашего исследования – диахронический метод, позволяющий представить образ города в хронологической последовательности, и семиотический метод, способствующий конкретизации художественного текста как знаковой системы. Источником исследования послужили произведения искусства, в которых, на наш взгляд, наиболее выразительно проявилось минское пространство в диахроническом контексте. Произведения, где местом действия на разных исторических этапах и одним из героев становится Минск, немногочисленны (по сравнению с корпусом произведений о других мировых столицах), но оттого еще более ценны. Обозначим некоторые из них, характеризующие определенные вехи и создающие образ города во временном разрезе.

Первым художественным произведением, в котором появляются сведения о городе, считается «Слово о полку Игореве» (предположительно конец XII в.). В монографии В. Сырокомли «Минск» (1857) летописи отводится значительное место. Как отмечает К. Цвирка, по мнению В. Сырокомли, «Слово о полку Игореве» «написана мінчанінам, з прычыны чаго Мінск павінен карыстацца славаю горада “старажытнай паэзіі, мясцовай песні,

на той самай мове, на якой спявае свае песні наш народ у час жніва”» [513, с. 11]. Изображение легендарной битвы на Немиге встречается на миниатюре из Радзивилловской летописи (XV в.).

Образ древнего, мифологического Минска предстает в стихотворении Р. Бородулина «Мянеск» (1967), на рисунке Я. Дроздовича «Городец» (1920), картине М. Филипповича «Битва на Немиге» (начало 1920-х гг.) и одноименной цветной литографии М. Басалыги (2012), в рассказе П. Антипова «Немига» (2011), анимационной ленте «Аповесць мінулых гадоў. Гербы» (2006), произведениях медальерного искусства (2007) и стрит-арта (2015).

В стихотворении Р. Бородулина «Мянеск» переосмыслиется предание о герое – основателе города, богатыре, знахаре и волшебнике Менеске, построившем на Свислочи каменную мельницу о семи колесах, в которой мука мололась из камней. Менеск показан как свободолюбивый защитник города, который «гордай дзіды на ярмо не прамяняў ніколі!». Отождествление города с личностью, «персонифицированное представление большого города, – отмечает Вяч. Вс. Иванов, – сохраняется до Новейшего времени...». По мнению ученого, «именно потому, что город рассматривается как личность... мифологические персонажи... могли воплощать в себе судьбу города. ...Город может связываться с судьбой исторического персонажа, принимая его имя...» [188, с. 172].

Резиденция минских князей – замчище с двухбашенными воротами – воссоздана на рисунке Я. Дроздовича. Историческая преемственность сохранена в архитектуре башен современной Привокзальной площади (архитектор Б. Рубаненко), которые стали одним из символов города. На картине В. Альшевского в ворота современного города на рассвете въезжает рыцарь на коне – очевидная аллюзия на сакральный «вход в небесный город, через который в него въезжает божество на осле» [188, с. 171]. Рыцаря приветствуют ангелы, что символизирует открытость и миролюбие Минска.

Память о сыне Всеслава Чародея Глебе Менском (минский князь с 1101 г. по 1119 г., который превратил город в столицу княжества, как свидетельствуют археологические раскопки, с сильными оборонительными постройками, развитой материальной и духовной культурой) сохраняется в произведении стрит-арта – монументальном граффити (городском мурале) на сооружении тепlopункта по адресу:

ул. Чкалова, 34 (художник Silen, 2015) (см. с. 380). Также образ князя воссоздан на памятной монете Национального банка (дизайн С. Заскевич, 2007). На реверсе слева от рельефа князя расположено изображение уникальной каменной иконки Божией Матери (XII–XIII вв.), которая была найдена при раскопках древнего Минска. На аверсе монеты отчеканены ворота замчища древнего города, а на боковой поверхности надпись: «Умацаванне і абарона дзяржавы» (см. с. 380). В древности ворота города играли важную оборонительную роль. Если неприятель их захватывал, город мог не устоять.

Об истории герба и его значении в жизни Минска повествуется в анимационной ленте Национальной киностудии «Беларусьфільм» из цикла «Аповесць мінулых гадоў». По легенде, чудотворная Минская икона Пресвятой Богородицы, приплывшая по реке Свислочи, помогала выдержать многочисленные нападения иноземных захватчиков и не позволяла овладеть городом.

Образ реки Немиги лежит в основе работы художника А. Кислова (Kislow), выполненной на торце дома (ул. Аэродромная, 17) в 2015 г. Сюжет мурала построен на городской мифологии о загадочной подземной реке, на берегах которой стоит город.

История города от возникновения до руин времен Второй мировой войны описана в импрессии Антона Адамовича «Менску (На ўгодкі вялікае паджогі)» (1942), в которой автор провел «завуаляваную параллель між Гітлерам і Напалеонам, конь якога ўпершыню спатыкнуўся ў Менску пры ягоным паходзе на Усход» [цит. по: 568].

С Минском связан трагический эпизод похода французов в Россию, о нем повествует бригадир Жерар, герой рассказа А. Конан Дойла «Как бригадир побывал в Минске» («How the Brigadier Rode to Minsk», 1902) из цикла повествований об истории наполеоновских войн (сб. «Приключения бригадира Жерара»). Конный отряд наполеоновской армии, во избежание смерти от холода и голода отправленный в Минск, где в городской ратуше хранились запасы зерна, был жестоко разгромлен. По рассказу был поставлен радиоспектакль «Засада ў горадзе Мінску» (1985, автор инсценировки В. Мехов, режиссер В. Анисенко).

Как выглядела в начале XIX в. центральная площадь города на Высоком рынке можно увидеть на акварели краковского художника Ю. Пешки, который в первом десятилетии XIX в. посетил губер-

ский Минск [214, с. 41–42]. Соборная площадь с ратушей и костелом запечатлены на рисунке неизвестного художника (конец XVIII – начало XIX в.), литографии Л. Ж.-Б. Сабатье, выполненной по рисунку французского художника Б. Ловерня (1840), церковь Святого Духа и ратуша на Высоком рынке – на автолитографии современного белорусского художника В. Стащенко (1986). Минск и предместья 1830-х – 40-х гг. – тема рисунков Ч. Монюшко («Дворик на улице Волоцкой», «Большая Слепянка», «Минск. Верхний город», «Вид Минска со стороны дома Э. Ваньковича»).

Знаковые места губернского Минска, например такие, как дом, в котором жил С. Монюшко, городская усадьба Ваньковичей, воссозданы на автолитографиях В. Стащенко, автора исторических рисунков-реконструкций, а также так называемых стандартов – марок, на которых изображены знаки, фигуры и объекты, играющие роль национальных символов страны.

«Непакорлівы і бунтарскі, агульны дух непаслушэнства і адкрытых маніфестацый», владевший Минском 1863 г., передан в эссе «Горад паўстае 1863–1864 гг.» В. Короткевича и А. Мальдуса (1967): «...многія людзі на знак дэманстрацыі хадзілі ў народных беларускіх касцюмах, каб нават вонкава паходзіць на мужыкоў <...> у паветры пахла порахам. У гімназіі і ў іншых установах збіралі грошы на зброю і самую зброю <...> Тэрор лютаваў <...>. Горад быў жахлівы і тужліва прыціхлы. Сімвалам яго былі заўчасна пасівелыя жанчыны ў чорным. Начальства дазваляла насіць жалобу толькі тым, у каго ў сям’і быў памёршы або забіты. Пасведчанні аб гэтым правяралі на кожным кроку. Гараджанка Немаршанская ў журботным гневе прышыла пасведчанне аб смерці мужа да сукні на спіне: горды знак прыналежнасці да высакароднага клана рыцараў свабоды». Город постарались изменить до неузнаваемости, переименовав улицы: «Збаровая ператварылася ў Праабражэнскую, Валошская – у Крашчэнскую, іншыя – у Багадзельную, Губернатарскую» [213].

Распространение православия в Северо-Западном крае явилось особым направлением деятельности виленского, гродненского и минского генерал-губернатора М. Н. Муравьева. В 1864 г. по инициативе графа была организована художественная экспедиция по Северо-Западному краю для «разыскания» памятников культуры и

архитектуры, которые могли быть, по его мнению, древнерусскими. В рамках экспедиции в 1864–1867 гг. русским художником Д. Струковым [138] создан ряд работ, на которых сохранился внешний вид некоторых минских храмов: Католический кафедральный собор (Костел минского иезуитского коллегіума на Соборной площади), Екатерининский собор на Немиге, церковь в Прилуках.

Память о памятных местах, утраченных в результате многочисленных городских пожаров, сохранена в гравюрах В. Боярского «Бывший костел иезуитов. Вид после пожара. Конец XIX в.», «Улица Койдановская после пожара», опубликованных в журнале «Tygodnik Powszechny» в 1881 г.

1890–1901 гг. стали периодом расцвета губернского Минска. Память о городском голове К. Э. Чапском, благодаря деятельности которого в городе были проведены экономические и культурные реформы, обеспечившие высокие темпы его развития, сохраняется в монументальном портрете графа (см. с. 416), выполненном в трафаретном стиле на стене здания бывшего металлообрабатывающего завода, построенного в 1907 г. (ул. Октябрьская, 16) (2015, художник С. Русак (Izum), эскиз И. Юхевича).

Представление о некоторых зданиях Минска начала XX в., к сожалению, не сохранившихся, можно составить по иллюстрациям польского художника К. Биске, помещенным в «Tygodnik ilustrowany» (Доминиканский костел, дом Сапег, башня-звонница коллегіума иезуитов и др.).

Трагическое событие октября 1905 г. – расстрел рабочих по приказу минского губернатора П. Г. Курлова, собравшихся на митинг у железнодорожного вокзала в связи с царским манифестом о даровании населению «незыблемых основ гражданской свободы», запечатлено на картине И. Давидовича «Курловский расстрел» (1939) и в стихотворении Я. Купалы «Водклік з 29 кастрычніка 1905 г. у Мінску» (1906):

Вось, як анэгдай бліз было вакзала:
Крыві нямала зямля папівала <...>

Вось тут пазнай, ці свабоду нам далі.
Ці ашуканствам у бойню загналі?

Представление о Минске 1916–1920 гг. – периоде возрождения белорусской культуры, можно составить по воспоминаниям З. Верас (Л. А. Сивицкая-Войтик) «Пяць месяцаў у Мінску», Е. С. Романовича «Беларуская хатка», Е. Е. Кипеля «Эпизоды».

«Пяць месяцаў у Мінску» З. Верас, посвященные М. Богдановичу, передают атмосферу города времен Первой мировой войны, со свойственным Минску 1916–1917 гг. подъемом общественного движения и сильным национальным духом, символом которого становится «Беларуская хатка» – культурно-просветительное товарищество творческой интеллигенции (подробнее см. приложение 1).

Реалии жизни Минска 1918–1920 гг. (в широком смысле – всей Беларуси) отражены в комедии Янки Купалы «Тутэйшыя» (1922, опубл. 1924), по определению автора, «трагічна-смяшлівых сцэнах у 4-х дзеях». Каждый акт пьесы предваряет указание времени действия. В городе, который за это время был столицей и БНР и БССР, четыре раза менялась власть. Четыре действия определяют событийно-временные периоды: февраль 1918 г. – город оккупируют немцы, декабрь 1918 г. – власть захватывают большевики, август 1919 г. – приходят поляки, июль 1920 г. – власть возвращают большевики.

Свойственные городу полиэтничность, смешение, проникновение культур подчеркивается Я. Купалой в одежде героев («Усходні вучоны носіць велікарускую вопратку, Заходні – польскі строй»), в их речи, особенностях реалий (например, о еврейской культурной составляющей свидетельствует упоминание «менскіх свабодных гэрцум-сролікаў»³⁰); русско-белорусская смесь речи Микиты: «О, между протчим, і прафэсар у нас! Здрасціце!», он и имя, фамилию изменил на нужный лад: не Микита Зносак, а Никитий Зносилов; высказывание Микиты о «менской рускай, между протчим, інтэлігенцыі»; его рассказ о встре-

³⁰ Герцуки – низший класс извозчиков (Яхимович С. М. Весь Минск, или Спутник по Минску. Минск: Тип. Фельдмана и Перского, 1911. С. 128). У П. Шпилевского в «Путешествии по Полесью и Белорусскому краю» при описании разливов Немиги говорится: «Так как проток этот бывает иногда довольно большой, то для переправы чрез него устраиваются мостки: впрочем, быстрая вода сносит мостки в тот же день, как их устроят, и тогда приходится переезжать в наемных извозчиных тележках (вроде венских Zeiselwagen) так называемых герцумсроликов-жидов, налетающих к берегам Новой Немиги в бесчисленном количестве и собирающих с седоков копейки за перевоз» [548, с. 15].

Лингвист Александра Полян предположила, что слово состоит из her су – «эй, ты» и «Сролик» (в украинском идише Сруль) – распространенное еврейское имя, уменьшительное от Израйля (Сичинава Д. Самые таинственные слова в мире // Arzamas. Режим доступа: <http://arzamas.academy/materials/151>).

че на Зыбицкой: «спаткалі мяне два, мабыць, апошнія ўцякаючыя паны» и др.).

Знаковой приметой времени становится так называемое уплотнение. «Было ў Мінску апошнім часам нейкае палатненне, дык нас і ўпалатнілі ў адзін пакой, а іншыя – забралі», – жалуюцца героі Я. Купалы. Символамі времени выступаюць «Менскія Губернскія Саўхозы, Нархозы, Камхозы, Дамхозы і інш.».

Культуранімі Мінска ярка выражэн у топоніміі: Мікіта Зносак берэць урокі ў танцкласе на вуліцы Юр'евскай, выступае на Соборнай плошчы (Катэдральны пляц) з «араторыямі» – так сквазь мастацка-тэатральны тэкст праступаюць рэальныя рысы горада таго часу. У Купалы гэта месца называецца Брэхаловка (Брахалка). Яшчэ адна знакавая прымета часу – вострабаванасць аратороў-агітатараў. «Здольны арадар будзе магчы купацца, як сыр у масле», – утвэрджае галоўны герой камедыі.

Мінск Літоўскі з вясны 1918 г. па жніўня 1919 г. – месца дзеяння трылогіі (цыкла «мінскіх раманав») С. Песецкага «Яблочко», «Гляну я ў окошко...» і «Ніхто не дае нам збавлення...» (1946–1947). У прадзвінненнях аўтара (учасніка многіх гістарычных падзеяў (ад Окцябры да Другой сусветнай вайны), ракоўскага кантрабандыста, агента польскай і англійскай разведок, супрацьніка бальшэвікоў, пісателя, номінаванага на Нобелеўскую прэмію) оживае мінскае прастранства – Соборная плошча, Кафедральны сабор, вуліцы Захар'евская, Койдановская, Комаровскі і Ніжні рынак.

Здесь процветает «сплошное злодейство», издевательства над людьми стали отличительной чертой времени, крадут и грабят солдаты, офицеры, чиновники, милиционеры [205, с. 170].

Іной взгляд (в стиле соцреализма) выражают темы картин И. Ахремчика (1935), М. Монозона (1937) и Е. Зайцева (1940), посвященные вступлению Красной армии в город в 1920 г.

Детальная документация повседневной жизни губернского, а позже советского Мінска прослеживается в книге «Счастье мое...: Дневники Иосифа Голубева (1916–1923)». Революционные события начала XX в. показаны глазами мінчанина – рабоче-бальшэвіка, паступенна разачаровывающага ў ідэях рэвалюцыі. Дневники не являются художественным произведением, однако, без сомнения, заслуживают упоминания в рамках культурологического

исследования как уникальный автодокументальный текст – в данном случае переломного периода истории.

Дух советского времени, история десятилетия (1920-е гг.) переданы в романе М. Кульбака «Зелменяне» (1930). Автор с теплотой и доброй иронией рассказывает историю патриархальной еврейской семьи, живущей на минской окраине («Старадаўня мураванка з папсутым тынкам і два рады хат, поўных зельманчыкаў. Ёсць яшчэ хлявы, скляпы, вышкі. Усё гэта разам мае выгляд вузкай вулачкі»), пережившей Первую мировую войну и революцию («Зельманцы вярнуліся з франтоў у старых шынялях, у падраных зімовых шапках. Спачатку хадзілі па двары, глыталі ўсё, што траплялася ў рукі, але памалу прывабілі іх у хаты»). В их повседневность входят электрификация – важнейшее условие строительства социалистического общества, к которой зелменяне относятся настороженно и философски («Цётка Малка... доўга стаяла пасярод хаты, склаўшы рукі на грудзях, і задуменна глядзела на халодныя нітачкі лампачкі. Крыху пазней яна сказала ўздыхнуўшы: “Да гэтай электрычнасці не пашкодзіла б быць трохі маладзейшай”»), радио («Сядзелі вакол радыёскрынак групамі, са злёгка вытаращчанымі, як у птушак, вачыма і здзіўлена слухалі прамову аб збожжанарыхтоўках у БССР»), трамвай («Пад’язджалі да самога вакзала, а назад вярталіся пешшу»). Они участвуют в демонстрации – празднике пролетариата по случаю прохождения через город частей Красной армии («Дзядзька Іча (Бач які! Бач які!) ішоў тут жа за аркестрам, высока падняўшы галаву, з вазонам пад пахай. Гэта падарунак для Чырвонай арміі <...> Воддаль ішоў самотны дзядзька Зыся, нахмураны, выкідаючы наперад сваю моцную палку. Ён спыняўся і расшпільваў каўнер фуфайкі, каб лягчэй было дыхаць. Небарака не прывык крочыць у нагу з пралетарыятам»), поют революционные песни «с канторским нажимом» и вывешивают над своими домами красные флаги («Над рэб-зельманаўскім дваром палаў чырвоны сцяг»). Старшее поколение так и не приспособилось к новым советским реалиям, а младшее с безоглядностью и энтузиазмом молодости в них поверило и стремится соответствовать эпохе, даже маленькие зелменяне рассуждают о том, что им нужно будет поднять урожайность, определяют пионера по мозоли на ноге, а комсомольца – на руке и мечтают, когда вырастут, быть большевиками и коммунистами. Перемены сопровождаются разло-

жением вековых традиций и устоев, семейных уз и в целом – городского еврейского этоса (устойчивого нравственного характера). Это роман о патриархальном городе, с сильным влиянием еврейской культуры (в национальном составе жителей Минска евреи в начале XX в. составляли 43, 3 %), укладу которого, как и его деревянным домишкам, суждено было исчезнуть. В 1929 г. эти дома снесут, а на их месте выстроят фабрику «Коммунарка», название которой также символизирует время – в честь 12-й годовщины Октябрьской революции («Запомнілася толькі мокрая цагляная сцяна, якая сваёй чырвонай свежасцю наводзіла жах на разбураныя дамкі. Гэта з-пад лясоў патроху вылазіла цукерачная фабрыка “Камунарка”» [252]).

Минск 1927 г. можно увидеть на кадрах одного из первых белорусских немых фильмов «Кастусь Калиновский», где встречаются такие историко-культурные символы города, как Пищаловский замок, Троицкая гора, улицы Немиги.

Представление о городе 20–30-х гг. XX в. складывается и из рисунков Н. Альтмана «Площадь провинциального города» (1926), М. Аксельрода «Менск» (1928), М. Станюты «Строительство университетского городка» (1929), Н. Дучица «У железнодорожной церкви. 1929 год», «Угол Ленинской и Интернациональной в 1928 году», «Тюремный переулок» (1930), а также серии линоритов художника, созданных во второй половине 1960-х гг. на основе графических зарисовок 1920-х гг., как, например, «Старый Минск. Рыбный рынок».

В рассказе Я. Скрыгана «Падзяка» (1934) герои наблюдают из окна трамвая, идущего с Вокзальной площади, ставшие узнаваемыми сегодня символы советского города 1930-х гг.: площадь Ленина с недавно построенным Домом правительства и бронзовым Лениным на черном граните постамента, университетский городок. Один из героев последний раз был в городе перед мобилизацией на фронт в 1914 г. и не узнает его. Все, что он помнит, – Красный костел и гостиницу «Бельгия».

«От жа ён і не ведае, што чырвонага касцёла ў нас даўно няма³¹, а ёсць дзяржаўны тэатр. Што будынак, які здзівіў яго шклом сваіх сцен, – гэта фабрыка-кухня. Што гасцініцы “Бельгія” ён бачыць не мог, ён памыліўся, бо ад яе не асталося нават і следу. На тым

³¹ В 1932–1937 гг. в здании Красного костела размещался Государственный польский театр БССР.

месцы стаіць цяпер Дом урада. Нельга ж, каб ён гэтага не ведаў!» – думает автор и решает показать новому знакомому, как изменился город. Строящийся Дом Красной армии, новая Ляховка, заводы, «шклом крытыя дахі і кварталы рабочых пасёлкаў». «Я паказаў яму тэхнікумы, клінікі, інтэрнаты, паркі. Паказаў стадыён, гасцініцы, клубы. Мы бачылі, як падымаліся сцены Камвуза, Акадэміі навук, Дома друку, Дома спецыялістаў. Мы чулі гудкі заводаў усяе сталіцы, калі на работу заступала другая змена. Я звадзіў чалавека на месца, дзе будзе пабудаваны тэатр оперы і балета, які падымецца вышэй над усімі будынкамі Мінска. <...> Разам з ім мы бачылі будучыню. Унізе плешчацца і пабліскае рэчка. Паўз бераг дыміцца зялёны, разложысты парк і, перасекшы Савецкую вуліцу, зліваецца з паркам «Прафінтэрн». Па гранітным узбярэжжы рушаць машыны, і натоўп моладзі па каменных ступеньках спускаецца на водную станцыю. Па рэчцы слізгаюць лодкі. Недзе за паваротам яе чуцён сігнал паравоза. Ён праходзіць, успеньваючы ваду, – грузны, затомлены, – несучы ў сабе дыханне вялікага Дняпра <...> Мы стаімо на плошчы Парыжскай камуны. Яна ўзвышаецца, як купал. Адсюль нам відны контуры горада. Над ім спелецца тонкая, празрыстая сінь, і абрысы дамоў зліваюцца з гарызонтам». В конце рассказа автор в ответ на благодарность человека, открывшего для себя новый город, сам благодарит его. На вопрос: «За что?», автор улыбается и думает: «Хіба мог я сказаць, што быў горды самаю большаю гордасцю – правам паказваць усё гэта, як сваю радасць» [448]. Я. Скрыгану в небольшом, но очень емком рассказе удалось передать облик минских улиц советского города, знаковые артефакты советскости.

Образ довоенного Минска складывается и из восприятия картин П. Н. Гавриленко «Минск. Московская улица» (1936), Н. Л. Тарасикова «Минск. Площадь Свободы» (1940), графических работ А. М. Тычины «Дом Красной армии им. К. Е. Ворошилова в Минске» (1940), «Улица в Минске» (1930-е), стихотворения А. Кулешова «Я живу на вуліцы Маскоўскай...» (1940) и др.

Благодаря работам художника Н. В. Дучица мы можем увидеть Минск во время немецкой оккупации 1941–1944 гг. и после освобождения: «Минск» (1944), «Старый Минск» (1944), «Городской пейзаж» (1944), «На руинах Минска» (1944), «Руины на Интернациональной улице» (1944).

В 1943–1944 гг. были выполнены десятки живописных этюдов А. В. Волковым, И. Р. Гембицким, Е. А. Зайцевым, А. С. Корженевским, В. К. Цвирко, М. М. Филипповичем, П. В. Маслениковым, В. Ф. Соколовым, с документальной точностью передающих трагизм белорусской земли, пережившей оккупацию.

Минск периода немецкой оккупации, в котором действуют подпольщики, изображен в романе И. Мележа «Минское направление» (опубликован в 1954 г.). О минском гетто рассказывается в воспоминаниях А. Красноперко «Пісьмы маёй памяці» (1984), Я. Я. Этингера «Это невозможно забыть» (2001).

Освобождение города воплощено на масштабном полотне В. В. Волкова «Минск. 3 июля 1944 г.» (1944–1955), который придает особое символическое значение не только времени, но и месту действия, охватывающему пространство от улицы Ленина до площади Свободы. Освобождению Минска посвящены картины Ф. М. Барановского «Минск наш», «Улица Танковая» и «Освобождение Минска в 1944 г.», И. А. Давидовича, Е. Н. Тихановича «Праздник Победы 9 мая 1945 г. в Минске» (1955), А. И. Кроля «Капитуляция под Минском» (1961).

Парад белорусских партизан в Минске, состоявшийся 16 июля 1944 г. в районе улицы Красноармейской (в излучине Свислочи), в котором приняло участие более 30 тысяч партизан, воплотил в одноименной картине Е. А. Зайцев (1947).

Образ разрушенного города запечатлен в работах М. И. Монозона «Минск. Ленинская улица» (1944), С. П. Каткова «Минск. Верхний город» (1946), А. И. Кроля «Разрушенный Минск» (1947) и др. Многие полотна М. Данцига посвящены теме памяти о войне. Искореженный, красно-коричнево-черный город, который увидел 14-летний подросток, остался на картинах «Минск. Пепелище Немиги. (Здесь было гетто)» (1955), «Минск после войны» (1970-е), «Минск. Весна. 1944 год» (1975) и др. К теме войны М. Данциг обращается и в наше время (например, полотно, выполненное в технике коллажа с наклеенными на холст черно-белыми фотографиями детей, «Малый Тростенец. Урочище Благовщина. Здесь памятью людей воздвигнут памятник», 2015).

В конце 1940-х гг. создано большое количество «минских пейзажей» А. Наливаева, которые в 1960-е гг. художник из акварелей

перевел в темперу. Коллекция работ, посвященных послевоенному городу 1945–1960 гг., отражает историю Минска, его архитектурных сооружений, многие из которых сегодня не сохранились: дворец Чапских возле здания МВД, мечеть, деревянная застройка возле Красного костела и на Комаровской площади перед зданием Института физкультуры, здания по улице Торговой, развалины костела Святого Фомы Аквинского и Доминиканского монастыря, Хоральной синагоги.

Вопрос «восстанавливать город из руин или строить заново» был решен 15 июля 1945 г., когда И. В. Сталин посетил Минск по пути на Потсдамскую конференцию. Первый секретарь ЦК КПБ П. К. Пономаренко сопровождал его до Бреста, тогда и было решено в Минске построить предприятия крупной промышленности, улицы делать широкими и прямыми, в планировку города внести новые показатели, сделать его индустриальным и научно-техническим центром республики. Пономаренко предложил Сталину вместо восстановления авиазавода развернуть строительство тракторного завода [399]. В 1953 г. Минский тракторный завод выпустил первый трактор для вспашки полей, что отражено на картине М. Монозона «Минский тракторный – полям» (1957). Город начал строиться заново, сформировался его новый облик.

Строительство завода и его поселка было объявлено одной из главных строек страны. Образ тракторного города, созданного вокруг Тракторного завода, воплощен во многих произведениях, например, в стихотворении П. Бровки «Трактарагород» (1947):

Рассунуўшы сосны
Плячамі, што волат,
Пад Мінскам уздымаецца
Трактарагород.

Возрождающемуся городу посвящены работы художников А. Тычины «Восстановление Минска» (1945), Е. Красовского «На восстановление Минска» (1946), М. Монозона «Воскресник по восстановлению г. Минска» (1947) и др. Образ послевоенного города складывается из линогравюр и литографий С. Геруса и И. Гембицкого, офортов А. Кашкуровича, акварелей Л. Лейтмана

и В. Кульвановского, полотен Н. Воронова, М. Моносзона, М. Аксельрода, Б. Непомнящего, В. Сумарева, Е. Рожкова, городских пейзажей В. Волкова и А. Волкова, И. Басова и В. Басова, А. Кроля, М. Чепика, Г. Бржозовского, станковой графики В. Соколова, Г. Витковского и др.

Образ Минска 1950–60-х гг. наиболее полно, на наш взгляд, передают картины М. Данцига. Основные темы работ художника – строящийся, пробуждающийся к новой мирной жизни город и сопоставление старого и нового Минска («Минск пробуждается», «Растут новые кварталы», «Древний и новый Минск», 1960, «Минск. Воскресное утро», «Новый Минск», «Утро нового Минска», 1961, «Мой Минск», 1967).

Работы М. Данцига 1970-х гг. продолжают биографию города. На картине «Мой город древний, молодой» (1972) изображены Верхний город, строящееся здание Белпромпроекта и рядом с ним – Холодная (Большая) синагога XVI в. (внешний вид синагоги сохранился на акварели М. Филипповича «Холодная синагога» (1924), а внутренний интерьер – на акварели Я. Крутера «Холодная синагога. Минск» (1921)), уничтоженная во время реконструкции Немиги в 1960-е гг., – древние и современные здания центральной части города, памятники архитектуры XVI–XX вв., по которым можно проследить историю городских артефактов. Новые краски в палитру города вносит новая жизнь, ей посвящает М. Данциг картину «Палитра новостроек» (1979). Краски готовы к работе, их радужное яркое многообразие говорит: так выражает себя острота чувств, счастливых мечтаний, надежд людей, переживших войну. К 30-летию Победы, после присвоения Минску в 1974 г. почетного звания «Город-герой» М. Данциг пишет «Песнь о Минске» (1975). На фоне панорамы возрожденного города летят белоснежные голуби, символизирующие чистоту и мир. Минск М. Данцига – просторный, светлый, чистый город, и как противопоставление (в правом верхнем углу) в композицию введено изображение минских руин – исторический документ, хранящий память о древнем, уничтоженном войной городе.

Образ города-героя стал ориентиром при создании песен о Минске («Чатыры штыкі над Мінскам» (музыка Ю. Семеняко, слова П. Бровки), «Баллада о городе-герое» (музыка Ю. Семеняко, слова А. Бачило), «Есть у города слава гордая» (музыка И. Лученка, слова

А. Вертинского) и др.). Несколько секунд припева «Песні пра Мінск» (1976, музыка И. Лученка, слова П. Панченко) отбивают каждый час куранты над минской ратушей. Смысловое наполнение образа Минска в этой и других песнях о Минске составляет символика весеннего обновления: «Город распутившихся каштанов» (музыка Н. Третьякова, слова Курловича), «Горад вясны» (музыка В. Прохорова, слова В. Каризны), «Город счастья весеннего» (музыка С. Альхимович, слова Н. Чернявского).

В 1967 г. в дни празднования 900-летия города впервые прозвучали кантата для хора и симфонического оркестра Ю. Семеняко «Величальная Минску» на слова П. Хорькова и «Баллада о Минске» И. Лученка на слова А. Русака.

Оккупированный Минск и город послевоенный 1950 – 1960-х гг. с его знаковыми, узнаваемыми и любимыми минчанами местами – магазины «Лакомка», Центральный книжный, ГУМ, кинотеатр «Центральный» и многие другие – становится героем романов А. А. Станюты «Городские сны» (2009) и «Минская любовь» (2011).

Новый Минск нашел отклик в лирических произведениях М. Танка, М. Лужанина, С. Граховского, В. Витки и др. Образ города 50-х гг. передан в стихотворении П. Панченко «Слова пра Мінск»:

І Мінск стары ўжо нельга і пазнаць.

<...>Дык што, падлічым, засталася нам?

Імя сталіцы, нараджэння дата,
Падполля слава з кроўю напам
Ды каракумы попелу ў дадатак.

Ты – горад мой і быццам бы не мой:
Усё ў табе нязвычайнае і новае,
І рокат завадскі тваёю стаў асноваю,
І пахнеш ты жалезам і сасной.

Восстановление сопровождается очень быстрым, не имеющим аналогов ростом города за счет миграции. Как пишет приехавшая в Минск в 50-е гг. Е. Лось в стихотворении «Мінчанка»:

Завуся з гордасцю мінчанкай –
І ёй да скону быць хачу!

А поэт А. Бачило в стихотворении «Самы лепшы горад» (1958) иронически замечает:

Застаецца кожны тут,
Толькі дай кватэру.

В 50–60-е гг. XX в. город часто становился героем фильмов³². Возвращение в 2013 г. в культурный оборот документальных фильмов «Новый Минск» (1954), «День рождения» (1961), «Дом на проспекте» (1962), «Солнце над городом» (1966), художественных лент «Тысяча окон», «Любовью надо дорожить» (1959), «Любимая» (1965) расширяет представления о городском пространстве послевоенного Минска, углубляет повествовательный миф изобразительным рядом. Кинематографический текст выступает как инструмент освоения культурного наследия, реконструкции атмосферы Минска периода хрущевской оттепели. Комплекс образов, мотивов, символов воплощает модель городского бытия советской эпохи 60-х гг. Главная особенность этого города – возрождение, энергия новой жизни, молодость.

Строящийся город стал главным мотивом в фильме «Любимая» (режиссер Р. Викторов). А один из символов нового Минска – возведение Дворца спорта на Парковой магистрали (проспект Победителей). С высоты птичьего полета показаны узнаваемые, заслужившие особое признание архитектурные проекты: Красный костел, дом Костровицкой, Дом правительства, педагогический институт (ныне университет), проспект, Академия наук, площадь Калинина и др. Героиня работает на реконструкции бывшего церковно-археологического музея и штукатурит Дом правительства. Также местом действия в фильме становятся такие знаковые городские символы, как оперный театр, стадион «Динамо» и цирк.

Образной символикой, мотивами жизненной силы, обновления наполнен документальный фильм «Солнце над городом» (СССР,

³² «Я шагаю по Москве» (1964, режиссер Г. Данелия), «Застава Ильича» (1965, режиссер М. Хуциев), «Июльский дождь» (1966, режиссер М. Хуциев).

Минская студия научно-популярных и хроникально-документальных фильмов, 1966; сценарий, режиссура и съемки Ю. Марухина).

Памяти о войне посвящаются документальные фильмы «Новый Минск» и «Дом на Проспекте». В обе ленты включен символический эпизод закладки кирпичей, привезенных в Минск из Сталинграда – легендарного Дома Павлова, в строящийся дом № 31 на пересечении проспекта Сталина (современный проспект Независимости) и улицы Коммунистической.

Дом-коммуна на художественном полотне В. Сумарева «Мой дом» (1972, см. с. 400) символизирует социалистический город, в котором высокий уровень обобществления быта и коллективные жилища. Его же картина «Октябрь» (1967–1970, см. с. 399) посвящается самому значительному событию в советской истории, и, соответственно, наполняется оптимистическим, праздничным настроением, преобладающим красным цветом (полотнищ), символизирующим победу революции и надежду на новую, счастливую жизнь при коммунизме.

Образ Минска на реверсе памятной серебряной монеты, выпущенной в честь Олимпиады-80 (в городе на стадионе «Динамо» проходили футбольные матчи олимпийского турнира), передается изображениями таких достопримечательностей столицы, как монумент Победы, Дворец спорта, Дворец культуры профсоюзов и Большой театр оперы и балета. Выбор памятных мест обусловлен задачей, сформировать лаконичное представление о социалистическом городе, столице страны мужественных, сильных духом и телом, культурно-образованных людей.

На исходе 1980-х и в начале 1990-х меняются все стороны жизни страны, также и представление об образе ее столицы. В неустойчивое время перемен («перестройки») этот образ видится разным. Так, регламентированный, холодный и безжизненный город видит художник А. Клинов («Декабрь», 1988, «23 декабря» 1990, «Городской романс», 1991). Метафорические, сюрреалистические образы города появляются в его работах в середине 1990-х гг. Это город, в котором люди и дома существуют в атмосфере абсурдности, нереальности, и, одновременно, праздничности, театральности, сказочности («Город», «Гмах», «Корабль», 1995).

Жизнь большого города соотносится с жанром романа. Описанию того, чем и как живут столица 80-х, ее представители и белорусская деревня, откуда они родом, посвящен роман К. Левановича «Бесядзь

цячэ ў акіян» (2007). Трагическая гибель первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии (1980) П. Машерова, с которой начинается роман, нам представляется символическим вестником гибели той социожизни, с которой были связаны надежды на светлое будущее.

Город 1999–2000-х гг. предстает в романе А. Филипенко «Бывший сын» (2013), футуристический утопический Минск показан в романе В. Мартиновича «Мова» (2014).

В качестве примера современной поэзии о городе, взгляда на него глазами приезжего, можно привести стихи русского поэта Вс. Некрасова «Из минских заметок» (2004), в которых отражены значимые символы Минска – железнодорожный вокзал, Михайловский сквер, Свислочь, Немига, Троицкое предместье, музей валунов.

Современным текстам о Минске присущи мифологизация, присваивание пространства, презентизм как тип мышления о городе. Процесс коммеморации происходит под влиянием современного понимания прошлого, т. е. речь идет не об изучении событий как таковых, а о представлении этих событий, их современной интерпретации, о культурной памяти, сохраненной представителями городского сообщества или в целом нации. Согласно точке зрения французского историка Ф. Артога, презентизм – одна из форм восприятия времени (иными формами являются пассаизм и футуризм), когда с помощью коммеморативных практик, например, юбилейных торжеств, нации пытаются освятить идентичность [595].

Мифологизированное пространство – Город Солнца, модель идеального города, иллюзии социалистической утопии коммунистического счастья создает в литературно-фотографическом проекте минский художник А. Клинов («Минск: путеводитель по Городу Солнца», 2006).

В артпроекте «Мой Минск. Символы пространства и времени» (2015) В. Альшевского знаковые сооружения города представляются в преломлении достижений мировой культуры: во Дворце спорта в хоккей играют средневековые рыцари, стадион «Динамо» ассоциируется с римским Колизеем, а Дворец культуры профсоюзов – с афинским Парфеноном.

Мифологическую, поэтизированную историю города пишет М. Володин. Мифы о городе в «Минских историях», по определе-

нию автора, собраны в литературный путеводитель, который воссоздаст настоящую и немного вымышленную историю [108]. Историйки М. Володина – пример неофициальной традиции семантизации городского пространства в преданиях и анекдотах.

Яркий, образный, наполненный юмором, многочисленными деталями и персонажами Минск живет в работах художника-наивиста И. Римашевского, определяющего жанр своих картин как сказочный реализм (см. с. 396).

В стиле примитива, наива пишет город художник Г. Пономарев. Романтический Минск предстает на картинах Л. Щемелева, В. Пешкуна. В графических работах А. Кашкуровича, выполненных в технике офорт, представлены храмы Минска. Серии графических работ минского художника В. Шаркова, выполненные в технике классической цветной автолитографии, создают образ исторического центра Минска. Храмы, набережные, площадь Свободы, улица Максима Богдановича, оперный театр, Троицкое предместье, река Свислочь – места, ставшие визитной карточкой города – старый город, по которому ностальгирует автор. С. Стоцкий исследует феномен меняющегося города. Его городские пейзажи хранят память о многих местах, которые изменились за последние несколько лет: улицы Немига, Революционная, Интернациональная, Старовиленская.

Пространство современного Минска вписывается в знаковые места губернского города на открытках дизайнера В. Цеслера серии «Старый Минск» («С приветом из Минска», 2008), на которых рядом со старинными зданиями (в основе открыток – фотографии города конца XIX – начала XX в.) появляются персонажи из настоящего, среди рекламных вывесок на зданиях улицы Захарьевской XIX в. встречается знак XXI в.: «Интернет-трактирь», или над деревянными в основном строениями возвышается ультрасовременное по дизайну здание Национальной библиотеки (см. с. 406).

Как отмечает М. Володин, «Немигские мотивы» присутствуют в культовых мультфильмах о Чебурашке 1970-х гг. (действие происходит на фоне торговых рядов Верхнего города) художника Л. Шварцмана, уроженца Минска, чье детство и юность прошли в этом городе. По словам Л. Шварцмана, Минск появился в мультфильмах по собственной воле, из его памяти.

Современному городу посвящены фотопроекты В. Чикина «Балет & Город. Минск» (2014), С. Гудилина «MI(E)NSK» (2013), воркшоп «The Essence of Terra Incognita» (2015–2016).

В работах В. Чикина классический балет переносится в пространство мегаполиса и рассматривается как один из наиболее узнаваемых символов. Участники воркшопа «The Essence of Terra Incognita» посредством спонтанной фотофиксации выражают личное восприятие города через ощущения. Демонстрация визуального ряда сопровождалась чтением отрывков из романа А. Клинова о Городе Солнца как городе детства. Фотографии С. Гудилина содержат дуализм белорусских культурных кодов. Фотограф предлагает урбанистический образ смешения культур, города и села, центра и периферии, старого и нового, индивидуального и коллективного. В его работах улицы города и его жители – независимые субъекты городского пространства.

Дуализм как основополагающая характеристика городского пространства Минска прослеживается в песне «Менск і Мінск» (слова и музыка Л. Вольского). «Менск» и «Минск» – две формы имени белорусской столицы, рассматриваемые как индикаторы идентичности. Минск стал официальным названием, в то время как Менск хранится как историческое имя города и тем ценнее для суверенного этноса.

Закрепление мест памяти на карте города происходит разными путями: через городской феномен, создание мифологических историй, присваивание пространства, аудиовизуальное творчество и др.

Проблеме феномена Шабанов как образа деградирующего массового сознания посвящены роман А. Бахаревица «Шабаны. Гісторыя аднаго знікнення» (2012), одноименный спектакль, поставленный по роману в Купаловском театре (2015, автор инсценировки и режиссер А. Ганум), художественный фильм А. Курейчика «ГараШ» (2015). (Прописная «Ш» в названии отсылает к названию микрорайона «Шабаны», расположенного на окраине Минска, где разворачиваются события киноленты.)

Присваивание пространства проявляется в отождествлении личности и города, как, например, в песне «Минск – это я» (музыка С. Ковалева, слова К. Слуки). В серии живописных работ Д. Барсукова адресная точность названий работ: «Проспект» (2015), «Коммунистическая, 8»,

«Проспект Независимости, 12», «Веры Хоружей, 1» – вызывает ощущение реалистичности, присвоенности места.

А. Бахаревиц в романе «Натуральная афарбоўка» (2002) создает мифологическую историю Тракторного завода (Прадпрыемства) – одного из значимых символов-образов города: «На сямі ўзгорках, у самым цэнтры вялікага горада, ляжыць Прадпрыемства <...> зарыкае каменная ваўчыха, што стаіць пры ўваходзе як напамін пратую звяругу, якая выкарміла некалі бацькоў Прадпрыемства – тых, хто першымі ўсадзілі лапаты ў зямлю на месцы вырубленага гушчару».

Места памяти документируются во времени при помощи звуков (записи звукового ландшафта) и неподвижных изображений аудиохудожником А. Сорокиным и фотографом А. Наумчиком в проекте «Beat of Minsk» (2013). Аудиовизуальный перформанс воплощен в таких частях, как «Площадь», «Метро» и «Победа» (одноименный кинотеатр, который был одним из центров артхаус-движения).

Приметой современного города становится стрит-арт. Художники создают уникальные знаки на участках городского ландшафта, вступая в коммуникацию со зрителями. Некоторые сюжеты национальной тематики: «Сямейныя каштоўнасці» (ул. Октябрьская, 16; автор Cowek), «Калейдаскоп Беларусі» (ул. Октябрьская, 19/5; автор Ramon Martins), «Река Немига» (ул. Аэродромная, 17; автор Kislow), аэропорт Минск-1 (ул. Аэродромная, 4; автор Mutus); идентичности белорусов посвящены работы «Man with no Name» (ул. Воронянского, 13/1, автор iNo), «Белоруска» (ул. Рабкоровская, 15, автор Guido Van Helten). Также примечательный стрит-арт, включающий символы мировой культуры: на улице Октябрьской соседствуют образы Кароля Чапского, Фриды Кало и Ван Гога. Сталкивание контрастных символов, обыгрывание стеновых поверхностей зданий, на которых они размещаются, необычная перспектива способствуют вовлечению зрителя в городскую среду, разнообразят культурное пространство современного города.

За каждым культурным закрепляются определенные образы, ассоциации, ощущения. Для культурной памяти важна индивидуальная актуализация прошлого, символическая кодировка в слове, образе, месте памяти. Индивидуальная память отдельной личности складывается в комбинации коллективных воспоминаний, коллективной памяти, которая функционирует в двух формах:

обосновывающее воспоминание и биографическое. Отсюда – многообразность культуронима Минска.

Среди образов-символов Минска в произведениях культуры можно выделить следующие: Город Солнца/город-утопия/антиутопия (А. Клинов, В. Мартинович), Вавилон (М. Володин), город-дом (В. Сумарев, А. Клинов), город древний, молодой (М. Данциг, И. Басов, В. Цеслер), мифологический герой Менеск (Р. Бородулин), губернский город (Ю. Пешка, Ч. Монюшко, В. Стащенко), Город-герой (в произведениях советских писателей и поэтов) и мн. др.

Тема Минска в книгах, фильмах, произведениях живописи, стритарта и др. объединяет все разнородные тексты в сложное семантическое единство – городской текст со своими структурными связями и взаимоотношениями.

В. Н. Топоров отмечает, что «кросс-жанровость, кросс-темпоральность, даже кросс-персональность (в отношении авторства) не только не мешают признать некий текст единым... но, напротив, помогают этому снятием ограничений как на различие в жанрах, во времени создания текста, в авторах (в этих “разреженных” условиях единство обеспечивается более фундаментальными с точки зрения структуры текста категориями). Текст един и связан... хотя он и писался... многими авторами...» [485, с. 279]. Представляется, что произведения образуют некую целостность взаимосвязанных текстов, объединенных темой города, историческим и социокультурным контекстом, порождающим эти произведения. Многообразие интерпретаций минского текста складывается из ключевых образов города, обусловленных хронотопом, по А. А. Ухтомскому, «живыми и неизгладимыми из бытия событиями» [496, с. 342].

Выводы по главе 3

Городское пространство Минска представляет собой гипертекст, обладающий такими характеристиками, как всеобъемность (минимум двуязычный), антиномичность, гетерогенность, сложноустроенность, тотальность (проявляется в литературе, архитектуре, музыке, ландшафте, живописи, скульптуре, фольклоре и повседневности), сверхсемантийность; город является генератором культуры – порождает новые культурные тексты. Механизмы формирования и циркуляции культурных смыслов в пространстве Минска во многом обусловлены коллизией советского и исторического города.

Как текст культуры город полнее всего отображается в изобразительном искусстве и художественной литературе. Городское пространство Минска в последнее время активно осваивается белорусскими художниками и писателями. Это необходимо для увеличения содержательного «тела» города. Чтобы «вес» городского «тела» увеличился, а ценностных пустот было как можно меньше, нужно насыщать его мифологемами, наращивать смыслы. Такая тенденция наблюдается в современном Минске. Литература и искусство начинают осваивать пространство, историческими обстоятельствами лишенное мифа, постепенно создавая минскую мифологию путем ретроспекции, возвращения к архаике. Формируя образ города, они запечатлевают память о нем, которая будет жить «и ныне, и присно...», являясь для нации источником идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя семиотический анализ текста столичного города, приведем краткие выводы о специфике семиосферы Минска, перспективах осмысления культурного контекста городских процессов, воздействия на культурное развитие города.

В постиндустриальном глобализационном обществе культура становится определяющим ресурсом его развития, наряду с экономикой и инновационными технологиями, поэтому обращение к проблематике текстов культуры является актуальным направлением современных культурологических публикаций.

Исследование семиосферы Минска является важным для определения национальной самобытности, идентификации, уникальности, создания образа, бренда города, осмысления главной функции – нациотворческой миссии культуры.

Изучение минского текста как некоей целостности взаимосвязанных текстов предполагает интерпретацию объединяющих их ключевых символов города, в основе которых «живые и неизгладимые из бытия события» (А. А. Ухтомский). В городе «все воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте» (К. Линч).

Семиосферу Минска можно представить как структурированное пространство, состоящее из множества узнаваемых символов, закрепленных в памятниках и монументальных зданиях, памятных местах и названиях улиц. Это пространство, в котором осуществляются циркуляция и актуализация смыслов, понимается как отражение различных слоев культурной памяти города (старого,

исторического, губернского Минска; столицы советской республики и столицы суверенного белорусского государства). Также важно учитывать такие факторы, как положение страны на цивилизационном помежье и исторические обстоятельства (нахождение в составе Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза), в силу чего были прерваны исторические культурные традиции и процессы самоидентификации этноса.

Культурный код Минска включает совокупность знаков, выраженных в текстах культуры, в которых описывается город, – вербальных (от краеведческих очерков В. Сырокомли, П. Шпилевского, комедии Янки Купалы «Тутэйшыя» до современных «минских историек» М. Володина, идеи Города Солнца А. Клинова и антиутопии В. Мартиновича) и невербальных (от анимационной ленты из цикла «Аповесць мінулых гадоў», монументальных полотен М. Данцига «Мой Минск», «Песнь о Минске», «Мой город древний, молодой» до арт-проекта В. Альшевского «Мой Минск. Символы пространства и времени» и картин художника-наивиста И. Римашевского). Культуроним Минска по-разному интерпретируется в произведениях художественной культуры, формируя многообразие образов-символов: Город Солнца/город-утопия/антиутопия (А. Клинов, В. Мартинович), Вавилон (М. Володин), город-дом (В. Сумарев, М. Кульбак), город древний, молодой (М. Данциг, И. Басов, В. Цеслер), мифологический герой Менеск (Р. Бородулин), губернский город (Ю. Пешка, Ч. Монишко, В. Стащенюк), город-герой (в произведениях советских писателей и поэтов) и др.

Тенденция представлять Минск навсегда застывшим в советской эпохе присутствует в работах многих исследователей. Нельзя не согласиться с тем, что существует проблема десоветизации образа города, другой интерпретации памятников советской эпохи. Вместе с тем теоретики городского пространства отмечают и уход от советскости к национальному. В культурном пространстве современного Минска возрождается национальная культурная память, вытесненная ранее общей советской памятью, в культурный ландшафт вводятся новые маркеры. Осуществляется коммеморация знаковых культурных событий (например, установка скульптурной композиции в честь обретения иконы Божией Матери Минской), формируются локальные места памяти о выдающихся деятелях национальной культуры

(памятник С. Монюшко и В. Дунину-Марцинкевичу, памятная скамейка в честь М. К. Огинского, мемориальный музей-мастерская З. Азгура), в строящихся микрорайонах города формируются комплексы внутригородских названий, объединенных локально, обладающих семантической связностью и общей коннотацией (улицы Павла Шпилевского, Иосифа Гошкевича, Владислава Сырокомли, Янки Лучины, Язепа Дроздовича, Прушинских, Каруся Каганца в микрорайоне Лошица).

Современные исследования феномена города отличает многоаспектность проблем, что обуславливает необходимость междисциплинарного подхода к его анализу.

Экстраполируя принципы междисциплинарных исследований на изучение феномена города, можно выявить общие основания генезиса ключевых элементов процессов, структур, составляющих его культурное пространство. Это позволяет сформировать представление о городе как о целостном объекте, отражающем тенденции развития конкретного типа культуры, и как об уникальной саморазвивающейся системе. Несмотря на разветвленность направлений изучения, дает возможность выстроить модель постижения феномена города, для которой наиболее сообразным будет комплексный подход.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список использованных источников

1. Аб найменаванні і перайменаванні праспектаў, вуліц, плошчаў і іншых састаўных частак г. Мінска [Электронны рэсурс] : рашэнне Мін. гар. Савета дэпутатаў ад 12 сак. 2008 г., № 127 // Левоневский В. С. – Рэжым доступу: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby09/sbor05/text05721.htm>. – Дата доступу: 12.06.2016.

2. Абашев, В. В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс] / В. В. Абашев. – Екатеринбург, 2000. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/permskii-tekst-v-russkoi-kulture-i-literature-xx-veka>. – Дата доступа: 29.12.2014.

3. Абашев, В. В. Пермь как текст: Пермский текст в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2000. – 404 с.

4. Абрасимов, П. А. Минск : ист.-экон. очерк / П. А. Абрасимов. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1956. – 123 с.

5. Агеева, Л. Я. Даследаванне падання пра Менеска / Л. Я. Агеева // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2008. – С. 14–17.

6. Агеева, Л. Я. Сімволіка фецішаў: Менеск / Л. Я. Агеева // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / І-нт мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск, 2007. – Вып. 2. – С. 334–337.

7. Агні Мінска=Огни Минска : фотоальбом. – Минск : Беларусь, 1972. – 40 с.

8. Адацик, Ф. И. Экономическое развитие белорусского города в XVII – первой половине XIX в. (на материалах Витебска) : автореф.

дис. ... канд. ист. наук : 571 / Ф. И. Адащик ; Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1969. – 25 с.

9. *Адорно, Т.* Что значит «проработка прошлого»? : пер. с нем. [Электронный ресурс] / Т. Адорно // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – Режим доступа: magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html. – Дата доступа: 21.11.2014.

10. *Акудовіч, В. В.* Горад, якога няма [Электронны рэсурс] / В. В. Акудовіч // Мяне няма: роздумы на руінах чалавека / В. В. Акудовіч. – Режим доступа: knihi.com. – Дата доступа: 12.11.2016.

11. *Акуліч, С.* Лагойск : гісторыка-эканамічны нарыс / С. Акуліч, Б. Сасноўскі. – Мінск : Беларусь, 1979. – 77 с.

12. *Александровіч, Р.* Татарскі след у назвах Зямлі беларускай / Р. Александровіч // Беларусь у XX стагоддзі : сб. науч. работ. – Мінск, 2004. – Вып. 3. – С.13–26.

13. *Алексеев, Л. В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии): в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев ; отв. ред.: Б. А. Рыбаков ; Акад. наук СССР, Ин-т археологии. – Москва : Наука, 1966. – 295 с.

14. *Аляксееў, Л. В.* Гродна і помнікі Панямоння / Л. В. Аляксееў. – Мінск : Беларус. навука, 1996. – 191 с.

15. *Андрющенко, Н. К.* Оборона Минска / Н. К. Андрющенко // На земле Белоруссии летом 1941 года / Н. К. Андрющенко ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1985. – С. 58–91.

16. *Анікін, В. І.* Мінск: архітэктура сталіцы Рэспублікі Беларусь / В. І. Анікін. – Мінск : Міжнар. цэнтр культуры кнігі, 1997. – 219 с.

17. *Аноп, Л. П.* Жлобін : гісторыка-эканамічны нарыс / Л. П. Аноп. – Мінск : Беларусь, 1992. – 142 с.

18. *Антипов, П. А.* Немига / П. А. Антипов // Дипломная работа / П. А. Антипов. – Минск, 2011. – С. 105–109.

19. *Антипов, П. А.* Площадь Ленина // Дипломная работа / П. А. Антипов. – Минск, 2011. – С. 110–118.

20. *Анциферов, Н.* Город как выразитель сменяющихся культур: Картины и характеристики / Н. Анциферов, Т. Анциферова. – Л. : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1926. – 224 с.

21. *Анциферов, Н.* Жизнь города / Н. Анциферов, Т. Анциферова. – Л. : Брокгауз-Ефрон, 1927. – 299 с.

22. *Анциферов, Н. П.* Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – П. : Брокгауз-Ефрон, 1924. – 86 с.

23. *Анциферов, Н. П.* Город как объект экскурсионного изучения / Н. П. Анциферов // Краеведение. – М. : Главнаука, 1926. – Т. 3, № 2. – С. 167–182.

24. *Анциферов, Н. П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – Репринтное воспроизведение изданий 1922, 1923, 1924 гг. – М. : Книга, 1991. – 328 с.

25. *Анциферов, Н. П.* Как изучать свой город / Н. П. Анциферов. – М.; Л. : Госиздательство, 1929. – 119 с.

26. *Анциферов, Н. П.* Наша улица: (Опыт подхода к изучению города) / Н. П. Анциферов // Экскурсии в современность. – Л., 1925. – С. 5–51.

27. *Анциферов, Н. П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / Н. П. Анциферов ; предисл. Н. В. Корниенко ; сост., послесл. Д. С. Московской. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – 584 с.

28. *Анциферов, Н. П.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. – Л. : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. – 148 с.

29. *Аржаева, Л. В.* Гродно : исторический очерк / Л. В. Аржаева, Я. Н. Мараш, Б. М. Фих. – Минск : Беларусь, 1964. – 262 с.

30. *Арнаутова, Ю. А.* Культура воспоминания и история памяти / Ю. А. Арнаутова // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. – М., 2006. – С. 47–55.

31. *Артог, Ф.* Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени / Ф. Артог ; реферат В. Мильчиной // Отечественные записки. – 2004. – № 5 (20). – С. 214–225.

32. Архитектура и градостроительство Советской Белоруссии / под ред. Ю. А. Егорова, А. П. Воинова. – Минск : Изд-во Академии наук БССР, 1957. – 195 с.

33. Архітэктурa Беларусі. Нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце : у 4 т. – Мінск : Беларус. навука. – 2005–2007. – 4 т.

34. *Ассман, А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

35. *Ассман, Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /

Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с. – (Studia historica).

36. Атлас памятников архитектуры и мемориальных комплексов Белоруссии / под общ. ред. В. А. Чантурия. – Минск : Выш. шк., 1988. – 98 с.

37. *Ахиезер, А. С.* Город и диалог / А. С. Ахиезер // Культурный диалог го-рода во времени и пространстве исторического развития. – М., 1996. – С. 23–29.

38. *Ахиезер, А. С.* Город – фокус урбанизационного процесса / А. С. Ахие-зер // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М., 1995. – С. 21–28.

39. *Ахиезер, А. С.* Методология анализа города как фокуса урбанизационного процесса / А. С. Ахиезер // Земство. Архив провинциальной истории России. – 1994. – № 2.

40. *Ахметова, М. В.* Бологое: «маленькая столица между двух столиц» / М. В. Ахметова, М. Л. Лурье // Отечественные записки. – 2006, № 5. (Т. 32). – С. 207–217.

41. *Ахметова, М. В.* «Русскость» как топос «локального текста»: случай Муром / М. В. Ахметова // Вестн. РГГУ. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». – 2009. – № 9. – С. 207–215.

42. *Бабкова, В.* ...І цуды і страхі : эсэ па гісторыі штодзённасці Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVII стагоддзяў / В. Бабкова. – Мінск : Логвінаў, 2010. – 152 с.

43. *Багласов, С. Г.* Верхний город Минска: Проблемы реконструкции / С. Г. Багласов // Строительство и архитектура Белоруссии. – 1982. – № 2. – С. 24–27.

44. *Багласов, С. Г.* Реконструкция исторического центра Минска / С. Г. Багласов // Строительство и архитектура Белоруссии. – 1981. – № 2. – С. 10–12.

45. *Баешко, Л. С.* Энциклопедия символов / Л. С. Баешко, А. Н. Гордиенко, А. Н. Гордиенко ; под ред. О. В. Перзашкевича. – М. : Эксмо, 2007. – 304 с. : ил.

46. Байки о Минске [Электронный ресурс] // Livejournal. – Режим доступа: <http://murryc.livejournal.com/574794.html>. – Дата доступа: 17.11.2016.

47. *Баравы, Р.* Менск / Р. Баравы // Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. – 2-е выд. – Мінск, 2007. – Т. 2. – С. 286.

48. *Барадулін, Р.* Мянск / Р. Барадулін // Город і годы / уклад. У. Карпаў. – Мінск, 1967. – С. 11–14.
49. *Барт, Р.* Мифологии / Р. Барт ; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.
50. *Барт, Р.* Основы семиологии / Р. Барт // Нулевая степень письма : пер. с фр. / Р. Барт. – М., 2008. – С. 275–352.
51. *Барт, Р.* От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М., 1989. – С. 413–423.
52. *Барт, Р.* Семиология и градостроительство : пер. с фр. / Р. Барт // Современная архитектура. – 1971. – № 1. – С. 7–10.
53. *Бачыла, Алесь.* Самые лучшие города / Алесь Бачыла // Город і годы / уклад. У. Карпаў. – Мінск, 1967. – С. 245–246.
54. *Без-Корнилович, М. О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии (с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся) / сост. М. О. Без-Корнилович. – СПб. : Тип. III Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1855. – 356 с.
55. *Бектинеев, Ш. И.* Метрология по грамотам на магдебургское право / Ш. И. Бектинеев // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2008. – С. 74–82.
56. Беларускі архіў. – Менск : Выданне Беларус. акад. навук, 1930. – Т. 3: Менскія акты. (XV–XVIII ст.). – XXXV, 413 с.
57. *Белохвостик, Н.* Минчане предлагают поставить памятник князю Глебу и «Синему платочку» [Электронный ресурс] / Н. Белохвостик // Комсомольская правда. – 2016. – 8 июня. – Режим доступа: <http://www.kp.by/daily/26540.4/3556582/>. – Дата доступа: 16.07.2016.
58. *Беньямин, В.* Берлинская хроника : пер. с нем. / В. Беньямин // Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама / Е. Павлов. – 2-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 224 с.
59. *Беньямин, В.* О понятии истории / В. Беньямин ; пер. и коммент. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 46. – С. 81–91.
60. *Беньямин, В.* Париж – столица XIX в. / В. Беньямин ; пер. В. А. Подороги // Историко-философский ежегодник '90. – М., 1991. – С. 235–246.

61. *Бёрджесс, Э.* Рост города: Введение в исследовательский проект / Э. Бёрджесс // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11, Социология. – 2000. – № 4. – С. 122–136.

62. *Блауберг, И. В.* Системный подход в современной науке / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин // Проблемы методологии системных исследований. – М., 1970. – С. 7–48.

63. *Блок, М.* Апология истории, или ремесло историка / М. Блок ; пер. Е. М. Лысенко. – М. : Наука, 1973. – 236 с. – (Памятники исторической мысли).

64. *Бобраков-Тимошкин, А. Е.* «Пражский текст» в чешской литературе конца XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / А. Е. Бобраков-Тимошкин ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2004. – 18 с.

65. *Бобровский, П. О.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния : в 2 т. / П. О. Бобровский. – СПб., 1863. – 2 т.

66. *Бодрийяр, Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.

67. *Бон, Т. М.* «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Т. М. Бон ; пер. с нем. Е. Слепович. – М. : РОССПЭН, 2013. – 416 с.

68. *Бондаренко В.* Минская топонимика за двести лет: тенденции, загадки, парадоксы [Электронный ресурс] / В. Бондаренко // TiO.by : портал газеты «Туризм и отдых». – Режим доступа: <http://www.tio.by/newspaper/1650>; <http://www.alfatour.tio.by/newspaper/1628>. – Дата доступа: 30.07.2015.

69. *Бондарь, В. В.* Город Екатеринодар в пространстве и времени. Опыты исторической урбанистики : моногр. сб. / В. В. Бондарь. – Краснодар : Платонов И., 2006. – 126 с.

70. *Боровой, Р.* Лошица: Уникальный усадебно-парковый комплекс [Электронный ресурс] / Р. Боровой, Л. Луцевич // ais.by : архитектурно-строительный портал. – Режим доступа: <https://ais.by/story/151>. – Дата доступа: 17.03.2016.

71. *Боровой, Р.* Минские пригороды XVI – начала XX в. [Электронный ресурс] / Р. Боровой // Архитектурный ансамбль / ais.by : архитектурно-строительный портал. – Режим доступа: <http://ais.by/story/11848>. – Дата доступа: 20.07.2015.

72. *Боровой, Р. В.* Историческая топография древнего Минска. Обзор источников и современное состояние проблемы / Р. В. Боровой // ГАЗ. – 1997. – № 12. – С. 31–42.
73. *Боровой, Р. В.* Минские древности. «Старый город» средневекового Минска по письменным источникам / Р. В. Боровой // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2000. – № 15. – С. 128–131.
74. *Бохан, Д. Д.* Минские предания и легенды / Д. Д. Бохан. – Минск : Изд. типо-лит. И. и В. Тасманъ, 1901. – 95, V с.
75. *Браун, Дж.* Перформативная память: празднование Дня Победы в Севастополе / Дж. Браун ; пер. с англ. В. Макарова // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 101 (3). – С. 150–165.
76. *Бреславский, А. С.* Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ (1991–2010 гг.) : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01 / А. С. Бреславский ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. – Улан-Удэ, 2011. – 23 с.
77. *Бригадин, П. И.* Минские губернаторы: история власти / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. – 351 с. : ил.
78. *Бубич, О.* Город без центра. Минск и порок его сердца [Электронный ресурс] / О. Бубич // Белорусский журнал. – 2016. – 2 нояб. – Режим доступа: <http://journalby.com/news/gorod-bez-centra-minsk-i-porok-ego-serdca-799>. – Дата доступа: 21.11.2016.
79. *Бэмпарад, Э.* Ідышсцкі эксперымент у савецкім Менску / Э. Бэмпарад ; пер. з англ. В. Рубінчыка // АРСНЕ Пачатак. – 2007. – № 11. – С. 61–77.
80. В непокоренном Минске : док. и материалы о подпол. борьбе сов. патриотов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июнь 1944) / Ин-т истории партии при ЦК КПБ ; сост.: Л. В. Аржаева, П. П. Липило. – Минск : Беларусь, 1987. – 237 с.
81. *Вайкуль, А. А.* Город-герой Минск : справочник-путеводитель / А. А. Вайкуль, В. П. Шамов. – Минск : Полымя, 1984. – 144 с.
82. *Вайль, П.* Гений места / П. Вайль ; послесл. Л. Лосева. – М. : КоЛибри, 2008. – 488 с.
83. *Валахановіч, А. І.* Дзяржынск : гісторыка-эканамічны нарыс / А. І. Валахановіч. – Мінск : Беларусь, 1977. – 77 с.
84. *Вараксин, Н. В.* Формирование белорусских городов во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук /

Н. В. Вараксин ; Академия наук БССР, Отделение общественных наук. – Минск, 1966. – 20 с.

85. *Васильев, А.* Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия / А. Васильев // *Фундаментальные проблемы культурологии* / отв. ред. Д. Л. Спивак. – М. ; СПб., 2009. – Т. 6 : Культурное наследие : От прошлого к будущему. – С. 56–68.

86. *Васильев, А. Г.* Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А. Г. Васильев // *Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : кол. монография / Рос. ин-т культурологии ; отв. ред. Н.А. Кочеляева.* – М., 2012. – С. 3–30.

87. *Васильев, А. Г.* Модульный курс «Парадигма памяти» в пространстве современного социально-гуманитарного знания / А. Г. Васильев // *Ярославский педагогический вестник.* – 2009. – № 4 (61). – С. 197–200.

88. *Васильев, А. Г.* «Осевое время» memory studies: российский след [Электронный ресурс] / А. Г. Васильев // *Международный журнал исследований культуры / International Journal of Cultural Research : науч. рецензируемое электрон. изд.* – 2012. – №1(16) : Культурная память / Cultural Memory. – Режим доступа: <http://culturalresearch.ru/ru/archives/79-cultmem>. – Дата доступа: 23.11.2014.

89. *Васильев, А. Г.* Политика памяти и обучение истории в свете коммуникативного подхода (программные пролегомены) [Электронный ресурс] / А. Г. Васильев // *Интегративные процессы в современном образовании: Междунар. интерактивный сетевой семинар.* – 2011. – Режим доступа: <http://www.art-education.ru/project/seminar-2011/vasilev/vasilev.pdf>. – Дата доступа: 21.10.2014.

90. *Васильев, А. Г.* Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс] / А. Г. Васильев // *Новое литературное обозрение.* – 2012. – № 117. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2640>. – Дата доступа: 21.11.2014.

91. *Вахштайн, В.* Грамматика городского пространства [Электронный ресурс] / В. Вахштайн // *ПостНаука.* – 2012–2014. – Режим доступа: <http://postnauka.ru/lectures/14234>. – Дата доступа: 29.12.2014.

92. *Вебер, М.* Город / М. Вебер. – Пг. : Наука и школа, 1923. – 136 с.

93. Вебер, М. История хозяйства. Город / М. Вебер // Избранное. Образ общества. – М., 1994. – С. 309–446.
94. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. – М., 1990. – 808 с.
95. Верас, З. Пяць месяцаў у Мінску / З. Верас // Шлях паэта. Успаміны і біяграфічныя матэрыялы пра Максіма Багдановіча / склад. Н. Б. Ватацы. – Мінск, 1975.
96. Визгалов, Д. В. Брендинг города / Д. В. Визгалов. – М. : Фонд «Институт экономики города», 2011. – 160 с.
97. Визгалов, Д. В. Маркетинг города / Д. В. Визгалов. – М. : Фонд «Институт экономики города», 2008. – 110 с.
98. Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М. : Вариант : ЦСПГИ, 2009. – 312 с.
99. Викери, Д. Возрождение городских пространств посредством культурных проектов – синтез социальной, культурной и городской политики / Д. Викери ; пер. с англ. Ю. Мавриной // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М., 2009. – С. 205–234.
100. Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт ; пер. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология. – 1997. – № 3. – С. 169–196.
101. Вишневский А. Ф. Туров : историко-экономический очерк / А. Ф. Вишневский. – Минск : Беларусь, 1980. – 78 с.
102. Воинов, А. А. Дом правительства Белорусской ССР / А. А. Воинов, С. Ф. Самбук. – Минск : Выш. шк., 1975. – 102 с.
103. Воинов, А. А. Жилищное строительство в Белорусской ССР / А. А. Воинов. – Минск : Выш. шк., 1980. – 224 с.
104. Воинов, А. А. И. Г. Лангбард / А. А. Воинов. – Минск : Выш. шк., 1976. – 270 с.
105. Воинов, А. А. История архитектуры Белоруссии : советский период / А. А. Воинов. – Минск : Выш. шк., 1975. – 213 с.
106. Воинов, А. П. Основные черты в развитии зодчества Белоруссии / А. П. Воинов ; Акад. архитектуры СССР и Акад. наук БССР ; О-во по распространению полит. и науч. знаний Белорус. ССР. – Минск : [б. и.], 1955. – 47 с.

107. *Войницкий, П.* Художественные практики современной Беларуси [Электронный ресурс] / П. Войницкий // ArtKurator. – Режим доступа: http://artkurator.com/articles/art_pract_1.html. – Дата доступа: 10.12.2014.

108. *Володин, М. Я.* Наш старый добрый Вавилон = Our good old Babylon : прогулка по городу в Минских историях / М. Я. Володин. – Минск : Медиал, 2014. – 165 с. : ил., фото.

109. *Воложинский, В. Г.* Минск в легендах, мифах и преданиях / В. Г. Воложинский. – Минск : Аиформ, 2012. – 345 с.

110. *Вольнец, А.* На пути к умному Минску / А. Вольнец // Городские тактики. – 2016. – № 7. – С. 23–27.

111. Воспоминание о городе. История Минска в фотографиях из коллекции Василия Каледы. – Минск : Четыре четверти, 2004. – 184 с.

112. *Вуглік, І.* Яшчэ раз пра старажытны Мінск / І. Вуглік // Маладосць. – 2011. – (692) ліпень. – С. 99–103.

113. *Выготский, Л. С.* Этюды по истории поведения : Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. – М. : Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.

114. *Гаврилина, Л. М.* Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры / Л. М. Гаврилина // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. – 2011. – № 6. – С. 75–83.

115. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.

116. *Галушина, Н. С.* Город как объект культурологического исследования : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01/ Н. С. Галушина. – М., 1998. – 153 с.

117. *Гардзееў, Ю.* Тапанімія старажытнай Гародні (XII–XVIII стст.) / Ю. Гардзееў. – Wrocław : Kolegium Europy Wschodniej im. Jana Nowaka Jeziorańskiego we Wrocławiu ; Гародня : Гарадзенская бібліятэка, 2013. – 189 с. – (Гарадзенская бібліятэка).

118. Генеральный план: Основные положения градостроительного развития Минска // Архитектура и строительство. – 2010. – № 4. – С. 23–77.

119. Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: В. В. Даніловіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – 493 с.

120. Гісторыя Мінска / Акад. навук Беларускай ССР, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: Н. В. Каменская [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – 686 с.

121. Гісторыя Мінска / У. А. Бабкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – 696 с.

122. Гольдин, П. З. Изучение малых улиц методами герменевтики / П. З. Гольдин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3 (29) : в 2 ч. – Ч. II. – С. 72–76.

123. Гольдин, П. З. Малые улицы исторических городов: музейные характеристики и перспективы музеефикации / П. З. Гольдин // Вопросы музеологии. – 2015. – №1 (11).

124. Гольдин, П. З. Топонимика, локус и топос малых улиц в парадигме семиотики / П. З. Гольдин // Исторические, филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 11-2. – С. 66–69.

125. Горад і годы : апавяданні, вершы, нарысы, замалёўкі, артыкулы, успаміны / уклад. У. Карпаў. – Мінск : Беларусь, 1967. – 324 с.

126. Горанская, Т. Г. Образ города в изобразительном искусстве Беларуси XX – начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Т. Г. Горанская ; НАН Беларуси, Центр исследований белорус. культуры, языка и литературы. – Минск, 2015. – 24 с.

127. Городское пространство Европы и Беларуси (I) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://n-europe.eu/article/2008/09/05/gorodskoe_prostranstvo_evropy_i_belarusi_i. – Дата доступа: 15.08.2014.

128. Городское пространство Европы и Беларуси (II) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://n-europe.eu/tables/2008/09/19/gorodskoe_prostranstvo_evropy_i_belarusi_ii_0. – Дата доступа: 15.08.2014.

129. Грамота Короля Сигизмунда III Минской Городской Ратушѣ, не препятствовать Минскому Соборному Госпитальному Братству построить при Замковой плотинѣ бумажную или хлѣбную мѣльницу для дохода Братству, на содержание Гошпиталя, 1601, Марта 27 // Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. – Минск : Губ. тип., 1848. – С. 67–68.

130. Грамота Короля Сигизмунда III, съ прописаніемъ данной Минскому Мѣщанину Василю Маслянкѣ 1601 Іюля 26 Привилегіи на постройку на своей землѣ, на рекахъ Свислочи и Переспѣ мучной и бумажной мѣльницъ с платежемъ въ пользу Гошпиталя Соборной Церкви покопѣ грошей отъ колеса, 1619 Октября 27 // Собрание древних грамот и актов городов Минской гу-бернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. – Минск : Губ. тип., 1848. – С. 127–128.

131. Гревс, И. М. Монументальный город и исторические экскурсии (Основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры) / И. М. Гревс // Экскурсионное дело. – 1921. – № 1. – С. 1–14.

132. Гревс, И. М. Памятники культуры и современность / И. М. Гревс // Краеведение. – 1929. – № 6.

133. Гришанин, Н. В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Н. В. Гришанин. – СПб., 2007. – 160 с.

134. Грыцкевіч, А. П. Радавод Тышкевічаў / А. П. Грыцкевіч // Другія Тышкевіцкія чытанні, Лагойск, 15 кастр. 2009 г. : матэрыялы чытанняў / рэдкал.: А. І. Смолік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУКМ, 2009. – С. 21–25.

135. Гун, Г. Е. Художественная культура города: структура, динамика, перспективы : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Г. Е. Гун. – Челябинск, 2014. – 356 л.

136. Гурская, Ю. А. Имя собственное: этимология, национально-культурный потенциал, концептуализация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ю. А. Гурская ; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2009. – 44 с.

137. Гюго, В. «Отверженные»: роман : в 2 т. : пер. с фр. – Минск : Нар. асвета, 1989. – Т. 1. – 719 с.

138. Д. Струков. Альбом рисунков. 1864–1867 = D. Strukov. Album of drawings. 1864–1867 / редкол.: Т. В. Белова (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя Пётруся Броўкі, 2011. – 305с. – (Энциклопедия раритетов = Encyclopaedia of rarities).

139. Давлеткулова, Л. Н. Классификация урбанонимов Лондона / Л. Н. Давлеткулова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2009. – Т. 2, № 4. – С. 58–60.

140. *Давыдова, В. С.* В битве за Отечество / В. С. Давыдова // Герои подполья: о борьбе сов. патриотов в тылу нем.-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : сб. ст. / сост.: В. Е. Быстров. – 4-е испр. и доп. изд. – М., 1972. – Вып. 1. – С. 7–57.
141. *Даўгяла, З. І.* Стары Менск (Нарысы з гісторыі замку і эکانамічнага жыцця места) // Наш край. – 1928. – № 1. – С. 8–15.
142. *Даўгяла, З. І.* Стары Менск (XVI–XVIII стст.) / З. І. Даўгяла // Наш край. – 1928. – № 2. – С. 6–19.
143. *Даўгяла, З. І.* Урадавыя адносіны да унітаў на Меншчыне ў часы Паўла I / З. Даўгяла // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т беларус. культуры. – 1927. – № 1. – С. 133–151.
144. Декларация о принципах и рекомендации по сохранению духа места путем охраны материального и нематериального наследия : принята 4 окт. 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://icomos-spб.ru/index.php/component/joomdoc/2008_%20%20%20%20%20.pdf/download. – Дата доступа: 16.05.2016.
145. *Делез, Ж.* Капитализм и шизофрения: Тысяча плато / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. – Кн. 2. – 895 с.
146. Дело Минского губернского правления о переименовании Михайловской улицы, расположенной в 4-ой части г. Минска в улицу «Графа Чапского». 1911 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 299. Оп 5. Д. 1921.
147. *Денисов, В. Н.* Минская ратуша / В. Н. Денисов // Where Minsk. – 2008. – № 7.
148. *Денисов, В. Н.* Площадь Свободы в Минске / В. Н. Денисов. – Минск : Полымя, 1985. – 80 с.
149. *Деррида, Ж.* О грамматологии / Ж. Деррида ; пер. с фр. Н. Автономовой. – М. : Ad Marginem, 2000. – С. 108–520.
150. *Дзянісаў, У. М.* Касцёлы г. Мінска ў XVI – пачатку XX стст. (паводле дакументаў НГАБ) [Электронны рэсурс] / У. М. Дзянісаў // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Рэжым доступу: http://niab.by/stat/dzianisau_kascioly/. – Дата доступу: 20.07.2015.
151. *Дзянісаў, У. М.* Мінскія бенедыктынкі: гісторыя зруйнаванага кляштара [Электронны рэсурс] / У. М. Дзянісаў // Наша вера : электронны часопіс. – 2003. – №2(24). – Рэжым доступу: media.catholic.by/nv/n24/art18.htm. – Дата доступу: 22.11.2016.

152. *Дзянісаў, У.* Старэйшая тэатральная зала Мінска / У. Дзянісаў // Мінск тэатральны. – 1981. – Красавік-жнівень. – С. 43–44.
153. *Дильтей, В.* Введение в науки о духе / В. Дильтей ; пер. с нем. под ред. В. С. Малахова // Собр. соч. : в 6 т. / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. – М., 2000. – Т. 1. – С. 270–730.
154. *Дильтей, В.* Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей ; пер. с нем. под ред. В. В. Бибихина, Н. С. Плотникова // Собр. соч. : в 6 т. / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. – М., 2001. – Т. 4. – 424 с.
155. *Довнар-Запольский, М. В.* Города / М. В. Довнар-Запольский // История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/read/dovnarzapolskiy_mitrofan/istoriya_belarusi.html#446548. – Дата доступа: 20.07.2015.
156. Дом милосердия [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <http://charity.by/istoriya>. – Дата доступа: 12.05.1016.
157. *Доўнар Л.* Кніжная справа ў Мінску (канец XVIII – пачатак XX стагоддзя) / Ларыса Доўнар ; М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск : БДУКМ, 2015. – 696 с.: іл.
158. *Дружчыц, В.* Места Менск у канцы XV і пачатку XVI ст. / В. Дружчыц // Працы БДУ. – 1926. – № 12. – С. 1–22.
159. *Духан, И. Н.* Неоклассицизм и счастье: ансамбль проспекта Независимости в Минске / И. Н. Духан // Искусствознание. – 2014. – №3-4. – С. 126–153.
160. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда. Этюды об организации высших обществ / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. П. Юшкевича. – Одесса : Левинсон, 1900. – 332 с.
161. *Егоров, Ю. А.* Градостроительство Белоруссии / Ю. А. Егоров. – М. : Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1954. – 283 с.
162. *Егоров, Ю. Л.* К вопросу о градостроительной истории Минска в XVII, XVIII и первой половине XIX в. / Ю. Л. Егоров // Известия АН БССР. – № 3. – 1955.
163. *Елизов, А. Г.* Локальный подход к исследованию повседневной жизни населения городов Красноярского края в середине 1940-х – середине 60-х гг. / А. Г. Елизов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6-2. – С. 75–78.

164. *Етчик, Е. Л.* От конки до метро / Е. Л. Етчик. – Минск : Полымя, 1991. – 134 с.
165. *Жутяев, Ю. Н.* Пять веков минского моста на лавах [Электронный ресурс] / Ю. Н. Жутяев // Вечерний Минск. – 2016. – 10 ноября. – Режим доступа: <http://www.vminsk.by/news/26/56017/>. – Дата доступа: 14.11.2016.
166. *Жучкевич, В.* Адкуль імя твае, сталіца? / В. Жучкевич // Беларусь. – 1967. – № 4.
167. *Жучкевич, В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : БГУ, 1974. – 448 с.
168. *Жучкевич, В. А.* Улицы помнят : История, события, люди в названиях улиц и площадей города-героя Минска / В. А. Жучкевич. – Минск : Беларусь, 1979. – 173 с. : ил.
169. *Жыбуль В.* 3 гісторыі беларускай паэтычнай урбаністыкі / В. Жыбуль // Городские тактики. – 2015. – № 5. – С. 13–17.
170. *Жыбуль, В.* Сланы, зомбі і паэмы. Якія вершы прысвячалі Трактаразаводскаму пасёлку і якія фільмы там здымаліся [Электронны рэсурс] / В. Жыбуль // News.tut.by. – Рэжым доступу: [news.tut.by.society/449389.html](http://news.tut.by/society/449389.html). – Дата доступу: 15.12.2016.
171. *Забранскі, Д.* Менску (На ўгодкі вялікае паджогі) / Д. Забранскі // Беларуская газэта. – 1942. – № 45 (65), 27 чэрв.
172. *Завальнюк, У.*, кс. Касцёл св. Сымона і св. Алены / кс. У. Завальнюк, У. Дзянісаў. – Мінск : Беларус. навук.-даследчы цэнтр інфармацыі і маркетынгу АПК, 1996. – 52 с.
173. *Завіша, Крыштаф.* Успаміны Крыштафа Завішы / Крыштаф Завіша. – Мінск : Хурсик В., 2011. – 452 с.
174. *Загорюльский, Э. М.* Возникновение Минска / Э. М. Загорюльский. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 358 с.
175. *Загорюльский, Э. М.* Древний Минск / Э. М. Загорюльский. – Минск : Госиздат БССР, 1963. – 118 с.
176. *Зайкоўскі, Э.* Менск / Э. Зайкоўскі, А. Прохараў, С. Санько // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. / С. Санько [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 315.
177. *Захарченко, Т.* «Войны памяти» : Английская конференция о культурной памяти в Восточной Европе (11–12 марта 2011 г.) [Электронный ресурс] / Т. Захарченко // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 110. – Режим доступа: www.nlobooks.ru/node/1119. – Дата доступа: 15.11.2014.

178. *Заяц, Ю. А.* Оборонительные сооружения Менска XI – XIII вв. / Ю. А. Заяц. – Минск : Изд. В. Н. Милютин, 1996. – 80 с.
179. *Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі : у 8 т.* – Мінск : БелСЭ, 1984–1988. – 8 т.
180. *Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі.* Мінск / АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1988. – 333 с.
181. *Здановіч, Н. І.* Матэрыяльная культура Міра і Мірскага замка / Н. І. Здановіч, А. К. Краўцэвіч, А. А. Трусаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 152 с.
182. *Зеленков, В.* Жизнь замечательных минчан: доктор Иван Зданович [Электронный ресурс] / В. Зеленков. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/402949.html>. – Дата доступа: 22.11.2016.
183. *Зельтен, Н. А.* Архитектура и планировка малых городов Белоруссии / Н. А. Зельтен ; науч. ред. В. А. Чантурия ; Ин-т стр-ва и архитектуры Госстроя БССР. – Минск : Наука и техника, 1968. – 121 с.
184. *Зиммель, Г.* Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. – СПб., 1905. – С. 117–136.
185. *Зиммель, Г.* Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель ; пер. с нем. А. Кричевского // Логос. – 2002. – № 3–4 (34). – С. 23–34.
186. *Зиммель, Г.* Рим. Флоренция. Венеция / Г. Зиммель ; пер. с нем. А. Филипповой-Чеховой. – М. : Грюндриссе, 2014. – 96 с.
187. *Зукин, Шарон.* Культуры городов / Шарон Зукин ; пер. с англ. Д. Симановского. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с.
188. *Иванов, Вяч. Вс.* К семиотическому изучению культурной истории большого города / Вяч. Вс. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры : в 7 т. – М., 2007. – Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т теории и истории мировой культуры. – С. 165–179. – (Язык. Семиотика. Культура).
189. *Иванов, Вяч. Вс.* Очерки по истории семиотики в СССР / Вяч. Вс. Иванов. – М. : Наука, 1986. – 304 с.
190. *Иванов, Вяч. Вс.* Очерки по предыстории и истории семиотики / Вяч. Вс. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры : в 7 т. – М., 1998. – Т. 1. – С. 605–792.
191. *Иванова, С.* Минск души моей / С. Иванова. – Минск : Четыре четверти, 2011. – 273 с. : ил.

192. *Ивашин, В. Г.* Великий Октябрь в Минске / В. Г. Ивашин. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1957. – 167 с.

193. Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси. – Минск : И. П. Логвинов, 2009. – 220 с. – (Культурная политика).

194. *Йейтс, Ф. А.* Искусство памяти / Ф. А. Йейтс ; пер. с англ. Е. Малышкина. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 479 с.

195. Из решения комиссарского суда по жалобе наместника минского старосты Узловского на войта, лентвойта и магистрат Минска о вооруженном нападении минских мещан на мельницу и мост, принадлежащие замку, и других их действиях против жалобщика 1751, октября 16 // Белоруссия в эпоху феодализма. – Минск, 1961. – Т. 2. – С. 398–400.

196. *Иконникова, С. Н.* Биографика как часть исторической культурологии / С. Н. Иконникова // Вестн. СПбГУКИ. – 2012. – №2 (11). – С. 6–10.

197. *Ильин, В. Г.* Город как концепт культуры : дис. ... д-ра социологических наук : 24.00.01 / В. Г. Ильин. – Ростов н/Д, 2004. – 331 л.

198. *Илюхина, Н. А.* Образ в лексико-семантическом аспекте / Н. А. Илюхина. – Самара : Самарский ун-т, 1998. – 204 с.

199. *Илюхина, Н. А.* Образ как объект и модель семасиологического анализа : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Илюхина. – Уфа, 1999. – 417 л.

200. *Исайчук, Д.* Графической основой для герба Минска стала миниатюра неизвестного мастера XVI в. : интервью с консультантом отдела использования документов и информации Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции, секретарем Геральдического совета при Президенте Республики Беларусь М. Елинской [Электронный ресурс] / Д. Исайчук // МН: Агентство «Минск-новости» : информационный городской портал. – Режим доступа: <http://minsknews.by/blog/2014/09/11/graficheskoy-osnovoy-dlya-gerba-minska-stala-miniatura-neizvestnogo-mastera-xvi-v/>. – Дата доступа: 12.05.2016.

201. История Белорусской ССР : в 2 т. / Академия наук Белорусской ССР, Ин-т истории ; под ред.: В. Н. Перцева, К. И. Шабуня, Л. С. Абецдарского. – Минск : Изд-во Академии наук Белорусской ССР, 1954. – Т. 1. – 502 с.

202. История Минска. – Минск : Изд-во АН БССР, 1957. – 541 с.
203. Их именами названы... : энцикл. справочник / ред. И. П. Шамякин. – Минск : Белорус. Сов. энцикл., 1987. – 711 с.
204. *Кабакчи, В. В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В. В. Кабакчи. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 232 с.
205. *Кабржицкая, Т.* Феномен писателя: Сергей Песецкий в контексте восточнославянских культурных контактов / Т. Кабржицкая, П. Рагойша, Н. Хмельницкий ; пер. с бел. Ю. Алейченко // Нёман. – 2014. – № 6. – С. 158–174.
206. *Каган, М. С.* Культура города и пути ее изучения / М. С. Каган // Город и культура : сб. науч. тр. – СПб., 1992. – С. 15–34.
207. *Каганов, Г. З.* Душа и тело города / Г. З. Каганов // Человек. – 2002. – № 1. – С. 88–103.
208. *Каганов, Г. З.* Санкт-Петербург: образы пространства / Г. З. Каганов. – М. : Изд-во И. Лимбаха, 2004. – 232 с.
209. *Казакевич, А.* Символика места: забывание и фрагментация «советского» в ландшафте Минска / А. Казакевич // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 6 (80). – С. 17–33.
210. *Казаченок, В.* Когда Родина в опасности: Записки о Минском подполье / В. Казаченок. – Минск : Госиздат БССР, 1961. – 282 с.
211. *Каляда, В. І.* Дом на Юр’еўскай вуліцы / В. І. Каляда // Памяць : гіст.-дакум. хроніка Мінска : у 4 кн. – Мінск : БЕЛТА, 2001. – Кн. 1. – С. 273.
212. *Капицын, В. М.* Семиотика города: поиск концепта взаимодействия знаков и символов [Электронный ресурс] / В. М. Капицын. – Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/Tezisy%20Kapitsyn.pdf>. – Дата доступа: 03.10.2016.
213. *Караткевіч, У.* Горад паўстае 1863–1864 гг. / У. Караткевіч, А. Мальдзіс // Горад і годы. – Мінск, 1967. – С. 15–28.
214. *Карповіч, Т. А.* Культурнае жыццё Мінска I паловы XIX стагоддзя / Т. А. Карповіч. – Мінск : Рыфтур, 2007. – 64 с.
215. *Каспяровіч, М.* Куды і як вадзіць экскурсіі / М. Каспяровіч // Наш край. – Менск, 1929. – № 4.
216. Касцёл імя панны Марыі // Radzima.org [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.radzima.org/be/minsk/2984.html>. – Дата доступу: 14.05.2016.

217. *Каханоўскі, Г. А.* Маладзечна : гісторыка-эканамічны нарыс / Г. А. Каханоўскі. – Мінск : Беларусь, 1974. – 109 с.
218. *Кацар, М. С.* Беларускі арнамент. Ткацтва. Вышыўка / М. С. Кацар. – Мінск : Беларус. энцыкл., 1996. – 208 с.
219. *Кацар, М. С.* Белорусская архитектура. Исторический очерк / М. С. Кацар. – Минск : Госиздат, 1956. – 120 с.
220. *Качалкова, Ю. А.* Из истории урбанонимий Екатеринбурга / Ю. А. Качалкова // Филол. класс. – 2013. – № 2. – С. 94–96.
221. Каштоўнасці мінўшчыны-1: Праблемы зберажэння гісторыка-культурнай спадчыны Мінска : матэрыялы канф., Мінск, 12 лістап. 1997 г. / пад. рэд. С. Марцэлева. – Мінск : Лекцыя, 1998.
222. *Кіпель, Я.* Эпізоды / Я. Кіпель. – Выд. другое, дапрац. – Мінск : Лімарыус, 2013. – 388 с.: іл. – (Беларуская мемуарная бібліятэка).
223. *Киркор, А.* Минск / А. Киркор // Живописная Россия. – СПб. ; М., 1882. – Т. 3, ч. 2.
224. *Кірычэнка, В.* Мінск. Гістарычны партрэт горада. 1953–1959 / В. І. Кірычэнка. – Мінск : Беларусь, 2006. – 305 с.
225. *Кірычэнка, В.* Мінск. Гісторыя пасляваеннага аднаўлення. 1944–1952 / В. Кірычэнка. – Мінск : Беларусь, 2004. – 280 с.
226. *Кісялёў, Г.* На пераломе дзвюх эпох : Паўстанне 1863 г. на Міншчыне / Г. Кісялёў. – Мінск : Полымя, 1990. – 36 с.
227. *Клименко, Е. Н.* Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга как элемент лингвокультурной компетенции студента-иностранца / Е. Н. Клименко // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Рус. и иностр. яз. и методика их преподавания. – 2010. – №4. – С. 45–53.
228. *Клинов, А.* Минск: путеводитель по Городу Солнца / А. Клинов. – М. : Ad Marginem Press, 2013. – 128 с.
229. *Клінаў, А.* Малая падарожная кніжка па Горадзе Сонца / А. Клінаў. – Мінск : Логвінаў, 2008. – 202 с. – (Кнігарня «Наша Ніва»).
230. *Князева, Е. Н.* Антропный принцип в синергетике [Электронный ресурс] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Сайт С. П. Курдюмова. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/antropnyj-princip-v-sinergetike/>. – Дата доступа: 28.08.2014.
231. *Колобова, И. Н.* Архитектура Минска в серии памятных монет «Летние Олимпийские игры 1980 г.» / И. Н. Колобова // Банкаўскі веснік. – 2014. – № 6 (611). – С. 69–71.

232. *Конрадова, Н.* Александр Эткинд: Памятники горечи и глупости [Электронный ресурс] / Н. Конрадова. – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/39302?v=1455277114>. – Дата доступа: 10.11.2016.

233. *Корбут, В. А.* Минск : лучший вид на этот город / В. А. Корбут. – Минск : Звязда, 2013. – 264 с.

234. Корзан, Т. Мінск у сярэдзіне XIX ст. З уласных успамінаў / Т. Корзан ; пер. з пол. і камент. В. Макарэвіча // *ARCHE*. – 2010. – № 3. – С. 115–156.

235. *Корниенко, Н. В.* Имя Москвы и Петербурга в русской литературе 1910–1930-х гг. (часть 1) [Электронный ресурс] / Н. В. Корниенко // *Культурологический журнал*. – 2013. – № 2(12). – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/212.html&j_id=15; (часть 2). – 2013. – № 3(13). – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/224.html&j_id=16. – Дата доступа: 02.01.2015.

236. *Король, В. А.* Минск: послевоенный опыт реконструкции и развития / В. А. Король, А. П. Воинов, Е. Л. Заславский. – М. : Изд-во литературы по строительству, 1966. – 178 с.

237. *Короткевич, В. Б.* Памятники истории Витебска / В. Б. Короткевич. – Минск : Полымя, 1975. – 23 с.

238. *Косач, А. К.* Развитие здравоохранения и медицины в г. Минске в период капитализма 1861–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. мед. наук / А. К. Косач ; Мин. гос. мед. ин-т. – Минск, 1968. – 37 с.

239. *Коуп, Б.* Призраки Маркса: бродя по Минску по следу Деррида / Б. Коуп // *Белорусский формат: невидимая реальность* : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Р. Усманова. – Вильнюс, 2008. – С. 498–521.

240. *Кошман, Л. В.* Культурное пространство русского города XIX – начала XX в. К вопросу о креативности исторической памяти [Электронный ресурс] / Л. В. Кошман // *NB: Культуры и искусства* : электронный журнал. – 2013. – №2. – Режим доступа : http://e-notabene.ru/ca/article_639.html. – Дата доступа: 12.06.2016.

241. *Кравцевич, А.* Белорусы: нация Пограничья / А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть. – Вильнюс : ЕГУ, 2011. – 212 с.

242. *Кравченко, А. И.* Паттерны / А. И. Кравченко // *Культурология* : словарь / А. И. Кравченко. – М., 2000. – С. 438–439.

243. *Крамко, І. І.* Калі Менск стаў Мінскам / І. І. Крамко, Г. В. Штыхаў // *Памяць : гіст.-дакум. хроніка Мінска* : у 4 кн. – Мінск, 2001. – Кн. 1. – С. 35–36.

244. *Крапивин, С.* Минский ГУМ: История и современность (документы, воспоминания, интервью) / С. Крапивин, И. Курков. – Минск, 2001. – 144 с.

245. *Краснова, А.* Проблемы стварэння музея гісторыі завулка Паўночнага ў Менску / А. Краснова [Электронны рэсурс] // Каштоўнасці мінуўшчыны–1: Праблемы зберажэння гісторыка-культурнай спадчыны Менска : матэрыялы канф., 12 лістап. 1997 г., Менск / пад. рэд. С. Марцэлева. – Мінск, 1998. – Рэжым доступу: <http://knihi.com/storage/kastounasci/01/12.html>. – Дата доступу: 15.04.2016.

246. Краткое историко-статистическое описание города Минска // Памятная книжка Минской губернии на 1910 г. – Минск, 1909. – С. 105.

247. *Криволап, А.* Конструіруй новае прастранства. Беларускі спыт візуалізацыі Дня незалежнасці / А. Криволап // Палітычная сфера. – 2007. – № 8. – С. 81–93.

248. *Кривонос, Ф.* Мінская Свято-Петрапавлаўская (Свято-Екатерінінская) царква / Ф. Кривонос, Л. Абушкевіч // Мінскія епархіяльныя вядомасці. – 1999. – № 17. – С. 14–18.

249. *Кривонос, Ф.* Царква святой Марыі Магдаліны / Ф. Кривонос // Мінскія епархіяльныя вядомасці. – 2010. – № 5. – С. 69–71.

250. *Кудинова, И. Ю.* Аксиологические подходы в исследовании сибирского города / И. Ю. Кудинова // Дискуссия. – 2011. – №6(14). – С. 48–50.

251. *Кулагін, А. М.* Праваслаўныя храмы на Беларусі : энцыкл. даведнік / А. М. Кулагін. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2001. – 328 с.

252. *Кульбак, М.* Зельманцы / М. Кульбак ; пер. з ідыш В. Вольскага. – Мінск, 2015. – 288 с.

253. Культавыя камяні Беларусі / Э. Ляўкоў [і інш.] // Studia Mythologica Slavica III. – 2000. – С. 43–56.

254. Культурная памяць у кантэксце фарміравання нацыянальнай ідэі Расіі ў ХХІ в. : канцэпцыя навучна-даследавальскай работы (праект) [Электронны рэсурс] : [разраб. Російскім інстытутам культуралогіі]. – Рэжым доступу: http://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2012/19_11_2012_5.pdf. – Дата доступу: 20.03.2014.

255. Культурная памяць у кантэксце фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці Расіі ў ХХІ стагоддзі : кол. моногр. / Рос. ін-т культуралогіі ; отв. ред. Н. А. Кочалева. – М. : Совпадение, 2012. – 168 с.

256. *Купала, Янка.* Тутэйшыя : трагічна-смяшлівыя сцэны ў 4-х

дзеях / Янка Купала ; прадм. і камент. Пятра Васючэнкі. – Мінск : Маст. літ., 2004. – 94 с.

257. Кур'яновіч, Ю. Мелодыі Мінска [Электронны ресурс] / Ю. Кур'яновіч // Библиотека минчанина. – Режим доступа: <http://minchanin.esmasoft.com/books/misc/kuryanovich.html>. – Дата доступа: 20.03.2014.

258. Кур'яновіч, Ю. Апаведы старасвецкай Лошыцы : краязн. нарыс / Ю. Кур'яновіч. – Мінск : Бізнесафсет, 2005. – 94 с. : іл.

259. Лавренова, О. А. Семантика культурного ландшафта : дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / О. А. Лавренова. – М., 2010. – 353 л.

260. Лакотка, А. І. Беларусы. Дойлідства / А. І. Лакотка. – Мінск : Тэхналогія, 1997. – 391 с.

261. Лакотка, А. І. Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры / А. І. Лакотка. – Мінск : Ураджай, 1999. – 366 с.

262. Лакотка, А. І. Сілуэты старога Мінска: Нарысы драўлянай архітэктуры / А. І. Лакотка. – Мінск : Палымя, 1991. – 126 с.

263. Ластовский, А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой [Электронный ресурс] / А. Ластовский // Вестн. общественного мнения. – 2009. – № 4. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>. – Дата доступа: 20.03.2014.

264. Ластоўскі А. Памяць пра вайну і Мінск: савецкія і постсавецкія змены культурнага ландшафту / А. Ластоўскі // Городские тактики. – 2015. – № 5. – С. 20–22.

265. Ластоўскі, А. Памяць пра Другую сусветную вайну ў гарадскім ландшафце Усходняй Еўропы / А. Ластоўскі, А. Казакевіч, Р. Балачкайце // Arche. – 2010. – С. 251–300.

266. Левкиевская, Е. Е. Москва в зеркале современных православных легенд / Е. Е. Левкиевская // Лотмановский сборник. – М., 1997. – Т. 2. – С. 805–836. – («Московский текст» русской культуры).

267. Легенды і паданні / А. І. Гурскі ; АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; склад. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 544 с.

268. Летопись по Ипатьевскому списку // Полн. собр. русских летописей. Т. 2. – Изд. второе. – СПб. : тип. М. А. Александрова, 1908. – 938 стб., 108 с.

269. *Либерман, Б. И.* Город Минск : очерк / Б. И. Либерман. – Минск : Госиздат СНК БССР, Редакция полит. лит-ры, 1940.
270. *Линч, К.* Образ города / К. Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычева ; под ред. А. В. Иконникова. – М. : Стройиздат, 1982. – 328 с.
271. *Линч, К.* Совершенная форма в градостроительстве / К. Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычева ; под ред. А. В. Иконникова. – М. : Стройиздат, 1986. – 264с.
272. *Липай, И. Н.* Музыкальная культура Минска: состояние и тенденции развития на рубеже XX–XXI вв. / И. Н. Липай ; М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2013. – 176 с.
273. *Липова, Н.* Минск в пространстве соцреализма / Н. Липова // Топос. – 2010. – №1. – С. 184–196.
274. *Ліхадзедаў, У. А.* Мінск: падарожжа ў часе = Минск: путешествие во времени = Minsk: A Journey Through Time : фотальбом / У. А. Ліхадзедаў. – Мінск : Звязда, 2015. – 269 с. : фат. – (У пошуках страчанага).
275. *Лихачев, Д. С.* О памяти / Д. С. Лихачев // Письма о добром и прекрасном / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровский. – Изд. 3-е. – М., 1989. – С. 210–214.
276. *Лихачев, Д. С.* Образ города и проблема исторической преемственности развития культур / Д. С. Лихачев // Раздумья о России. – СПб. : LOGOS, 2001. – С. 552–570.
277. *Лихачев, Д. С.* Память культуры / Д. С. Лихачев // Письма о добром и прекрасном / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровский. – Изд. 3-е. – М., 1989. – С. 215–222.
278. *Лобанов, Е. Ю.* Дизайн среды и архетипы пространственной организации / Е. Ю. Лобанов // Архитектонь: известия вузов. – 2012. – № 39. – С. 76–86.
279. *Лобач, У. А.* Паданне пра заснаванне Менска: сімволіка сюжэта і тыпалагічныя паралелі ў беларускім фальклоры / У. А. Лобач // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7–9 верас. 2007 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2008. – С. 48–56.
280. *Локотко, А. И.* Историко-культурные ландшафты Беларуси / А. И. Локотко. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 470 с.
281. *Локотко, А. И.* Новаторские направления белорусской

архитектуры // Архитектура: авангард, абсурд, фантастика / А. И. Локотко. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 165–172.

282. *Лосев, А. Ф.* Философия имени / А. Ф. Лосев // Бытие. Имя. Космос / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль : Рос. открытый ун-т, 1993. – 958 с.

283. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

284. *Лотман, Ю. М.* Выход из лабиринта / Ю. М. Лотман // Имя розы / У. Эко. – М. : Симпозиум, 1998. – С. 650–669.

285. *Лотман, Ю. М.* О метаязыке типологических описаний культуры / Ю. М. Лотман // Избр. ст. : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992. – Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 386–406.

286. *Лотман, Ю. М.* О семиосфере / Ю. М. Лотман // Избр. статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 11–24.

287. *Лотман, Ю. М.* О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Труды по знаковым системам. V. – Тарту, 1971. – С. 146–166.

288. *Лотман, Ю. М.* Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избр. ст. : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 200–202.

289. *Лотман, Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство СПб., 2000. – 704 с.

290. *Лотман, Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 129–132.

291. *Лотман, Ю. М.* Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман ; предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. – СПб. : Академический проект, 2002. – С. 211–226.

292. *Лотман, Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры Петербурга. Труды по знаковым системам. XVIII. – Тарту, 1984. – С. 30–45. – (Ученые записки / Тартус. ун-т ; вып. 664).

293. *Лотман, Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман ; предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. – СПб. : Академический проект, 2002. – 543 с.

294. Лукашенко: Дворец Республики – один из главных символов современной Беларуси [Электронный ресурс] // Naviny.by: Белорусские новости. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/culture/2007/10/03/ic_news_117_277975. – Дата доступа: 15.10.2016.

295. Лурье, М. О словарях локального текста / М. Лурье // Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» / М. Алексеевский [и др.] // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 419–421.

296. Льюис, С. Международная конференция «Теория и память в Восточной Европе» (Кингс-колледж, Кембридж, 4–5 июля 2011 г.) [Электронный ресурс] / С. Льюис // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 114. – Режим доступа: www.nlobooks.ru/node/2037. – Дата доступа: 15.11.2014.

297. Лысенко, А. В. Главная улица Минска: Ленинский проспект / А. В. Лысенко. – Минск : Госиздат БССР. Ред. науч.-техн. лит., 1963. – 86 с.

298. Люсый, А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / А. П. Люсый. – М., 2003. – 188 с.

299. Лютый, А. М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. / А. М. Лютый ; под ред. В. В. Чепко. – Минск : Наука и техника, 1987. – 179 с.

300. Ляўкоў, Э. А. Капішча ў цэнтры сталіцы / Э. А. Ляўкоў // Маўклівыя сведкі мінуўшчыны / Э. А. Ляўкоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – С. 43–53.

301. Магвайр, М. «Культурная память в России» : Первые совместные чтения Кембриджского университета и журнала «Новое литературное обозрение» (Кингс-колледж, Кембридж, 18 апр. 2007 г.) [Электронный ресурс] / М. Магвайр, Э. Руттен // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 87. – Режим доступа: magazines.russ.ru/nlo/2007/87/mm50.html. – Дата доступа: 12.05.2014.

302. Малашевич, Е. В. Минск. Книга жизни : 4500 событий и фактов из истории города : [ил. хронология истории города] / Е. Малашевич. – Минск : МФЦП, 2006. – 367 с. : цв. ил., портр., карты.

303. Маліноўскі, М. М. Дзе пахаваны Мянск? / М. М. Маліноўскі // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска : у 4 кн. – Мінск, 2001. – Кн. 1. – С. 32–33.

304. Мальдис, А. И. Вывезено за Буг: о белорусских материальных и духовных ценностях, оказавшихся в Польше / А. И. Мальдис //

Белорусские сокровища за рубежом / А. И. Мальдис. – Минск, 2009. – С. 94–106. – (Беларусь: вчера и сегодня).

305. *Мальдис, А. И.* Станьково-Краков: Музей Эмерика фон Гуттен-Чапского возрождается как «Европейский центр» / А. И. Мальдис // Белорусские сокровища за рубежом / А. И. Мальдис. – Минск, 2009. – С. 107–115. – (Беларусь: вчера и сегодня).

306. *Маракоў, Л. У.* Галоўная вуліца Мінска : у 2 кн. / Л. У. Маракоў. – Мінск : Мастац. літ., 2012–2013. – Кн. 1. 1880–1940. – 2012. – 260 с.; Кн. 2. 1880–1940. – 2013. – 466 с.

307. *Мароз, У.* Мінск старадаўні і малады / У. Мароз. – Мінск : Міжнародны цэнтр культуры кнігі, 2003. – 160 с.

308. *Мартинович, В.* Мова / В. Мартинович ; пер. с бел. Л. Михеевой. – Минск : 34mag.net, 2014. – 306 с.

309. *Масляніцына, І. А.* Дачка Вадзянога / І. А. Масляніцына // Памяць: гісторыка-дакум. хроніка Мінска : у 4 кн. – Мінск, 2001. – Кн. 1. – С. 30–31.

310. *Масляніцына, І. А.* Млын на сямі колах / І. А. Масляніцына // Млын на сямі колах: Беларус. нар. легенды і паданні / І. А. Масляніцына. – Мінск, 1998. – С. 157–164.

311. *Мастеница, Е. Н.* Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход / Е. Н. Мастеница // Петербургские исследования : сб. науч. ст. – СПб. : Изд. СПбГУ, 2011. – Вып. 3. – С. 128–147.

312. *Матох, В.* Наводнение весны 1931 г. в Беларуси / В. Матох // Служба спасения 01. – 2010. – № 10. – С. 54–55.

313. Матэрыялы аб стане камунальнай гаспадаркі г. Мінска. 1944 г. // НАРБ. – Ф. 31. Воп. 4. Спр. 76. Арк. 65.

314. *Меднис, Н. Е.* Венеция в русской литературе / Н. Е. Меднис. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – 392 с.

315. Международный журнал исследований культуры [Электронный ресурс] / International Journal of Cultural Research : науч. рецензируемое электрон. изд. – 2012. – №1(16) : Культурная память / Cultural Memory. – Режим доступа: <http://culturalresearch.ru/ru/archives/79-cultmem>. – Дата доступа: 21.10.2014.

316. *Мезенко, А.* Имя внутригородского объекта в истории. Об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX в. / А. Мезенко. – Минск : Выш. шк., 2003. – 301 с.

317. Менскія акты (XV–XVIII) / Беларус. акад. навук, Археаграф. каміс. – Менск : Выд. Беларус. акад. навук, 1931. – 413 с.

318. *Мерло-Понти, М.* Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. – 608 с.

319. *Милграмм, С.* Эксперимент в социальной психологии / С. Милграмм. – СПб. : Питер, 2000. – 336 с.

320. Мінск : альбом / тэкст і склад У. Карнава. – Минск : Беларусь, 1965.

321. Минск : справочник-путеводитель / сост. Е. Садовский. – Минск : Госиз-дат БССР, 1956. – 270 с.

322. Мінск : фотаальбом / фотаздымкі Зянона Пазняка. – Минск : Беларусь, 1968.

323. Минск : фотоальбом / авт. текста И. С. Карпенко, П. П. Сакович ; фото М. П. Ананьина [и др.]. – Минск : Беларусь, 1974. – 47 с., 28 л. ил.

324. Минск : фотоальбом / ред. Т. Сабаленка. – Минск : Беларусь, 1965.

325. Минск : энцикл. справ. / Белорусская Советская Энциклопедия ; редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Изд. 2-е, доп., перераб. – Минск : Белорус. Сов. Энцикл., 1983. – 467 с.

326. Минск – Город-Герой : справочник / П. У. Бровка (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1976. – 384 с.

327. Минск = Minsk : 945 лет : худож.-изобр. фотоальбом / сост., фотогр. и комп. дизайн: С. Мельник. – Минск : Бофф, 2012. – [36] с. : цв. ил.

328. Мінск. Верхні горад / склад. В. Р. Мішчанка. – Мінск : Міжнар. цэнтр культуры кн., 2003. – 47 с.

329. Мінск: падарожжа па горадзе : гіст. даведкі / аўтары тэксту: Л. Рублеўская, П. Грынчанка ; мастак У. Карман. – Мінск : Мастац. літ., 2009. – 14 с.

330. Мінск. Плошча Перамогі = Минск. Площадь Победы = Minsk. Victory Square / тэкст У. Мароза, маст. В. Мішчэнка. – Минск : Международный центр культуры книги, 2006. – 48 с.

331. Мінск. Стары і новы / аўт.-склад. У. Г. Валажынскі ; пад рэд. З. В. Шыбекі. – Мінск : Харвест, 2007. – 271 с. : ил., каляр. ил., карты.

332. Минск. Старый и новый [Изоматериал] / [автор-составитель В. Г. Воложинский ; под редакцией З. В. Шибeko]. – Минск : Харвест,

2015. – 271 с. : ил., цв. ил., карты, схемы.

333. Мінск: 1067–1967: Фотааповесць аб 900-годдзі сталіцы Савецкай Беларусі. – Мінск : Творчая фотамаст. студыя «Фота і жыццё», 1967. – Вып.1(5). – 77 с.

334. Мінск. Учора і сёння / аўт.-склад. В. І. Каляда. – Мінск : Беларусь, 1988. – 320 с. з іл.

335. Минск в фотоиллюстрациях / редкол.: В. А. Король, Л. П. Мацкевич, Г. А. Парсаданов. – Минск : Госиздат БССР : Изд-во изобразит. продукции. – Минск, 1957.

336. Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць : (да 945-годдзя Мінска) : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад. А. І. Груша ; рэдкал. : А. А. Каваленя (старш.), А. І. Груша (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 564 с.

337. Мінск на старых паштоўках (канец XIX – пачатак XX ст.) : фотаальбом / аўт.-склад. В. М. Целеп. – Мінск : Беларусь, 1984. – 128 с.

338. Мінск незнаёмы 1920–1940 = Unfamiliar Minsk, 1920–1940 : фотаальбом / аўт.-уклад. І. М. Куркоў. – Мінск : Ураджай, 2002. – 240 с. : іл.

339. Мінск у фотаілюстрацыях / рэдкал. У. А. Кароль. – [і інш.]. – Мінск : Дзяржвыд. БССР, 1957. – 102 с.

340. Минская городская комиссия // НИАБ. – Ф. 18. Д. 87.

341. Минская старина. Вып. первый. Труды минского церковного историко-археологического комитета / под ред. хранителя музея Д. Скрынченко. – Минск : Тип. С. А. Некрасова, 1909. – 167 с.

342. Минское общество сельского хозяйства, город Минск Минского уезда Минской губернии (1890–1916) / НИАБ. – Ф. 51.

343. Минчане в начале XXI века: социальный портрет / В. А. Бобков [и др.]. – Минск : МНИИСЭПП, 2006. – 140 с.

344. Митин, И. И. Место как палимпсест / И. И. Митин // 60 параллель. – 2008. – № 4 (31). – С. 20–25.

345. Михайлов, А. В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века / А. В. Михайлов // Языки культуры / А. В. Михайлов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – С. 43–111.

346. Михайловская, С. Этот город самый лучший... / С. Михайловская // Беларуская думка. – 2016. – № 5. – С. 38–45.

347. *Михельсон, М. О.* Междисциплинарный подход к изучению городской культуры : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / М. О. Михельсон. – СПб., 2009. – 128 с.

348. *Моррис, Ч.* Основания общей теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика / сост. Ю. С. Степанов. – М., 1983. – 627 с.

349. *Москвин, В. П.* Понятие текста и критерии текстуальности / В. П. Москвин // Русская речь. – 2012. – № 6. – С. 37–48.

350. *Мотрошилова, Н. В.* «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию / Н. В. Мотрошилова. – М. : Феноменология-Герменевтика, 2003. – 720 с.

351. Музеи России : сайт [Электронный ресурс]. – 1996. – Режим доступа: www.museum.ru/№5069. – Дата доступа: 11.08.2013.

352. *Н. К.* Заметки о г. Борисове и его уезде / Н. К. // Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 г. – СПб., 1868. – С. 88–102.

353. *Назаров, В.* История становления и развития новых приходских общин в г. Минске (1988–2013 гг.) [Электронный ресурс] / протоиерей В. Назаров // Белорусская православная церковь. Минская духовная семинария. – Режим доступа: <http://minds.by/news/istoriya-stanovleniya-i-razvitiya-novy-h-prihodskih-obshhin-v-g-minske-1988-2013-gg#.WDQkvdsLTs0>. – Дата доступа: 19.11.2016.

354. *Неклюдов, С. Ю.* Тело Москвы: К вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе / С. Ю. Неклюдов // Тело в русской культуре / сост. Г. Ф. Кабакова, Ф. Конт. – М., 2005. – С. 361–385. – (Научное приложение. Вып. LI).

355. *Нетыльский, А. Т.* Минск во второй половине XIX столетия : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Т. Нетыльский ; Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1953. – 15 с.

356. Неўміручы твой подзвіг, Мінск = Бессмертен твой подвиг, Минск : знаходжанне Генеральнага сакратара ЦК КПСС, Старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР т. Л. І. Брэжнева ў горадзе-героі Мінску на ўрачыстасцях, прысвечаных уручэнню гораду ордэна Леніна і медалі «Залатая Зорка» 25 чэрвеня 1978 г. – Мінск : Беларусь, 1978. – 175 с.

357. *Никитина, Ю. Л.* «Белорусский текст» культуры в урбанонимике г. Минска (на материале коммеморативных внутригородских названий) / Ю. Л. Никитина, В. А. Стадник // Язык и социум :

материалы IX Междунар. науч. конф., 3–4 дек. 2010 г. : в 3 ч. – Минск, 2011. – Ч. 2 / редкол.: Л.Ф. Гербик (отв. ред.). – С. 130–133.

358. *Никифорова, Л. В.* Дворец в истории русской художественной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Л. В. Никифорова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2006. – 38 с.

359. *Нитиевская, Е. Е.* Ландшафтно-рекреационные территории г. Минска: перспективы развития / Е. Е. Нитиевская // *Архитектура* : сб. науч. тр. – 2013. – Вып. 6. – С. 161–166.

360. *Новоселов, А.* Образ города как культурного и туристического центра в восприятии его жителей (на примере города Вологды) [Электронный ресурс] / А. Новоселов // *Материалы XIV Международной конференции молодых ученых «Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии»*. – Пермь, 2011. – Режим доступа: www.psu.ru/psu2/files/5884/soc_novoselov.doc. – Дата доступа: 20.04.2016.

361. *Нора, П.* Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] / П. Нора // *Неприкосновенный запас*. – 2005. – № 2–3 (40–41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. – Дата доступа: 20.05.2013.

362. *Нора, П.* Проблематика мест памяти / П. Нора // *Франция-память* / П. Нора [и др.]. – СПб., 1999. – С. 17–50.

363. О гимне города Минска – столицы Республики Беларусь : утв. реш. Мин. гор. Совета депутатов от 24.10.2001 № 207 [Электронный ресурс] // *Левоневский В. С.* – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org384/basic/text0182.htm>. – Дата доступа: 16.11.2016.

364. О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.) / Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии, Ин-т истории Акад. наук БССР. – Минск : Госиздат БССР, 1961. – 90 с.

365. О статусе столицы Республики Беларусь – города Минска : Закон Республики Беларусь от 12 июля 2000 г. № 410-3 // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь*. – 2000. – № 67. – 2/185.

366. Об утверждении Положения о гербе города Минска и Положения о флаге города Минска : утв. реш. Мин. гор. Совета народных депутатов от 27 марта 2001 г. № 160 [Электронный ресурс] // *Левоневский В. С.* – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org384/basic/text0196.htm>. – Дата доступа: 12.05.2016.

367. Об учреждении официальных геральдических символов города Минска [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 23 июля 2012 г. № 326 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=P31200326&p1=1>. – Дата доступа: 16.11.2016.

368. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2010. – 962 с.

369. Обращение к минчанам и гостям столицы председателя Минского горисполкома Михаила Павлова и председателя Минского горсовета Владимира Папковского // Вечерний Минск. – 2002. – 13 сент., №193–194 (10009–10010).

370. Овчинникова, Р. Свислочь и ее дети [Электронный ресурс] / Р. Овчинникова // Вечерний Минск. – 2004. – 19 янв. – Режим доступа: <http://www.newsvm.com/print/2004/01/19/svisloch.html>. – Дата доступа: 12.11.2015.

371. Олина, Э. Церковь на Военном кладбище / Э. Олина // Царкоўнае слова. – 1997. – № 10. – С. 5.

372. Осадца, М. З. Архитектурные изображения в иконописи Прикарпатья XVI–XVIII веков / М. З. Осадца // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 15, Искусствоведение. – 2016. – Вып. 2. – С. 19–35.

373. Осмоловский, М. С. Минск / М. С. Осмоловский. – Минск : Гос. изд-во лит-ры по строительству и архитектуре, 1952. – 130 с. – (Практика советского градостроительства).

374. Павлова, О. Д. Семиосфера как результат и развитие культуры / О. Д. Павлова // Язык и культура. – 2011. – № 3 (15). – С. 58–64.

375. Паганскае капішча ў Менску ў XIX – пачатку XX ст. [Электронны рэсурс] // DRUVIS : альманах цэнтра этнакасмалогіі «Крыўя». – 2005. – № 1. – Режим доступа: <https://archive.is/pjbto>. – Дата доступа: 01.07.2015.

376. Пазняк, З. Помнікі архітэктуры гістарызму ў Мінску / З. Пазняк // Мастацтва Беларусі. – 1983. – № 9. – С. 55–62.

377. Пазняк, Зянон. Рэха даўняга часу / Зянон Пазняк. – Мінск : Народная асвета, 1985. – 111 с.

378. Памятники Минска / авт.-сост. В. П. Шамов. – Минск : Польша, 1991. – 205 с.

379. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Мінска : у 4 кн. – Мінск : БЕЛТА, 2001. – Кн. 1. – 576 с.

380. Памяць : Мінск : гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 4 кн. / уклад.: В. С. Семенякоў, А. А. Ляўшэвіч ; навук. рэд. Г. В. Штыхаў. – Мінск : БЕЛТА, 2005. – Кн. 4. – 911 с.

381. Памяць : Мінск : гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 4 кн. / уклад.: В. С. Семенякоў, А. А. Ляўшэвіч ; навук. рэд. Г. В. Штыхаў. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2006. – Кн. 5 : [у 5 кн.]. Ч. 1 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 444 с.

382. Памяць : Мінск : гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 4 кн. / уклад.: В. С. Семенякоў, А. А. Ляўшэвіч ; навук. рэд. Г. В. Штыхаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2007. – Кн. 5 : [у 5 кн.]. Ч. 2 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – 583 с.

383. *Панчанка, П.* Слова пра Мінск / П. Панчанка // Горад і годы / уклад. У. Карпаў. – Мінск, 1967. – С. 9–10.

384. *Парк, Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р. Парк // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11, Социология. – 2000. – № 3. – С. 136–150.

385. *Паўловіч, Л. А.* Прамысловасць Мінска : Эканоміка-геаграфічны нарыс / Л. А. Паўловіч, А. Я. Малышаў. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1972. – 120 с.

386. *Пашолок, М.* «Культурная память в странах Восточной Европы». Научные чтения Кембриджского университета (Кембридж, 18–19 дек. 2008 г.) [Электронный ресурс] / М. Пашолок // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 95. – Режим доступа: magazines.russ.ru/nlo/2009/95/pa35.html. – Дата доступа: 12.05.2014.

387. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXII. Минская губерния / Центр. стат. ком. М-ва внутренних дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. С.-Петербур. тюрьмы, 1904. – 243 с. : 25 табл., опис-е фольварков и хуторов.

388. *Пинкертон, Р.* Могилев в двадцатых годах прошлого века / Р. Пинкертон ; пер. с англ. А. Сапунова // Могилевская старина. – Могилев, 1901. – Вып. 2. – С. 138–141.

389. *Пинкертон, Р.* Полоцк, Витебск и Минск в 20-х годах прошлого века / Р. Пинкертон ; пер. с англ. А. Сапунов. – Витебск : Губерн. типо-лит., 1901. – 28 с.

390. *Пирогов, С. В.* Город как феномен культуры: когнитивный подход / С. В. Пирогов // Вестн. Томского гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 31–37.

391. *Пирс, Ч. С.* Избранные философские произведения : пер. с англ. / Ч. С. Пирс. – М. : Логос, 2000. – 448 с.
392. *Пирс, Ч. С.* Логика как семиотика: теория знаков / Ч. С. Пирс // Метафизические исследования. – СПб., 1999. – Вып. 11. Язык. – С. 199–217.
393. *Пирс, Ч. С.* Что такое знак? / Ч. С. Пирс ; пер. с англ. А. А. Аргаматовой // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7) – С. 88–95.
394. *Платон.* Кратил, или О правильности имен / Платон ; пер. А. И. Доватура // Античные теории языка и стиля. – М. ; Л., 1936. – С. 36–57.
395. *Позняков, В. В.* Культурно обогащенное пространство как объект моделирования / В. В. Позняков // Весн. Палескага дзярж. ун-та. Сер. грамадскіх і гуманітарных навук. – 2010. – № 1. – С. 55–61.
396. *Польский, С. А.* Демографические проблемы развития Минска / С. А. Польский. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 151 с.
397. *Поляк, М.* Краткий очерк 50-летней деятельности Общества минских врачей (1867–1917) / М. Поляк. – Минск, 1928. – С. 99–108.
398. *Пономаренко, П. К.* События моей жизни / П. К. Пономаренко // Неман. – 1992. – № 3. – С. 150–177 ; № 4. – С. 132–158.
399. *Пономаренко, П. К.* Страницы моей жизни : воспоминания и дневники / П. К. Пономаренко. – Минск, 1976.
400. *Портнов, А. В.* Упражнения с историей по-украински / А. В. Портнов. – М. : ОГИ, 2010. – 224 с. – (Полит.ру).
401. *Поспелов, Е. М.* Географические названия мира : топонимический слов. / Е. М. Поспелов ; ред. Р. А. Агеева. – 2-е изд. – М. : Русские словари, 2002. – 512 с.
402. *Потаев, Г.* Стратегия развития туризма в Минске / Г. Потаев // Архитектура и строительство. – 2010. – № 4. – С. 90–93.
403. *Потапов, Л. С.* Силуэт Минска / Л. С. Потапов. – Минск : Наука и техника, 1980. – 144 с.
404. *Похлебкин, В.* Словарь международной символики и эмблематики / В. Похлебкин. – 3-е изд. – М. : Междунар. отношения, 2001. – 560 с.
405. *Почепцов, Г. Г.* История русской семиотики до и после 1917 г. / Г. Г. Почепцов. – М. : Лабиринт, 2007. – 336 с.
406. *Православное зодчество Беларуси* / ред. В. Трацевский. – Минск : Четыре четверти, 1995. – 101 с.

407. *Прийма, Ф. Я.* Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Игоридой» / Ф. Я. Прийма // «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. – Л. : Наука, 1980. – С. 109–129.

408. Принципы Валлетты по сохранению и управлению историческими городами и урбанизированными территориями [Электронный ресурс] : приняты 17-й Генеральной Ассамблеей ИКОМОС 28 нояб. 2011 г. – Режим доступа: http://www.icomos.org/charters/RUSS_Valletta_principles.pdf. – Дата доступа: 03.10.2016.

409. *Прокопцов, В. И.* В поисках красоты и гармонии / В. И. Прокопцов ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т искусствovedения, этнографии и фольклора АН БССР. – Минск : Наука и техника, 1988. – 95 с.

410. Протокол № 7 от 19.04.1982 г. расширенного заседания президиума правления Союза архитекторов БССР с ведущими архитекторами г. Минска по вопросу размещения Дворца культуры Республики на Октябрьской площади // Белорусский государственный архив научно-технической документации. – Ф. 68. Оп. 1. Д. 377. Л. 32, 33, 41.

411. *Прохорова, Л. С.* Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Л. С. Прохорова ; Томский гос. ун-т. – Томск, 2005. – 21 с.

412. Прывілей в. кн. Жыгімонта III. 1592. IX.10 // Беларускі архіў. – Менск, 1930. – Т. 3. – С. 58–60.

413. Путешествие стольника Толстого П. А. по Европе 1697–1699. – М. : Наука, 1992. – 387 с.

414. *Разумова, И. А.* Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин: Социально-антропологические очерки / И. А. Разумова. – СПб. : ГАМАС, 2009. – 160 с.

415. *Рамановіч, Я.* Беларуская хатка / Я. Рамановіч // Горад і годы. – Мінск : Беларусь, 1967. – С. 61–73.

416. *Репина, Л. П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л. П. Репина. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.

417. *Репина, Л. П.* Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 33–45.

418. *Рикёр, П.* Память, история, забвение : пер. с фр. / П. Рикёр. – М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с. – (Французская философия XX века).

419. *Рогалев, А. Ф.* Географические названия в калейдоскопе времен / А. Ф. Рогалев. – 2-е изд. – Гомель : Барк, 2011. – 256 с.

420. *Романова, О.* Надежда года: Минск позитивный [Электронный ресурс] / О. Романова. – Режим доступа: <http://n-europe.eu>. – Дата доступа: 23.12.2013.

421. *Романова, О.* Символ, «работа с памятью», медиасобытие: военный парад к 60-летию Победы в Беларуси и России / О. Романова // Белорусский формат: невидимая реальность : сб. науч.тр. / отв. ред. А. Р. Усманова. – Вильнюс, 2008. – 358–367.

422. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга. Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия / сост. В. П. Семенов, М. В. Довнар-Запольский [и др.]. – СПб. : Изд-е А. Ф. Девриена, 1905. – 619 с.

423. *Рубанов, А. В.* Стратегия развития города Минска / А. В. Рубанов // Постсоветские столицы: Минск. Вильнюс. Баку. – Минск, 2009. – С. 1–13.

424. *Рункевич, С. Г.* История Минского архиепископии (1793–1832) с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с православной церковью в 1794–1796 гг. / Исслед. Стефана Рункевича. – СПб. : тип. А. Катанского и К°, 1893. – 632 с.

425. *Рункевич, С. Г.* К истории Минского кафедрального собора / собр. и объясн. С. Г. Рункевичем. – Минск, 1893. – 12 с. – (Материалы для истории Минской епархии).

426. *Рункевич, С. Г.* Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 – 13 апреля 1893) / сост. С. Г. Рункевич. – Минск, 1893. – 128, IV с.

427. *Русов, П. А.* Деревянные сооружения Менска XIII—XVII вв. : (опыт архитектурно-археологической реконструкции) / П. А. Русов ; под ред. С. А. Сергачева ; Акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 53 с.

428. *Рытов, М.* Сапежанка / М. Рытов // Атлас плодов / под ред. А. Гребницкого. – СПб., 1906. – С. 514–518.

429. «С коренными не пересекались» – как наши бабушки становились минчанками [Электронный ресурс] // Citydog. –

Режим доступа: citydog.by/post/kak-nashi-babushki. – Дата доступа: 12.08.2016.

430. *Савчук, Т. П.* Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси : автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / Т. П. Савчук ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2013. – 21 с.

431. *Сакалоўская, А. С.* Кальварыя / А. С. Сакалоўская ; навук. рэд. У. Завальнюк – Минск, 1997. – 204 с.

432. *Самарина, Н. Г.* Ростов и Ярославль: культурная память или культурный проект? / Н. Г. Самарина // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 38. – С. 289–298.

433. *Сарна, А. Я.* Минск – город победившего гламура / А. Я. Сарна // Р. S. Ландшафты: оптики городских исследований : сб. науч. трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп. – Вильнюс, 2008. – С. 334–353.

434. *Сацукевіч, І.* Адлюстраванне канфесійнага жыцця ў назвах вуліц Мінска XIX – пачатку XX ст. / І. Сацукевіч // Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць : зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф., 7–8 кастр. 2004 г. / Кам. па справах рэлігіі і нацыянальнасцяў пры Савеце Міністраў Рэсп. Беларусь, Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі, Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна, Каф. культуралогіі ; рэдкал.: Ул. П. Люкевіч, П. П. Крусь, Я. У. Скакун. – Брэст, 2005. – С. 82–85.

435. *Сацукевіч, І.* Вёскі, што ўвайшлі ў склад Мінска [Электронны рэсурс] / І. Сацукевіч. – Режим доступа: <http://nashapamiac.org/docs/Miensk>. – Дата доступа: 14.11.2016.

436. *Сацукевіч, І.* Гісторыя і сучаснасць урбананімікі Гродна і Мінска (параўнаўчы аналіз) / І. Сацукевіч // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры : зб. навук. арт. / Гродз. дзярж. ун-т ; рэдкал.: І. П. Крэнь, І. В. Соркіна (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2007.

437. *Сацукевіч, І.* Змены ў назвах мінскіх вуліц у 1986–2000 г. / І. Сацукевіч // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска : у 5 кн. – Мінск, 2007. – Кн. 5. Ч. 2. – С. 151–152.

438. *Сацукевіч, І.* Новыя назвы на картах і планах Мінска / І. Сацукевіч // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска : у 4 кн. – Мінск, 2005. – Кн. 4. – С. 59–60.

439. *Святославский, А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / А. В. Святославский. – М. : Древлехранилище, 2013. – 592 с.

440. *Святославский, А. В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / А. В. Святославский. – М., 2011. – 506 л.

441. *Сербаў, І.* Археалагічныя раскопкі ў акаліцах Менску ў 1925 годзе / І. Сербаў // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т беларус. культуры. – 1927. – № 1. – С. 195–232.

442. *Сергачёв, С. А.* Белорусское народное зодчество / С. А. Сергачев. – Минск : Ураджай, 1992. – 254 с.

443. *Сергачев, С. А.* Белорусское народное зодчество : автореф. дис. ... д-ра архитектуры : 18.00.05 / С. А. Сергачев ; Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2008. – 46 с.

444. *Сергачев, С. А.* Деревянная архитектура Белоруссии XVI–XIX вв. / С. А. Сергачев ; Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры. – Минск : Полымя, 1984. – 78 с.

445. *Сергачев, С. А.* Народное зодчество Беларуси. История и современность / С. А. Сергачев. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. – 560 с.

446. *Сергеев, А. Н.* Предания о некоторых русских городах и местностях / А. Н. Сергеев // Север. – 1892. – 5 июля, № 27. – С. 1387–1388.

447. *Симбирцева, Н. А.* «Текст культуры»: обозначение дискурса / Н. А. Симбирцева // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. – 2011. – № 3. – С. 66–74.

448. *Скрыган, Я.* Падзяка / Я. Скрыган // Горад і годы / уклад. У. Карпаў. – Мінск, 1967. – С. 82–85.

449. *Скурат, К. У.* Даўнія беларускія меры (лексічны аналіз) / К. У. Скурат ; АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 190 с.

450. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / М. Алексеевский [и др.] ; под ред. М. Лурье // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 419–442.

451. *Смоленчук, А.* Память на Пограничье (на примере памяти о Второй мировой войне) / А. Смоленчук // Белорусы: нация Пограничья / А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть. – Вильнюс : ЕГУ, 2011. – С. 159–206.

452. *Смоліч, А. А.* Геаграфія Беларусі / А. А. Смоліч. – Вільня : Промень, 1919. – 210 с.

453. *Смородский, А. П.* География Минской губернии : Родиноведение / сост. А. П. Смородский ; Мин. губерн. стат. комитет. – Минск : Паровая типо-лит. Х. В. Дворжеца, 1894. – 46 с., 1 отд. л. карт.

454. *Смородский, А. П.* Столетие Минской губернии, 1793–1893 : историко-стат. записка / сост. секретарь Мин. губерн. стат. комитета А. П. Смородский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Минск : Типолит. Х. Я. Дворжеца, 1893. – 90 с. : табл.

455. *Соболь, В. Е.* Историко-археологическое изучение Минска XII–XVIII вв. / В. Е. Соболь // Древности Белоруссии и Литвы. – Минск : Б.м., 1982. – С. 157–164.

456. *Соболь, В. Е.* Минск XIV–XVIII вв. (по материалам археологического изучения) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / В. Е. Соболь. – Минск, 1988. – 295 с.

457. Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам = Zbiór dawnych dyplomatów i aktów miast Mińskiej gubernii, prawosławnych monasterów, cerkwi i w różnych sprawach. – Минск : Губерн. тип., 1848. – [2], XLVIII, 402 с.

458. Современные стратегии развития мегаполисов и крупных городов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 окт. 2003 г. – Минск : МНИИСЭПП, 2003. – 412 с.

459. *Соколов, А. В.* Социальная память / А. В. Соколов // Общая теория социальной коммуникации : учеб. пособие. – СПб., 2002. – С. 133–182.

460. *Соколов, Б. Г.* Картина реальности: современный дрейф / Б. Г. Соколов // Studia culturae. – СПб., 2014. – Вып. 19. – С. 116–130.

461. *Соколова, М. В.* Что такое историческая память [Электронный ресурс] / М. В. Соколова // Преподавание истории в школе : науч.-теор. и метод. журнал. – 2008. – № 7. – Режим доступа: pish.ru/blog/articles/articles2008/142. – Дата доступа: 22.11.2014.

462. *Солнцев, Н. И.* Формирование сакральной символики русского средневекового города / Н. И. Солнцев // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 180–187.

463. *Сорокин, А. П.* Мифологема «столичности» как базовая идентичность города Омска в XX веке / А. П. Сорокин // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : коллектив. монография / Рос. ин-т культурологии. – М., 2012. – С. 148–160.

464. *Сорокина, Л. М.* Сакральная география Москвы в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Л. М. Сорокина. – М., 2009. – 160 л.

465. Спадарожнік па Менску. – Менск : Выд. Менгасавету і рэдакцыі газ. «Рабочы», 1930.

466. *Стась, И. Н.* Концепт 'город' в постмодернистской историографии / И. Н. Стась // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2012. – № 11 (265). – История. Вып. 50. – С. 154–159.

467. *Степан, В.* Узелки на нити времени : [интервью с писателем и журналистом М. Володиным] / В. Степан // СБ. Беларусь сегодня. – 2016. – 10 июня, № 109 (24991).

468. Стратегический план устойчивого развития Минска на период до 2020 года = Strategic plan of Minsk sustainable development for the period to 2020 / науч. рук. В. А. Бобков [и др.] ; пер. на англ. Н. Ф. Квасовец. – Минск : Юнипак, 2005. – 148 с.: ил.

469. *Сыракомля, У.* Мінск / Уладзіслаў Сыракомля ; пер. на бел. Х. Лялько // Выбраныя творы / Уладзіслаў Сыракомля ; уклад., прадм., камент. К. Цвіркi. – Мінск, 2011. – С. 320–401. – («Беларускі кнігазбор» : Сер. 1. Мастацкая літаратура).

470. *Сыракомля, У.* Мінск. Беглы агляд сучаснага стану Мінска / У. Сыракомля. – Мінск : Голас Радзімы, 1992. – 117 с.

471. *Сырокомля, Вл.* Исторический очерк города Минска. Период первый: господство Руси и Литвы / Вл. Сырокомля // Вестн. Западной России. – 1869. – Кн. 9, т. 3. – С. 288–301.

472. *Сысоева, В. Л.* Иван Устинович Зданович (1864–1915) / В. Л. Сысоева // Здоровоохранение. – 2015. – № 8.

473. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 960 с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

474. *Тарасенко, В. Р.* Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.) / В. Р. Тарасенко // Материалы по археологии БССР / Ин-т истории АН БССР, сектор археологии. – Т. 1 / ред.: Е. И. Корнейчик, К. М. Поликарпович. – Минск, 1957. – С. 182–257.

475. *Тарасенко, В. Р.* Из материалов раскопок Минского замчища / В. Р. Тарасенко // Краткие сообщения института истории материальной культуры. – 1955. – Вып. 57. – С. 46–48.

476. *Тарасов, С. В.* Полоцк IX–XVII вв.: История и топография / С. В. Тарасов. – Минск : Беларус. наука, 1998. – 183 с.
477. *Татаринов, Ю. А.* От Гродно и Каменца до Мстиславля / Ю. А. Татаринов. – Минск : Минсктиппроект, 1997. – 155 с.
478. *Татур, Г. Х.* Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и их археологическое значение / сост. и издал Г. Х. Татур. – Минск : Губерн. тип., 1892. – 277 с.
479. *Тимофеев, М. Ю.* История формирования семиосферы города Иваново-Вознесенска/Иванова (1917–1991) / М. Ю. Тимофеев // Вестн. Ивановского ун-та. – 2005. – № 3. – С. 78–94.
480. *Ткачоў, М.* Старажытны Мсціслаў / М. Ткачоў, А. Трусаў. – Мінск : Полымя, 1992. – 110 с.
481. *Топоров, В. Н.* Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста / отв. ред. Т. В. Цивьян. – М. : Наука, 1987. – С. 121–132.
482. *Топоров, В. Н.* Имя как фактор культуры / В. Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике. – М., 2004. – Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. – С. 378–383.
483. *Топоров, В. Н.* «Мировое дерево»: универсальный образ мифопоэтического сознания / В. Н. Топоров // Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы : в 2 т. / В. Н. Топоров. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т.1. – С. 263–289.
484. *Топоров, В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс : Культура, 1995. – 624 с.
485. *Топоров, В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М. : Изд. группа «Прогресс»–«Культура», 1995. – С. 259–367.
486. *Топоров, В. Н.* Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров // Избранные труды. – СПб. : Искусство-СПБ, 2003. – 617 с.
487. *Трацевский, В. В.* История архитектуры народного жилища Белоруссии / В. В. Трацевский. – Минск : Выш. шк., 1989. – 189 с.
488. *Трусаў, А. А.* Старонкі мураванай кнігі / А. А. Трусаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 191 с.
489. *Трушина, Л. Е.* Образ города и городской среды : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.04 / Л. Е. Трушина. – СПб., 2000. – 205 л.

490. *Турлай, И. С.* Минск: малоизвестные страницы / И. С. Турлай. – Минск : Четыре четверти, 2016. – 242 с.
491. Тут говорят : форумы tut.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://talks.by/showthread.php?14086104&p=17629070#post17629070>. – Дата доступа: 17.08.2015.
492. *Уваров, М. С.* Город как личность / М. С. Уваров // Поэтика Петербурга: очерки по философии культуры / М. С. Уваров. – СПб., 2011. – С.12–124.
493. *Уваров, М. С.* Поэтика Петербурга : очерки по философии культуры / М. С. Уваров. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2011. – 252 с.
494. *Уласаў, А.* Дні жыцця / А. Уласаў // Шляхам гадоў : гіст.-літ. зб. – Мінск, 1990. – С. 145–175.
495. *Успенский, Б. А.* Миф-имя-культура / Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 58–75.
496. *Ухтомский, А. А.* От Двойника к Собеседнику / А. А. Ухтомский // Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. – СПб., 2002. – С. 335–391.
497. *Февр, Л.* Бои за историю / Л. Февр. – М. : Наука, 1991. – 632 с. – (Памятники исторической мысли).
498. *Федорова, Т.* Общественно-политическая мысль в Белоруссии и «Минский листок» (1886–1902) / Т. Федорова. – Минск : Наука и техника 1966. – 130 с.
499. *Федорук, А. Т.* Старинные усадьбы Минского края / А. Т. Федорук. – Минск : Полифакт : Лекция, 2000. – 416 с. – (Сер. «Старинные усадьбы Беларуси»).
500. Франция-память / П. Нора [и др.] ; пер. Д. Хапаевой. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 328 с.
501. *Фреге, Г.* Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – М., 1997. – Вып. 35. – С. 351–379.
502. *Хальбвакс, М.* Коллективная и историческая память : пер. с фр. [Электронный ресурс] / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2-pr.html>. – Дата доступа: 14.10.2015.
503. *Хальбвакс, М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.

504. *Харевский, С.* На зыбкой почве [Электронный ресурс] / С. Харевский // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ha14.html>. – Дата доступа: 13.10.2015.

505. *Харэўскі С.* Асмалоўка: дамы і мары / С. Харэўскі. – Мінск : Кнігазбор, 2016. – 40 с. – (Будзьма беларусамі!).

506. *Харэўскі, С.* Гэта няпроста і адказна – расказаць пра родны горад [Электронны рэсурс] / С. Харэўскі // Логвінаў. Тэрыторыя словаў. – 2014. – Рэжым доступу: <http://lohvinau.by>. – Дата доступу: 29.12.2014. – Рэц. на кн.: Володин, М. Наш старый добрый Вавилон: прогулка по городу в Минских историях. – Минск : Медиал, 2014. – 168 с.

507. *Хаттон, П.* История как искусство памяти / П. Хаттон ; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 423 с.

508. *Хилькевич, Х.* Минск за один день : путеводитель / авт.-сост. Х. Хилькевич. – Минск : Рифтур, 2003. – 104 с.

509. *Хлевнюк, Д.* Бернард Гизен. Триумф и травма / Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, № 2. – С. 112–117. – Рец. на кн.: Giesen, B. Triumph and trauma / B. Giesen. – Boulder : Paradigm publishers, 2004. – 208 p.

510. *Хмелевская, Ю. Ю.* О меморизации истории и историзации памяти / Ю. Ю. Хмелевская // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии : сб. ст. – Челябинск, 2004. – С. 7–21.

511. *Хожение Трифона Коробейникова 1593–94 ; под ред. Х. М. Лопарева* // Православный Палестинский сборник. – СПб., 1889. – Т. 9, вып. 27.

512. *Храм-памятник в честь Всех святых и в память о жертвах, спасению Отечества нашего послуживших* [Электронный ресурс] : сайт. – Режим доступа: <http://hramvs.by>. – Дата доступа: 05.07.2016.

513. *Цвірка, К.* Беларускі лірнік / К. Цвірка // Выбраныя творы / Уладзіслаў Сыракомля ; уклад., прадм., камент. К. Цвіркі. – Мінск, 2011. – С. 5–18. – («Беларускі кнігазбор»: Сер. 1. Мастацкая літаратура).

514. *Центральный район. Здесь бьется сердце Минска* / Администрация центрального района города Минска ; текст А. Г. Зельский ; под общ. ред.: Э. В. Томильчика, А. А. Маевской. – Минск : Рифтур, 2014. – 127 с.

515. Церкви и приходы Минска. История и современность / авт.-сост. Г. Н. Шейкин. – Минск : Свято-Петро-Павловский собор, Белорусское Православное Братство Трех Виленских Мучеников, 1996. – 102 с.

516. *Цеханович, М. А.* Суффикс -ск- в русской топонимии и проблема наложения морфем в оттопонимических прилагательных / М. А. Цеханович // Современная топонимика / Моск. центр Рус. геогр. о-ва, Ин-т геогр. РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, геогр. фак. ; отв. ред. А. В. Барандеев, сост. А. А. Герцен. – М., 2009. – С. 336–344. – (Вопросы географии ; сб. 132).

517. *Цітоў, А. К.* Менск – места майстроў : Рамес. цэхі XVI – XVIII стст. / А. К. Цітоў. – Мінск : Беларусь, 2002. – 108 с.

518. *Чантурия, В. А.* Архитектурные памятники Белоруссии / В. А. Чантурия. – Минск : Полымя, 1982. – 223 с.

519. *Чантурия, В. А.* История архитектуры Белоруссии : в 2 т. / В. А. Чантурия. – Минск : Выш. шк., 1985. – Т.1: Дооктябрьский период. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – 294 с.

520. *Чантурия, В. А.* Памятники архитектуры и градостроительства Белоруссии / В. А. Чантурия. – Минск : Полымя, 1986. – 240 с.

521. *Чантурия, В. А.* Памятники и памятные места Беларуси / В. А. Чантурия, Ю. В. Чантурия. – Изд. перераб. и доп. – Минск : Харвест, 2015. – 414 с.

522. *Чантурия, Ю. В.* Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI – первой половины XIX в.: Средневековое наследие. Ренессанс, барокко, классицизм / Ю. В. Чантурия. – Минск : Беларус. наука, 2005. – 375 с.

523. *Чарнатаў, В. М.* Архітэктура тэатраў / В. М. Чарнатаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1973. – № 1. – С. 28–31.

524. *Чарняўская, Т. І.* Архітэктура Віцебска: 3 гісторыі планіроўкі і забудовы горада / Т. І. Чарняўская ; рэд. доктар архітэктуры У. А. Чантурыя. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 112 с.

525. *Чарняўская Т. І.* Архітэктура Магілёва: 3 гісторыі планіроўкі і забудовы горада / Т. І. Чарняўская ; рэд. доктар архітэктуры, праф. У. А. Чантурыя. – Мінск : Навука і тэхніка, 1973. – 95 с.

526. *Чарняўскі, М. М.* Археалагічныя помнікі Міншчыны / М. М. Чарняўскі. – Мінск : Полымя, 1988. – 24 с.

527. *Чепайтене, Р.* Культурное наследие в глобальном мире / Р. Чепайтене ; пер. с лит. М. Завьяловой. – Вильнюс : ЕГУ, Ин-т истории Литвы, 2010. – 296 с.

528. *Чепко, В. В.* Города Белоруссии в первой половине XIX в.: экономическое развитие / В. В. Чепко. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1981. – 142 с.

529. *Чернатов, В. М.* Абрам Духан / В. М. Чернатов, В. Н. Аладов. – Минск : Технопринт, 2002. – 86 с.

530. *Чернатов, В. М.* Архитектор Марк Лившиц: творчество в зеркале эпохи / В. М. Чернатов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2016. – №1 (25). – С.104–111.

531. *Чернатов, В. М.* Георгий Заборский / В. М. Чернатов. – Минск : Полымя, 1998. – 176 с. – (Материалы каменной летописи).

532. *Чернявская, Т. И.* Памятники архитектуры Минска XVII – начала XX в. / Т. И. Чернявская, Е. Ю. Петросова. – Минск : Наука и техника, 1984. – 152 с.

533. Чертежи, планы, черновики кн. Богуслава Радзивилла // НИАБ. – Ф. 694. Оп. 1. Д. 287.

534. *Чирский, Н. А.* Минск : путеводитель / Н. А. Чирский, Е. Н. Чирский. – Минск : Выш. шк., 2005. – 96 с.

535. *Чупрак, К. А.* Лингвокультурологический анализ названий улиц Гамбурга, Берлина и Вены / К. А. Чупрак // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 49. – С. 246–250.

536. *Чырскі, М. А.* Максім Багдановіч у Мінску = Максим Богданович в Минске / М. А. Чырскі ; [фота В. І. Ждановіча]. – Мінск : Полымя, 1986. – 31, с. : іл., партр., факсім.

537. *Шарпило, В. В.* Минск. Музеи и мемориальные комплексы = Minsk. Museums and Memorial Complexes = Minsk. Museen und Gedenkstätten : путеводитель / В. В. Шарпило. – Минск : Полымя, 1984. – 80 с.

538. *Шаціла, В. В.* Рэвалюцыйная барацьба ў Мінску ў гады першай рускай рэвалюцыі (1905–1907 гг.) / В. В. Шаціла. – Мінск, 1956.

539. *Шейкин, Г. Н.* Минск церковный [Электронный ресурс] / Г. Н. Шейкин // Минский Свято-Духов кафедральный собор : сайт. – Режим доступа: <http://sabor.by/minsk-tserkovnyj/>. – Дата доступа: 13.11.2015.

540. *Шибeko, З. В.* Минск в конце XIX – начале XX в. : Очерк социально-экономического развития. – Минск : Наука и техника, 1985. – 135 с.

541. *Шибeko, З. В.* Минск: страницы жизни дореволюционного города / З. В. Шибeko, С. Ф. Шибeko. – Минск : Полымя, 1990. – 341 с. : ил.

542. *Широканова, А.* Динамика пространственных и поселенческих характеристик города Минска / А. Широканова // Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку ; Й. Терборн (ред.) – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – С. 67–99.

543. *Шлейермахер, Ф.* Герменевтика / Ф. Шлейермахер ; пер. с нем. А. Л. Вольского ; науч. ред. Н. О. Гучинская. – СПб. : Европейский дом, 2004. – 242 с.

544. *Шмидт, Н. В.* «Городской текст» в поэзии русского модернизма : авто-реф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. В. Шмидт ; РУДН. – М., 2007. – 17 с.

545. *Шпенглер, О.* Душа города / О. Шпенглер // Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / пер. с нем. и прим. И. И. Маханькова. – М., 1998. – Т. 2. – С. 88–113.

546. *Шпет, Г. Г.* Герменевтика и ее проблемы / Г. Г. Шпет // Мысль и слово. Избранные труды / Г. Г. Шпет ; отв. ред. и сост. Т. Г. Щедрина. – М., 2005. – С. 248–419.

547. *Шпет, Г. Г.* Эстетические фрагменты / Г. Г. Шпет // Сочинения / Г. Г. Шпет. – М., 1989. – С. 345–472.

548. *Шпилевский, П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Ст. 4: Минск белорусский / П. М. Шпилевский // Современник. – 1854. – Т. XLVIII. Отд. II. – С. 1–32.

549. *Шпилевский, П. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – Минск : Беларусь, 2004. – 251 с.

550. *Штыхаў, Г. В.* Узнікненне Лагойска : гісторыка-археалагічны нарыс / Г. В. Штыхаў. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – 104 с.

551. *Штыхов, Г. В.* Древний Полоцк: IX–XIII вв. – Минск : Наука и техника, 1975. – 136 с.

552. *Штыхов, Г. В.* Капище на берегу Свислочи / Г. В. Штыхов // История Минска / под ред. В. А. Бабкова. – М., 2006. – С. 71–73.

553. *Шыбека, З.* Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет : курс лекцый / З. Шыбека. – Вільня : ЕГУ, 2009. – 372 с.

554. *Шыбека, З. В.* Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў) / З. В. Шыбека. – Мінск : Цэнтр еўрапейскага супрацоўніцтва «ЭўроФорум», 1997. – 319 с.

555. *Шыбека, З. В.* Мінскъ сто гадоў таму / З. В. Шыбека. – Мінск : Беларусь, 2007. – 304 с.

556. *Шыбека, З. В.* Роля сталіцы / З. Шыбека // Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет : курс лекцый / З. В. Шыбека. – Вільня : ЕГУ, 2009. – С. 176–203.

557. *Шыдлоўскі, К. С.* Архітэктурная спадчына Браслаўшчыны : гіст.-архіт. нарыс / К. С. Шыдлоўскі. – Мінск : Полымя, 1996. – 156 с.

558. *Шюц, А.* Размышления о проблеме релевантности / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М., 2004. – С. 235–400.

559. *Щербинина, Н. Г.* Образ города как символический конструкт / Н. Г. Щербинина // Вестн. Томского гос. ун-та. – 2011. – №3 (15). – С. 41–45.

560. *Экман, М.* Воспоминания пространства [Электронный ресурс] / М. Экман // Гефтер. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/9540>. – Дата доступа: 10.12.2014.

561. *Эко, У.* От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. Публичная лекция на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 г. / пер. с ит. Е. Костюкович // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 5–14.

562. *Эко, У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; пер. с ит. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб. : Symposium, 2006. – 540 с.

563. *Эко, У.* Роль читателя: исследования по семиотике текста / пер. с англ. и ит. С. Д. Серебряного. – СПб. : Symposium, 2005. – 502 с.

564. Экскурсия: архитектор Заборский о Минске, который спроектировал его дедушка [Электронный ресурс] // CityDog.by: журнал о Минске. – Режим доступа: <http://citydog.by/post/ehkskursiya-zaborskij/>. – Дата доступа: 10.09.2014.

565. *Эткинд, А.* Новый историзм, русская версия [Электронный ресурс] / А. Эткинд // Новое литературное обозрение. – № 47. – 2001. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html>. – Дата доступа: 23.10.2014.

566. *Эткинд, А.* «Одно время я колебался, не антихрист ли я»: субъективность, автобиография и горячая память революции [Электронный ресурс] / А. Эткинд // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 73. – Режим доступа: magazines.russ.ru/nlo/2005/73/etk2-pr.html. – Дата доступа: 23.10.2014.

567. *Юберман, Ж.* То, что мы видим, то, что смотрит на нас / Ж. Юберман. – СПб. : Наука, 2001 – 263 с.

568. *Юрэвіч, Л.* Пантэон Беларусі. Антон Адамовіч [Электронный ресурс] / Л. Юрэвіч. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2013/12/19/ic_articles_116_183994/. – Дата доступа: 14.01.2016.

569. *Якутовский, Г. П.* Минск : лучший город планеты, священная столица славян : мистический, исторический, новаторский, славянский, культурный / Г. Якутовский. – Минск : Энциклопедикс, 2013. – 48 с. : ил., портр., карта.

570. *Янковская, Ю. С.* Семиотические механизмы архитектуры / Ю. С. Янковская // Изв. УРГУ. Сер.: Проблемы образования, науки и культуры. – 2004. – Вып. 16, № 32. – С. 81–88.

571. *Assmann, A.* Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses / A. Assmann. – München : Beck, 1999. – 420 S.

572. *Assmann, J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen / J. Assmann. – Munich : Verlag C. H. Beck, 1992. – 368 S.

573. *Assmann, J.* Moses der Ägypter. Entzifferung einer Gedächtnisspur / J. Assmann. – München : 1998. – 352 S.

574. *Bachelard, G.* La poétique de l' espace / G. Bachelard. – Paris, 1957. – 215 p.

575. *Balinski, M.* Starozytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym / M. Balinski, T. Lipinski. – Warszawa, 1846. – T. 3.

576. *Barthes, R.* Elements de semiologie / R. Barthes // Communications. –1964. – № 4. – P. 91–135.

577. *Bell, G.* Total Recall: How the E-Memory Revolution Will Change Everything / G. Bell, J. Gemmell. – Boston, Mass. : Dutton Adult, 2009. – 304 p.

578. *Bemporad, Elissa.* The Red Star on the Jewish Street: The Reshaping of Jewish Life in Soviet Minsk, 1919–1939 / Elissa Bemporad. – Stanford University, 2006. – 586 p.

579. *Bohn, T.* Minsk – Musterstadt des Sozialismus: Stadtplanung und Urbanisierung in der Sowjetunion nach 1945 / T. Bohn. – Köln : Böhlau Verlag, 2008. – 400 S.

580. *Breitborde, L. B.* Urban Anthropology in the 1990s: Whither the City? An Introduction / L. B. Breitborde // *City & Society*. – 1994. – No. 7(1). – P. 3–10.

581. *Certeau, M. de.* The Practice of Everyday Life / M. de Certeau. – Berkeley : University of California Press, 1984. – 256 p.

582. Cultural Memory : Conference Proceedings : 2 Vol. / First International CCCS Conference (Skopje, 5–7 September 2013) = Культурная память : доклады конференции. Т. 2 / Конференция (Скопье, 5–7 септ. 2013 г.) = Културна меморија : Зборник на трудови. Т. 2 / Прва меѓународна годишна конференција на ЦККС (Скопје, 5–7 септ. 2013). – Skopje, 2014–2015. – Vol. 1. – 209 p.; Vol. 2. – 302 p.

583. Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / eds. A. Erll, A. Nunning. – Berlin ; New York : De Gruyter, 2008. – 441 p.

584. *Etkind, A.* Hard and Soft in Cultural Memory: Political Mourning in Russia and Germany / A. Etkind // *Grey Room* (MIT Press), Special Issue: Memory/History/ Democracy. – 2004. – V. 16 (Summer). – P. 36–59.

585. *Etkind, A.* Internal Colonization: Russia's Imperial Experience / A. Etkind. – Cambridge : Polity Press, 2011. – 289 p.

586. *Foucault, M.* Des espaces autres (1967), Hétérotopies / M. Foucault // *Architecture, Mouvement, Continuité*. – 1984. – Vol. 5. – P. 46–49.

587. *Foucault, Michel.* Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews / M. Foucault. – New York : Cornell University Press, 1977. – 240 p.

588. *Frisby, D.* The metropolis as text. Otto Wagner and Vienna's "Second Renaissance" / D. Frisby // *The Hieroglyphics of Space. Reading and Experiencing the Modern Metropolis* / ed. by Neil Leach. – London, 2002. – P. 15–30.

589. *Gedachtnis und Erinnerung: Ein interdisziplinäres Handbuch* / Hrsg. C. Gudehus, A. Eichenberg, H. Welzer. – Stuttgart ; Weimar : J. B. Metzler, 2010.

590. *Guagnini, A.* Sarmatiae Europae descriptio: quae regnum Poloniae, Lituaniae, Samogitiae, Russiae, Massoviae, Prussiae, Pomeraniae, Livoniae, et Moschoviae, Tatariaeque partem complectitur / Alexandri

Gvagnini Veronensis. – Spira : Apud Bernardum Albinum, 1581. – [6], 113, [7] f., il.

591. *Halbwachs, M.* La Mémoire Collective / M. Halbwachs. – Paris : Les Presses Universitaires de France, 1967. – 204 p.

592. *Halbwachs, M.* Les Cadres Sociaux de la Mémoire / M. Halbwachs. – Paris : Presses Universitaires de France, 1925. – 211 p.

593. *Halliday, M. A. K.* Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning / M. A. K. Halliday. – Baltimore : University Park Press, 1978. – 256 p.

594. *Hansen, Th. B.* Urban Charisma: On Everyday Mythologies in the City / Th. B. Hansen, O. Verkaaik // *Critique of Anthropology*. – 2009. – No. 29(1). – P. 5–26.

595. *Hartog, F.* Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps / François Hartog. – Paris : Le Seuil, 2003. – 258 p.

596. *Jelski, A.* Minsk / A. Jelski, A. Chmara // *Słownik Krolewstwa Polskiego*. – Warszawa. – T. 6.

597. *Klinaŭ, A.* Minsk – Sonnenstadt der Träume / A. Klinau. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2006. – 175 s.

598. *Klinau, A.* The sun city of dreams [Electronic resource] / A. Klinau // *Kultūros braai*. – 2006. – № 6. – Mode of access: <http://www.eurozine.com/articles/2006-08-02-klinau-be.html>. – Date of access: 20.08.2014.

599. *Kowalewska, Z.* Obrazki mińskie 1850–1863 rr. / Z. Kowalewska. – Wilno : nakł. Księgarni Józefa Zawadzkiego, 1912. – 128 s.

600. *Kristeva, J.* Desire in language: a semiotic approach to literature and art / J. Kristeva. – New York : Columbia Univ. Press, 1980. – 305 p.

601. *Lehan, R.* The City in Literature: An Intellectual and Cultural History / R. Lehan. – Berkeley : University of California Press, 1998. – 330 p.

602. *Les Lieux de Mémoire* : 3 vol. / ed. Pierre Nora. – Paris : Edition Gallimard, 1984–1992.

603. *Lévi-Strauss, C.* Anthropologie structurale / C. Lévi-Strauss. – Paris : Plon, 1958. – 454 p.

604. *Low, S.* The Anthropology of Cities: Imagining and Theorizing the City / S. Low // *Annual Review of Anthropology*. – 1996. – №. 25. – P. 383–409.

605. *Lynch, O.* Urban Anthropology, Postmodernism and Perspectives / O. Lynch // *City & Society*. – 1994. – №. 7(1). – P. 35–52.

606. *Mayer-Schönberger, V.* Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age / V. Mayer-Schönberger. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2009. – 256 p.

607. Memory and Political Change / eds. A. Assmann, L. Shortt. Basingstoke. – New York : Palgrave Macmillan, 2012. – XVIII, 223 p. – (Palgrave Macmillan Memory Studies).

608. Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories / eds. A. Assmann, S. Conrad. – Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 2010. – XIV, 252 p. – (Palgrave Macmillan Memory Studies).

609. Memory in Mind and in Culture / eds. P. Boyer, J. Wertsch. – New York : Cambridge University Press, 2009. – 323 p.

610. *Mumford, L.* The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects / L. Mumford. – New York : Harcourt, Brace and World, 1961. – 657 p.

611. *Mumford, L.* The Culture of Cities / L. Mumford. – San Diego ; New York ; London : A Harvest/HBJ Book Harcourt Brace Jovanovich, Publishers, 1970. – 586 c.

612. *Mumford, L.* What is a City / L. Mumford // The City Cultures Reader / Richard T. LeGates and Frederic Stout, eds. – Fifth Edition. – London ; New York, 2011. – P. 92–96.

613. *Nora, P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire / P. Nora // Representations. – № 26. – 1989. – P. 7–24.

614. Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy, wojewody mińskiego (1666–1721) / wyd. z oryg. rękopismu i opatrzone przypiskami przez J. Bartoszewicza. – Warszawa : J. Zawisza, 1862. – [6], LXXIII, 438, [2] s., [2] k. tabl.: il.

615. *Picarda, Guy.* Minsk. A Historical Guide of Short Administrative, Professional and Commercial Direktory / Guy Picarda. – Minsk ; London : Technaiohija, 1994. – 250 p.

616. *Pinkerton, R.* Russia, or Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants: Compiled from notes made on the spot, during travels, at different times, in the service of the Bible Society, and a residence of many years in that country / R. Pinkerton. – London, 1833.

617. *Pomian, K.* Collectors and Curiosities. Paris and Venice, 1500–1800 / K. Pomian. – Cambridge, U.K. : Polity Press ; Cambridge, Mass., USA : Basil Blackwell, 1990. – 348 p.

618. *Pomian, K.* De oorsprong van het museum. Over het verzamelen / K. Pomian. – Heerlen : De Voorstad, 1990. – 101 p.
619. Rok 1863 na Minszczyźnie = 1863 год на Мөншчыне / Inst. kultury Bialo-rus., wydział polski. – Minsk, 1927. – 216 s.
620. Rzymsko-katolicki cmentarz Kalwaryjski w Minsku na Białorusi / Osrodek ochrony zabytkowego krajobrazu. Nar. Inst. Kultury ; Oprac.: T. Czerniawska, A. Jaroszewicz ; red. nauk.: R. Brykowski. – Warszawa, 1996. – 482 s. – (Cmentarze na dawnych Kresach Wschodnich Rzeczypospolitej ; T.1).
621. *Sanjek, R.* Urban Anthropology in the 1980s: A World View / R. Sanjek // Annual Review of Anthropology. – 1990. – № 29. – P. 151–186.
622. *Schorske, C. E.* The Idea of the City in European Thought : Voltaire to Spengler / C. E. Schorske // Thinking with History : Explorations in the Passage to Modernism / C. E. Schorske. – Princeton, 1998. – P. 37–55.
623. *Simmel, G.* Zur Philosophie der Kunst. Philosophische und kunstphilosophische Aufsätze / G. Simmel. – Potsdam : Gustav Kiepenheuer Verlag, 1922. – 173 S.
624. *Titarenko, L.* The phenomenon of Minsk: the city space and the cultural narrative / L. Titarenko, A. Shirokanova // Limes: Borderland Studies. – 2011. – Vol.4, № 1. – P. 21–35.
625. Trésors d'art religieux de Minsk : exposition, 1er juillet – 10 septembre 1995. – Gaillac : Musée des beaux-arts, 1995. – 56 p.
626. *Turoma, S.* Lotman's Petersburg, Simmel's Venice, and the «Eccentric City» Observed / S. Turoma // Varietas et Concordia. Essay in Honour of Pekka Pesonen. – Helsinki, 2007. – P. 210–219.
627. *Warburg, A.* Ausgewählte Schriften und Würdigungen / A. Warburg ; Hg. v. D. Wuttke. – Baden-Baden : Valentin Koerner, 1992. – 652 S.
628. *Warburg, A.* Notizen zur Einleitung zu Mnemosyne // Der Bilderatlas Mnemosyne / A. Warburg ; Hrsg. von M. Warnke und C. Brink. – Berlin, 2000.
629. *Weber, Samuel.* «Street, Squares, Theaters»: A City on the Move – Walter Benjamin's Paris / Samuel Weber // Boundary. – 2003. – Vol. 30, № 1. – P. 16–30.
630. *Whitehead, A.* Memory / A. Whitehead. – London ; New York : Routledge, 2009. – 184 p.
631. *Wirth, L.* Urbanism as a way of life / L. Wirth // Amer. J. of sociology. – Chicago, 1938. – Vol. 44, № 1. – P. 1–24.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

---

632. World Architecture 1900–2000: a Critical Mosaic. – Wien ; New York : Springer, 2000. – Vol. 7 : Russia-USSR-CIS.

633. *Yates, F. A.* The Art of Memory / F. A. Yates. – London : Routledge and Kegan Paul, 1966. – 400 p.

634. *Zienkiewicz, Tadeusz.* Polskie życie literackie w Mińsku w XIX i na początku XX wieku (do roku 1921) / Tadeusz Zienkiewicz. – Olsztyn : Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1997. – 235 p.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА

Статьи в научных рецензируемых журналах

1. Сакалова, В. М. Экскурсія як сродак інкультурацыі студэнтаў / В. М. Сакалова, А. І. Смолік // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2013. – № 1 (19). – С. 79–83.
2. Соколова, О. М. Семиотическое пространство Минска: символика города / О. М. Соколова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2014. – № 2 (22). – С. 11–25.
3. Соколова О. М. Город как текст культуры: структурно-семиотический подход / О. М. Соколова // Искусство и культура. – 2015. – № 4 (20). – С. 60–68.
4. Соколова О. М. Культуроним Минска в произведениях художественной культуры Новейшего времени / О. М. Соколова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2016. – № 1 (25). – С. 42–59.
5. Соколова, О. М. Семиотика Минска в контексте культурной истории большого города Вяч. Вс. Иванова / О. М. Соколова // Весці БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2016. – № 2. – С. 132–141.
6. Сакалова, В. М. Мінскі тэкст: вопыт слоўнікавага апісання («Беларуская хатка») / В. М. Сакалова // Роднае слова. – 2016. – № 12. – С. 31–36.
7. Соколова, О. М. Теоретико-методологические подходы к изучению города как объекту культурологического исследования / О. М. Соколова // Искусство и культура. – 2017. – № 1 (25). – С. 73–79.

Монографические сборники

8. *Сакалова, В. М.* Палац як сяміятчыны кампанент магнацкай культуры : (на прыкладзе маёнткаў Тышкевічаў) / В. М. Сакалова // Рэпрэзентацыя і музеефікацыя творчай спадчыны Тышкевічаў у Беларусі і Літве : Пятыя міжнар. Тышкевіцкія чытанні, Мінск, Крэцінга, 14–15 мая 2014 г. : манаграфічны зб. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, Kretingos muzejus grafu Tiskeviciu dvare. – Мінск, 2014. – С. 57–72.

Статті в наукових збірниках

9. *Соколова, О. М.* Культура коммеморации: проблемы сохранения и интерпретации культурной памяти / О. М. Соколова // Культура. Наука. Творчество : VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 мая 2013 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств [и др.] ; науч. ред. В. Р. Языкович. – Минск, 2013. – С. 548–552.

10. *Соколова, О. М.* Интеллектуальная биография в культурном пространстве общей памяти / О. М. Соколова // Cultural Memory : Conference Proceedings. V. 2 / First International CCCS Conference (Skopje, 5–7 September 2013) = Культурная память : доклады конференции. Т. 2 / Конференция (Скопье, 5–7 сентября 2013 г.) = Культурна меморија : Зборник на трудови. Т. 2 / Прва меѓународна годишна конференција на ЦККС (Скопје, 5–7 септември 2013). – Skopje, 2015. – С. 147–154.

11. *Соколова, О. М.* Культурная память в пространстве Минска: городские символы в современных художественных практиках / О. М. Соколова // Інтэрпрэтацыя сімвалаў у нацыянальнай культуры : XXXIX навук. канф. студ., магістр. і аспір. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў (26 сак. 2014 г.) : зб. навук. арт. / М-ва культуры Респ. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдакц. В. Р. Языковіч (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2015. – С. 170–180.

12. *Сакалова, В. М.* Чытаючы горад: вядомыя жанчыны ў гісторыі Мінска / В. М. Сакалова // Культура. Наука. Творчество : X Междунар.

науч.-практ. конф., Минск, 12 мая 2016 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств [и др.] ; науч. ред. В. Р. Языкович. – Минск, 2016. – С. 108–112.

Материалы научных конференций

13. Соколова, О. М. Культурная память в современных культурологических исследованиях / О. М. Соколова // Матэрыялы XX Міжнар. Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытанняў, прысвеч. Дням славянскага пісьменства і культуры, Мінск, 20–23 мая 2014 г. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал.: В. Р. Языковіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 240–246.

14. Соколова, О. М. Мінский текст: к определению понятия / О. М. Соколова // Асоба ў кантэксце сучасных сацыякультурных працэсаў : матэрыялы I Міжнар. навук. канф. памяці Я. Д. Грыгаровіч / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал.: В. Р. Языковіч (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2015. – С. 157–162.

15. Сакалова, В. М. Памяць аб выбітных дзеячах як элемент нацыянальнай ідэі / В. М. Сакалова // Навуковы пошук у сферы культуры і мастацтва: традыцыі і сучаснасць : матэрыялы навук. канф., Мінск, 28 лістап. 2014 г. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал.: Ю. П. Бондар (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2016. – С. 214–219.

Тезисы

16. Соколова, О. М. Интеллектуальная биография в культурном пространстве общей памяти / О. М. Соколова // Тезисы Первой Междунар. конф. «Культурная память», Скопье, 5–7 сент. 2013 г. / Центр культуры и культурологических исследований. – Скопье, 2013. – С. 98.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абашев В. В. 7, 11, 59
 Абрасимов П. А. 49
 Августин 16
 Авербух И. Я. 81
 Агеева Л. 66
 Адамович Антон 183
 Адашкевич С. 176
 Адащик Ф. И. 46
 Адорно Т. 19, 20
 Адударов Н. Е. 152
 Азгур З. И. 99, 141, 174, 176, 205
 Акройд П. 31, 67
 Аксельрод М. 189, 193
 Акудович В. В. 62, 63, 127, 142
 Аладовы 112
 Александр I 107
 Александр II 91
 Александр Ягеллончик 122
 Алексеев Л. В. 47
 Алексеевский М. Д. 42, 59
 Алферов Ж. 11
 Альтман Н. 189
 Альхимович С. 194
 Альшевский В. 182, 197, 204
 Аникейчик А. 175, 176
 Аникин В. 51
 Анисенко В. 183
 антиномичность 10, 202
 Антипов П. 71, 182
 Антоненко А. К. 109
 Анциферов Н. П. 7, 8, 32, 34, 42, 59

- Аристотель 16, 30, 31
 Армитстед Дж. 142
 Арнаутова Ю. А. 17, 59
 Артимович А. 173, 176
 Артог Ф. 197
 Артюхин А. М. 160
 архетип 12, 32, 68, 73, 82
 – пространственно-средовой 144
 архитектурно-пространственная городская среда 12, 130–133, 143–166
 архитектурный знак 41
 Ассман А. 22, 23, 29, 59, 167
 Ассман Я. 15, 16, 21, 23–25, 29, 59, 167
 Ауэзов М. О. 103, 114
 Афанасий Брестский 161
 Ахиезер А. 31, 32
 Ахманьский Е. 83
 Ахметова М. В. 42
 Ахремчик И. 187
- Багласов С.** 50, 136, 177
 Баданов Г. 153
 Балинский М. 45–47, 60
 Балочкайте Р. 96
 Барановский Ф. М. 191
 Барсов Н. П. 72
 Барсуков Д. 199
 Барт Р. 7, 38, 41, 55, 59, 72
 Барц М. 174
 Басалыга М. 182
 Басов В. 193
 Басов И. 193, 201, 204
 Бахаревиц А. 199, 200
 Бахтин М. М. 7
 Бачило А. 193, 195
 Башляр Г. 33
 Без-Корнилович М. О. 46
 Белл Г. 26
 Бембель А. 168
 Бемпорад Э. 52, 60, 135
 Бенуа Л. 169

- Беньямин В. 8, 16, 43, 59, 117
 Бёрджесс Э. 31, 32
 Бёрк Э. 16
 бинарность 10, 68, 98, 130, 133, 136, 142
 биосфера 40
 Биске Кароль 185
 Блакер У. 30
 Блок М. 57
 Бобкова О. В. 53, 60, 64
 Бобраков-Тимошкин А. Е. 7, 59
 Бобровский П. О. 46
 Богданович Максим 84, 96, 156, 162, 176, 186
 Богомолов Г. 177
 Богушевич Ф. 112
 Бодрийяр Ж. 41
 Бойков Я. 145
 Боливар С. 103, 110, 114
 Бон Томас 52, 60, 118, 120
 Бондаренко В. 60, 95, 96
 Бондарь В. В. 44
 Боровой Р. В. 51, 53, 60, 83, 152
 Бородулин Р. 64, 182, 201, 204
 Борхес Х. Л. 31
 Борщевский Я. 102, 113
 Бохан Д. Д. 48, 60
 Боярский В. 185
 Брейтборд Л. 43
 Бржозовский Г. 193
 Бригадин П. И. 52
 Бровка Петрусь 96, 192, 193
 Бубновский Д. 178
 Будаев В. А. 165
 Будный Симон 110, 176
 Буйницкий И. 78, 101, 112, 113
 Булгаков М. А. 181
 Быков Василь 305
 Бялыницкий-Бируля В. 152

- В**айкуль А. А. 50
 Вайль П. 34

- Вакар С. 176
 Валентина Минская 161
 Ван Гог Винсент 200
 Ванькович Анна 78
 Ванькович Валентий 78, 101, 113, 150, 151, 176
 Ванькович Эдвард 184
 Ванькович Ян Эдвард 151
 Ваньковичи 48, 112, 138, 150, 151
 Вараксин В. Н. 147, 152
 Вараксин Н. В. 46
 Варбург А. 15–17
 Васильев А. Г. 15, 16, 20, 25, 27, 59
 Васильев Л. С. 160
 Вахштайн В. 8, 9
 Введенский К. 146, 164
 Вебер М. 31, 32
 Вейсенгоф Г. 151
 Вертинский А. 194
 Визгалов Д. В. 44
 Викторов Р. 195
 Виноградов М. 165
 Вирт Л. 31, 32
 Витка Василь 102, 194
 Витковский Г. 193
 Власов А. 124
 внекультурные смыслы 21
 Водолажская Т. 43
 возрождение посредством культуры 137–142, 180
 Воинов А. А. 47
 Воинов А. П. 47, 49, 59, 104, 147
 Войнилович Эдвард 52, 78, 147, 151
 Войницкий П. 103, 109, 139, 167, 176
 Волков А. В. 191, 193
 Волков В. В. 191, 193
 Волович М. Г. 147
 Володин М. Я. 10, 53, 60, 135, 197, 198, 201, 204
 Воложинский В. 53, 60, 84
 Вольский Л. А. 62, 199
 Воронов Н. 193
 ворота города 134, 171, 183

- воспоминание 17, 18, 23–25, 42, 48, 50, 74, 120, 124, 136, 149, 186, 191, 200, 201
- биографическое 201
  - культурное 24, 25
  - обосновывающее 24, 201
- Всеслав Брячиславич (Чародей) 67, 69, 71, 76, 182
- Вуглик И. 69
- Вулф В. 31
- Выготский Л. С. 19
- Высоцкий М. С. 110
- Вяземский П. А. 126
- Г**
- Гавриленко П. Н. 190
- Гаврилина Л. М. 59
- Гадамер Х.-Г. 7, 33, 34, 55, 59
- Гай Г. 152, 157, 164
- Гайдукевич С. 152, 164
- Гало З. З. 106
- Галушина Н. С. 33
- Ганум А. 199
- Гарун Алесь 112
- Гастелло Н. Ф. 103
- Гаусман М. 48
- Гваньини А. 61
- Гваттари Ф. 41
- Гегарт Р. 171
- Гедройц Ежи 99, 101, 112
- Гельфанд Л. 81
- Гембицкий И. Р. 191, 192
- Геммелл Дж. 26
- гений места **34** (П. Вайль)
- Герус С. П. 192
- гетерогенность 8, 10, 33, 38, **114**, 118
- Гиляров Н. 104
- гипертекст 202
- Глеб Менский 70, 83, 155, 182
- Глебка П. 96
- Глебов А. 168, 172
- Говоровский К. А. 46
- Голубев Игорь 176, 177

- Голубев Иосиф 99, 187
 Гольдин П. З. 45, 59
 Гольдман Л. 7
 Гольдштейн Э. 171, 175
 гора 73, 76, 82–84, 126–128
 Горанская Т. Г. 44
 Горватт Л. 149
 Горватт О. 149
 Гордеев Ю. Ю. 45, 59
 город 7, 11–13, 30, 31 (*М. Вебер*), 32 (*О. Шпенглер, Л. Мамфорд, К. Шорске*),
 33, 34 (*П. Рикёр*), 38 (*Ю. М. Лотман*), 41 (*У. Эко*), 42 (*Н. П. Анциферов*), 44, 46, 47,
 50, 54, 57, 76, 142, 143
 – концентрический 38, 126
 – эксцентрический 38
 Город Солнца 31, 53, 115–117, 173, 197, 199, 201, 204
 городское пространство 8, 12, 32, **34**, 38, 40, 41, 43, 44, 56, 60, 61, 73, 87,
 98, 103, 104, 108, 111, 112, 114, 115, 117, 135–137, 140, 143, 166, 167, 169, 175, 177,
 180, 198, 202, 204
 «горячий адрес» 54
 Гофмансталь Гуго фон 16
 Гошкевич И. 99, 110, 112, 113, 205
 Градов Ю. 178
 грамматика городского пространства 8
 Граховский С. 194
 Гревс И. М. 32, 166
 Грекова Н. 102, 114
 Гродников М. 165
 Гросс Г. 31, 37
 Груша А. И. 51
 Гудин С. 199
 Гулин М. 179
 Гумилевский Л. 137, 175, 176
 Гумилевский С. 137, 176
 Гун Г. Е. 44
 Гурская Ю. А. 73
 Гусовский М. 96, 112, 176
 Гуссерль Э. 7, 38, 56
 Гюго В. 67

- Давиденко Л. 175
 Давидович И. А. 185, 191
 Давлеткулова Л. Н. 45
 Даль В. 100
 Дамель Ян 151
 Данелия Г. 195
 Данилевский В. Е. 72
 Даниленко В. 160
 Данциг М. 191, 193, 201, 204
 дворец 144–154
 Делёз Ж. 41
 Денисов В. Н. 50, 51, 60, 64, 83, 152
 Денисов Л. 152
 денотат 62
 Деррида Ж. 7, 41, 53
 Джойс Дж. 31
 Дзержинский Ф. Э. 88
 Диди-Юберман Ж. 56
 Дильтей В. 33, 55
 Довгялло Д. 48
 Довнар А. 161
 Довнар В. 161
 Довнар Л. И. 52
 Довнар-Запольский М. В. 46, 59
 Докутович Г. И. 109
 Доленга-Ходаковский З. 45, 59, 67, 71, 74
 дом 12, 13, 33, 144, 150, 169, 196, 201
 Донн Джон 170
 дорога 73, 84, 85
 Дорошевич В. 101
 Дорошевич М. В. 101
 Дос Пассос Дж. 31
 Достоевский Ф. М. 76
 Дранец А. 176
 Дроздов Н. В. 153
 Дроздович Язеп 84, 99, 110, 113, 134, 176, 182, 205
 Дружниц В. 48
 Друцкие-Горские 76, 79
 Дубовка В. 102, 113
 Дунин-Марцинкевич В. 10, 96, 113, 137, 145, 150, 151, 176, 205

дух города 34, 124, 139
 Духан А. 51, 153
 Духан И. Н. 52, 60
 Дучиц Н. В. 189, 190
 душа города 34 (Н. П. Анциферов), 54
 Дюркгейм Э. 19
 Дятко Н. М. 160, 169

Евсеев В. 168
 Евфросиния Полоцкая 112, 160, 161, 176
 Егоров Ю. А. 47, 48
 Екатерина I 146
 Ельские 101, 113
 Ельский А. 46, 48
 Ермак В. 101
 Ершов В. 132, 153, 172
 Етчик Е. 51

Жбанов В. 74, 177, 178
 Жданович Флориан 295, 299, 312
 Жебрак А. Р. 112
 Жердева А. М. 42
 Жибуль В. 53
 Жигимонт I Старый 83, 155
 Жигимонт III 77, 122
 Жилунович Д. Ф. (Тишка Гартный) 78
 Жинович И. И. 112
 Жолтовский И. 153
 Жуков В. 154
 Жучкевич В. А. 49, 59, 67, 69, 70, 72, 75, 78, 80

Забвение 17, 20, 22, 23, 26, 32
 Заборский Г. А. 136, 142
 Заборский Г. В. 51, 99, 108, 136, 167, 173
 Завадский В. 177
 Завиша К. С. 124, 156
 Завиша Ян 156
 Загорульский Э. М. 49, 50, 60, 69, 134, 155
 Зайковский Э. 67

- Зайцев Е. А. 187, 191
 Замятин Е. И. 31
 Занкович В. 168, 173, 175, 178
 Заскевич С. 183
 Заславский Е. Л. 132
 Заспицкий А. 172, 175, 176
 Заяц Ю. 50
 Зданович И. И. 176
 Зеленков В. 53
 Зельтен Н. А. 47
 Зенкевич Т. 51
 Зильбер Л. 175
 Зиммель Г. 8, 31, 34, 59, 117
 Зингер И. 135
 Зосимович И. 136
 Зубко Антоний 107
 Зукин Ш. 45
- И**
 Иванов Вяч. Вс. 38, 39, 56, 59, 63, 127, 129, 134, 135, 138, 182
 Иванова С. 67
 Ивашин В. 48
 Игнатовский В. 112
 идентичность
 – города 54, 142, 143, 199
 – государства 54
 – группы 24, 25
 – культурная 5, 18, 25
 – наднациональная 26
 – национальная 28, 63, 121, 143, 202
 – общества 18, 23
 – этнокультурная 29
 идея города 11, 13, 127
 Иконникова С. Н. 18
 Ильин В. Г. 44
 Ильф И. 90
 имя города 13, 38, 56, 61–73, 89, 199
 институты трансляции культурной памяти 25
 институциональная коммуникация 24, 137
 интертекстуальность 34
 Иньков М. 161

Иоанн Кормянский 161
 Иодки 82
 исключительность пространства 34
 искусство памяти 166
 историческая персонология 18
 история памяти 25
 Йейтс Ф. 166

Кабакчи В. В. 180
 Каган М. С. 33
 Каганец Карусь 110, 113, 205
 Каганов Г. З. 44, 59, 181
 Казакевич А. 53, 60, 96, 118
 Казаков Б. 176
 Казаков Ю. 176
 Каледа В. 50, 60
 Калиде Т. Э. 174
 Калиновский К. 96, 109, 110, 189
 Кало Фрида 200
 камень 64–66, 76
 Кампанелла Т. 9, 31, 115, 173
 Камю А. 31
 Капицын В. М. 54
 Карамзин Н. М. 67
 Каризна В. 194
 Карпович Т. А. 52, 60
 Карский Е. Ф. 84
 Касперович Н. И. 46, 59
 Катков С. П. 191
 Кафка Ф. 31
 Кацер М. С. 47, 76
 Качалкова Ю. А. 45
 Кашкуревич А. 192, 198
 Кжижановский К. 145
 Кикоин М. 10
 Кипель Е. 186
 Кирилл Туровский 109, 176
 Кириченко В. 52, 60
 Киркор А. 45, 48, 59, 88
 Кирхнер Э. 31

- Киселев Г. 51
 Кислов А. (Kislow) 183, 200
 Кищенко А. 173
 Клименко Е. Н. 45
 Клинов А. 9, 53, 60, 115–118, 196, 197, 199, 201, 204
 ключевые имена городской культуры 56, 58, 73, 74–114
 Князева Е. Н. 115
 Ковалев С. 199
 Ковалевская З. 48
 Cowek 200
 когерентность 6
 когнитивное моделирование 33
 код города 7, 133–136, 200
 код культуры 165, 180
 Козловский К. 146, 164
 Койдан 88
 Колас Якуб 10, 103, 162, 176
 коллективные рамки памяти 17
 коллективный городской субъект 14, 55
 Колчев Е. 178
 коммеморация 18, 28, 29, 60, 100, 106, 112, 126, 141, 162, 197, 204
 Конан Дойл А. 183
 Кондрусевич Т. 159
 конситуативность 6
 контрмонумент (контрпамятник) 169, 179
 контрпамять 21
 концепт 8, 10, 23, 44, 62, 73, 76
 Копиевич И. 110
 Корбут В. 53, 60
 Корженевский А. С. 191
 Корзон Т. 48
 Корзун И. 88, 142
 Корнеев З. 90, 93, 176, 177
 Корниенко Н. В. 7
 Коробейников Т. 62, 75
 Король В. 49, 153, 167
 Коростелев И. 160
 Короткевич В. Б. 47
 Короткевич В. С. 108, 162, 177, 184
 Короткевич Д. А. 108

- Коуп Б. 53, 60
 Кошман Л. В. 42
 Крамаренко В. 165, 168
 Крамер Ф. 131
 Крапива Кондрат 162
 Красноперко А. 191
 Красовский Е. 192
 Крашевский Ю. 45, 46, 59
 Криволап А. 53
 Кроль А. И. 191, 193
 Кругер Я. 10, 193
 Крылов А. 104
 Кудряшов А. 179
 Кулешов А. 96, 190
 Кульбак М. 188, 204
 Кульвановский В. П. 68, 193
 культура 21, 23, 26, 33, 38–42, 54, 56, 73, 137, 154, 166, 180, 203
 – города 13, 32, 43, 54, 63, 74, 76
 – памяти 20, 27, 98
 – помнящая 24
 культурная форма (формация) 10, 24
 культурное пространство 14, 38–40, 42, 44, 50, 114, 118, 138, 145, 148, 164, 175, 180, 200, 204, 205
 культурные смыслы 21, 23, 40, 72, 118, 133, 167, 202
 культурный городской ландшафт 44, 53, 56, 68, 73, 96, 98, 102, 114, 120, 121, 128, 136, 141, 154, 204
 культурный код 10, 38, 117, 118, 165, 166
 культурный контекст 11, 12, 34, 55, 73, 109, 154, 165, 201
 культурный потенциал места 11, 44, 166
 культуроним 49, **180** (В. В. Кабакчи), 181–201, 204
 Кунец Ян 81
 Купревич В. Ф. 110, 112
 Куприянов О. 177, 178
 Кураш Ян 81
 Курдюмов С. П. 115
 Курейчик А. 199
 Курков И. 52, 60
 Курлов П. Г. 185
 Кустов Ю. 81
 Куцко В. Б. 165

- Лавренова О. А. 44
 Лаврецкий Г. А. 160
 Ладкин О. 165
 Лакан Ж. 7
 Ланг Ф. 31
 Лангбард И. Г. 131, 153, 163, 174
 Ластовский А. 53, 60, 96, 120
 Лев XII 174
 Леванович К. 196
 Леви Д. 26
 Левин Л. 169, 170
 Левинас Э. 7
 Леви-Стросс К. 7, 38, 55, 59
 Левкиевская Е. Е. 7, 59
 Лейтман Л. 192
 Лекерт Ф. 103
 Леккерт Г. 103
 Ленин В. И. 109, 112, 120, 125, 173–175
 Леруа Э. 40
 Лёсик Язеп 299, 301, 309, 313
 Лехен Р. 32
 Лещинский Ю. М. 99
 Либерман Б. 48
 Лившиц М. 51, 171, 175
 Линник З. А. 120
 Линч К. 33, 42, 59
 Линч О. 43
 Липай И. Н. 52
 Лисицкий Эль 163
 Лихачев Д. С. 21, 42
 Лиходедов В. 52, 60
 Ловернь (Lauvergne) Б. 184
 Лозицкий Я. 45
 Локотко А. И. 44, 47, 51, 60
 Лосев А. Ф. 61, 73
 Лосик О. А. 114
 Лось Е. 194
 Лотман Ю. М. 6–8, 15, 21–23, 33, 38, 39, 42, 56, 59, 63, 117, 121, 126, 134, 167, 181
 Лоу С. 43

Лужанин М.	194
Лукашевич А. М.	52
Луначарский А. В.	96, 173
Лурия А. Р.	19
Лурье М. Л.	42, 43, 59
Луцкевич И.	94
Луцевич И. (Янка Купала)	10, 84, 94, 99, 103, 139, 162, 176, 185–187, 204
Лученок И.	193, 194
Льюис С.	27
Любанская Я.	149
Любанский Е.	79, 149, 150, 163
Люсый А. П.	7, 59
Лютый А. М.	46

Мавр Янка	96
Майер Л. Б.	11
Майер-Шенбергер В.	26
Майринк Г.	31
Макалович Н.	114
Малевич К.	163
Малинин М.	102
Малиновский М. М.	65
Мальдис А. И.	184
Мамоници	110
Мамфорд Л.	31, 32, 34, 42, 59
Манизер М. Г.	131, 174
Маркони В.	157
Мartiнович В.	117, 197, 201, 204
Martins Ramon	200
Марухин В.	176
Марухин Ю.	196
Маслеников П. В.	103, 114, 191
Мацкевич В.	43, 178
Мачульский Р.	114
Машеров П. М.	103, 112, 120, 197
Маяковский В.	10
мегалополис	32, 42
Медёлка П.	112
Медзько Е.	137
Меднис Н. Е.	7

- Мезенко А. М. 45, 59
 Мелега Л. 171
 Мележ И. 96, 191
 мемораты 289–291
 мемориальная парадигма 16, 23
 мемориальные исследования 15, 16, 20, 29
 Менеск 63–68, 76, 182, 201, 204
 ментальная карта города 33
 Мерло-Понти М. 7, 57
 место памяти (мнемоническое место) 9, 13, 18, 19, 21, 43, 53, 56, 57, 59,
 60, 65, 68, 78, 85, 98, 107, 109, 118, 136, 138, 139, 142, 146, 152, 159, 161, 162, 164,
 166, 174, 177, 179, 185, 196, 199, 200, 203, 204
 Мехов В. 183
 Милграмм С. 33
 Миндовг 88
 минский феномен 49, 52, 120
 Митин И. И. 72
 миф 7, 8, 40, 41, 56, 63, 66, 68, 72, 127, 133, 142, 195, 197, 202
 – пространственный 72, 118, 142, 149
 Михолап Н. П. 175
 Мицкевич А. 99, 102, 114, 176
 Монозон М. И. 187, 191–193
 Монюшко Станислав 10, 99, 137, 145, 149–151, 155, 176, 184, 205
 Монюшко Чеслав 149, 151, 184, 201, 204
 Мороз В. 52
 Моррис Ч. У. 38, 55
 морфологический состав города 129
 Моряков Л. В. 52, 60
 Москалевич Л. 176
 Москвин В. П. 6
 мост 73, 85–87
 Мстиславец П. 110
 Мулявин В. Г. 96, 99, 112
 Мунк Э. 31
 Муравьев М. Н. 184
 Mutus 200

- Н**аливаев А. 191
 Наполеон 70, 90, 100, 151, 183
 Нарбут Т. 45

Наркевич-Иодко Я. 10
 народная этимология 66, 71, 88
 нарратив 21, 34, 111, 126, 136, 171
 Науменко И. 102, 112, 113
 Наумчик А. 44, 200
 Некляев В. 94
 Некрасов Вс. 197
 Некрашевич С. 101, 113
 Неморшанский 82
 Немцевич Ю. 45, 59
 Непомнящий Б. 193
 Неслуховский И. (Янка Лучина) 110, 113, 205, 311, 312
 Никитина Ю. Л. 98
 Никифоровский Н. 46
 Николай I 131, 144
 Новоселов А. 44
 новый историзм 18
 ноосфера 40
 Нора П. 13, 15, 18, 19, 21, 27, 59

Образ

– города 10–12, 30, 31, 42–44, 57, 58, 67, 68, 72, 98, 120, 135, 136, 171, 181,
 193, 195, 196, 200–202, 204
 – исторический 23, 118
 – прошлого 17, 21, 118, 166
 образное поле 42, 115
 объективированные формы культурной памяти 26
 Оганов Д. 136
 Оганов С. 177
 Огинский А. 155
 Огинский М. К. 110, 149, 178, 205
 Орда Наполеон 100, 101, 145, 149
 Оруэлл Дж. 31
 Осмоловский М. 49
 Острожские 101, 113

Павлов М. 102, 114
 Павлов Ю. 169
 Паевский Л. С. 46

- Палладио Андреа 153
- памятник 9, 13, 16, 30, 50, 51, 57, 68, 96, 105, 123, 124, 136, 137, 139, 146, 152, 156, 158–161, 163, 164, 166, 167, 169, 170, 174–177, 179, 203, 204
- память
- актуализированная 30
  - архивная 22 (*А. Ассман*)
  - глобальная (космополитическая) 26
  - «горячая» 29
  - государства 25
  - «жуткая» 29
  - индивида 17, 19, 30, 111, 200
  - институциональная 26
  - информативная 22, 30
  - искусства 22
  - историческая 15, 19, 20, 22, 30, 42
  - кинематографическая 30
  - коллективная 15–17 (*М. Хальбвакс*), 18, 19, 21, 26, 30, 169
  - коммуникативная 24, 26
  - культуры 21, 42, 121
  - культурная 9, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22 (*Ю. М. Лотман*), 23 (*Я. Ассман*), 24–29, 30, 53, 54, 59, 62, 65, 68, 71, 72, 76, 83, 87, 88, 105, 112, 118, 121, 122, 133, 142, 149, 159, 167, 181, 200, 203, 204
  - – города 30, 41–44, 57, 59, 60, 84, 142, 166, 175
  - «мягкая» 29, 30
  - национальная 18, 26, 27, 204
  - общеевропейская 27
  - общесоветская 27, 204
  - постколониальная 27
  - социальная 15, 16, 17 (*А. Варбург*), 19, 21 (*А. В. Соколов*)
  - «твердая» 29, 30
  - творческая 22, 30
  - функциональная 22 (*А. Ассман*)
  - «холодная» 29
  - цифровая 20, 26, 30
- Пантелеев В. 176
- Панченко П. 177, 194
- парадигма памяти–забвения 23
- Парк Р. 31, 32
- Парусников М. 153, 173
- паттерны 143

- Пашкевич А. (Цетка) 84, 96
 перекодирование 12, 13
 Песецкий С. 187
 Петербургский Е. 139
 Петр I 145
 Петров Е. 90
 Петросова Е. 50
 Петруль М. 169
 Пешка Юзеф 183, 201, 204
 Пешкун В. 198
 Пикарда Гай 51
 Пикассо П. 172
 Пинкертон Р. 45
 Пирогов С. В. 33
 Пирс Ч. С. 7, 38, 55, 62
 Платон 16, 30, 62
 Платонов А. 10
 Плотин 16
 Погорелов Л. Н. 160, 161, 170
 Позняк З. 50, 60
 Позняков В. В. 39
 Покровский Ф. В. 46
 полиморфизм 10
 политика памяти 14, 29
 Полок Э. 170
 Польский С. 49
 Поляк М. 48
 Поляков Ю. 175, 177
 Полян А. 186
 помежье культур 10
 – цивилизационное 29, 204
 Помян К. 19
 Пономарев Г. 198
 Пономаренко П. К. 192
 Попов В. 172
 Портнов А. 27
 портрет города 5
 посткультура 21
 Потапов Л. С. 50, 130
 Пояздерский Т. 157

презентизм 197
 признаки текстуальности города 11
 Прийма Ф. Я. 67
 Прокопцов В. И. 50, 60, 173
 Прохоров А. 67, 176, 177
 Прохоров В. 194
 Прохорова Л. С. 7, 59
 Прушинские 79, 110, 113, 205
 Пташук М. 102, 113
 Пшездецкие 151

Радзивилл Доминик 151
 Радзивилл Магдалена 156
 Радзивиллы 80, 145, 151
 Разумова И. А. 44
 Рейман Е. Д. 102, 165
 река 12, 68, 70–79, 136
 Репина Л. П. 15, 16, 59
 Рикёр П. 7, 22, 31–34, 55, 59
 Римашевский И. В. 198, 204
 Рогов М. 152
 Рожков Е. 193
 Романенко В. 168
 Романов Е. Р. 46
 Романова О. 53
 Романович Е. С. 186
 Ромашкин Т. Т. 108
 Рубаненко Б. Р. 104, 134, 182
 Рункевич С. Г. 48
 Русак А. 194
 Русак С. (Izum) 185
 Русов П. А. 51, 80
 Рустем Ян 151
 Рутген Э. 26
 Рушиц Фердинанд 10, 78, 113

Сабатье Л. Ж.-Б. 184
 Саккоманно Г. 31
 сакральность места 13

- Самарина Н. Г. 44, 59
 Санжек Р. 43
 Санько С. 67
 Сапега Казимир Ян 146
 Сапега Лев 101, 113
 Сапунов А. П. 46
 Сарна А. Я. 52
 Сафон К. Р. 31
 Сацукевич Д. И. 86
 Сацукевич И. И. 45, 53, 59, 60, 82, 86, 88, 107
 Свенцицкий С. К. 147
 Святославский А. В. 21, 22, 44, 59
 Селиханов К. В. 65, 74
 Селиханов С. 168, 172
 семантика города 55, 138
 семантика имени 107
 семантика пространства 107–110, 180
 семантические константы 135
 семантическое поле 109
 Сементовский А. М. 46
 Семеняко Ю. 193, 194
 семиозис 39, 72, 121
 семиосфера 11, 39, 40, 44, 57, 68, 87, 98, 126, 133, 134, 143, 144, 147, 175, 176, 181, 203
 семиотический каркас 12
 семиотическое познание 38
 семиотическое (символическое) пространство 5, 6, 39, 40, 42, 53, 54, 57, 59, 70, 126, 133, 136, 142, 154, 175
 семиофоры 19 (*К. Помян*)
 Сенькина А. А. 42
 Сербов И. 48
 Сергачев С. А. 47
 Сергеев А. Н. 63
 Сергиевич П. 102, 113
 Серебряный В. Х. 103, 114
 Сивицкая Л. А. (Зоська Верас) 186
 силуэт Минска 50, 131, 163
 символ 8, 9, 12–14, 38, 40, 41, 54, 56, 58, 60, 64, 68, 70, 84, 99, 109, 116, 118, 120, 121–126, 131, 133, 136, 137, 142–144, 153, 154, 157, 164, 165, 166–180, 184, 186, 189, 200, 201, 203, 204

- символические объекты города 12
 символическая притягательность места 138
 Симонид Кеосский 166
 симулякры памяти 21
 Сичинава Д. 186
 Скаврончук (Скавронский) Самуил 146
 Скорина Ф. 96, 103, 109, 110, 114, 176
 Скрыган Янка 189, 190
 Слободчиков В. 176, 178
 Слука К. 199
 Слушка А. 155
 Смолич А. А. 46
 Смородский А. П. 48, 60, 69, 126
 Смуглевич Ф. 151
 смысловая модель 12
 Соболев В. 50
 Соколов А. В. 15, 21
 Соколов Б. Г. 134
 Соколов В. Ф. 191, 193
 Соколова М. В. 15, 20
 Сорокин А. 44, 200
 Сорокин А. П. 44
 Сорокина Л. М. 181
 Соссюр Ф. де 7
 София Слуцкая 157, 161
 София Менская 136
 Стадник В. А. 98
 Сталин И. В. 90, 94, 107, 156, 172, 192
 Станюта А. А. 194
 Станюта М. 189
 Станюта С. 297, 298
 Стапович К. (Казимир Свояк) 310
 Стащенко В. 184, 201, 204
 Стоцкий С. 198
 Стржеминский В. 11
 Струев В. 158, 165
 Струков Д. 185
 структура города 12, 56, 73, 129, 154
 субстрат 181
 Судиловская А. 160

- Сумарев В. 193, 196, 201, 204
 Сутин Хаим 10
 Сырокомля В. 45–47, 59, 60, 99, 110, 112, 113, 181, 204, 205
- Т**
 Танк Максим 97, 162, 194
 Тарасенко В. Р. 49, 60, 70–72, 155
 Тарасиков Н. Л. 190
 Тарасов С. В. 47
 Тарашкевич Б. 112
 Татаринов Ю. 47
 Татур Г. Х. 46, 48
 театральность города 117
 текст
 – города (городской) 5, 7, 8, 10, 11, 13, 33, 34, 38, 41, 54, 55, 56, 58, 59, 114, 118, 127, 128, 166, 201, 203
 – кинематографический 195, 196
 – культуры 6, 7, 8, 13, 26, 54, 56, 72, 98, 99, 135, 142, 181, 202, 203
 – локальный 42, 43
 – лондонский 7
 – минский 5, 10, 11, 13, 14, 43, 54–56, 58, 73, 136, 143, 181, 201, 203
 – московский 7
 – пермский 7
 – петербургский 7
 – пражский 7
 Телеш В. 50, 60
 Теравский В. 297, 300
 терм 61
 Тикоцкий Е. 96
 Титов А. К. 51
 Титоренко Л. 53, 60
 Тиханович Е. Н. 191
 Толаас С. 44
 Толстой П. А. 65, 75
 топонимия 10, 45, 52, 57, 67, 76, 77, 82, 88, 93, 95–97, 101, 111–113, 117, 187
 Топоров В. Н. 7, 8, 10, 38, 56, 59, 73, 75, 181, 201
 топос 11, 43, 61, 67, 96, 142–144
 топофилия 33
 травматическое событие (трагедия) 20, 40, 56, 74, 127, 128, 167
 Трацевский В. В. 47
 Третьяков Н. 194

Трубачев О. Н. 75
 Трусов О. А. 47
 Трухин А. С. 160
 Трушина Л. Е. 44, 59
 Турлай И. 53
 Туоров В. 102, 113
 Тухто А. 177, 178
 Тычина А. М. 190, 192
 Тышка Каленикович 155
 Тышкевич Е. П. 46, 59, 101, 112, 113
 Тышкевич К. П. 46, 101, 112, 113
 Тышкевич Леон 155
 Тышкевич Петр 155
 Тяпинский В. 176

У айтхед Э. 15
 уникальность места 73, 114, 134, 142, 203
 Уваров М. С. 10, 38, 56, 59, 67
 урбанизм 32
 урбаноним 40, 44, 45, 58, 78, 98, 110, 114
 Успенский Б. А. 21, 63
 устная история 50, 53, 76, 111, 132
 Ухтомский А. А. 201

Фабрициус Я. Ф. 108
 Февр Л. 57
 Федоров А. 117
 Федоров Г. 176
 Федоров И. 110
 Федоров Ф. И. 112
 Федорук А. Т. 149, 150
 Федька Комар 80
 Филипенко А. 74, 197
 Филиппович М. М. 182, 191, 193
 Финский А. 170, 176
 Фомин И. 165
 формы культурной памяти 13
 Франческа Пьеро делла 31, 37
 Фридрих Вильгельм III 174

Фрисби Д. 7
 Фрумкина Р. 103, 162
 Фуко М. 7, 21

Хайдеггер М. 7
 Хаксли О. 31
 Хальбвакс М. 15, 17–19, 23
 Хараберюш Е. 177
 Харевский С. 10, 53, 60, 124
 Хаттон П. 18, 59
 Helten Guido Van 200
 Хербергер Д. 35
 Хлус Лукаш 85
 Хмара А. 48
 Хмары 81, 82
 Хмелевская Г. 52
 Хмелевская Ю. Ю. 18, 59
 Холев С. Б. 79
 Хорьков П. 194
 храм 12, 13, 91, **128**, 129, 154–161
 хремотонимы 76
 хронотоп 201
 Хруцкий И. 102, 113
 Хубов Н. 124, 125
 Хуциев М. 195

Цанава Лаврентий 153
 Цвирка К. 181
 Цвирко В. К. 191
 Цеслер В. 198, 201, 204
 Цитович Г. 102, 113

Чавес Уго 111, 114
 Чантурия В. А. 47, 59
 Чантурия Ю. В. 47
 Чапская Мария 149
 Чапский Ежи 149
 Чапский Кароль 103, 104, 114, 142, 146–148, 162, 176, 200
 Чапский Эмерик 100, 148

- Чарот Михась 100
 Чаховский М. 164
 Чепайтене Р. 27
 Чепик М. 193
 Чепко В. В. 46
 Чернатов В. М. 50, 51
 Чернявская Т. И. 47, 50
 Чернявский Н. Н. 50, 194
 Чехович Ш. 151
 Чечот Я. 101
 Чикин В. 199
 Чкалов В. П. 108
 Чорный К. 162
 Чупрак К. А. 45
- Ш**абалин А. А. 165
 Шабловский Ф. 48
 Шамов В. П. 50, 51
 Шантыр Ф. 292, 294, 311, 313
 Шарков В. 198
 Шарпило В. В. 50
 Шатерник А. 168, 175
 Шатилло В. 48
 Шатило М. Ф. 109
 Шварцман Л. 198
 Шейкин Г. Н. 51, 155
 Шемеш А. 78, 113
 Шибеко З. В. 46, 50, 52, 59, 60, 118, 128
 Шидловский К. 47
 Ширма Г. Р. 112
 Широканова А. 53, 60
 Шлейермахер Ф. 7, 33, 34, 55, 59
 Шнайдер Н. 26
 Шомов А. 178
 Шорске К. 31, 32
 Шпенглер О. 31, 32, 34
 Шпет Г. Г. 38, 55, 59, 73
 Шпилевский П. М. 46, 48, 59, 60, 63, 65, 66, 88, 110, 112, 113, 146, 186,
 204, 205
 Шрётер В. 147

Штыхов Г. В. 47, 59, 69
Шюц А. 33

Щемелев Л. Д. 198

Эко У. 7, 38, 41, 56, 59, 179
Элиот Т. С. 31
Этингер Я. Я. 191
Эткинд А. 16, 18, 26, 27, 29, 59
этос 189

Юхневич И. 185

Явниш И. 152
Ягайло 82
Янг Дж. 179
Янковский М. Ф. 99
Ярополк Изяславич 155
Ярошевич Ю. 46
Ясинский А. Н. 71
Яхимович С. М. 186

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕПОЗИТОРІЙ БГУКИ

Минский текст: опыт словарного описания («Беларуская хатка»)

На примере рассмотрения основополагающего символа национальной идентичности, локально специфичного элемента городской культуры «Беларуская хатка» предлагается такая форма научного описания минского текста, как словарная статья. В качестве исследовательского применяется текстоцентрический метод, предполагающий в том числе изучение меморатов, текстов воспоминаний современников исторических событий.

Исследователи городского пространства, приверженцы рассмотрения города как текста, задаваясь вопросом презентации города, его уникальности, культурных традиций, выбирают такую форму научного описания, как словарь (М. Лурье, М. Алексеевский, А. Жердева, А. Сенькина). «В методологическом основании этих исследований лежит представление о том, что “образ места (города)”, или “локальный (городской) текст”... может быть описан в качестве... системы... стереотипов, воспроизводимых в контексте местной культурной традиции», — отмечает М. Лурье¹. Суть исследований заключается в том, чтобы при помощи словарных статей дать автономное толкование каждого элемента из некоего условного множества, составляющего «совокупность репрезентаций локальной специфичности»².

Словарь городского текста представляется оптимальной формой научного описания, проектом конструирования идентичности города, включающим такие понятия, как *knowledge of place* (знание места) и *sense of place* (ощущение места, чувство своей связи с местом). Такая форма помогает преодолеть презентизм и способствует установлению диалога с прошлым.

¹ Лурье М. О словарях локального текста // Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» / М. Алексеевский [и др.] // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 420.

² Там же. С. 419.

В качестве примера словарной статьи минского текста предлагается толкование такого локально специфичного элемента, отражающего, по нашему мнению, своеобразие городской культуры Минска 1916–1920-х гг. – времени национального возрождения, как «Беларуская хатка».

При подготовке словарной статьи нами применялся текстоцентрический метод: использовались так называемые мемораты, тексты воспоминаний участников описываемых событий Зоськи Верас (Л. А. Сивицкой-Войтик), Е. С. Романовича и Е. Е. Кипеля.

«Беларуская хатка» – общее название (ставшее символом национального движения за возрождение белорусской культуры) общественных объединений, сообществ белорусской интеллигенции в 1916–1920-х гг., характеризующееся подвижной локализацией.

При определении локализации «Беларускай хаткі» в Минске возникают некоторые трудности в силу того, что в разных источниках указываются разные адреса: ул. Захарьевская, 18; пер. Захарьевский, 6; Конный рынок; в современном городе – ул. Рабкоровская, 19.

В энциклопедических статьях, исторических исследованиях, СМИ словосочетанием «Беларуская хатка» называют разные организации, при этом ошибочно представляя их как одну, например, в статье «Беларускай энцыклапедыі»: «БЕЛАРУСКАЯ ХАТКА ў Мінску – клуб беларускай мастацкай інтэлігенцыі, які ў 1916–1920 гг. праводзіў культурна-асветніцкую працу, прапагандаваў беларускае тэатральнае музычнае мастацтва, садзейнічаў стварэнню беларускага дзяржаўнага тэатру. Напачатку ў “Беларускай хатцы” наладжваліся вечарыны (удзельнічалі Уладзіслаў Галубок, Максім Багдановіч, Зоська Верас, Усевалад Фальскі і іншыя), на якіх чыталі творы беларускіх пісьменнікаў, спяваў хор. Потым тут працавалі Першае таварыства беларускай драмы і камедыі, тэатральная труппа пад кіраўніцтвам Францішка Аляхновіча, Менскае таварыства працаўнікоў мастацтва, драматычная секцыя Беларускай вучнёўскай грамады і іншыя. Дзейнасць клуба асвятлялася ў перыядычным друку (газеты “Вольная Беларусь”, “Беларусь”). Спроба адрадыць культурна-асветніцкую дзейнасць клуба ў 1921 г. не падтрымана афіцыйнымі ўладамі»³. Отмечается, что клуб минской интеллигенции просуществовал до 1920 г., однако и это неверное утверждение.

³ Васілеўскі Ю. Р. Беларуская хатка // Беларус. энцыкл. : у 18 т. Мінск, 1996. Т. 2 : Аршыца–Беларусцы / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. С. 430.

В данном описании сконцентрированы сведения о разных объединениях, действовавших в Минске под общим традиционным названием в разные годы первой четверти XX в. Следует упомянуть, что «Беларуская хатка» работала в Петрограде (1918 – начало 1919), Гродно (1919), Орле (1917–1918) и даже в Туркестане (1920-е гг.)⁴. Причем, если в Петрограде объединение функционировало как культурно-просветительный клуб⁵, то в Орле – товарищество белорусских беженцев Первой мировой войны⁶. Таким образом, название выходит за пределы Минска.

Можно говорить о том, что «Беларуская хатка» может быть представлена как «гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл»⁷.

Исследование меморатов, исторических источников позволяет отобразить этот структурный элемент пространства Минска в следующей словарной статье.

«БЕЛАРУСКАЯ ХАТКА» – знаковое место, символ, играющий роль смыслового центра минского текста периода 1916–1922 гг., выполняющий мифотворческую и хронотопическую функции. Это символ возрождения национальной культуры, становления белорусской государственности в начале XX в.; символ идентичности, локус/топоним, называющий знаковые места, и сообщество.

«Беларуская хатка» на улице Захарьевской

«Беларуская хатка» была организована на базе Белорусского товарищества помощи пострадавшим от войны, основанного в Вильне в апреле 1915 г. Через три месяца открылся Минский отдел товарищества⁸. Минск был прифронтовым городом, и в нем находилось большое количество беженцев.

В названии объединения использован поэтический образ хатки, созданный в одноименном стихотворении Янки Купалы:

⁴ Справаздача паўнамоцнага прадстаўніцтва БССР у РСФСР за перыяд з 21 сакавіка па 1 жніўня 1921 г. // Нацыянальны архіў Беларусі (НАРБ). Фонд 15. Воп. 1. Спр. 10. Арк. 1819.

⁵ Петроградский комитет РКП(Б). Национальные отделы и секции (1918–1920) // Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД СПб). Фонд 1. Оп. 1. Д. 1359, 1360.

⁶ Васілеўскі Ю. Беларусь на абшарах Расіі // Голас Радзімы. 1994. № 34. 25 жн. С. 4.

⁷ Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб. : Искусство-СПБ, 2003. С. 42.

⁸ Шыбека З. Минск сто гадоў таму. Мінск : Беларусь, 2007. С. 143.

Бедна, хатка, ты,
Але вечная,
І палацы ўсе
Перастоіш ты⁹.

Дом является сквозным архетипическим образом семиотического каркаса любого города. Так как белорусскость ассоциируется прежде всего с народной, аутентичной культурой, то ее символом, безусловно, является хатка, причем обязательно деревянная.

Хатка – центральный образ в белорусской культуре, введенный в название объединения не случайно. В условиях Первой мировой войны беженцам очень важно было чувствовать связь и близость с домом. Кроме того, в названии присутствует и иной контекст: оторванность от своих корней порождает «бездомность». Архетипы *Дом* и *Бездомье* связаны со скитальчеством в духовной культуре. Домом для человека становится общество, общий духовный мир и язык. «Беларуская хатка» символизирует Родину, которую важно обрести, отстоять и не потерять. К сожалению, этот символ утратил значение в современном городе.

Товарищество «Беларуская хатка» объединило представителей белорусской интеллигенции (Ядвигин Ш., Змитрок Бядуля, Владислав Голубок, Всеволод Фальский, Зоська Верас, Максим Богданович, Магдалена Радзивилл, Фабиан Шантыр и др.), которые организовали для беженцев бесплатные и дешевые столовые (одна из них была названа «Беларуской хаткой» (рис. 1); столовая, выполняя непосредственную функцию, являлась клубом), приюты, мастерские для обеспечения работой, образовательные курсы. В приютах для детей велось преподавание на белорусском языке. В «Беларуской хатке» для беженцев устраивались литературные вечера: с лекциями и чтением своих произведений выступали белорусские писатели. Таким образом, можно говорить о литературных корнях «Беларуской хатки».

⁹ Купала Янка. Хатка // Творы / Янка Купала ; навук. рэд. У. В. Гніламёдаў ; уклад. і камент. А. В. Вальчук. Мінск : Мастац. літ., 2015. – (Залатая калекцыя беларускай літаратуры : у 50 т. / Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы Нац. акад. навук Беларусі ; рэд-кал.: У. В. Гніламёдаў [і інш.]). Т. 9. С. 186.

Рис. 1. Объявление в газете «Вольная Беларусь»
от 9 октября 1917 г.

«Беларуская хатка» — знаковое место в воспоминаниях Зоськи Верас «Пяць месяцаў у Мінску» (1967): «У “Беларускай хатцы” на Захар’еўскай вуліцы, № 18 (рис. 2) — сталоўцы Таварыства помачы ахвярам вайны — кожны вечар збіраліся як сябры, так і працаўнікі Камітэта Таварыства, каб разам скаратаць вольны вечар, падзяліцца думкамі ды ўражаннямі перажытага дня», — пишет Зоська Верас¹⁰.

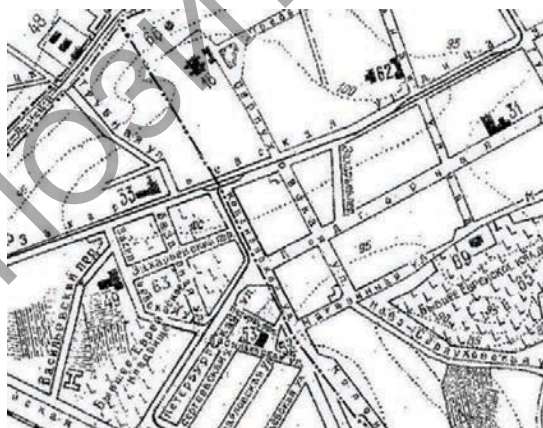

Рис. 2. Фрагмент Плана губернского города Минска 1910 г.

¹⁰ Верас Зоська. Пяць месяцаў у Мінску // Сайт, посвященный Максиму Богдановичу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maksimbogdanovich.ru/articles/6.htm>. – Дата доступа: 12.05.2016.

Воспоминания посвящены Максиму Богдановичу (рис. 3), вокруг фигуры которого складывается особая мифология. Мотив родного дома возникает в первых строках: «Максім Багдановіч піша, што хоча пажыць у Мінску, у сваім родным горадзе, дыхнуць паветрам Бацькаўшчыны, пачуць жывую беларускую мову»¹¹.

Зоська Верас создает яркий образ сакрального Дома – Красного костела: «Калі пасля марозу прыходзіла адліга, чырвоныя цэглы новага касцёла пакрываліся срабрыстай шэранню, і гэта было цудоўна, як у казцы. На работу пасля сьнедання мы з Багдановічам выходзілі разам і адразу пераходзілі на другі бок вуліцы, каб ісці каля касцёла (ён знаходзіўся амаль супраць “Беларускай хаткі”, крыху наўскос) і нацешыцца яго выглядам. Багдановіча няможна было адарваць, да таго быў захоплены»¹².

Рис. 3. Максим Богданович и Зоська Верас в Минске. 1916 г.
И. Протасеня, 1982

Творческую интеллигенцию волновали проблемы не только беженцев, но и в целом Беларуси, ее будущего. Новый, 1917-й год «пастанавілі спатыкаць у “Беларускай хатцы” ўсёй грамадой. <...> Прыйшлі: М. Багдановіч, Ядвігін Ш., Альберт Паўловіч... Ю. Фарботка, Гадлеўскі, Ф. Шантыр... Ус. Фальскі, У. Галубок, адвакат

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Чаўсоў, Л. Заяц, В. Лявіцкая, Р. Зямкевіч, архітэктар Л. Дубякоўскі, мая маці Э. Сівіцкая і я <...> Прадчуваўся ўжо блізкі канец вайны і змены, якія могуць наступіць у жыцці народаў. Мы часта гаварылі аб тым, што можа хутка дачакаемся сваіх беларускіх школ, а падручнікаў да навукі няма. Лемантары сякія-такія былі, а вось чытанкі пасля лемантара няма. Трэба было падбіраць матэрыял»¹³. В «Беларускай хатцы» М. Богданович планировал прочитать публичную лекцию «Беларускае Адраджэнне», занимался переводами на белорусский язык, готовил «Буквар» («Лемантар») и «Хрэстаматыю для пачатковай школы». Прощались с поэтом, который уезжал на лечение в Ялту, тоже в «Беларускай хатке».

«Беларуская хатка» на Конном рынке

В эссе Е. С. Романовича «Беларуская хатка» представлен другой район города – «працавітая» Комаровка. Автор рисует город во время Первой мировой войны так: «Як толькі пачалася вайна з кайзераўскай Германіяй, Мінск стаў першай лініяй тылу і сюды наехала шмат рознай ваеншчыны... а з імі розных дзялкоў і спекулянтаў, якія нажывалі на розных махінацыях з абмундзіраваннем вялікія грошы»¹⁴. Город наполнился военными, беженцами, спекулянтами, что обусловило создание многочисленных театров и кинотеатров. На Комаровке функционировал Американский клуб, построенный в 1914 г. (фасад дома выходил на современную улицу Красную), в котором кроме киносеансов организовывались спектакли и эстрадные вечера, работали библиотека и буфет-столовая. В годы войны столовая была преобразована в ресторан, где продавали из-под полы спирт, на сцене выступали шансоньетки, а в зале играли в азартные игры. После Февральской революции 1917 г. в здании бывшего Американского клуба было создано театральномызыкальное общество (со ставшим уже традиционным названием – «Беларуская хатка»), идейным вдохновителем которого явился режиссер и актер Флориан Жданович. «Беларуская хатка», по словам Е. Романовича, «з самымі гарачымі надзеямі і жаданнямі стварыць нацыянальнае беларускае тэатральнае мастацтва <...> з'явілася сапраўднай калыскай беларускага тэатра і драматургіі»¹⁵.

¹³ Там же.

¹⁴ Рамановіч Я. «Беларуская хатка» // Горад і годы. Мінск, 1967. С. 61.

¹⁵ Там же. С. 64.

По воспоминаниям Е. Кипеля, это был специально построенный миссионерский дом: «Лютаўская рэвалюцыя 1917 г. шырока адчыніла дзверы для місіянерскай працы на тэрыторыі былой Расійскай імперыі. Найбольшую актыўнасць выяўлялі амерыканскія місіі квакераў і Арміі Ратунку. Пачалася місіянерская праца і ў Менску, дзе быў збудаваны спецыяльны вялікі дом на Камароўцы. <...> Аднак праца місіянераў трывала нядоўга: набліжэнне фронту змусіла іх пакінуць Менск. Місіянерскі дом застаўся пусты і нячыйны. Тады мясцовы беларускі актыў пастанавіў узяць будынак для сябе і назваць яго “Беларускай Хаткай”. Была нанова ўдэкараваная сцэна: намалявалі прыгожую беларускую вёску. На будынку з’явілася новая шыльда – Беларуская Хатка. Гэтак і нарадзілася “Беларуская Хатка”»¹⁶.

По словам Л. И. Ржецкой, которая работала в клубе до 1919 г., «напрыканцы 1917 г. стаў збірацца беларускі калектыў драматургаў. <...> Мы атрымалі пляцоўку для работы на Конным рынку, якая атрымала назву “Беларуская хатка”»¹⁷.

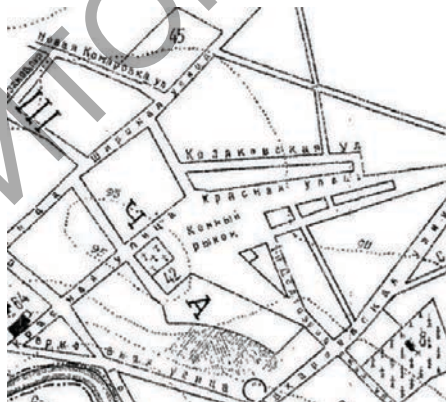

Рис. 4. Фрагмент Плана губернского города Минска 1910 г.

«Хутка на мінскіх вуліцах сярод крыклівай і яркай тэатральнай рэкламы з’явіліся сціплыя... афішы, якія паведамлялі мінчанам, на Камароўцы, на Конскім пляцы, у памяшканні былога Амерыканскага клуба, адкрываюцца спектаклі і канцэрты Першага Беларускага

¹⁶ Кіпель Яўхім. Гуртаванне беларускай моладзі // Эпізоды. Мінск, 1998. С. 33.

¹⁷ Цит. по: Паляшчук А. Пра «маму Ліду»: [пра тэатральную актрысу Лідзію Ржецкую] // Культура. 2009. 25 крас. 1 мая (№ 17). С. 19.

таварыства драмы і камедыі»¹⁸. По велению времени спектакли и концерты были наполнены революционным содержанием, но ставились также пьесы Я. Купалы «Раскіданае гняздо», «Паўлінка», «Прымакі», В. Дунина-Марцинкевича, К. Каганца. Е. С. Романович вспоминает: «Блізкая і зразумелая ўсім камароўцам драма Купалы “Раскіданае гняздо”, яго камедыя “Паўлінка” глядзеліся з захапленнем і пакідалі моцнае ўражанне». Лидия Ржецкая играла «паэтычную купалаўскую Зоську ў “Раскіданым гняздзе”, у той жа час выдатна пераўвасаблялася ў зухаватую і любячую Паўлінку...». Звучали белорусские песни «Каля хацінкі», «Калыханка», «Шумныя бярозы», стихотворения Якуба Коласа, Тетки, Максима Богдановича и др.: «песні і вершы, якія выконваліся ў дывертысментах, хутка набылі вядомасць на Камароўцы. Песні пачалі спяваць на вуліцах, вершы дэкламаваць на вечарынках»¹⁹.

В деятельности клуба принимали участие Якуб Колас, Змитрок Бядуля, Владислав Голубок, Михась Чарот, Лидия Ржецкая, Стефания Станюта и др. Большой популярностью пользовался Минский белорусский хор под руководством выдающегося дирижера, композитора и фольклориста В. Теравского, созданный в 1914 г., а в 1917 г. вошедший в состав Первого Белорусского товарищества драмы и комедии (рис. 5).

Рис 5. Хор БГТ под руководством В. Теравского

¹⁸ Рамановіч Я. «Беларуская хатка» // Горад і годы. Мінск, 1967. С. 64–65.

¹⁹ Там же. С. 66, 68.

«У заўсёды цёмнай, слаба асветленай Камароўцы ярка гарэлі агні “Беларускай хаткі”, і ўлетку, і ўзімку там было ўтульна і цёпла, як у сапраўднай беларускай хаце, з лаўкамі замест крэслаў, з ручнікамі на вокнах і стракатай, размаляванай пад жаночы андарак заслонай»²⁰. Просветительское значение «Беларускай хатки» было огромным: на Комаровке начали петь песни и декламировать стихи, в деятельности клуба принимали участие и любители – комаровские ремесленники.

В интервью с актрисой Купаловского театра, одной из активных участниц «Беларускай хатки», Стефанией Станютой подчеркивается нациообразующая роль объединения: «В начале 20-х гг. в Минске было много кружков <...> Был сильный национальный дух. Мы читали белорусские стихи, пели белорусские песни, танцевали»²¹.

В клубе «Беларуская хатка» также работали труппа во главе с Франтишком Олехновичем, Минское товарищество работников искусств, драматическая секция Белорусской театральной громады (рис.6).

Рис. 6. Программа открытия Белорусского народного дома
9 марта 1919 г.
в «Беларускай хатке»

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ Кривец Наталия. 95-летняя Стефания Станюта в интервью «Комсомолке»: «Помню, как царь приезжал в Минск» // Комсомольская правда. 2015. 13 мая.

Из «Беларуской хатки», которая находилась на Комаровке, на территории Конного рынка (современная ул. Красная), вырастает Первое Белорусское товарищество драмы и комедии, возглавляемое Флорианом Ждановичем, труппа которого позже составит основу труппы Белорусского государственного театра – нынешнего Национального академического театра им. Янки Купалы. Таким образом, можно говорить о том, что «Беларуская хатка» явилась основой не только национальной литературы, но и белорусского театрального искусства.

В главе «Гуртаванне беларускай моладзі» книги воспоминаний Е. Е. Кипеля «Эпизоды» рассматривается деятельность «Беларуской хатки» как национально-политической молодежной организации в Минске 1920-х гг., программными установками которой были: расширение национального самосознания, введение белорусского языка в школах и общественных учреждениях, воспитание молодежи в национальном духе. Автор воспоминаний являлся организатором объединения. В «Беларуской хатке» работали театральная (руководили В. Фальский, А. Церах, А. Лежневич), литературная (руководил Якуб Колас), художественная секции, секции национальных танцев и обучения игре на фортепиано. Поддерживали деятельность организации Я. Купала, Т. Гартны, Я. Лёсик. «На арганізацыйным сходзе моладзі Менску было пастаноўлена назваць арганізацыю Гурток Беларускай Моладзі; сядзібай Гуртка мы зрабілі “Беларускую Хатку”, назваўшы яе Клуб Беларускай Моладзі “Беларуская Хатка” <...> Адтуль “Беларуская Хатка” перастала быць будынкам, дзе рабіліся толькі танцы і ставіліся спектаклі, – яна зрабілася сядзібай нацыянальна-палітычнай арганізацыі моладзі»²².

В Уставе клуба было записано: «1. Сябрам Клубу можа быць кожны хлопец ці дзяўчына, незалежна ад нацыянальнасці <...> 2. Кожны сябра Клубу мусіць гаварыць па-беларуску і шанаваць гэтую мову <...> 3. Сябра Клубу можа ўваходзіць у іншыя палітычныя арганізацыі»²³. Е. Кипель приводит следующий пример: поэт А. Александрович, одновременно оставаясь активным товарищем клуба, входил в комсомольскую организацию. Сестра А. Александровича, Алеся Александрович также активно участвовала в деятельности клуба. В 1921 г.

²² Кіпель Яўхім. Гуртаванне беларускай моладзі. С. 34–35.

²³ Там же. С. 35.

она стала первой исполнительницей роли Алеси в музыкальной драме М. Чарота «На Купалле» в Белорусском государственном театре, пела в хоре В. Теравского, слушать песни в ее исполнении очень любил Янка Купала. Как вспоминал Е. Романович: «Усім нам Алеся ў тых гады здавалася ідэальным увасабленнем беларускай дзяўчыны, якая нібы сышла са старонак паэзіі Янкі Купалы»²⁴. Вскоре многие участники «Беларуской хатки» были обвинены в национал-демократизме и репрессированы: «...калі камуністы пабачылі, што мы – дзейная апазіцыя камсамолу... абыякавасць змянілася на варожасць, што далей прывяло да разгрому “Хаткі”»²⁵. В конце 1922 г. здание на Комаровке забрали, сделав в нем конюшню для кавалерийского полка²⁶. Клуб продолжил свою деятельность в университете под названием Объединение белорусских студентов, однако через шесть месяцев был официально запрещен: «...бадай усе сябры “Хаткі” былі арыштаваныя і засуджаныя»²⁷.

«Беларуская хатка» фигурирует в нарративах ее участников как одна из ценностей Минска, символ защиты прав и интересов белорусов, благотворительной и культурно-просветительной деятельности, отстаивания идеи автономии Беларуси в ее этнических границах. Утрата в современном городе бывшего значения и статуса «Б. Х.» расценивается как знак размывания идентичности и ее забвения.

«Беларуская хатка» в современном Минске

К сожалению, дома, где находились объединения «Беларуская хатка», не сохранились, однако в современном Минске существует ее материальное воплощение – «Беларуская хатка» по ул. Рабковской, 19. В этом доме с октября 1916 г. по февраль 1917 г. жил М. Богданович. Дом принадлежал преподавателю училища Либаво-Роменской железной дороги С. И. Редько²⁸, который сдавал его внаем. Дом находился на улице Мало-Георгиевской, 12 (рис. 7, современная ул. Толстого). Здесь в разное время жили люди, которые внесли значительный вклад в развитие белорусской культуры, например

²⁴ Цит. по: Гесь Аляксандра. Стагоддзе Купалавай Алесі // Звязда. 2004. 13 ліпеня (№ 168).

²⁵ Кіпель Яўхім. Гуртаванне беларускай моладзі. С. 36.

²⁶ Объединения были закрыты не только в Минске. «Беларуская хатка» в Орле в 1918 г. была запрещена как идеологически враждебная.

²⁷ Кіпель Яўхім. Гуртаванне беларускай моладзі. С. 37.

²⁸ Дом был построен в 1904 г.

главный редактор газеты «Вольная Беларусь» (редакция в 1917–1918 гг. размещалась в помещении «Беларуской хатки») Язеп Лёсик, Зоська Верас²⁹, Змитрок Бядуля и др.

Рис. 7. Фрагмент Плана губернского города Минска.
Издание оценочно-статистического отдела при Минской городской управе
1911 г.

В 1980-е гг. дом планировали снести, так как он не вписывался в план застройки района, но благодаря вмешательству общественности был демонтирован и перенесен на улицу Рабкоровскую. В 1991 г. в нем разместились филиал Литературного музея Максима Богдановича (с 2014 г. – филиал Государственного музея истории белорусской литературы), который был назван в честь одноименного клуба белорусской интеллигенции – «Беларуская хатка». Мемориальный музей «Беларуская хатка» (рис. 8) – единственное сохранившееся здание, где жил в Минске поэт, городе, в котором родился.

²⁹ Зоська Верас – псевдоним Людвика Антоновны Сивицкой родился в редакции «Вольнай Беларусі» (Войцiк Г. Зоська Верас. 3-е выд., дап. Вiльня : выд-ва беларусаў Лiтвы «Рунь», 2002. С. 8. (Сер. «Партрэты Вiленчукоў»)).

Рис. 8. «Беларуская хатка» – филиал Государственного музея истории белорусской литературы, ул. Рабкоровская, 19. Перед домом установлен памятник М. Богдановичу

Согласно Ю. М. Лотману, архитектурные сооружения «выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого»³⁰. «Беларуская хатка», являясь преемником традиций, имеет большую ценность для истории национальной культуры и, безусловно, должна стать символом ее расцвета в современной Беларуси. Однако музей уже долгие годы закрыт на капитальный ремонт и до настоящего времени неизвестно, кто будет заниматься возрождением центра белорусской культуры. Дом № 19 по улице Рабкоровской стал одним из «горячих адресов» города. Под «горячим адресом» в современных исследованиях культурной памяти понимается адрес, по которому находятся исторические здания, памятники в состоянии ремонта или аварийном состоянии, заброшенные, разрушающиеся, находящиеся под угрозой сноса, а также судьба которых неясна. «Беларуская хатка» как символ белорусской культуры в Минске обладает потенциалом, чтобы стать символом возрождения общественного сознания, связи с прошлым и обретения будущего.

³⁰ Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 325.

Таким образом, минский текст, являясь вместилищем текстов, может быть представлен в словарных статьях. Символы, уникальные объекты помогают в создании лица города, складывании минского текста в форме словаря. В словарь могут быть включены символы, позволяющие идентифицировать город, конструирующие образ места, местной идентичности. По мнению В. В. Абашева, «наиболее очевидный критерий значимости того или иного элемента городской или региональной семиотики <...> во-первых, насколько он актуален в контексте национальной культуры, а, во-вторых, каким мифогенным потенциалом он обладает»³¹. Отметим безусловную связь мифологии города с именем Максима Богдановича и имени поэта с «Беларускай хаткай».

Важность составления городского текста в том, — писал М. Лурье³², — что город как социально-культурный организм обязан заниматься своей спецификой, которую составляют идентичность, лицо, маркер. Деревня может раствориться в региональной идентичности, а город обязан иметь лицо.

³¹ Абашев В. В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX в. : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. — Екатеринбург, 2000. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/permskii-tekst-v-russkoi-kulture-i-literature-xx-veka>. — Дата доступа: 12.05.2016.

³² Цит. по : Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / М. Алексеевский [и др.] ; под ред. М. Лурье // Штетл, XXI век : полевые исследования / сост. : В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 186–215. — (Studia Ethnologica; вып. 5).

**Урбанонимы Минска периода
немецкой оккупации (1941–1944):
опыт картографического исследования**

На основе карты Минска 1942 г. анализируются урбанонимы периода немецкой оккупации. Проводится попытка комплексного исследования семиотического пространства минских ключевых имен указанного периода.

Рассматривается идеологический аспект официальных внутригородских переименований. Созданные в этот период комплексы внутригородских названий, объединенных локально и связанных общей коннотацией, свидетельствуют о существовании особого смыслового пространства, сохраняющего память о белорусском национальном движении начала XX в.

Одним из аспектов изучения семиосферы города является исследование его ключевых имен – названий улиц, переулков, площадей. Под ключевыми именами городской культуры нами понимаются ономастические единицы – урбанонимы, аккумулирующие информацию об истории и культуре города. Переименованиям улиц Минска посвящены работы историков И. Сацукевича, В. Бондаренко, Р. Борового, политолога А. Казакевича и др. В качестве методологической основы исследования применяются семиотический подход и картографический метод, позволяющие представить общую картину и выявить локальные комплексы внутригородских имен в минском пространстве изучаемого периода.

Минские улицы немногим менее чем за тысячелетнюю историю города переименовывались неоднократно, характеризуя смену власти и свойственные этой власти предпочтения. Названия улиц – это прежде всего мировоззрение, поэтому любая власть, переименовывая улицы города, стремится создать собственное семиотическое пространство.

Оккупационные немецкие власти искали способы и средства для усиления военно-экономического и культурно-политического

влияния на захваченных территориях. Одним из идеологически важных средств стало введение новых внутригородских имен. Улицы города были переименованы практически сразу после начала немецко-фашистской оккупации.

В качестве источника исследования мы использовали карту Минска 1942 г. (рис. 1), которая была снята со стены одного из кабинетов Минской городской управы – угол улиц Комсомольская (во время немецкой оккупации ул. Парковая/*Gartenstraße*¹) и Карла Маркса (ул. Комендатурная/*Kommandanturstraße*) – на второй день после освобождения Минска 4 июля 1944 г. Зоисием Ахматовичем Рахматулиным, прибывшим в город с оперативной группой связистов. О Рахматулине известно, что после войны он проживал в г. Омске, откуда и переслал карту в Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны в июне 1979 г.²

Ключевые имена городской культуры, которые относятся к указанному периоду, можно разделить на следующие группы: переименования, связанные с белорусской историей и культурой; переименования, относящиеся к немецкой истории и культуре; переименования пропагандистского характера и немногочисленные иные переименования (улицы, получившие названия от объектов, которые на них находились, от особенностей местности и ландшафта, от названий городов, в направлении которых эти улицы вели и др.). Наиболее подробно остановимся на названиях улиц, формирующих особое семиотическое пространство Минска нацистского оккупационного периода и хранимых культурной памятью вне любых идеологий и политик как жизненно важный для всех людей «знак беды» (В. Быков).

Переименования в первую очередь коснулись названий, которые улицы получили в 1920–1930-х гг. в честь советских политических деятелей, организаций, русских писателей и др.

Для немцев важно было, используя в своих целях националистические настроения деятелей белорусского возрождения, отстаивавших создание независимого белорусского государства, склонить их к сотрудничеству. Были задействованы идеологические механизмы, применяемые еще во время Первой мировой войны.

¹ Названия приводятся в соответствии с написанием на карте.

² Карта Минска 1942 г. // Белорус. гос. музей истории Великой Отечественной войны. КП 49247.

Рис. 1. Карта Минска 1942 г.

По нашему мнению, созданный по указанию Гитлера рейхскомиссариат Остланд, в который входил генеральный округ Белоруссия (Белорутения) с центром в Минске, в какой-то степени стал преемником военно-административного образования, основанного немецкими оккупационными властями на территории бывших западных губерний Российской империи в годы Первой мировой войны. Политика Обер Ост (1915–1918) была направлена на преодоление русификации и поддержку этнической культуры белорусов, литовцев, латышей и евреев. Немцы, считавшие себя представителями высшей расы, изучали материальную и нематериальную культуру захваченных земель.

Официальным языком был немецкий, но поддерживалось использование белорусского, литовского языков, а также идиша в местных органах управления и школах³. На оккупированных территориях было разрешено издание газет на родном языке, но с обязательным условием обсуждения в них «событий в Германии в духе политики канцлера»⁴. Преемственность наблюдается и в политике Гитлера. В Минске с 27 июля 1941 г. на белорусском языке издается «Менская газета»⁵, которая с февраля 1942 г. называется «Беларуская газета»⁶ – пропагандистский орган фашистского режима (рис. 4, 5).

³ Можно провести параллели с признанием в Советской Белоруссии межвоенного периода в качестве официальных четырех языков – белорусского, русского, польского и еврейского (рис. 2, 3). Равноправие четырех государственных языков регламентировалось в Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссия (1920).

⁴ Мигун Д. А. Территория Беларуси в составе Обер Ост // Перекличка веков: Первая мировая война и мир сегодня : Междунар. общественно-науч. чтения, г. Минск, 14–15 окт. 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2014-g/pervaya-mirovaya-i-mir-segodnya/1114-territoriya-belarusi-v-sostave-ober-ost.html>. – Дата доступа: 21.12.2015.

⁵ Отметим, что во время оккупации города войсками Наполеона в Минске издавалась «Временная Минская газета» («Tymczasowa gazeta Mińska»).

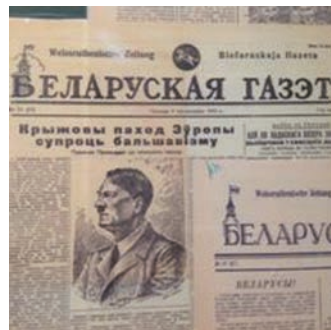
⁶ Антон Адамович – один из членов редакции «Беларуской газеты», белорусский писатель и литературовед, осужденный по делу «Саюза вызвалення Беларусі» (в 1930-е гг.), в автобиографии писал: «Пад псеўданімам Д. Забранскі я надрукаваў (в “Беларуской газэце”. – О. С.) колькі імпрэсіяў, у якіх часам удавалася то правесці завуляваную паралель між Гітлерам і Напалеонам, конь якога ўпершыню спатыкнуўся ў Менску пры ягоным паходзе на Усход (імпрэсія “Менск”) (Забранскі Д. Менску (На ўгодкі вялікае паджогі) // Беларуская газета. – Менск, 1942. № 45 (65), 27 чэрв.), або мімабегам успомніць пра ведамае пабіццё немцаў-крыжакоў пад Грунвальдам» (Цит. по: Юрэвіч Л. Пантэон Беларусі. Антон Адамовіч [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2013/12/19/ic_articles_116_183994/. – Дата доступа: 24.12.2015.)

Рис 2. Герб БССР (1927–1937), на ленте которого помещены надписи на белорусском, еврейском, русском и польском языках

Рис 3. Название города на здании вокзала на четырех языках

Рис. 4, 5. Газеты периода немецкой оккупации, хранящиеся в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны

Однако, как известно, во главу угла фашистской идеологии ставилось не просто превосходство арийской расы, а превращение в рабов и уничтожение жителей оккупированных земель согласно плану «Ост». В его исполнении должны были оказать помощь белорусские коллаборационисты. Оккупационные власти, в том числе представители коллаборации, считали идеологически важным закрепить все, что связано с белорусским возрождением, национальным движением, чему содействовали созданные немцами органы городского управления⁷.

Так, улица Рабкоровская была переименована в Нашанивскую (Naschaeniwsker Straße, рис. 6) в честь газеты, игравшей важную роль в развитии белорусского национального движения и литературного языка.

Также на карте города появились улицы Рогнеды/Rahniedestraße (бывшая ул. Марата) и Всеслава/Usiaslanstraße (бывшая ул. Гоголевская) – рис. 7. В «Беларускай газэце» (№ 42 (62) 18 чэрвеня 1942 г.) адрес редакции указан как: «вул. Рагнеды (б. Рэвалюцыйная), дом № 2. Minsk. Kirchenstr., 2»⁸. Вероятно, переименование Церковной/Kirchenstraße в улицу Рогнеды было неофициальным, используемым по инициативе городской управы.

Некоторые улицы Минска были названы в честь основателей белорусского национального движения начала XX в. Именем министра образования Белорусской Народной Республики (БНР) (1918), первого ректора Минского педагогического института, профессора Вацлава Ивановского (рис. 11), бургомистра Минска 1941–1943 гг., был назван переулок Iwanowsker Gasse (бывший пер. Рабкоровский, рис. 6). На карте города появились переулок и улица Луцкевича / Luzkewitschstraße (бывшая Толстого, рис. 6); улицы Язэпа Лёсика/Jazep-Lessik-Straße (рис. 8) – первого президента Рады БНР, академика АН БССР (рис. 10), приговоренного в 1940 г. к пяти годам концлагерей за антисоветскую агитацию и умершего в тюрьме;

⁷ Некоторые из них, как, например, Белорусская Незалежницкая партия, готовили нелегальные структуры белорусского национального движения для одновременного выступления против нацистов и против большевиков. По свидетельству Антона Адамовича: «У 1942 г. разам зь іншымі, галоўна маладымі беларусамі, бяру ўдзел у заснаваньні нелегальнае антынямецкае Беларускае Незалежніцкае партыі» (Там же.)

⁸ «Беларуская газета». 1942. № 42 (62), 18 чэрв. // Белорус. гос. музей истории Великой Отечественной войны. КП 27901/22.

Игнатовского⁹/Ihnatowskystraße (рис. 8) – первого президента Института белорусской культуры, президента АН БССР, директора Института истории, застрелившегося после одного из допросов по делу «Саюза вызвалення Беларусі» в 1931 г.; Кречевского/Kretschewskystraße – белорусского историка и политического деятеля, одного из инициаторов создания БНР, с 1919 г. по 1928 г. председателя Рады БНР.

Переулок Свояка (Swaiakgasse, рис. 8) был назван в честь Казимира Свояка (настоящее имя Константин Стапович) – белорусского ксендза, философа, публициста, автора единственного прижизненного сборника стихотворений «Мая ліра» (1924), изданного «Беларускім выдавецкім таварыствам» в Вильне. Во время польской оккупации он читал проповеди на белорусском языке, который был запрещен. Благодаря Казимиру Свояку открывали белорусские школы.

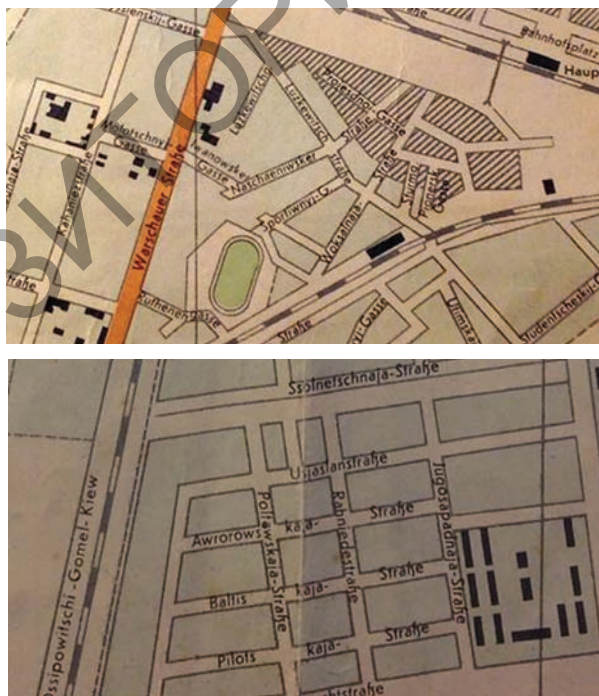

Рис. 6, 7. Фрагменты карты Минска 1942 г.

⁹ В современном Минске улица, названная в память о Всеволоде Игнатовском, находится в микрорайоне Домбровка.

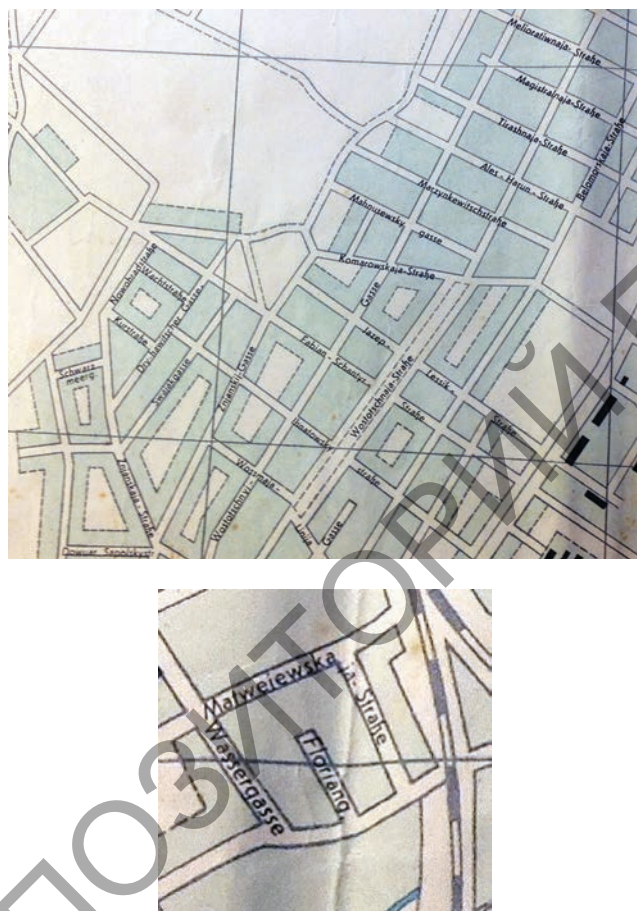

Рис. 8, 9. Фрагменты карты Минска 1942 г.

Улица Фабиана Шантыра/Fabian-Schantyr-Straße (рис. 8) актуализировала память о публицисте, поэте, народном комиссаре по национальным делам Временного рабоче-крестьянского советского правительства БССР (1919, рис. 12), расстрелянном советской властью в 1920 г.

Улицы и переулки города получили имена деятелей белорусского возрождения – писателей, поэтов, ученых: Каганца/Kahaniezstraße (бывшая Фабрициуса, рис. 6), Неслуховского (Янка Лучина)/Neslushowskystraße (бывшая Димитрова, рис. 17), Левицкого (Ядвиги-Кавецкой)/Lewicki-Straße (бывшая Кавецкой, рис. 18).

гин Ш.)/Lewizkygasse (бывший пер. Крапоткинский), Богушевича/Bahudewitschstraße (бывшая Краснознаменная), Багрима/Bachrynstraße (бывшая Чичеринская), Владимира Жилки/Fleeimir-Schylka-Straße (бывшая Фурманова), который в 1931 г. был осужден по делу «Саюза вызвалення Беларусі», умер в ссылке, Сергея Полуяна/Serkei-Paluian-Straße (бывшая Пугачевская) – рис. 13, Алеся Гаруна/Ales-Harun-Straße, Марцинкевича/Marzynkewitschstraße¹⁰, Довнар-Запольского/Dowuar Sapolskystraße (рис. 8), профессора, основоположника национальной историографии, члена комиссии БНР по организации Белорусского университета, автора запрещенного фундаментального труда «История Белоруссии» (1925), опубликованного только в 1994 г.¹¹

Можно предположить, что Floriangasse (бывший 1-й пер. Р. Люксембург, рис. 9) был назван в честь актера и режиссера, одного из основателей белорусского профессионального театра, минчанина Флориана Ждановича. В 1917 г. он основал Первое белорусское товарищество драмы и комедии, поставившее «Павлинку» Янки Купалы и «Пинскую шляхту» В. Дунина-Марцинкевича. В 1920 г. под его руководством открылся Белорусский государственный театр, будущий Национальный академический театр им. Я. Купалы.

Ф. Жданович был осужден в 1931 г. по делу «Саюза вызвалення Беларусі» и расстрелян в 1937 г.¹²

Возможно, переулок Mahnusewskygasse (рис. 8) может ассоциироваться с именем польского прозаика, драматурга и поэта, автора сборника стихотворений периода Ноябрьского восстания 1830 г. «Wiersze z okresu Powstania Listopadowego» Доминика Магнушевского, участника восстания 1830–1831 гг.

Также белорусы хранят память о Войцехе Магнушевском, католическом священнике, настоятеле в Крошине (Новогрудский уезд) – руководил Крошинской школой, обучал на родном языке, прививал любовь к истории родного края, поддержал талант Павлюка Багрима, заступился за крестьян (Крошенское восстание 1828 г. было подавлено российскими войсками), за что был арестован, а школа закрыта.

¹⁰ В современном Минске есть площадь Богушевича (пересечение пр. Дзержинского, улиц Клары Цеткин и Немиги), улицы Дунина-Марцинкевича (Фрунзенский р-н), Алеся Гаруна (м-н Домбровка), Янки Лучины и Каруся Каганца (м-н Лошица).

¹¹ Тарас А. Мітрафан Доўнар-Запольскі: Бацька беларускай гістарыяграфіі. Мінск : Харвест, 2012. 64 с. («100 выдатных дзеячаў»).

¹² Мінскі А. Фларыян Ждановіч: Творца беларускага тэатра. Мінск : Харвест, 2012. 64 с. – («100 выдатных дзеячаў»).

Рис 10. Язеп Лёсик

Рис 11. Вацлав Ивановский

Рис. 12. Фабиан Шантыр

Портреты выполнены белорусским художником-графиком
С. П. Герусом (1925–1998)

Таким образом, многие улицы в период оккупации носили имена активных участников национально-освободительного движения.

Идеологической составляющей немецкой политики была демонстрация превосходства арийской расы над другими. Немцы стремились приобщить к истории и культуре «высшей расы» местное население. Так, улица Кирова была переименована сначала в Спортивную (Am Sportplatz, так как проходила возле стадиона «Динамо»), а затем, что и отражено на карте Минска 1942 г., в улицу Фрица Шилгена (Fritz Schild Straße, бывшая Университетская, рис. 14) в честь бегуна, который зажег олимпийский огонь на церемонии открытия Олимпийских игр в Берлине в 1936 г.¹³ (рис. 15).

Улица Алеманская (Alemannenstraße) была названа по имени древнегерманского союза племен, используемого как общее название немцев.

Карла Либкнехта стала называться Немецкой (Deutschestraße).

Так как все достижения искусства, науки и техники согласно нацистской идеологии являлись плодами творчества арийцев, улицы Минска получили имена немецких ученых (рис. 16, ул. Коперника/Kopernikusstraße, мать которого была немкой, ул. Роберта Коха/Robert-Koch-Straße, микробиолога, лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине, ул. Вирхова/Virchowstraße, одного из основоположников клеточной теории в биологии и медицине), изобретателей (Бенца/Benzstraße – бывшая ул. Пулихова, Боша/Boschstraße, Даймлера/Daimlerstraße, Дизеля/Dieselstraße, Цеппелина/Zepplinstraße), поэтов (ул. Гёте/Gotenstraße), полководцев (ул. Люцова¹⁴/Lützowstraße).

1-я улица Леккерта переименована в улицу Бисмарка (Bismarckstraße) в честь первого канцлера Германской империи¹⁵. 1-й переулок Свердлова назван в честь первопечатника Гутенберга (Gutenberggasse), а 2-й – первого в истории физики лауреата Нобелевской премии

¹³ Символический ритуал факельной эстафеты из Олимпии был придуман в Третьем рейхе, чтобы подчеркнуть преемственность культурных традиций Древней Греции.

¹⁴ Немецкий национальный герой, возглавивший партизанскую войну против Наполеона. В довоенный советский период улица носила имя Берсона, которое сохраняется и в современном Минске.

¹⁵ Следует отметить, что, например, в Бресте в период оккупации 1941–1944 гг. центральная улица (в некоторых источниках – площадь, которая с 1948 г. называется пл. Ленина) была названа в честь Гитлера/Adolf-Hitler-Straße (Famielec M., Duszyński H. Главные тенденции в развитии урбанонимии Бреста и Гродно – сопоставительное описание // Białorutenistyka Białostocka / Uniwersytet w Białymstoku ; red. H. Twaranowicz. Białystok, 2010. Т. 2. S. 184).

Рис 13. Фрагмент карты Минска 1942 г.

Рис. 14. Фрагмент карты
Минска 1942 г.

Рис 15. Церемония зажжения
олимпийского огня, Берлин, 1936 г.

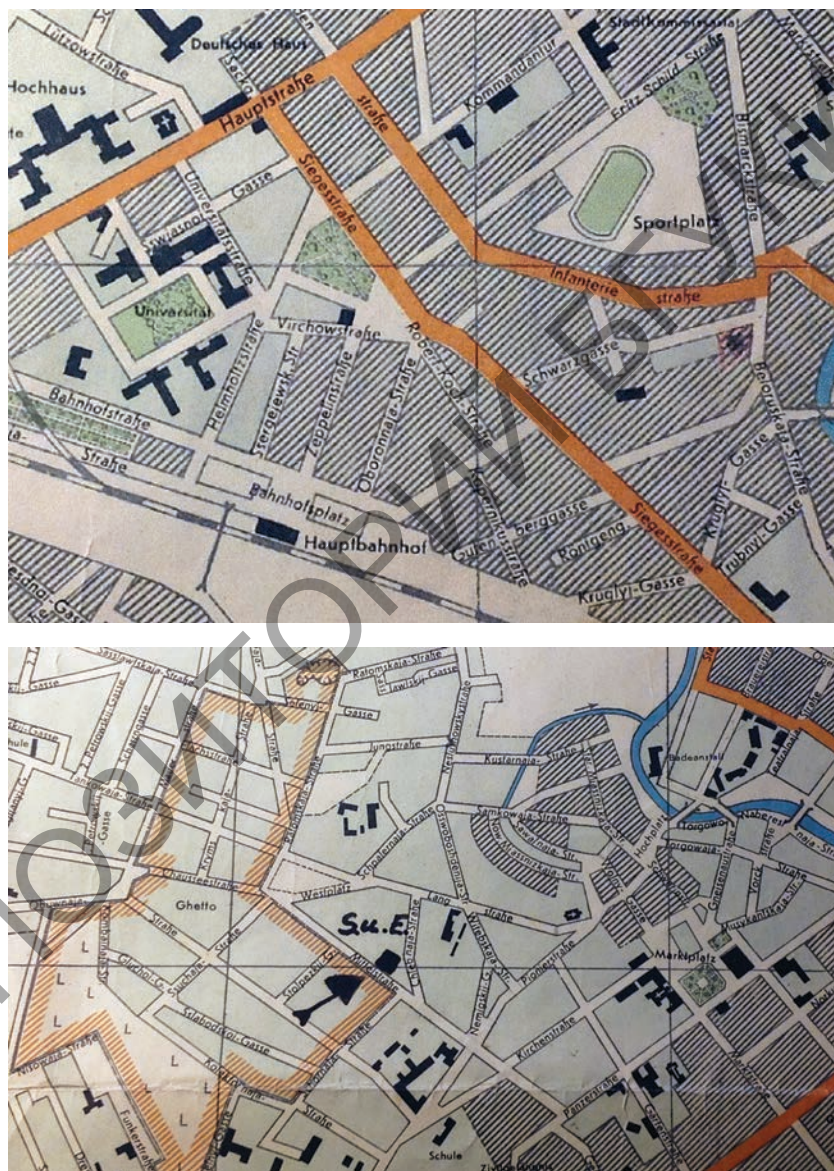

Рис 16, 17. Фрагмент карты Минска 1942 г.

Рентгена (Röntgengasse). В «немецких» названиях улиц также использовалась национал-социалистическая пропаганда: улица Норкуса (Norkusstraße, рис. 17) названа в честь члена гитлерюгенда, погибшего во время пропагандистского мероприятия национал-социалистов. Некоторые улицы получили имена старинных немецких городов, например Вюрцбургская (Würzburger Straße)¹⁶, Альтенбургская (Altenburger Straße)¹⁷, Потсдамская (Potsdamer Straße, бывшая Красноармейская)¹⁸.

Именами белорусских городов были названы улицы Брестская (Brester Straße), Гродненская (Grodnoer Straße, бывшая Куйбышева), Молодечненская (Moledetschnoer Straße) – рис. 13. От имен городов, в направлении которых вели улицы, образованы их названия: Варшавская (Warschauer Straße, бывшие ул. Чкалова и Московская, рис. 6), Смоленская (Ssmolensker Straße), Виленская (Wilnaer Straße).

Незначительному числу улиц свойственны переименования символического пропагандистского характера: улицы Танковая/Panzerstraße¹⁹ (б. Интернациональная), Артиллерийская/Artilleriestraße (бывшая Пролетарская Набережная, современная Янки Купалы), Адраджэння/Adradzeniastraße (бывшая Мопровская, современная Коммунистическая, рис. 13), Победы/Siegesstraße (бывшая Свердловская, рис. 16) и др. При этом сохранены названия улицы Пераможная/Peremoshnaia-Straße и переулка Пераможны/Peremoshnyi-Gasse (рис. 13).

Также названия улицам давались по местоположению: например, Шоссейная/Chausseestraße (бывшая Опанского, современная ул. Кальварийская) – на окраине, Главная улица/Hauptstraße (бывшая Советская, рис. 16) – в центре города. Это же название улица носила в феврале-декабре 1918 г., когда Минск захватило войско кайзеровской Германии. Встречаются улицы, получившие названия от объектов, которые на них находились или к которым они вели: ул. Комендатурная/Kommandanturstraße (бывшая Карла Маркса, рис. 14), ул. Оперная/Opernstraße (бывшая Пролетарская, современная Янки Купалы) и

¹⁶ Первые документальные свидетельства о городе относятся к 704 г.

¹⁷ Первое упоминание о городе относится к 976 г.

¹⁸ Город основан предположительно в X в.

¹⁹ В Минске периода оккупации сосуществовали две улицы Танковые (рис 17). Одна из них получила название в 1928 г. ввиду создания в стране советских танков серийного производства. (Переименована в улицу имени Максима Танка в 1996 г.). Вторая – переименованная немцами в Panzerstraße – ул. Интернациональная. Panzer (нем.) – танк.

Оперная площадь/Opernplatz (бывшая пл. Парижской Коммуны), ул. Театральная/Theaterstraße (бывшая Энгельса) и пер. Театральный/Theatergasse, ул. Парковая/Parkstraße (бывшая Фрунзенская) – рис. 14, Церковная/Kirchenstraße (бывшая Революционная, рис. 17), расположенная рядом с Собором Девы Марии, и др.

Улица Рыночная/Marktstraße (бывшая Ленинская) вела к Рыночной площади/ Marktplatz (бывшая площадь Свободы, рис. 17), до 1860-х гг. называвшейся Верхним рынком.

В некоторых источниках встречается упоминание о том, что Главная улица с 25 марта по 3 июля 1944 г. носила название «25 марта» в память о создании в 1918 г. Белорусской Народной Республики. Однако в Минской городской управе вплоть до освобождения города находилась используемая нами в качестве источника данного исследования карта, на которой были отмечены переименования 1942 г.

Таким образом, проведенное лексико-семантическое, герменевтическое и семиотическое исследование коммеморативных урбанонимов Минска определенного периода позволило выявить ключевые имена городской культуры, характеризующие отдельный этап в истории города. Представляется, что применение методики картирования городского пространства способствовало выявлению мемориальных комплексов внутригородских имен, объединенных локально, обладающих семантической связностью и общей коннотацией.

Изменение семантики некоторых минских храмов

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
Минский православный храм на территории Замчища (Замковая церковь)	XI в. (между 1069–1073) (Э. М. Загорульский); начало XII в., между (1101–1119) (В. Р. Тарасенко)	Недостроен Вероятно, достроен и разрушен	Фундамент, находящийся возле стены Дома физкультуры ДСО «Трудовые резервы», законсервирован. На отдалении современной кладкой выполнена имитация фундамента
Вознесенский православный мужской монастырь и церковь Вознесения Христова на Троицкой горе	XV в. (?)	В 1616 г. отдан униатам, монахам базилианского ордена, пришел в запустение, так как базилиане начали строительство монастыря и церкви в центре города – возле ратуши. Место с развалинами церкви и бывшего монастыря продано в 1804 г. С 1867 г. – женское православное духовное училище, в советское время – медицинский факультет БГУ	Утрачены. На месте монастырских построек в 1946 г. возведен штаб Белорусского военного округа (сегодня – Министерство обороны Республики Беларусь)

МИНСКИЕ ХРАМЫ

Продолжение приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
Фарный костел (Святой Троицы, Троицко-Минский) на Троицкой горе	После 1508 г., согласно документам, во второй половине XVI в. был построен деревянный костел Вознесения Наисвятейшей Девы Марии и Святого Михаила Архангела; 1716–1720 гг. – новое деревянное здание	1809 г. – сгорел, богослужения перенесены в кафедральный собор на Высоком рынке и в деревянную часовню на Золотогорском кладбище. 1814 г. – планировалось возведение нового храма, однако проект не был осуществлен	Утрачен
Троицкий монастырь базилианок (Свято-Троицкий женский униатский монастырь)	1630-е гг., 1771 г. – первые каменные строения, 1799–1800 гг. возводятся новые строения, в середине XIX в. возводятся два новых корпуса, классицизм	С 1799 г. – Троицкий городской госпиталь (Губернская земская больница), во время Первой мировой войны – военный госпиталь, с 1921 г. по 2012 гг. – 2-я Советская больница (2-я городская клиническая больница)	Сохранились четыре строения: корпус бывшего Троицкого монастыря базилианок (XVIII в.), дом инвалидов, богадельня и хозяйственное строение (1840–1847 гг.); больница переведена в новые помещения, здания пустуют
Петропавловская братская (православная) церковь (Желтая церковь) и мужской монастырь	1612–1620 гг., элементы ренессанса и барокко в сочетании с традициями национальной архитектуры	1793 г. – храм упразднен, 1795 г. – переустройство храма на пожертвования Екатерины II, переименован в Екатерининский кафедральный собор – главный собор Минска, позже – Екатерининская церковь.	Собор Святых апостолов Петра и Павла

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Продолжение приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
		<p>1812 г. (во время французской оккупации) – лазарет, храм разграблен, службы возобновились в 1814 г.</p> <p>1871 – 1875 гг. – перестроен, 1933 г. – закрыт, склад бочек с сельдью.</p> <p>1941–1944 гг. службы возобновились, хранилась Минская икона Божией Матери. 1944 г. – архив, 1972–1979 гг. – реставрация, в 1970-е – 1990-е гг. – архивы (научно-технической документации и архив-музей литературы и искусства).</p> <p>1991 г. – возвращен православной церкви</p>	
Костел Святого Фомы Аквинского и Доминиканский монастырь	1620–1640 гг., барокко	<p>Кроме богослужебных функций был оборонительным форпостом, с 1832 г. – приходской храм Святой Троицы, с 1844 г. в здании монастыря располагается католическая семинария.</p> <p>С 1869 г. – казармы и офицерский клуб, начало XX в. – пожарное депо.</p>	Утрачен; фундамент, находящийся за Дворцом Республики, законсервирован

МИНСКИЕ ХРАМЫ

Продолжение приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
		1907 г. – верх фронтона костела разобран, сооружена деревянная пожарная вышка. 1926 г. – объявлен памятником архитектуры. В 1944 г. частично разрушен, в конце 1940-х гг. законсервирован, 1950 г. – взорван в связи с планированием Центральной площади	
Костел Святого Иосифа и монастырь бернардинцев	1630–1638 гг. – деревянное строение, 1644–1652 гг. – каменное, 1752 г. – перестроен после пожаров, позднее барокко	1753–1799 гг. – при монастыре действовала школа философии. 1864 г. – конфискован, используется как тюрьма – содержатся повстанцы. 1869 г. – передан православной церкви (православная полковая церковь Свв. Кирилла и Мефодия), в корпусах монастыря – казармы Коломенского пехотного полка, 1872 г. – архив, 1922 г. – закрыт. В годы Второй мировой войны – комендатура, архивы, с 1969 г. – центральный государственный архив Октябрьской революции и социа-	Белорусский государственный архив научно-технической документации и Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства; в помещениях бывшего монастыря располагается гостиничный комплекс «Монастырский»

Продолжение приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
		листического строительства БССР. 1983 г. – реставрация костела, с 1991 г. в здании храма – архивы; в корпусах монастыря – военные комендатура и прокуратура, с 2014 г. – гостиничный комплекс	
Костел женского бернардинского монастыря (на землях бывшего Космо-Дамиановского православного монастыря)	1633 г. – деревянное здание, 1642–1687 гг. – каменное, барокко	1687 г. – костел Рождества Пресвятой Девы Марии, 1852 г. монастырь ликвидирован, 1860 г. – храм передали православной церкви. 1863 г. – работает государственная следственная комиссия, содержатся осужденные повстанцы. 1870–1918 гг. – православный мужской монастырь Святого Духа, после 1918 г. закрыт. Спортивный зал для пожарной команды, архив, 1920–1930-е гг. – пересыльная тюрьма для раскулаченных крестьян. 1943 г. – возобновление служб, 1947 г. – воздвигнуты кресты, с 1961 г. – Свято-Духов кафедральный собор	Свято-Духов кафедральный собор

МИНСКИЕ ХРАМЫ

Продолжение приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
Костел Святого Войцеха и монастырь бенедиктинков	1633 г. – деревянный, 1650-е гг. – каменный, разрушен во время войны 1654–1667 гг., 1670-е гг. – восстановлен, 1682 г., 1780-е гг. – реконструкция, виленское барокко, 1872–1873 гг. перестроен, псевдорусский стиль	В начале 1870-х гг. – Преображенский женский православный монастырь с церковью, с 1929 г. – клуб пиццевиков, 1941–1944 г. – действующий храм, разрушен в годы войны, уцелевшие стены монастыря использованы при строительстве кинотеатра «Победа», открывшемся в 1950 г., костел разобрали в 1960-е гг.	Утрачен; на месте монастыря находится кинотеатр «Победа», на месте церкви – здание Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, построенное в конце 1980-х гг.
Церковь Святого Духа (униатская) (на месте деревянной православной церкви XVI в.), комплекс базилианских монастырей	Первая половина XVII в. (1630–1650-е гг.), Северное Возрождение	Во время войны между Речью Посполитой и Московским государством 1654–1667 гг. храм использовался как оборонительное сооружение. С 1795 г. принадлежит православной церкви, 1846–1850 гг. здание перестроено в псевдорусском стиле и переименовано в Петропавловский кафедральный собор. 1936 г. – церковь взорвана. Комплекс базилианских мужского	Здание церкви воссоздано в архитектурных формах XVII–XVIII вв. в 2011 г. – концертный зал «Верхний город». В здании бывшего мужского монастыря – Дом профсоюзов на площади Свободы; здание Свято-Духова монастыря базилианок отреставрировано, сегодня здесь располагается детская музыкальная школа искусств № 10 им. Е. А. Глебова

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Продолжение приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
		<p>и женского монастырей перестроен в XIX в..</p> <p>С 1803 г. по 1835 г. в здании бывшего мужского базилианского монастыря располагалась Минская мужская гимназия, в 1864–1917 гг. – присутственные места, после революции – Дом труда, а в 1941–1943 гг. – генеральный комиссариат Беларуси.</p> <p>В 1944 г. – Дом профсоюзов, в здании открылся музей истории борьбы белорусского народа с немецко-фашистскими оккупантами (будущий музей Великой Отечественной войны располагался здесь по 1964 г.), а также находились Картинная галерея (по 1957 г.), ставшая основой для Национального художественного музея, и с 1945 г. по 1949 г. Литературный музей Янки Купалы</p>	

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
Костел Святой Марии (костел иезуитов)	1700–1710-е гг., барокко	1773 г. – приходской, с 1798 г. – кафедральный собор в честь имени Пресвятой Девы Марии. 1951 г. – закрыт, башни снесены, фасад перестроен, до 1990-х гг. – Дом физкультуры (спортивное общество «Спартак»). В 1993 г. – возвращен католической церкви, 2000-е гг. – восстановлен первоначальный облик	Архикафедральный собор Пресвятой Девы Марии
Монастырь мариавиток, костел	Конец XVIII в. – деревянное строение, 1811 г. – каменное, ампи́р	В монастыре размещался госпиталь для сирот, престарелых и нищих, в (1840?) 1854 г. монастырь упразднен, здание отдано Минской духовной семинарии. Перестроено, после революции семинарию закрыли, с 1921 г. – Минские пехотные курсы, на базе которых в 1924 г. организована Объединенная белорусская военная школа, 1952 г. – реконструкция, с 1955 г. – Минское суворовское военное училище	Минское суворовское военное училище

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Продолжение приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
Костел Воздвижения Святого Креста (Кальварийский) на месте деревянного костела середины XVIII в.	1838–1841 гг., неоготика	В 1930-е гг. – единственный действующий храм в городе. Перед началом войны закрыт, во время немецкой оккупации службы возобновились, после войны – склад мрамора, художественные мастерские. В начале 1980-х гг. возвращен верующим, храм отреставрирован	Костел Воздвижения Святого Креста (Кальварийский)
Церковь Святой Марии Магдалины на Переспенском кладбище	1847 г., классицизм, псевдорусский (русско-византийский) стиль	После революции склад, с 1937 г. – столярная мастерская, во время Второй мировой войны – действующий храм. С 1949 по 1990 гг. Госархив кинофото-документов. 1990 г. – возвращен православной церкви	Церковь Святой Равноапостольной Марии Магдалины
Костел Святой Троицы (Святого Роха) на Золотой горке (на месте деревянной часовни Святого Роха на золотогорском католическом кладбище,	1861–1864 гг., неоготика	1922 г. – реквизированы все ценности, 1930 г. – закрыт, во время Второй мировой войны частично разрушен. После войны – книгохранилище, с 1983 г. – концертный зал Белгос-	Костел Святой Троицы (Святого Роха) на Золотой горке

МИНСКИЕ ХРАМЫ

Продолжение приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
построенной в 1796 г.)		филармонии. С 1991 г. – возобновились богослужения, однако концерты проводились вплоть до 2006 г., когда здание возвращено римско-католическому приходу Святой Троицы (Святого Роха)	
Церковь Покрова Пресвятой Богородицы (Крестовая), Архиерейское подворье	1885 г., псевдорусский стиль, 1913 г. – построено здание церковно-археологического музея в честь юбилея (300-летия) дома Романовых (Юбилейный дом)	В 1934 г. здание разрушено при строительстве Дома Красной армии им. маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова; в здании музея в 1918 г. располагалась Рада БНР, затем Народный дом, в советское время – Дом искусств, позже университетская библиотека, с 1999 г. – Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла	Утрачена; фундамент послужил основой для левого крыла Дома офицеров; в здании бывшего Юбилейного дома в 2013 г. зарегистрирован Приход храма в честь святых равноапостольных Мефодия и Кирилла. В августе 2015 г. на купол установили крест и состоялась первая служба
Старая и новая церковь во имя иконы Казанской Божией Матери (Железнодорожная, Привокзальная церковь), часовня в память	Старая (деревянная) церковь и каменная часовня – 1890 г., новая церковь – каменный храм 1912–1914 гг., псевдорусский (неовизантийский) стиль	1930 г. – клуб железнодорожников в каменном храме, в деревянной церкви – клуб для глухонемых. Каменный храм взорван в 1936 г. Во время немецкой	Утрачены; на месте каменного храма – памятный камень в честь революционера Мясникова (планировалось установить памятник) на площади

Продолжение приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
чудесного спасения императорского семейства		оккупации возобновились богослужения в деревянной церкви; разобрана в 1961–1962 гг. Икона Казанской Божией Матери находится в Свято-Духовом кафедральном соборе	Мясникова
Церковь Александра Невского на Военном кладбище	1896–1898 гг. – храм в честь победы в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., русское церковное барокко (русское узорочье)	В советский довоенный период закрыта, с 1941 г. по настоящее время проходят богослужения. В 1945 г. исполком Сталинского района города принял решение передать общине верующих здание церкви	Церковь Святого благоверного князя Александра Невского на Военном кладбище
Костел Святого Симеона и Святой Елены (Красный костел)	1910 г., неороманский стиль (неоготика с чертами модерна)	1932–1937 гг. – Государственный польский театр БССР, с 1938 г. – киностудия «Советская Белоруссия». 1941–1944 гг. – возобновление служб. С лета 1944 г. – здание вновь отдано киностудии «Советская Белоруссия», перестроено, появились пристройки. Планировали снести и построить на этом месте панорамный ки-	Костел Святого Симеона и Святой Елены

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
		<p>нотеатр «Беларусь» на 2500 мест. С 1971 г. – Дом кино Союза кинематографистов БССР.</p> <p>1990 г. – возвращен церкви.</p> <p>С 2002 г. в костеле хранится копия Туринской плащаницы</p>	
Лютеранская кирха (на Захарьевской улице)	1809 г., классицизм	<p>1909 г. – часть помещений, расположенных на Лютеранском подворье, состоявшем из нескольких зданий, сдавалось внаем, в одном из зданий располагался кинотеатр «Гигант» (согласно З. Шибeko). 1930-е гг. – здание преобразовано в детский кинотеатр имени 8 Марта (в дальнейшем переименованный в «Новости дня», в некоторых источниках «Чырвоная зорка»), в годы Второй мировой войны повреждено, снесено</p>	Утрачена; на месте кирхи и кинотеатра построен жилой дом (проспект Независимости, 22)
Лютеранская кирха Святого Николая на протестантском кладбище (Мало-Лютеранская улица)	1846 г.	Кладбище ликвидировали в 1970-е гг.	Утрачена; на месте храма и кладбища – с 2009 г. Лютеранский сквер

Продолжение приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
Хоральная синагога	Конец XIX–1906 г., мавританский стиль	1923 г. – рабочий клуб, Дом культуры секретариата ЦИК им. М. В. Фрунзе, с 1926 г. – Государственный еврейский театр БССР, кино-театр «Культура». В годы Второй мировой войны здание повреждено, восстановлено и перестроено в 1950-е гг. под театр	Утрачена; Национальный академический драматический театр им. М. Горького
Холодная (Большая) синагога	1570 г.	Закрыта в 1930-е гг. После Второй мировой войны отдана верующим. В 1960-е гг. – склад. Снесена в 1965 г. во время реконструкции Немиги, после окончания строительства Белорусского государственного института промышленного проектирования («Белпромпроект»)	Утрачена
Китаевская синагога (в Троицком предместье)	1874 г.	Закрыта после революции, учреждения и жилые квартиры	С 1970 г. – Дом природы

МИНСКИЕ ХРАМЫ

Окончание приложения 3

Культовое строение	Год постройки, архитектурный стиль	Изменения	Современное состояние
Соборная мечеть (на улице Большой Татарской) на месте деревянной мечети, построенной на рубеже XVI–XVII вв.	1901 г., византийский стиль	С 1936 г. – продовольственная база. Во время войны действовала. 1948 г. – Морской клуб минского товарищества содействия флоту. 1962 г. – взорвана при строительстве гостиницы «Юбилейная»	В 2016 г. рядом с бывшим мусульманским кладбищем, на месте которого в советское время разбили городской сквер (на пересечении улиц Грибоедова и Игнатенко), построена Соборная мечеть. Историческая мечеть находилась в районе современной гостиницы «Юбилейная»

Источники: Дзянісаў, У. М. Касцёлы г. Мінска ў XVI – пачатку XX ст. (паводле дакументаў НГАБ) [Электронны рэсурс] / У. М. Дзянісаў // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Режим доступу: http://niab.by/stat/dzianisau_kascioly/. – Дата доступу: 20.07.2015; Дзянісаў, У. М. Комплекс базыльянскіх манастыроў у Мінску / У. М. Дзянісаў // Помнікі старажытнабеларускай культуры. Новыя адкрыцці / рэд. С. В. Марцэлеў. – Мінск, 1984. – С. 118–126; Дзянісаў, У. Мінскія бенедыктынкі: гісторыя зруйнаванага кляштара [Электронны рэсурс] / У. Дзянісаў // Наша вера : электронны часопіс. – 2003. – № 2(24). – Режим доступу: media.catholic.by/nv/n24/art18.htm. – Дата доступу: 20.07.2015; Загорюльский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорюльский. – Минск, 1982. – С. 189–202; Тарасенко, В. Р. Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.) / В. Р. Тарасенко // Материалы по археологии БССР / Ин-т истории АН БССР, сектор археологии. – Т. 1. – Минск, 1957. – С. 182–257; Мінск незнаёмы. 1920–1940 / аўт.-уклад. І. Куркоў. – Мінск : Ураджай, 2002. – 240 с.; Воспоминание о городе: история Минска в фотографиях из коллекции Василия Каледы. – Минск : Четыре четверти, 2004. – 184 с.; Кулагін, А. М. Праваслаўныя храмы на Беларусі : энцыкл. даведнік / А. М. Кулагін. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2001. – 328 с.; Шыбека, З. В. Мінск сто гадоў таму / З. В. Шыбека. – Мінск, 2007. – С. 193–196; Чудо Александро-Невскага храма: інтэрв'ю з настояцелем Свята-Александро-Невскага храма горада Мінска пратоіереем Сергіем Куракевічам [Электронны рэсурс] / Свята-Елісаветінскі манастыр. – Режим доступу: obitel-minsk.by/UserFiles/_oid100102718.html. – Дата доступу: 20.07.2015.

**Корпус художественных произведений,
составляющих минский текст¹**

Абелиович Лев (муз.), Ясень Михаил (сл.)

Звезды над Минском (1975) – песня

Аверын Алёг (муз., сл.)

Мінская зорка (1998) – песня

Адамовіч Антон (Забранскі Д.)

Менску (На ўгодкі вялікае паджогі) (1942) – импрессия

Каханы горад (1943) – пролог к роману

Аксельрод Меир

Менск (1928) – линорит

Чырвоны дом (1928) – бумага, гуашь

Минск (1930-е) – бумага, гуашь (Государственная Третьяков-
ская галерея)

Мінскі краявід (1930) – бумага, гуашь (собрание семьи)

Мінск. Лесвіца (1931) – бумага, гуашь (собрание семьи)

«Стары Менск (Успаміны аб старым Менску)» (1960-е) – серия
пейзажей

Соборная плошча (1968) – картон, темпера

Александровіч Андрэй

Новы Менск (1923) – стихотворение

Менскі рытм (1924) – стихотворение

Горад раніцай (1930) – сборник стихотворений

Да гудка (1947) – стихотворение

Трактараград (1948) – стихотворение

---

¹ Представленный список не претендует на полноту и всеохватность в силу того, что минский текст постоянно пополняется, создаются новые и возвращаются из «небытия» забытые произведения.

Алоўнікаў Уладзімір (муз.), Панкевіч Ігнат (сл.)

Песня пра Мінск (1965) – гимн города

Альперович Лев

Похороны гимназистки на Сторожевском кладбище (1909–1913(?)) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Альтман Натан

Площадь провинциального города (1926) – рисунок Менска, сделанный с балкона гостиницы «Европа» (Государственная Третьяковская галерея)

Альшевский Виктор

Мой Минск. Символы пространства и времени (2015) – арт-проект

Аляксееў Мікалай

Абарона Мінска (1967) – очерк

Антипов Павел

Немига (2011) – рассказ

Площадь Ленина (2011) – рассказ

Аракчеев Борис

Вид на трамвайный мост (1959) – холст, масло

У Летнего кинотеатра (1959) – картон, масло

Уже не нужны (На свалке истории) (1963) – картон, масло

Выпал снег (1963) – картон, масло

Минск. Дворец спорта в проекте (1963) – картон, масло

Дымы Минска. Зима (1963) – картон, гуашь

Минский трамвайчик (1963) – картон, масло

Трамвайное кольцо в Верхнем городе (1963) – картон, масло

Морозное утро в Минске (1964) – картон, масло

Минск строится (1966) – холст, масло

Минск вечерний. Дворец спорта (1967) – холст, масло

Синий зимний вечер (1967) – холст, масло

Утро рабочего дня (1970) – картон, масло
 Осенний сквер (1971) – картон, масло
 Соборная площадь (1974) – холст, масло
 Дворик консерватории (1974) – картон, масло
 Кафе «Пингвин» (1974) – картон, масло
 Багрянец осени (1976) – картон, масло
 Праздник Октябрьской революции (1977) – холст, масло
 Осенний призыв (1976–1977) – холст, масло
 Снежная зима (1978) – картон, масло
 Зеленый город (1978) – картон, масло
 Синее небо над Минском (1979) – картон, масло
 День Красной армии. Памяти антифашиста, Героя Советского
 Союза Фрица Шменкеля (1980) – холст, масло
 Площадь Свободы. Первомай – праздник для всех (1966–1967) –
 холст, масло
 Праздник весны, мира и дружбы народов (1980-е) – холст, масло
 Минск. Голубая весна (1980) – картон, масло
 Руины разрушенного здания бывшего Городского театра XIX в.
 (1984) – картон, масло
 Зимка. Площадь Свободы (1986) – картон, масло
 Вид на трамвайчик, Парк Горького (1960-е–2010) – холст, масло

Аракчеева Оксана

Минские окна (2003–2016) – серия пейзажей, холст, масло

Асіпенка Алесь

Поступ веку (1967) – монолог, посвященный Минскому
 автомобильному заводу

Астрэйка Анатоль

Плошча Свабоды (1967) – стихотворение

Ахремчик Иван

Вступление Красной Армии в Минск в 1920 году (1935) – холст, масло

Барадулін Рыгор

Мянеск (1967) – стихотворение

Барановский Федор

Старые улочки Минска (1969) – картон, масло

Минск наш (?) – холст, масло

Улица Танковая (?) – холст, масло

Освобождение Минска в 1944 году (1984) – холст, масло

Барсуков Денис

Минские башни (2005) – холст, масло

Троицкое предместье (2005) – холст, масло

Мост над Свислочью (2007) – холст, масло

Остров слез (2011) – холст, масло

Минск. Вид с проспекта на шпиль (2013) – холст, масло

Проспект (2015) – серия живописных работ (холст, масло)

Бархатков Антон

Проспект им. Сталина (1952) – холст, масло

Улица Я. Мавра. Снег (1984) – картон, масло

Басалыга Михаил

Битва на Немиге (2012) – цветная литография

Басов Бенямин

Минск. Окраина (1949) – холст, масло

Басов Израиль

Минск. Центральный вход в Парк Горького (1955) – холст, масло
(собственность семьи)

В поселке (1958) – холст, масло (собственность семьи)

Улица Кирова (1959) – холст, масло (собственность семьи)

Городские крыши (1961) – холст, масло (собственность семьи)

Дом с красной крышей (1962) – холст, масло (собственность семьи)

Городской пейзаж (1963) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Остатки прошлого (1963) – холст, масло (собственность семьи)

Зеленый Минск (1964) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Индустриальный пейзаж (1964) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь, передан Шерешевскому поселковому совету)

Минск. Полдень (1965) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Городской пейзаж. Улица Кирова (1965) – холст, масло (собственность семьи)

Минск (1965) – холст, масло (собственность семьи)

Заводская окраина (?) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Городской пейзаж (1966) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Городской пейзаж (1967) – холст, масло (собственность семьи)

Мост (1967) – холст, масло (собственность семьи)

Городская окраина (1967) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Улица Красноармейская (1967–1968) – холст, масло (собственность семьи)

Городской пейзаж. Подружки (1968) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Немига (1968) – холст, масло (собственность семьи)

Город. Улица Кирова (1968) – холст, масло (собственность семьи)

Аллея города (1968) – холст, масло (собственность семьи)

Улица Немига (1969) – холст, масло (собственность семьи)

Рабочий поселок (1969) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь, передан в Бельничичи)

Ритм города (конец 1960-х) – холст, масло (Дирекция выставок Белорусского союза художников)

Город (1968–1969?) – холст, масло (Дирекция выставок Белорусского союза художников)

Светлое утро (1970) – холст, масло (Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник)

Ритмы города (1974) – холст, масло (собственность семьи)

Большой город (1976) – холст, масло (собственность семьи)

Город (1978) – холст, масло (собственность семьи)

Город (1979) – холст, масло (собственность семьи)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Городской пейзаж (1979) холст, масло (Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник)

Городской пейзаж (1993) – холст, масло (собственность семьи)

Этюды, неоконченные произведения с условным датированием (собственность семьи художника):

(Минск) (1958) – холст, масло

Под вечер (1958) – холст, масло

Заводской мотив (1958) – холст, масло

В парке (1959) – холст, масло

Северный поселок (1959–1969) – холст, масло

(Старый Минск) (1960) – 52x79, холст, масло

(Старый Минск) (1960) – 70x50, холст, масло

Арка стадиона (начало 1960-х) – холст, масло

(Набережная) (1961) – холст, масло

Городская окраина (1961) – холст, масло

Индустриальный пейзаж (1961) – холст, масло

(Старый Минск. Цыганский район) (1962) – холст, масло

(Набережная. Ул. Коммунистическая) (1962) – холст, масло

(Городской пейзаж) (1962) – холст, масло

Городской пейзаж (1963) – холст, масло

(Минск) (1963) – холст, масло

(Минск) (1964) – холст, масло

(Минск. Ул. Красноармейская) (1964) – холст, масло

(Минск. Осень) (1964) – холст, масло

(Минск. Дом Правительства) (1964) – холст, масло

Городской этюд (1964) – холст, масло

(Район Немиги) (1962–1963) – холст, масло

Парк Горького (1963–1964) – холст, масло

(Набережная Свислочи) (1965) – холст, масло

(Вид на Оперный театр) (1965) – холст, масло

(Минск) (1965) – холст, масло

Минск (1966) – холст, масло

Пейзаж с тремя фигурами (1967) – холст, масло

Парк Горького. Набережная Свислочи (1967?) – холст, масло

Улица Кирова (1967–1968) – холст, масло

Немига (1968) – холст, масло

Промышленный пейзаж (1968) – холст, масло

Город (1968) – холст, масло

Город (1969–1970) – холст, масло

Городской пейзаж (?) – холст, масло

Батракова Наталья

Территория души (2002) – роман

Бахарэвіч Альгерд

Натуральная афарбоўка (2002) – роман

Шабаны (2012) – роман

Шабаны (2015) – спектакль Национального академического театра им. Янки Купалы (постановка Елены Ганум)

Бачыла Алесь

Самы лепшы горад (1958) – стихотворение

Беланович Иосиф

Свислочь (1961) – холст, масло

Над Свислочью (1962) – холст, масло

Минская ТЭЦ-1 (1970) – холст, масло

Беларускі трактарны (1950) – литературный сборник (авторы: П. Бровка, М. Танк, А. Велюгин, Я. Брыль, Р. Нехай, И. Громович и др.)

Белоусов Владимир

Сушится белье. Улица Кропоткина (1955) – картон, масло

Растаяло (Окраина Минска) (1976) – картон, масло

Белоусов Олег

Мой город (2005) – воспоминания

Бельский Михаил

Старый Минск (?) – цветная бумага, акварель

Старый и новый Минск (1959) – акварель (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Биске Кароль

Дом магнатов Сапег (Наистарейший дом в Минске на улице Юрьевской, во дворе) (1918) – графика (журнал «Tygodnik ilustrowany», № 21–22, май-июнь)

Доминиканский костел св. Томаша Аквинского (1918) – графика (журнал «Tygodnik ilustrowany», № 21–22, май-июнь)

Битва на Немиге – миниатюра из Радзивилловской летописи (XV в.)

Блищ Михаил

Мінская ЦЭЦ (?) – картон, масло

Бобрович Анатолий

Минск (1995) – холст, масло

Богатырев Анатолий (муз.), Новоселов Геннадий (сл.)

Минск – мой любимый город (1961) – песня

Боярский Владислав

Бывший костел иезуитов. Вид после пожара (1881) – гравюра (журнал «Tygodnik Powszechny»)

Минск после пожара 1881 г. – гравюра (журнал «Tygodnik Powszechny»)

Улица Койдановская после пожара (1881) – гравюра (журнал «Tygodnik Powszechny»)

Бржозовский Генрих

Дубы Курасовщины (?) – холст, масло

Броўка Пятрусь

Трактарагорад (1947) – стихотворение

Гераічны і вечны (1967) – стихотворение

Булычев Юрий

Минск. Комаровка (?) – картон, масло

Минск (1960-е) – картон, масло

Бялевіч Антон

Камароўка (1967) – рассказ

Варламов Виктор

Улица Мясникова (1980) – холст, масло

Русский театр в Минске (?) – холст, масло

Екатерининская церковь (?) – холст, масло

Вейнерович Иосиф

Дом на проспекте (1962) – документальный фильм

Вейсенгоф Генрих

Юбилейный значок, подаренный Эдварду Войниловичу членами Минского товарищества сельского хозяйства в 25-ю годовщину его работы в товариществе (1913) – дизайн

Верас Зоська

Пяць месяцаў у Мінску (1967) – воспоминания

Вид на Минск с Троицкой горы (конец XVIII – начало XIX в.) – рисунок неизвестного художника

Вид на «дом масонов» со стороны реки Свислочь (вторая половина XX в.) – бумага, карандаш, акварель (рисунок неизвестного художника) (Белорусский государственный архив научно-технической документации)

Викторов Ричард

Любимая (1965) – художественный фильм

Вітка Васіль

Няміга (1946) – стихотворение

Мінскія балады (1982) – цикл стихотворений

Витковский Григорий

«Минск вчера и сегодня» – серия графических работ (офорт)

«Минск зимой» – серия графических работ (офорт)

Минск. Дом офицеров (1967) – эстамп

Владычина Марина

Дом исторического музея (1928) – акварель

Волков Анатолий

Детский садик (1950-е) – холст, масло

Осень. У ГУМа (1950-е) – холст, масло

Центральная площадь в Минске (1958) – холст, масло

1917 г. Арест городского в Минске (1970-е гг.) – холст, масло

Волков Валентин

Минск 3 июля 1944 года (1945–1955) – холст, масло

Володин Михаил

Наш старый добрый Вавилон. Прогулка по городу в Минских историях (2014) – путеводитель, сборник городских рассказов

Вольнец Николай

Минское море (1963) – холст, масло

Набережная Свислочи (1970) – холст, масло

Вольскі Лявон (муз., сл.)

Менск і Мінск (2007) – песня

Воранава Людміла

Мінск – сталіца мая! (2014) – стихотворение

Мой любы Мінск! (2015) – стихотворение

Воронов Натан

Минск. Интернациональная улица (1949) – холст, масло

Минск. 1919 (1952) – эскиз к картине (холст, масло)

Сталин в Минске. 1919 (1953) – холст, масло

Утро в Октябре (Минск. 1917 год) (1957) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Железобетон новостройкам (1958) – холст, масло

Река Свислочь (1960) – холст, масло

Минск. Площадь Победы (1964) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Старый Минск. Вечер (?) – холст, масло

Берег Свислочи (?) – холст, масло

Минск. Товарная станция (?) – холст, масло

Волчек Игорь, Тумеля Михаил, Ленкин Александр, Петкевич Владимир

Аповесць мінулых гадоў. Гербы. Частка 1 (2006) – анимационная лента

Вялюгін Анатоль

Салют у Мінску (1947) – сборник стихотворений

Гавриленко Павел

Минск. Московская улица (1936) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Минск. Дом правительства (1940) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

На лесах (1960) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Гардин Владимир (реж.)

Кастусь Калиновский (1928) – художественный фильм

Гарулёў Мікалай

Жыллёвы гарадок (1950) – очерк о поселке Минского тракторного завода

Гембицкий Ибрагим

Кирпичный завод в Минске (1924) – рисунок (частная коллекция)

Начная змена (?) – цветной линорит

Уступленне Чырвонай арміі ў Мінск у 1920 (з серыі «Разгром
белапольскіх акупантаў у 1920») (1940) – графіка

Мінск. Снежны пераулок (1942) – рысунок (частная каллекцыя)

Кальварыя (1942) – рысунок (частная каллекцыя)

Здание Политехнического института в Минске (1953) – цветная
ліногравюра

Минский железобетонный завод (1958) – графіка

Генин Давид

Оперный театр (из серии «Новый Минск») (1953) – бумага,
акварель

Герасимович Г. (?)

Наполеоновская площадь (1839–1843) – акварель. Оригинал
считается утраченным во время Второй мировой войны (журнал
«Tygodnik ilustrowany», № 21–22, май-июнь)

Герус Семен

Плошча Перамогі (1950-е) – літографія

Куточак новага Мінска (1950-е) – літографія

9 Мая (1950-е) – літографія

Стары Мінск (1950-е) – літографія

Домік-музей Із'езду РСДРП (1950-е) – літографія

Стары Мінск даваенны (1950-е) – літографія

Масток на Свіслачы (1950-е) – літографія

Ночной Минск (1978) – ліногравюра

Гілевiч Ніл

Мой горад (1967) – очерк

Глебов Евгений (муз.), Орлов Владимир (сл.)

Дом мой, столица (1983) – песня

Глебов Евгений (муз.), Макаль Петрусь, Вертинский Анатолий (сл.)

После салюта (1979) – песня

Глобус Адам

- Свіслач-рэчка (1988) – стихотворение
 Вільня і Мінск (1988) – стихотворение
 Мінск. Траецкае прадмесце (1989) – стихотворение
 Скрыжаванне (?) – эссе
 Мінск (2000-е) – стихотворение
 Гісторыі пра Мінск і ваколіцы (2015) – зборнік прозы
 Горад (?) – стихотворение
 Сталіца (?) – стихотворение
 Пляц Воли (2013) – бумага, акрил
 Дворык у старым Мінску (2013) – бумага, акрил
 Вечаровы Мінск у сакавіку (2014) – бумага, акрил
 Стары Мінск (2014) – бумага, акрил
 Холад у Мінску (2014) – бумага, акрил
 Крайвід з Домам афіцэраў (2014) – бумага, акрил
 Бальнічныя карпусы па вуліцы Багдановіча (2014) – бумага, акрил
 Вечаровае сонца ў Свіслачы (2014) – бумага, акрил
 Вечар у старым Мінску (2014) – бумага, акрил
 Цяплынь у Музычным завулку (2014) – бумага, акрил
 Карункавыя аблогі над Музычным завулкам (2014) – бумага, акрил
 Вераснёвы вечар у Мінску (2014) – бумага, акрил
 Катанне на лодцы (2014) – бумага, акрил
 Кастрычнік у Мінску (2014) – бумага, акрил
 Лесвіца ў Траецкім (2015) – бумага, акрил
 Свіслач пад мастом на вуліцы Багдановіча ў халодны дзень (2015) –
 бумага, акрил
 Чырвоны касцёл у Мінску (2015) – бумага, акрил
 Аблогі над Чырвоным касцёлам (2015) – бумага, акрил
 Чырвоны касцёл пад шэрым небам (2015) – бумага, акрил
 Мінск. Траецкае. Вечар (2015) – бумага, акрил
 Белы трамвай на вуліцы Змітрака Бядулі, што ў Мінску (2015) –
 бумага, акрил
 Залатое неба над Мінскам (2015) – бумага, акрил
 Цагляны Мінск (2016) – бумага, акрил
 Мінскі цёплы вечар (2016) – бумага, акрил
 Каталіцкі Мінск (2016) – бумага, акрил
 Хрысціянскі Мінск (2016) – бумага, акрил

Траецкае (2016) – бумага, акрил
Вуліца Няміга (2016) – бумага, акрил
Шпацыр уздоўж Свіслачы (2016) – бумага, акрил
Вербы над Свіслаччу (2016) – бумага, акрил
Наш Мінск (2016) – бумага, акрил
Стары-новы Мінск (2016) – бумага, акрил

Голубев Иосиф

«Счастье мое...» – дневники 1916–1923

Гомонов Владимир

Церковь Марии Магдалины (1993) – холст, масло

Гораздовский Эдвард

Интерьер костела Пресвятой Троицы на Золотой горке (1868) –
литография

Гордеенко Владимир

Салют Победы в Минске (1980) – холст, масло

Горячая Наталья

Иллюстрации к роману Виктора Мартиновича «Мова» – графика (2014)

Грамовіч Іван

Мінскія поры года (1957) – литературная зарисовка

Грахоўскі Сяргей

Тры песні любові (1967) – литературная зарисовка
Мінск (1971) – публицистика

Гришман Евгений (муз.), Орлов Владимир (сл.)

Солнечный вальс (?) – песня

Громыко Виктор

Минск послевоенный (1949) – этюд

Гудилин Сергей

Фотопроект MI(E)NSK (2013) – серия фотографий

Гутковский Павел

Менск. Набярэжная Свіслачы (1942) – линорит

Давидович Исаак

Курловский расстрел (1939) – холст, масло (сохранился эскиз, судьба произведения неизвестна)

Вечный огонь (1965) – холст, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Давидович Исаак, Тиханович Евгений

Праздник Победы 9 мая 1945 г. в Минске (1955) – холст, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Данциг Май

Вход в Парк Горького. Мостик (1950) – картон, масло

Рисунки и наброски (1950–1980-е)

Вечер на Свислочи (1953) – холст, масло

Минск. Пепелище Немиги (Здесь было гетто) (1955) – холст, масло

На бульваре (1957) – холст, масло

Минск. Площадь Ленина (1959) – холст, масло (частная коллекция)

Руины Минска (1960) – холст, масло

Минск. Улица Красная (1960) – холст, масло

Древний и новый Минск (1960) – холст, масло

Минск пробуждается (1960) – холст, масло

Растут новые кварталы (1960) – холст, масло

Минск. Улица Красная (1960) – холст, масло

Минск. Воскресное утро (1961) – холст, масло

Утро нового Минска (1961) – холст, масло

Новый Минск (1961) – холст, масло

Минск. Крыши старой Немиги (1966) – холст, масло

Мой Минск (1967) – холст, масло

Минск после войны (1970-е) – рисунок углем

Минск. Верхний город (1971) – холст, масло
Новый район (1971) – картон, масло
Минск. Площадь Победы (1972) – холст, масло
Минск город древний, молодой (Мой город древний, молодой)
(1972) – холст, масло
Вечный огонь (1974) – холст, масло
Минск. Весна. 1944 год (1975) – холст, масло
Ночной Минск (1975) – холст, масло
Песня о Минске (Песнь о Минске) (1976) – холст, масло
Палитра новостроек (1979) – холст, масло
Освобождение (1984) – холст, масло
Малый Тростенец. Урочище Благовщина. Здесь памятью людей
воздвигнут памятник (2015) – холст, масло

Дзеружынскі Авяр'ян

Мінскі вальс (1975) – песня (муз. Михаила Шумилина)
Песня аб Мінску (?) – песня
Мінская вячэрняя (Вячэрні Мінск, Цудоўны Мінск расквечаны...)
(1962) – песня (муз. Ричарда Бутвиловского)

Довгялло Михаил

Старый Минск (1945) – картон, масло
Минск строится (1950-е) – картон, масло
Площадь Победы (1953) – картон, масло
Минск (1964) – картон, масло
Кафедральный собор (1965) – картон, масло

Дроздович Язеп

Минск. Вид на Верхний город (1919) – рисунок тушью
(Национальный художественный музей Республики Беларусь)
Менск. Выгляд са Шпітальна-Траецкага завулка (1919) – рисунок
Татарские болота (1920) – рисунок тушью
Дом былога судзілішча Менскага замка (1920) – рисунок
Абрыў Замкавай гары і прыбярэжная грэбля на правым беразе ракі
Свіслач (1920)
Рака Свіслач ля Замкавай гары (1920) – рисунок тушью
(Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Городец (1920) – рисунок тушью
Крушні дамоў Маньковіча на Замкавым узгорку (1920) – рисунок тушью (Национальный художественный музей Республики Беларусь)
Руіны на Замкавай гары (1922) – рисунок тушью (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Дучиц Николай

Минск. Угол Ленинской и Интернациональной 1928 г. – цветной картон, карандаш

У железнодорожной церкви (1929)
Стары Мінск. Рыбны рынак – линорит
Мінск. Турэмны завулак (1930) – бумага, цветной карандаш
Дворик (1943) – картон, масло
Лес в Слепянке (1943) – холст, масло
Минск. 1944 год – холст, масло
Уголок Минска (1944) – холст, масло
Руины Минска (1943) – холст, масло
На руинах Минска (1944) – картон, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)
Во дворе на Интернациональной улице (1944) – картон, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)
Городской пейзаж (1944) – холст, масло
Стары Менск (1944) – холст, масло (НХМ Республики Беларусь)
В районе автозавода (1948)
Новостройки Минска (1948)
Старый Минск (1960-е) – серия гравюр
Виды Минска (?) – цикл акварелей
Мост по улице Янки Купалы (1963) – холст, масло
На берегу Свислочи (1966) – холст, масло
Менск. Стары горад (1968) – линорит

Ждан Виктор

Гонки на каноэ (1960) – бумага, акварель

Зайцев Евгений

Вступление Красной армии в Минск 11 июля 1920 года (1940) – репродукция, оригинал утрачен

Минск горит (1944) – холст, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Парад партизан в Минске 16 июля 1944 г. (1947) – холст, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Зарыцкі Аляксей

Лебедзі (1947) – стихотворение о фонтане «Мальчик с лебедем» в Александровском сквере

Заскевич Светлана

Беларускі балет (2003) – памятная монета (дизайн)

Глеб Менскі (2007) – памятная монета (дизайн)

Ікона Прасвятой Багародзіцы «Мінская» (2010) – памятная монета (дизайн)

Содружество Независимых Государств. 15 лет (2006) – памятная монета (дизайн)

Беларуская чыгунка. 150 гадоў (2012) – памятная монета (дизайн)

Захлевный Леонид (муз.), Ясень Михаил (сл.)

Минские окраины (?) – песня

Звонак Алесь

Ленінскі праспект (1962) – стихотворение

Зубараў Леанід

Мінск (2016) – стихотворение

Иванова Светлана

Минск души моей (2011) – эссе

Izum (Сергей Русак, эскиз Игоря Юхневича)

Портрет Кароля Чапского (2015) – граффити на улице Октябрьской, 16

Калачынскі Міхась

На мінскіх вуліцах (1967) – стихотворение

Капілаў Аркадзь

Замкавая 2/7 (1997) – повесть

Капланов Измаил (муз.), Жуков Олег (сл.)

Минский вечер (1999) – песня

Минск прекрасен (2008) – песня

Караткевіч Уладзімір, Мальдзіс Адам

Горад паўстае. 1863–1864 гг. (1967) – очерк

Каржанеўскі Антон

Брама на Старажоўскіх могілках (1943) – рисунок, карандаш

Пейзаж Минска (1943) – рисунок, карандаш

Плошча Свабоды (?) – рисунок, карандаш

Менск. Верхні горад (1944) – рисунок, карандаш

Карпаў Уладзімір

За годам год (1957) – роман

Мінскія сустрэчы (1967) – воспоминания

Катков Сергей

Минск. Верхний город (1946) – картон, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Городской пейзаж (1967) – холст, масло

Мостик (1967) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Улица Кирова (1968) – холст, масло

Кашкурович Арлен

Перекресток (1963) – офорт

Церковь во имя Святого Благоверного князя Александра Невского (2003) – офорт

Костел Свв. Симеона и Алены (2007) – офорт

Минское барокко (2012) – офорт

Две башни (2012) – офорт
Костел Девы Марии (?) – офорт
Церковь Петропавловская (?) – офорт
Церковь Марии Магдалины (?) – офорт
Ратуша (?) – офорт
Верхний город (?) – офорт

Кипель Ефим

Эпизоды (1960-е гг., год издания 1998) – воспоминания

Кірэнка Кастусь

Вуліца Янкі Купалы (1967) – стихотворение

Kislow (Кислов Алексей)

Река Немига (2015) – граффити на улице Аэродромной, 17

Клинов Артур

Снежань (1988) – холст, масло

23 снежня (1990) – холст, масло

Гарадскі раманс (1991) – холст, масло

Махина (1994) – холст, масло

Статак (Карабель) (1995) – холст, масло

Город (1996) – холст, масло

Минск: путеводитель по Городу Солнца (2006) – литературно-фотографический проект

Малая падарожная кніжка па Горадзе Сонца (2008) – литературно-фотографический проект

Клышка Алесь

Мінская зямля (2010) – поэма

Ковалев Сергей (муз., сл.)

Минские окна (2000) – песня

Ковалевская Зофья

Obrazki mińskie 1850–1863 гг. (1912) – дневник Фердинанда Шабловского (преподавателя Минской гимназии)

Конан Дойл Артур

How the Brigadier Rode to Minsk (1902) – рассказ

Переводы:

Как бригадир отправился в Минск (пер. на рус. В. Магской, 1904)

Как бригадир побывал в Минске (пер. на рус. В. Хинкиса, 1987)

Как бригадир скакал в Минск (пер. на рус. Г. Баташова, 2009)

Засада ў горадзе Мінску (1985) – радиоспектакль
(автор инсценировки В. Мехов, реж. В. Анисенко)

Корзон Тадеуш

Mińsk w połowie XIX wieku: ze wspomnień osobistych (1908) –
воспоминания

Мінск у сярэдзіне XIX ст. З уласных успамінаў (пер. на бел. В. Макаревича) (2010)

Король Владимир

«Минск» (1946–1947) – серия карандашных рисунков:

Музычны завулак (1947)

Касьцёл Св. Тамаша (1947)

Дом масонаў (1947)

Партал б. касьцёла дамініканцаў (1947)

Краснапёрка Ганна

Пісьмы маёй памяці (1984) – воспоминания

Красовский Евгений

На восстановление Минска (1946) – графический рисунок тушью

Ворота города (Привокзальная площадь) (1958)

Минский тракторный завод (1964) – холст, масло

Мінск у 1946 годзе (1971) – офорт

Старый Минск (1979) – картон, масло

Улица имени Мясникова (?) – холст, масло

Улица Комсомольская (?) – холст, масло

Кроль Абрам

Зима в Минске (1946) – картон, масло
Разрушенный Минск. Площадь Свободы (1947) – картон, масло
Капитуляция под Минском (1961) – холст, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)
Площадь Ленина (1963) – картон, масло

Крохалев Петр

Минск (1950-е) – картон, масло
Минск. Зимний День. Улица Восточная (1950-е) – холст, масло
Сады цветут (1965) – картон, масло

Кругер Яков

Холодная синагога. Минск (1921) – рисунок

Кубарев Вячеслав

Минск. Немига (1968) – картон, масло (частное собрание)
Минское море (1978–1979) – холст, масло

Куйчик Николай

Строительство детского сада (1964) – холст, масло
По чистой воде. Комсомольское озеро (1970) – холст, масло
По улице Веры Хоружей (1983) – холст, масло

Кулакоўскі Аляксей

Гартаванне (1949) – повесть

Кульбак Моисей

Зелменяне (1930) – роман

Кульвановский Владимир

Замчышча (?) – графика
Няміга (?) – графика
Каля гарадской брамы (?) – графика
Мінск у канцы XIX стагоддзя. Ніжні рынак (?)
У ворт (1945) – бумага, акварель
Минский пейзаж (1950-е) – картон, масло

Татарскія агароды (1950-е) – акварель (частное собрание)
 Старый Минск (1962) – картон, гуашь, темпера (Национальный художественный музей Республики Беларусь)
 Рака Свіслач (1970-е) – холст, масло
 Свіслач каля Палаца спорту. Людамка (1983) – картон, гуашь, темпера

Куляшоў Аркадзь

Я жыўу на вуліцы Маскоўскай (1940) – стихотворение

Купала Янка

Водклік з 29 кастрычніка 1905 г. у Мінску (1906) – стихотворение
 Тутэйшыя (1922, опубл. 1924) – трагикомедия

Куренков Николай (муз.), Осмоловский Борис (сл.)

Вечерний восторг (2001) – песня

Кур'яновіч Юры

Мелодыі Мінска (?) – эссе

Кучар Алесь

Гэта было ў Мінску (1950) – пьеса
 Мы жывём у Мінску (1968) – документальный фильм

Лангбард Іосиф

Вид на площадь Свободы со стороны улицы Ленина (1944) – бумага, тушь, перо (Белорусский государственный архив научно-технической документации)

Левановіч Леанід

Бесядзь цячэ ў акіян (2007) – роман

Лейтман Лев

Главный вход на стадион «Динамо» (1952) – бумага, гуашь, акварель
 Минск. Дождливая осень (1959) – бумага, акварель
 Каток. Из серии «По спортивным местам Минска» (1971) – бумага, акварель, гуашь

Лисицкая Тамара

Тихий центр (2007) – роман

Литвинова Зоя

Мой Минск (1974) – холст, масло

Ловернь (Lauvergne) Бартелеми

Vue De Minsk Prise du chemin de Smolensk, 2 Fevrier 1840 (Вид на Минск, по дороге на Смоленск, 2(16) февраля 1840) – рисунок, литография по рисунку (Национальный музей истории и культуры Беларуси)

Лось Еўдакія

Мінчанка (1967) – стихотворение

Вячэрні Мінск (?) – стихотворение

Лужанін Максім

У роднай сталіцы (1967) – стихотворение

Лукашук Аляксандр

След матылька. Освальд у Менску (2011) – документально-исторический детектив

Луцевич Олег

Минск освобожден (1944) – картон, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Тушение пожара в Минске (1944) – холст, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Луцкевіч Антон

За дваццаць пяць гадоў (1903–1928): успаміны аб працы першых беларускіх палітычных арганізацый – воспоминания (упоминается о 1897–1902 гг., времени учебы в Минской гимназии)

Лученок Игорь (муз.)

Память сердца (1966), Ясень Михаил (сл.) – песня

Минск – мой дом (1967), Буравкин Геннадий (сл.) – песня
Баллада о Минске (1968), Русак Адам (сл.) – песня
Есть у города слава гордая (1975), Вертинский Анатолий (сл.) – песня

Песня пра Мінск (1976), Панченко Пимен (сл.) – песня

Лютова Вера

Зарево над лесом (1951) – повесть

Макарчук Инесса (составитель)

Школа на улице Энгельса (2005) – воспоминания

Максимов Г.

100 гадоў прафсаюзнаму руху Беларусі (2004) – памятная монета, реверс

Малишевский Альгерд

Мінск (1959) – картон, масло

Стары Менск (1965) – картон, масло (частная коллекция)

Вясна ў Чыжоўцы (1977) – пейзаж

Малкин Борис

Минск (1930-е гг.) – серия графических работ

Привокзальная площадь (?)

Улица в Минске (?)

Старый Минск (1961)

Мартинович Виктор

Мова (2014) – роман

Марикс Оскар

Площадь Свободы. Ратуша (1944) – бумага, карандаш, акварель (Белорусский государственный архив научно-технической документации) (Художник называет ратушей башню коллегиума иезуитов)

Менск. Старыя гандлёвыя рады (1945) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Старый Минск (1973) – холст, масло

Марухин Юрий

Солнце над городом (1966) – документальный фильм

Маслеников Павел

Минск (1953) – картон, масло

Улочка Минска (1963)

На окраине Минска (1963) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Минск (1964) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Индустриальный Минск (1964)

Минское море (1971) – картон, масло

Окраина Минска (1976) – картон, масло

Свислочь (сер. 1980-х) – картон, масло

Древний Минск (1987) – холст, масло

Старый Минск (?) – картон, масло

На Свислочи (1992) – картон, масло

Свислочь раскрывается (1992) – картон, масло

Минская ТЭЦ (?) – холст, масло

Матукоўскі Мікалай

Мінск (1982) – документальная повесть о минском подполье

Мацуро Юлия

Весенний Минск (2012) – бумага, акварель

Возле Оперного театра (2013) – бумага, акварель

Троицкое предместье (2013) – бумага, акварель

Площадь Победы (2013) – бумага, акварель

Прогулка (2014) – бумага, акварель

Заснеженный город (2015) – холст, акрил, масло

Красный костел (2016) – холст, акрил, масло

Врата города (2016) – холст, акрил, масло

Пряничные домики Троицкого предместья (2016) – холст, акрил, масло

Городская ратуша. Воскресный день (2016) – холст, акрил, масло

Улица Карла Маркса (2016) – холст, акрил, масло

Улица Володарского (2016) – холст, акрил, масло
Начало сентября (2016) – холст, акрил, масло
Минский дворик (2016) – холст, акрил, масло
Оперный театр (2016) – холст, акрил, масло
Дорога к шпилью (2016) – холст, акрил, масло
Панорама города (2016) – холст, акрил, масло
Туманный Минск (2016) – холст, акрил, масло
Рождественская ночь (2016) – холст, акрил, масло

Медведев Иван

Институт физкультуры (1958) – бумага, литографские карандаши (Белорусский государственный архив научно-технической документации)

Почтамт (1958) – бумага, литографские карандаши (Белорусский государственный архив научно-технической документации)

Дом офицеров (1958) – бумага, смешанная техника (Белорусский государственный архив научно-технической документации)

Мележ Иван

Минское направление (1954) – роман

Минская ратуша и площадь Высокого рынка – рисунок неизвестного художника

Мінскевіч Серж

«Менскія санэты» (2000–2002) – цикл стихотворений

Минчанин С. (?)

Еврей из Минска (1936?) – роман

Міронаў Аляксандр

За пераездам... (1967) – очерк

Михайловский Владимир

Заводской поселок. ТЭЦ-1 (1952) – картон, масло

Город строится (1962) – картон, масло

Мовчан Михаил

Заводскі раён (?) – литография

Мозолев Александр

Минск. Площадь Победы (1960) – холст, масло

Монозон Монос

Вступление Красной армии в Минск 11 ноября 1920 года (1937)

Минск. Ленинская улица (1944) – бумага, цветной карандаш
(Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Возрождение Минска (вторая половина 1940-х гг.) – холст, масло

Строительство Минска (вторая половина 1940-х гг.) – холст, масло

Минск трудовой (вторая половина 1940-х гг.) – холст, масло

Воскресник по восстановлению г. Минска (1947) – холст, масло
(Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Минск предпраздничный (1950-е) – холст, масло

Минский тракторный – полям (1957) – холст, масло

Утро в Заводском районе (1958) – холст, масло

Комаровка (1980) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Моношко Чеслав

Минск. Верхний город (1830-е) – акварель (Варшавское музыкальное товарищество)

Большая Слепянка (1830-е) – акварель (Варшавское музыкальное товарищество)

Дворик на улице Волоцкой (1830–1840-е гг.) – рисунок

Вид Минска со стороны дома Э. Ваньковича (1849) – рисунок
карандашом (Варшавское музыкальное товарищество)

Навуменка Иван

Афрыка ў Мінску (1967) – рассказ

Наливаев Анатолий

Харальная синагога – акварель (1945), темпера (1966)

Спалучэнне Савецкай і Ангельса – акварель (1945), темпера (1968)

Плошча Свабоды. Былыя яўрэйскія гандлёвыя рады – акварель (1946), темпера (1967)

Выгляд на вул. Замкавую і мячэць – акварель (1947), темпера (1967)

Вул. Берсана – акварель (1947), темпера (1967)

Халодная сінагога – акварель (1947), темпера (1967)

Пярэспа і від на вінакурна-дражджавы завод Урэвіча – акварель (1947), темпера (1967)

Былая сінагога – акварель (1947), темпера (1967)

Выгляд Траецкай гары – акварель (1948), темпера (1964)

Гандлёвая набярэжная (1964) – ДВП, темпера, зроблена па акварэлі 1948 г.

Палац Чапскіх каля будынку МУС – акварель (1948)

Вул. Астроўскага – акварель (1958), темпера (1969)

Малітоўны дом на Дзімітрава (1964) – темпера

Камсамольскае возера (1965) – темпера

Вул. Няміга (1965) – темпера

Вул. Герцэна (1965) – темпера

Куток Нямігі (1966) – темпера

Мінск. Цэнтральная плошча (1967) – акварель (частная каллекцыя)

Вул. Гандлёвая (1967) – темпера

Вул. Старавіленская (1969) – темпера

Касцёл Св. Юзафа і гандлёвыя рады (?) – темпера

Вул. Замкавая (?) – темпера

Рог Дзімітрава і Замкавай (?) – темпера

Гасціны двор (?) – темпера

Ракаўскае прадмесце (?) – темпера

Траецкае і Оперны (?) – темпера

Куток вул. Старавіленскай – темпера

Вул. Ракаўская (?) – темпера

Сінагога ў Траецкім (1987) – темпера

Выгляд на Нямігу з пл. Свабоды (?) – темпера

Наумчык Алексей, Сорокин Антон

«Beat of Minsk» (2013) – аўдыовізуальны перформанс

Небылицкий Борис (реж.)

Мы живем в Минске (1958) – документальный фильм

Некрасов Всеволод

Из минских заметок (2004) – стихотворения

Некрасова Светлана

Беларускі балет (2013, 2015) – памятные монеты (дизайн)

70 гадоў вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў
(2014) – памятная монета (дизайн)

Непомнящий Борис

Старая баня (1949) – холст, масло

Минск (1949) – холст, масло

Уголок старого Минска. Немига (1950) – холст, масло

Крыши старого Минска (1950)

Новиков Иван

Трилогия «Минский фронт»:

Руины стреляют в упор (1962) – документальная повесть

Дороги скрестились в Минске (1966) – документальная повесть

До рассвета близко (1976) – документальная повесть

Бессмертие Минска (1977) – сборник публицистики

Минск – город-герой (1986) – сборник публицистики

Новоселова Ольга

Мінск. Сталіцы краін ЕўрАзЭС (2008) – памятная монета (дизайн)

Нацыянальная акадэмія навук Беларусі. 80 гадоў (2009) – памятная
монета (дизайн)

Чэмпіянат свету па хакеі 2014 г. Мінск-арэна (2012) – памятная
монета (дизайн)

Чэмпіянат свету па хакеі 2014 г. Чыжоўка-арэна (2013) – памятная
монета (дизайн)

Алімпійскі рух Рэспублікі Беларусь (2016) – памятная монета
(дизайн)

Няхай Рыгор

Мінскія замалёўкі (1947–1948) – рассказ

Орда Наполеон

Иезуицкий костел и коллегиум (вторая половина 1860-х – 1870-е) – акварель

Пакладок Уладзімір

Мінск (2010) – стихотворение

Панчанка Пімен

Слова пра Мінск (1967) – стихотворение

Зялёны Мінск, стары твой сад пасекла... (?) – стихотворение

Песецкий Сергей

Вогот посу гоўні (Багам ночы роўныя) (1938) – роман
«Яблочко», «Гляну я в окошко...», «Никто не даст нам
избавленья...» (1946–1947) – роман-трилогия

Пестрак Піліп

Слова пра Мінск (1968) – поэма

Пешка Юзеф (Пешко Иосиф)

Высокая площадь в Минске (начало XIX в.) – акварель
Имение Лошица (начало XIX в.) – акварель
Вид улицы Волоцкой (начало XIX в.) – акварель (отдел искусств
Львовской научной библиотеки им. Стефаника)
Дом Яна Бойкова (начало XIX в.) – акварель

Пешкун Василий

Свислочь (2001) – холст, масло
Минские будни (2004) – холст, масло
Непогода (2005) – холст, масло
Мокрый день (2005) – холст, масло
Прогулка вдоль реки (2005) – холст, масло
Зимний парк (2006) – холст, масло
Улица Немига (2006) – холст, масло

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

На Немиге (2006) – холст, масло
Минские дворики (2006) – холст, масло
Вечереет (2007) – холст, масло
В ноябре (2007) – холст, масло
Мокрый проспект (2007) – холст, масло
Привокзальная площадь (2007) – холст, масло
Площадь Якуба Коласа (2007) – холст, Масло
Площадь Свободы (2007) – холст, масло
Памятные места (2007) – холст, масло
Пустой парк (2007) – холст, масло
Ранняя весна (2007) – холст, масло
Зимняя прогулка (2008) – холст, масло
В праздничный день (2008) – холст, масло
Вокзал (2008) – холст, масло
Минская весна (2008) – холст, масло
Ночная улица (2008) – холст, масло
Места встреч (2008) – холст, масло
Минские достопримечательности (2008) – холст, масло
Желтеющий парк (2008) – холст, масло
В праздничный день (2008) – холст, масло
Городской этюд (2009) – холст, масло
Над шпилем (2009) – холст, масло
Церковь Марии Магдалины (2009) – холст, масло
В парке Я. Купалы (2009) – холст, масло
Осенний Минск (2009) – холст, масло
Набережная Свислочи (2009) – холст, масло
Перекресток (2009) – холст, масло
Улочка (2009) – холст, масло
На Немиге (2010) – холст, масло
Минск. Конец лета (2010) – холст, масло
Места прогулок (2010) – холст, масло
Старый район (2010) – холст, масло
Солнечный октябрь (2010) – холст, масло
Лужи (2011) – холст, масло
Теплый август (2011) – холст, масло
Ночной город (2011) – холст, масло
Вокзал (2012) – холст, масло

На Немиге (2012) – холст, масло
Теплый октябрь (2012) – холст, масло
Вокзал. Оттепель (2013) – холст, масло
Ночь (2016) – ДВП, масло
Ночной проспект (2016) – ДВП, масло
Осень в городе (2016) – ДВП, масло

Повесть временных лет (начало XII в.) – летописный свод

Пономарев Георгий

Серия «Минск» (2011) – ДВП, акрил
Мінск. Калядкі. Траецкае (2011) – холст, акрил
Серии работ «Минск» (2007–2012) – ДВП, акрил
Вечерний Минск (2012) – ДВП, акрил

Протасеня Иван

Максим Богданович и Зоська Верас в Минске. 1916 (1982) –
рисунок карандашом

Прохараў Уладзімір (муз.), Карызна Уладзімір (сл.)

Горад вясны (?) – песня

Радивилко Татьяна

Банкаўская сістэма. 75 гадоў (1997) – памятная монета (дизайн)
Дзень Незалежнасці Рэспублікі Беларусь. Дзень Рэспублікі
(1997) – памятная монета (дизайн)
Мінск. Гарады Беларусі (1999) – памятная монета (дизайн)

Раінчык Васіль (муз.), Някляеў Уладзімір (сл.)

Родны мой горад (?) – песня

Рамановіч Яўген

«Беларуская хатка» (1967) – очерк

Рей Иван

Церковь Марии Магдалины (2000) – холст, масло

Римашевский Игорь

Ледяные узоры (1999) – холст, акрил
Первый снег (1999) – холст, акрил
Искусство принадлежит народу (2000) – холст, акрил
Городские сплетни (2000) – холст, акрил
Золотые листья (2001) – холст, акрил
Любимое место (2001) – холст, акрил
Круглая площадь (2007) – холст, акрил
В Минск пришла весна (2007) – холст, акрил
Заповедник (2008) – холст, акрил
Наш музей (2009) – холст, акрил
Минский пленэр (2009) – холст, акрил
Премьера (2009) – холст, акрил
Первый трамвай (2010) – холст, акрил
Пожарная дружина (2011) – холст, акрил
Ледниковый период (2011) – холст, акрил
Проспект Франциска Скорины (2011) – холст, акрил
Перерыв на обед (2011) – холст, акрил
Все – на футбол! (2011) – холст, акрил
Минский пленэр (2011) – холст, акрил
Место встречи (2011) – холст, акрил
Наш музей (2011) – холст, акрил
Я покажу тебе Минск (2011) – холст, акрил
За чистый город (2012) – холст, акрил
Теплый день (2012) – холст, акрил
Стадион «Динамо» (2013) – холст, акрил
Ностальгия (2013) – холст, акрил
Любимый город не может спать спокойно (2013) – холст, акрил
Кино моего детства (2014) – холст, акрил
Экскурсия (2014) – холст, акрил
Александровский сквер (2014) – холст, акрил
Любимый театр (2014) – холст, акрил
Стадион Динамо (2015) – холст, акрил
Чайка (2015) – холст, акрил
Отдыхай (2015) – холст, акрил
Герой января (2016) – холст, акрил

Ледяные узоры (2016) – холст, акрил
Праздник города (2016) – холст, акрил

Рожков Евгений

Велозавод строится (1949) – холст, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Вид на элеватор из Парка Челюскинцев. Минск (1947) – холст, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Романов С. Р.

Первый день советской власти в Минске (?) – картина

Рудак Антон

Трамвай (2009) – стихотворение

Чароўная песня Нямігі (2009) – стихотворение

На вакзале (2009) – стихотворение

Пурпуровае неба над горадамі М. (2009) – стихотворение

Рушиц Фердинанд

Минская зима (Mińsk zima, 1895) – рисунок (Варшава)

Сабаленка Раман

Першы пробны (1967) – рассказ

Сабатъе Жан-Батист

Соборная площадь в Минске (1840) – литография по рисунку Бартеlemi Ловерня (Национальный музей истории и культуры Беларуси)

Савёнак Лявон

Запіскі эмігранта (1950-е) – повесть

Саладкоў Цімафей

Векапомны семнаццаты (1967) – очерк

Светлицкий Сергей

Серия акварельных рисунков Минска (1944–1945) (Белорусский государственный архив научно-технической документации)

Минск. Дом Сапеги (1944) – бумага, карандаш, акварель

Немигская улица города Минска (1944) – бумага, карандаш, акварель, тушь

Доминиканский монастырь. Начало XVIII века (1944) – бумага, акварель, карандаш

XVII век. Бернардинский мужской монастырь Минска (1944) – бумага, карандаш, акварель

Улица Кирова около Дома Красной армии. Вид с берега реки (1944) – бумага, картон, акварель, карандаш

Улица Ленина. Вид на площадь Свободы (1944) – бумага, карандаш, акварель

Площадь Свободы со стороны старого Минска (1944) – бумага, карандаш, акварель

Дом Ваньковичей (1945) – бумага, карандаш, акварель

Селиханов Константин

Мельница Переспы (2010) – скульптура

Семеняко Юрий (муз.)

Баллада о городе-герое (1984), Бачило Алесь (сл.) – песня

Признание городу (1964), Бачило Алесь (сл.) – кантата

Величальная Минску (1967), П. Хорьков (сл.) – кантата

Чатыры штыкі над Мінскам (?), Бровка Пятрусь (сл.) – песня

Silen

Глеб Менскі (2015) – граффити на улице Чкалова, 34

Скрипниченко Георгий

Район Немиги (1960-е) – бумага, гуашь

Верхний город (1961) – графика (смешанная техника)

Вид с Оперного театра на Верхний город (1961) – графика (смешанная техника)

Троицкое предместье (1962) – графика (смешанная техника)

Минск старый (1962) – графика (смешанная техника)

Тюрьма (1962) – графика (смешанная техника)
Немига (1962) – графика (смешанная техника)
Парк Горького (1962) – графика (смешанная техника)
Пивзавод (1962) – бумага, гуашь
Татарская мечеть (1962) – бумага, гуашь
Уголок старого Минска (1962) – графика
Минск (1963) – ДСП, масло
Улица Варвашени (1963) – графика (смешанная техника)
Немига. Екатерининская церковь (1963) – графика (смешанная техника)
Двор старого Минска (1965) – картон, масло
Немига (1965) – бумага, гуашь
Над Свислочью (1972) – графика (смешанная техника)
В старом городе (1978) – холст, масло

Скрыган Янка

Падзяка (1934) – рассказ

Слово о полку Игореве (конец XII в.) – памятник средневековой художественной литературы

Слука Кирилл (сл.), Ковалев Сергей (муз.)

Минск – это я (1990-е) – песня

Соборная площадь с ратушей и костелом (конец XVIII – начало XIX в.) – рисунок неизвестного художника

Соколов Владимир

Минск горит (1947) – холст, масло (Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны)

Сплошнов Сергей

Любовью надо дорожить (1959) – художественный фильм

Станюта Александр

Стефания (1994) – воспоминания

Городские сны (2009) – роман

Западный мост (2009) – повесть

Минская любовь (2011) – роман

Станюта Михаил

Портрет дочери (1923) – темпера (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Строительство Университетского городка (1929)

Разрушенный Минск (1944)

Центральный сквер (1951)

Зимой в парке (1965)

Стащенко Виктор

Вуліца Койданаўская (1980-е гг.) – реконструкция

Вуліца Ракаўская. Петрапаўлаўскі сабор (1980-е гг.) – реконструкция

Манастыр бенедыктынак у Мінску, канец XVIII ст. (1986) – реконструкция

Мінск у пачатку XIX ст. У Верхнім горадзе. Царква Святога Духа. Ратуша (1986) – автолитография (частное собрание)

Мінск у 30-х гадах XIX ст. Дом Станіслава Манюшкі (1986) – автолитография (частное собрание)

Мінск у 50-я гг. XIX ст. Куток Верхняга горада (1986) – автолитография (частное собрание)

Гарадская сядзіба Ваньковічаў (1988) – автолитография (частное собрание)

Мінскі замак (?) – реконструкция

Стельмашонок Владимир

Строительство Дворца профсоюзов (конец 1940-х – начало 1950-х) – карандаш, акварель, уголь, бумага (Белорусский государственный архив научно-технической документации)

Проспект им. Сталина (1955) – картон, масло (галерея «Дом картин»)

Молодые строители Минска (1957) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)

Стельмашонок Сергей

Иллюстрации к книге Михаила Володина «Наш старый добрый Вавилон. Прогулка по городу в Минских историях» (2014)

Стоцкий Сергей

Сумерки (1996) – холст, масло

Тихая жизнь (2003) – холст, масло

Утро (2003) – холст, масло

Рядом площадь Свободы (2011) – холст, масло

Улица Интернациональная в 1990 г. (2011) – холст, масло

«От Менска до Минска» (2013) – серия художественных полотен

Весна (2013) – холст на картоне, масло

Лето (2013) – холст на картоне, масло

По улице Кузьмы Чорного (2016) – холст, масло

Струков Дмитрий

Екатерининский собор (1864–1867) – акварель

Католический кафедральный собор (1864–1867) – тушь, акварель

Прилуки (1864–1867) – акварель

Сумарев Василий

Иней (1966) – холст, масло

ТЭЦ-2 (1968) – холст, масло

Воскресенье (1968) – холст, масло

Октябрь (1970) – холст, масло

Веселая зима в Лошице (1970) – холст, масло

Мой дом (1972) – холст, масло

Скоро Новый год (1974) – холст, масло

Праздник зимы в Тракторном поселке (1983) – холст, масло

Сямёнаў Дзмітры

Дзённяк 1943–1947

Танк Максім

Табе складаю гэты гімн (1949) – стихотворение

Тарас Валентин

Минска улiцы родныя (1959) – сборник поэзии

Тарасевич Ольга

Сокровище князей Радзивиллов (2010) – роман

Тарасиков Николай

Минск. Площадь Свободы (1940) – холст, масло

Ткачев Владимир

Минск. 1970-е гг. – серия живописных работ

Ткачук Василий

Новае наступае (?) – графика

Ленінскі праспект (?) – графика

На реке Свислочь (1970-е) – цветная линогравюра

Трахименок Сергей

Записки «черного полковника» (2010) – роман

Третьяков Николай (муз.), Курлович (сл.)

Город распустившихся каштанов (?) – песня

Тройер Фриц (?)

Мечеть. 1943 год – рисунок

Тычина Анатолий

Старый Минск (1922) – линорит

Мінск. Дом на Камсамольскай вуліцы (былая Багадзельная)
(1924) – линорит

Под ратушей (1926) – тушь

Стары Менск (1930) – линорит (Национальный художественный
музей Республики Беларусь)

Вуліца ў Мінску (1930-е) – рисунок карандашом (Белорусский
государственный архив-музей литературы и искусства)

Улица в Минске (1930-е)

Библиотека им. В. И. Ленина (1930-е) – линогравюра

Площадь Свободы (1931)

Савецкая вуліца ў 1932 годзе – тушь, белила

Менск. Савецкая вуліца (1933) – литография

Минск. Советская улица (1940) – линогравюра
 Дом Красной армии им. К. Е. Ворошилова в Минске (1940) –
 литография

Разрушенный Минск (1945) – карандаш
 Восстановление Минска (1945)
 Возрождение Минска (1948)
 Улица Карла Маркса (1950-е) – цветная линогравюра
 Комсомольская улица (1950-е) – цветная линогравюра
 Домік, у якім праходзіў І з'езд РСДРП (?) – литография
 Минский вокзал – линогравюра
 Новый Минск. Проспект им. И. В. Сталина (1952) – цветная линорит
 Новые дома на Привокзальной площади (1952) – цветная линорит
 Над рекою Свислочь (1954) – бумага, акварель (частное собрание)
 Площадь Победы (1956)
 У сквера Я. Купалы (1957)
 900 лет Минску (1967)
 Дворец профсоюзов (1971)
 Восток I и Восток II (1973)
 Дирижер улицы (1976)
 На Детской железной дороге (1984)

Тышкевич Юрий

Апрель. Солнечный день (1960) – линогравюра
 Салют (1970-е) – цветная линогравюра

Федосенко Роман

Каток на Октябрьской площади (2011) – холст, масло
 Улочка старого Минска (2011) – холст, масло
 Старый Минск. Привокзальная площадь (2012) – холст, масло
 Минск. Уличное кафе (2012) – холст, масло
 Минск. Александровский сквер (2012) – холст, масло
 Минск. Улица Ульяновская (2013) – холст, масло
 Аллея у Оперного (2013) – холст, масло
 Старый Минск. Соборная площадь (2013) – холст, масло
 Большой театр (2013) – холст, масло
 Дворик Троицкого предместья (2013) – холст, масло
 Минск. Ворота города (2014) – холст, масло

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Отель «Европа» (2014) – холст, масло
Мой Минск (2014) – холст, масло
Улица Ленина (2014) – холст, масло
Красный костел (2014) – холст, масло
Вечерний Минск (2014) – холст, масло
Осмоловка (2014) – холст, масло
Дом под шпилем (2014) – холст, масло
Минск. Кафедральный собор (2014) – акварель
Улица Ленина. Полдень (2015) – холст, масло
Улица Ленина. Полночь (2015) – холст, масло
Улица Карла Маркса (2015) – холст, масло
Ратуша (2015) – акварель
Зимой в парке (2015) – холст, масло
Минск. Улица Кирова (2016) – холст, масло

Филипенко Саша

Бывший сын (2014) – роман

Филиппович Михаил

Битва на Немиге (начало 1920-х) – холст, масло (Национальный художественный музей Республики Беларусь)
Былы Свята-Духаў манастыр. Уваход (1924) – графика
Муры Свята-Духаўскага манастыра (1924) – графика
Холодная синагога (1924) – акварель
Синагога на Школьном дворе (1925) – бумага, тушь, акварель
Гарадскі пейзаж (1921–1930)
1905 год в Минске (1932)

Хадкевіч Тарас

Мінскі трактар (1967) – очерк

Хведаровіч Мікола

Красуй, наш Мінск (1967) – стихотворение

Хубов Никита

Праздничный альбом (1967) – документальный фильм
На нашей улице праздник (1967) – документальный фильм

Цвирко Виталий

Руины Минска (1944) – картон, масло

Разлив в Минске (1945) – картон, масло

Цеслер Владимир

С приветом из Минска (2008) – серия открыток

Чепик Михаил

Панорама Мінска (?) – картон, масло

Старый Минск (1960) – бумага, акварель

ЦУМ строится (1962) – бумага, акварель

Улица Я. Купалы (1989) – бумага, гуашь

Чепик Сергей

Утро над городом (1954) – холст, масло

Парк Горького (1959) – холст, масло

Четвериков Виталий

Руины стреляют... (1970) – шестисерийный телевизионный художественный фильм

Чикин Владимир

Фотопроект «Балет & Город. Минск» (2014) – серия фотографий

Чорны Кузьма

Сястра (1927) – раман

Мінск (1937) – эссе

Шалимо Елена

Фотопроект «НеМой Минск» (1950–2016) – серия фотографий

Шамякін Іван

Гандлярка і паэт (1976) – повесть

Шарков Владимир

Вход в Александровский сквер (из серии «Минск стародавний

и молодой») (2005) – литография

Городская ратуша с видом на Мариинский кафедральный костел (из серии «Минск стародавний и молодой») (2005) – литография

Монумент на площади Победы (из серии «Минск стародавний и молодой») (2005) – литография

Минск. Привокзальная площадь (2006) – цветная литография

Церковь Св. Александра Невского (2006) – цветная литография

Лошицкий парк. Дом эконома (2006) – цветная литография

Минск. Трамвай. Год 1938 (из серии «История транспорта») (2007) – цветная литография

Минск. Крыши Немиги (2010) – ДВП, акрил, масло

Минск. Верхний город (2010) – ДВП, акрил, масло

Минск. Зимний день (2010) – ДВП, акрил, масло

Минск. Весенний пейзаж (2011) – холст на ДВП, масло

Минск. Розовое утро (2011) – холст на ДВП, масло

Минск. Верхний город. Старые кварталы (2012) – акрил по бумаге, наклеенной на холст

Минск. Утро в Верхнем городе (2012) – холст, масло

Минск (2012) – холст, масло

Минск (2012) – акрил по бумаге, наклеенной на холст

Минск. Гостиница «Европа» (2012) – акрил по бумаге, наклеенной на холст

Панорама Верхнего города со стороны Раковского предместья (2012) – акрил по бумаге, наклеенной на холст

Минск. Улица Коммунальная (2012) – холст, масло

Минск. Площадь у вокзала (2012) – акрил по бумаге, наклеенной на холст

Минск. Зимний пейзаж (2014) – холст, масло

Минск стародавний (2014) – холст, масло

Минск. Верхний город (2015) – холст, масло

Минск. Зимний мотив (2015) – холст, масло

Минск. Вид на костел Девы Марии (2015) – холст, масло

Шауро Григорий

В Троицком предместье Минска (1983) – бумага, акварель

В Лошицком парке (1998) – бумага, карандаш

Шварцман Леонид

Старый Минск. Воспоминания детства (серия картин) (вторая половина 1990-х гг.) – картон, гуашь:

Мой двор, утром на солнышке

Наша улица

С папой в синагоге

X лет Октября

Из школы – домой за уроки

Наши игры во дворе

Шибнев Анатолий

Над Свислочью (1944) – холст, масло

Площадь Свободы (1944) – холст, масло

Шрайбер Иоганн Георг

Гравюра Минска (1772)

Шульман Иосиф

Новый Минск (1954) – документальный фильм

Шушкевич Станіслаў

Родны горад (1967) – воспоминания

Щемелев Леонид Дмитриевич

Вечер в Лошице (1978–1979) – полотно на фанере, масло

Зима в Минске (1992) – ДВП, масло

Вечерний Минск (2000) – холст, масло

Этингер Яков

Это невозможно забыть (2001) – воспоминания

Юзвук Валерий

Минск (1999) – холст, масло

Иллюстративный материал

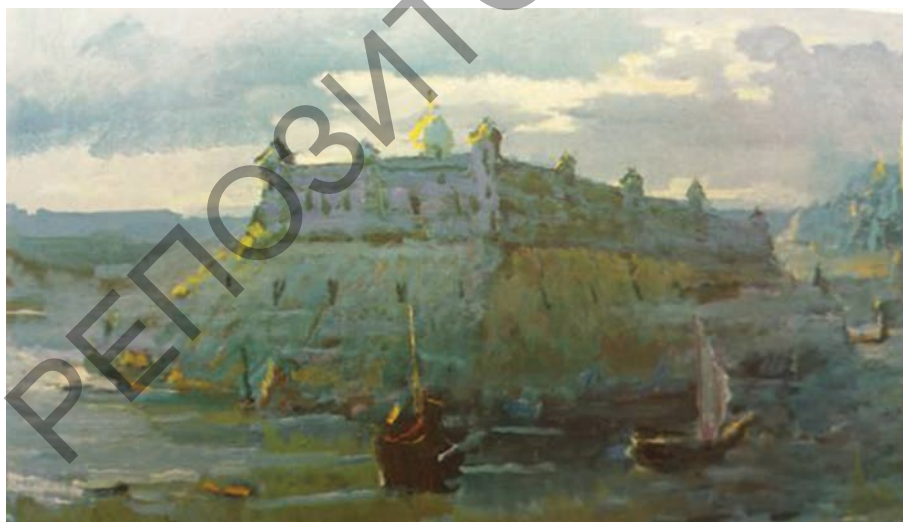
В. П. Кульвановский.
Старый Минск. 1962

Мельница Менеска,
установленная в Центральном детском
парке им. М. Горького. 1980-е гг.

М. Филиппович. Битва на Немиге. 1922

П. Маслеников. Древний Минск. 1987

Граффити на улице Чкалова, 34.
Silen, 2015

Памятная монета «Глеб Менскі».
Национальный банк Республики Беларусь.
Дизайн С. Заскевич, 2007

Дом Яна Бойкова. Фрагмент акварели
Ю. Пешки. XIX в.

Наполеон Орда. Иезуитский костел
и коллегиум.
Вторая половина 1870-х гг.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Костел Симона и Алены

Минское барокко. 2012

Костел Девы Марии

Церковь Петропавловская

Церковь Марии Магдалины

Графические работы А. Кашкуровича

М. Аксельрод. Из серии «Воспоминания о старом Минске». 1960-е гг.

М. Аксельрод. Утро. Из серии «Воспоминания о старом Минске». 1968

С. Герус. Линогравюра. 1950-е гг.

М. Аксельрод. Минск. 1928

М. Данциг. Древний и новый Минск. 1960

И. Басов. Минск. Центр. 1964

М. Аксельрод. Минск. 1930-е гг.

С. Светлицкий. Доминиканский костел. 1944

М. Аксельрод. Красный дом. 1928

М. Аксельрод. Минский пейзаж. 1930

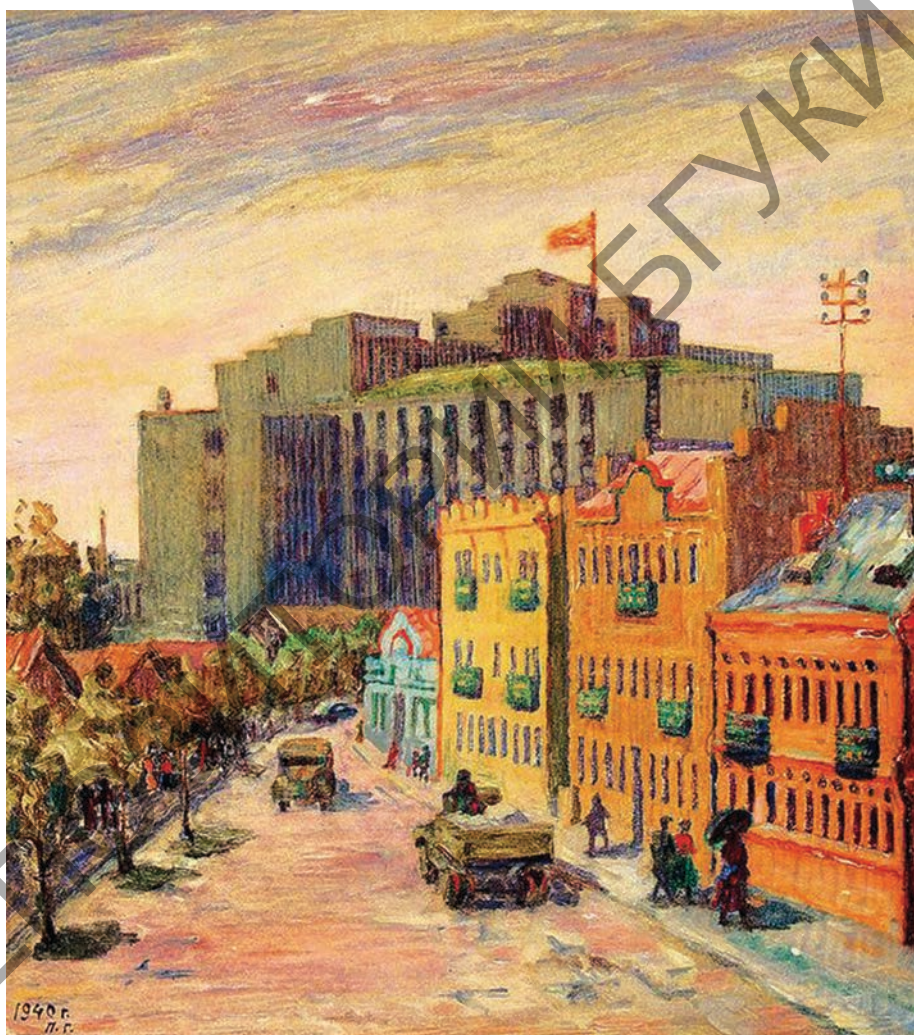
А. Глобус. Краявід з Домам афіцэраў. 2014

П. Гавриленко. Улица Московская. 1936

А. Тычина. Над рекою Свислочь. 1956

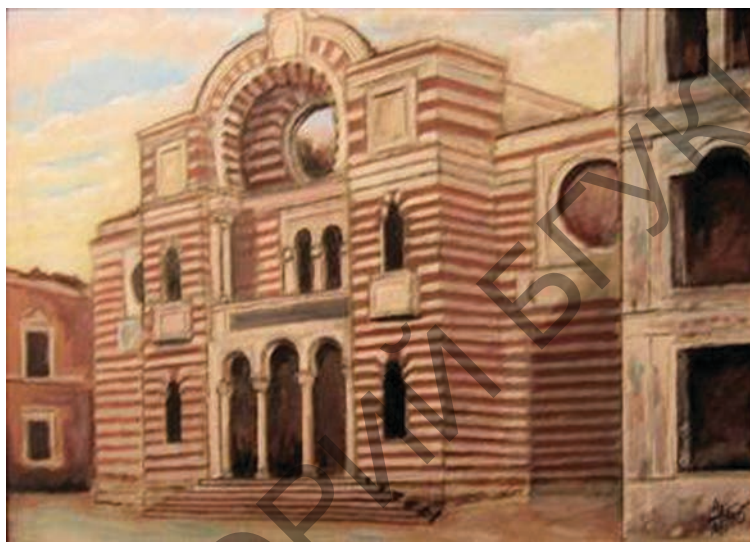
П. Гавриленко. Минск. Дом правительства. 1940

М. Данциг. Минск. Площадь Ленина. 1959

Юбилейный значок, подаренный Эдварду Войниловичу членами Минского товарищества сельского хозяйства в 25-ю годовщину его работы в товариществе. Дизайн Г. Вейсенгофа. 1913

А. Наливаев. Хоральная синагога Минска. 1945.
Сегодня – Национальный академический драматический театр
имени М. Горького

Я. Дроздович. Татарские болота. 1920

В. Кульвановский. Татарские огороды. 1950-е гг.

А. Наливаев. Татарские огороды. 1967 г. по акварели 1947 г.

О. Марикс. Старые торговые ряды. 1945

В. Цеслер. Из серии «С приветом изъ Минска». 2008

А. Тычина. Минск. Советская улица. 1933

А. Бархатков. Проспект имени Сталина. 1952

И. Римашевский. Круглая площадь. 2007. Сказочный реализм

М. Данциг. Минск. Площадь Победы. 1972. Суровый стиль

Л. Щемелев. Вечерний Минск. 2000

**Б. Аракчеев. Площадь Свободы. Первомай – праздник
для всех (1966–1967)**

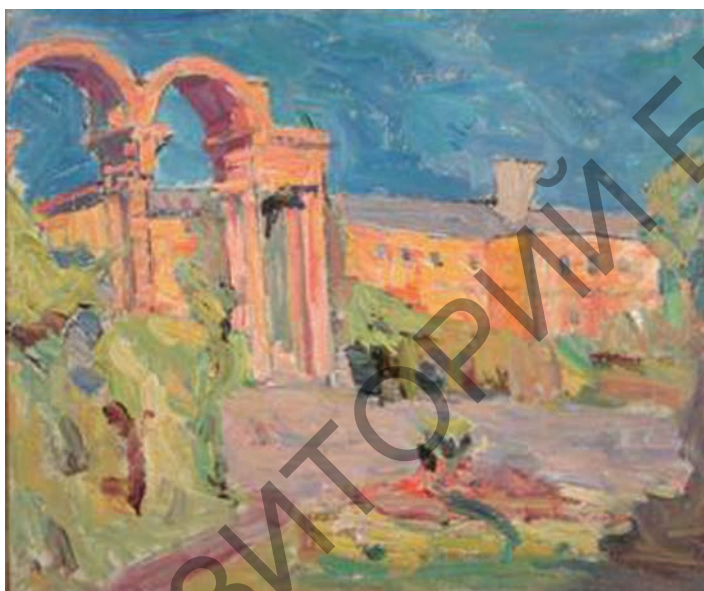

В. Сумарев. Октябрь. 1967–1970

Люблю я вас, мінскія святы, —
чырвоныя рэкі сцягоў.
П. Панчанка «Мінскія святы»

В. Сумарев. Мой дом. 1972

И. Басов. Арка стадиона. Начало 1960-х гг.

В. Пешкун. Минск. Конец лета. 2010

В. Пешкун. Вокзал. 2008

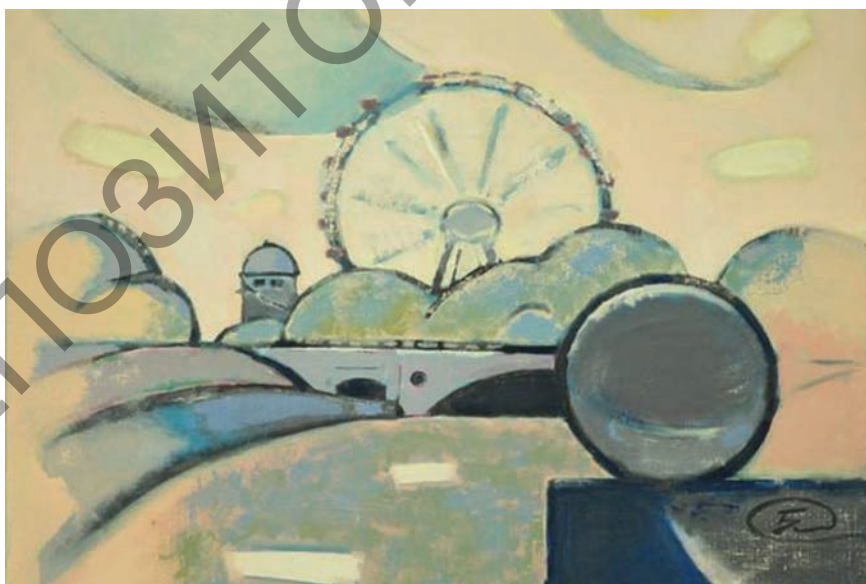
В. Пешкун. На Немиге. 2010

В. Пешкун. Привокзальная площадь. 2007

А. Тычина. Минский вокзал. Линогравюра

Д. Барсуков. Проспект. Коммунистическая, 1. 2015

В. Цеслер. Из серии «С приветом изъ Минска»

В. Цеслер. Из серии «С приветом изъ Минска»

В. Цеслер. Из серии «С приветом изъ Минска»

Переосмысление памяти об СССР. Стрит-арт-объект (октябрь 2016) на каштановой аллее возле ВДНХ на улице Янки Купалы, где в годы БССР деревья высаживали делегации из советских республик и стран социалистического лагеря

Открытие памятника Ленину в сквере «70 лет МТЗ». 7 ноября 2016 г.

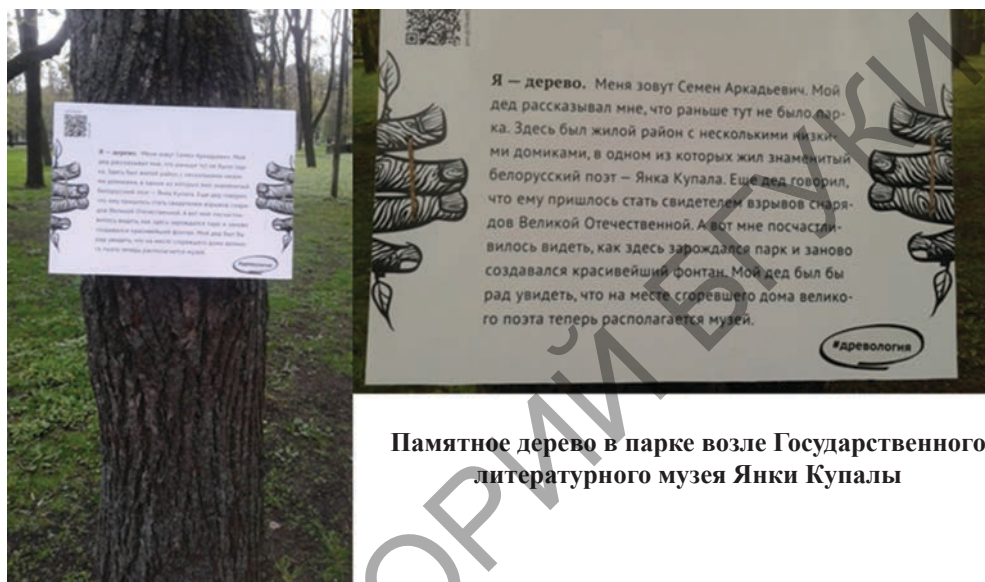

**Обретение иконы Божией Матери. Скульпторы Д. Оганов,
И. Зосимович, архитектор С. Багласов. 2015**

**Дом милосердия выполнен в форме шестиконечного креста
Евфросинии Полоцкой – символа Беларуси.
Архитектор Л. Н. Погорелов. 2002**

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Памятное дерево в парке возле Государственного литературного музея Янки Купалы

Бразильско-белорусский фестиваль урбан-арта «Vulica Brasil 2016» на улице Октябрьской. Муралы на одном из корпусов завода МЗОР

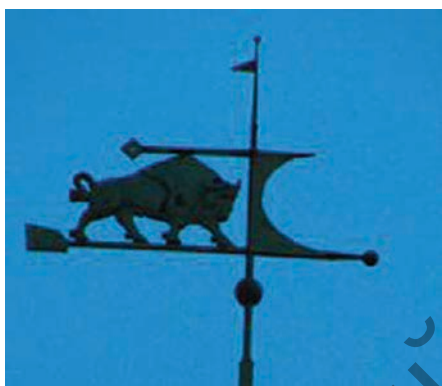
Символ чемпионата мира по хоккею зубр Волат
на улицах Минска. 2014

Зубр – символ Минского автомобильного завода

**Изображение зубра украшает грузовой болид для ралли-рейдов
МАЗ-5309RR, созданный на Минском автомобильном заводе**

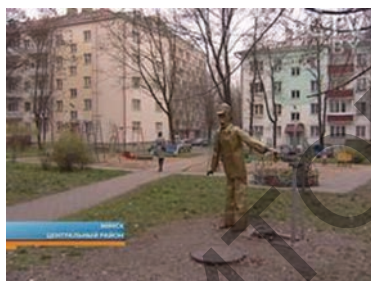

Здание Управления Минского метрополитена построено в 1984 г. по проекту архитекторов Ю. Григорьева и Д. Кудрявцева.
50-метровая башня увенчана кованым флюгером в виде зубра

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Мотивы случких поясов в декоративном оформлении городских архитектурных объектов

«Сантехник»
на ул. Короля, выполненный
в стиле ресайкларт (recycle art)
из вторсырья. 2012

Скульптура «Торговец»
у входа «Западного рынка»,
ул. Бурдейного (скульпт. И. Зосимович,
Е. Зантария), 2014

Скульптура «Дворник»
на ул. Лилии Карастояновой
(скульпт. В. Рутковский). 2012

Скульптурная композиция «Учительница первая моя» у входа в БГПУ им. М. Танка (скульпт. Д. Бубновский, худ. А. Шомов). 2014

Барельеф в память о К. Э. Чапском на здании пивоваренного завода
«Аліварія» (скульптор П. Войницький). 2014

Граффити-портрет графа К. Э. Чапского, выполненный в трафаретном стиле на стене здания бывшего металлообрабатывающего завода (МЗОР), построенного в 1907 г., улица Октябрьская, 16, художник С. Русак (Izum), эскиз И. Юхневича, 2015

Научное издание

Соколова Ольга Михайловна

**МИНСКИЙ ТЕКСТ:
ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ
СТОЛИЧНОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ПОМЕЖЬЯ**

Редактор В. В. Коташвили
Технические редакторы: А. В. Гицкая, А. И. Пармон
Дизайн обложки А. И. Пармон

*В оформлении обложки использованы работы
В. А. Фаворского «Автор “Слова о полку Игореве”»,
В. П. Пешкуна «Места прогулок»*

Подписано в печать 13.09.2017. Формат 84х108 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 43,75. Уч.-изд. л. 37,55. Тираж 50 экз. Заказ 318.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/177 от 12.02.2014.
ЛП № 02330/456 от 23.01.2014.
Ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск.